Vop...
LIBRARY OF THE
FEB 6 1961
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

Тайпин юйлань. Ли Фан дэн чжуань (Энциклопедический словарь о восстании тайпинов. Сост. Ли Фан и др.). Тт. 1-4. Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1960.

СЮ СЮЙ-ШЭН. **Чжунго гушиды гуаньшо шидай** (Мифический период древней истории Китая). Пекин, Кэсюе чубаньшэ. 1960. III, 305 стр.

Ли Хун-чжан чжи пань Дин-синь шучжа (Письма Ли Хун-чжана к пань Дин-синю). Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1960. 130 стр.

ДАНКИН Ц. **Под сянката на бесилката.** 3-о изд. София. Профиздат. 1960. 323 с.

SZILÁGYI S. **A Német munkásosztály harca két szakszervezeti kongresszus tükrében.** Budapest. Táncsics Könyvkiadó. 1960. 39. old.

Kina Rövid története. Budapest. Gondolat. 1960. 375. old.

Magyarorszag müvelödési viszonyai 1945-1958. Budapest. Közgazdasási és jogi Könyvkiadó. 1960. 342. old.

BALAN T. **Din istoricul Cîmpulungului Moldovenesc.** Bucureşti. Ed. ştiinţifică. 1960. 340 p.

GEORGESCU T. şi FODOR L. **Răscoala ţăranilor din Valea Ghimeşului.** Bucureşti. Ed. politică. 1960. 156 p.

GHEORGHIU-DEJ GH. **Raport la Cel de al III-lea Congres al Partidului Muncitoresc Romîn.** Bucureşti. Editura Politică. 1960. 126 p.

Obrady Plenarnej Sesji Ogólnopolskiego Komitetu Frontu Jedności Narodu Warszawa 20. 1960. Warszawa, Biuro Ogólnopolskiego Komitetu FJN. 1960. 119 s.

WANAT L. **Za murami Pawiaka.** Warszawa. Książka i wiedza. 1960. 443 s.

SIERAKOWIAK D. **Dziennik Dawida Sierakowiaka.** Warszawa. Iskry. 1960: 225 s.

WILAMOWSKI Z. **Reichstag w płomieniach.** Warszawa. Min. obrony narod. 1960. 188 s.

KIENIEWICZ S. **Samotnik brukselski.** Opowieść o Joachimie Lelewelu. Warszawa. Wiedza powszechna. 1960. 165 s.

SLOVENSKÁ ARCHEOLÓGIA. Red. A. Točik. Bratislava. Vyd. Slovenskej Akad. Vied. 1960. 288 s.

Ethnographica. Museum Moraviae Brunense. Ročenka I. Brno. Krajské Nakladatelství. 1960. 310 s.

AMORT Č. **Na pomoc československému ludu.** Dokumenty o československo-sovětském přátelstvi z let 1938-1945. Praha. Česk. akad. věd. 1960. 519 s. +4 map.

LAŠTOVIČKA. B. **V Londýně za války.** Zápasy o novou ČSR, 1939-1945. Praha. Stát. Nakl. poiltické lit. 1960. 610 s.

SSSR dnes a zajtra. Bratislava. Osveta. 1960. 371 s.

LIEBKNECHT K. **Gesammelte Reden und Schriften.** Bd. III.: Februar bis Dezember 1910. Berlin Dietz. 1960. 540 S.

STREB X. **Lenin in Deutschland.** 2. Aufl. Berlin. Dietz. 1960. 71. S.

RUBIN B. **Das Zeitalter Justinians.** Bd. I. Berlin. Walter de Gruyter und Co. 1960. 539 S.+9 Karten.

BOSBACH E. **Die "Rêveries politiques" in Friedrichs des Grossen politishem Testament von 1752.** Köln. Böhlau Verlag. 1960. 159 S.

LATREILLE A. e. a. **Histoire du catholicisme en France.** 2. Sous les rois Très Chrétiens. Paris. Ed. Spes. 1960, 508 p.

BOISDEFFRE P. de. **Hernan Cortes.** Paris. La Table ronde. 1960. 123 p.

BARWELL M. **India without sentiment.** Calcutta. New Age Publishers Private Ltd. 1960. 230 p.

Essays in Labour History. In Memory of G. D. H. Cole 25 September 1889 — 14 January 1959. London. Macmillan. 1960. VII, 363 p.

THORBECKE E. **The Tendency towards Regionalization in international Trade 1928-1956.** The Hague. Martinus Nijhoff. 1960. 223 p.

PAOR M. and L. **Early Christian Ireland.** (2d ed. rev.). New York. Praeger. 1960. 263 p.

NICOLA O. **Ur Christopher Johan Rappes brevväxling.** Helsingfors. Kobenhavn. Munks gaard. 1960. 116 p.

KOSSMANN E. H. **Politieke theorie in het zeventiendeeeuwse Nederland.** Amsterdam. Noord-hollandsche uitg. maatschappij. 1960. 108 p.

BARTSTRA J. S. **Staatskundige Geschiedenis van de Landen.** I: Nederland tùssen de Andere Grote Mogendheden 1648 tot 1774. II: Het Eerste Grote Revolutionnaire Tijdvak 1774 tot 1815. L. C. G. Malmberg's—Hertogenbosch. D. I—418 s., 1959. D. 2—420 s., 1960.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 12 ДЕКАБРЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме . . 3
И. С. Кон (Ленинград) — Буржуазная философия истории в тупике 30
М. Н. Черноморский — Мемуары как источники по истории советского общества 55
Р. Т. Шлопак (Минск) — Подъем культурно-технического уровня рабочего класса БССР в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.) 72
М. А. Ильин — Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева 89
А. А. Язькова — Борьба румынского народа против наступления реакции и фашизма в 1935—1937 годах 99

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

Г. П. Шурбованый — Общее собрание Отделения исторических наук АН СССР 111
М. Р. Акулов (Красноярск), **А. И. Крушанов** (Владивосток), **С. В. Шостакович** (Иркутск) — Научные конференции по истории Сибири и Дальнего Востока 113

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. С. Северный — «История гражданской войны в СССР». Т. IV . . 123
С. А. Могилевский (Ленинград) — «Хрестоматия по новейшей истории». Т. 1. 1917—1939. Документы и материалы 131

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. А. Секистов — Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткий очерк; **А. Ф. Васильев** — П. П. Андреев. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.— 1945 г.); А. А. Земсков, В. И. Нечипуренко. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (июль 1941—1945 гг.); Н. Шатагин. Партия в период Великой Отечественной войны; **В. А. Мацуленко** — Д. И. Ковалевский. Великая Отечественная война Совет-

ского Союза. 1941—1945; **В. П. Цыганков** — А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой. 1941—1942; **П. Н. Михрин** (Ленинград) — А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады (1941—1943 гг.); **В. И. Иванов** — И. М. Майский. Воспоминания советского посла в Англии; **С. Д. Сказкин** — Л. И. Нарочницкая. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху» 135

Новые книги 153

Статьи в советских исторических журналах 156

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В. Г. Поляков — Советско-английская конференция историков 161

Хроникальные заметки 162

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. И. Салов, М. Р. Тульчинский — Мюнхенский институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики 164

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ю. М. Григорьян — «Ежегодник по истории СССР и европейских стран народной демократии». Т. 3; **А. Е. Рогинская** — М. Дюверже. Пятая республика; **Б. Т. Рубцов** — И. Кочи. Наше национальное возрождение 174

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 183

Заметки о статьях 184

Рецензии на книги советских авторов 201

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

И. Н. Минаева—IV Международный конгресс архивистов в Стокгольме 202

Хроникальные заметки 205

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Л. Е. Кертман (Пермь) — Расширить документальную базу исследований по новой истории 206

Резюме статей на английском языке 208

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1960 году 214

Сведения об авторах статей, опубликованных в данном номере журнала 222

СТАТЬИ

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В СТОКГОЛЬМЕ *

Международные конгрессы историков, собирающиеся каждые пять лет, представляют собой важное событие в научной жизни. Они позволяют подвести итоги исследовательской работы, укрепить старые и завязать новые научные связи и контакты между исследователями различных стран. Советские ученые охотно идут на расширение международных научных связей с зарубежными историками, ибо такие связи способствуют развитию исторической науки, укреплению взаимопонимания между народами. Участие в международных съездах историков позволяет нашим исследователям знакомить зарубежных ученых с достижениями советской исторической науки, успешно развивающейся на принципах марксизма-ленинизма.

Активно отстаивая в научных спорах свои идейные позиции, советские историки стремятся вместе с тем вскрыть теоретическую несостоятельность различных идеалистических концепций, которые определяют лицо буржуазной историографии, классовый характер буржуазной науки. Наконец, международные встречи позволяют нам ознакомиться с положением в современной зарубежной историографии, с тенденциями ее развития, учесть все то положительное, что может дать буржуазная историческая наука. В этой связи XI Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в Стокгольме 21—28 августа 1960 г., представляет несомненный интерес для советских историков.

Характерной чертой Стокгольмского конгресса по сравнению с предыдущим (Рим, 1955 г.) явилось значительно возросшее представительство стран социалистического лагеря. На данном конгрессе присутствовало свыше 230 историков из Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши, Румынии, СССР и ЧССР. В советскую делегацию, насчитывавшую 42 человека, входили: академики Е. М. Жуков, И. И. Минц, М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, члены-корреспонденты АН СССР А. А. Губер, М. П. Ким, В. М. Хвостов, доктора исторических наук А. Р. Иоаннисян, Г. А. Меликишвили, А. Ф. Миллер, А. Л. Сидоров, Н. А. Сидорова, С. Л. Тихвинский, Л. В. Черепнин и другие ученые, представляющие научные центры и учебные заведения Советского Союза.

Наиболее многочисленными делегациями (каждая по 100—200 человек) были представлены такие страны, как Англия, Франция, Италия, Швеция, США и ФРГ, которые составляли почти половину от общего числа участников конгресса (всего в конгрессе участвовало около 2 тыс. человек). Из других капиталистических стран было сравнительно небольшое число историков (Иран, например, был представлен одним делегатом).

На XI Международном конгрессе исторических наук присутствовали лишь отдельные ученые Индии, Пакистана, Индонезии, ОАР, Тур-

---

* Статья подготовлена на основе информации, полученной от членов советской делегации на Стокгольмском конгрессе исторических наук, и материалов обсуждения итогов его работы на общем собрании Отделения исторических наук Академии наук СССР.

ции, Ирана и Японии, подавляющая же часть участников конгресса — это ученые из стран Европы и Америки. Европоцентристские тенденции сказались и на составе делегатов конгресса и на его тематике. Организаторам XII конгресса следует принять решительные меры, чтобы привлечь к его работе деятелей науки из стран Азии и Африки, только в этом случае конгресс по праву сможет называться подлинно международным.

Официальное открытие конгресса состоялось 21 августа в большом зале Дворца концертов, который известен тем, что здесь ежегодно происходит церемония вручения Нобелевской премии. Участников международной встречи приветствовали министр народного просвещения и культов Швеции доктор Рагнар Эденманн, председатель Стокгольмского муниципалитета К. А. Андерсон, председатель Шведского комитета историков проф. Т. Хеер, много сделавший для подготовки конгресса и успешного его проведения, и вице-президент Международного комитета исторических наук проф. Ч. Вэбстер (Англия).

Деловая работа конгресса началась 22 августа в пяти секциях, заседания которых проходили ежедневно. Первая секция занималась общими методологическими проблемами; в ней подверглись обсуждению вопросы периодизации всемирной истории, философии истории, историографии, демографии. Вторая секция обсуждала проблемы древней истории, третья — медиевистики, четвертая — новой истории, которая по традиции исторических конгрессов рассматривает события с XV до конца XVIII в., наконец, пятую секцию, получившую название «современная история», интересовал отрезок истории с конца XVIII в. и до наших дней.

На конгрессе, ставшем ареной острой идеологической борьбы, столкнулись две диаметрально противоположные концепции: с одной стороны, выступили ученые, ведущие исследовательскую работу на основе теоретических и методологических принципов марксизма-ленинизма, с другой — представители идеалистических течений. Борьба этих двух направлений пронизывала всю работу конгресса. Знаменательно, что представители марксистско-ленинской историографии, опираясь на успехи прогрессивной науки, занимали на конгрессе активную, наступательную позицию. Это было показателем того, что историография, имеющая в качестве методологической основы марксизм-ленинизм, ныне становится главным направлением в мировой исторической науке.

Расхождения по принципиальным вопросам исторического процесса и метода исторического исследования особенно наглядно обнаружились в работе первой секции при обсуждении крупных проблем, прежде всего таких, как периодизация всемирной истории и философские основы исторической науки.

Большое место в работе этой секции заняло обсуждение проблем периодизации всемирной истории. Основной доклад на эту тему был подготовлен академиком Е. М. Жуковым (СССР) [1]. Докладчик раскрыл и обосновал марксистско-ленинские принципы периодизации всемирной истории. Охарактеризовав тенденции буржуазной историографии классифицировать народы мира, исходя из их принадлежности к «культурным комплексам» и «цивилизациям», как антинаучные, Е. М. Жуков подчеркнул, что всемирная история — это история всех народов. Изложив основные принципы периодизации всемирной истории в марксистско-ленинской исторической науке, базирующейся на фундаменте диалектического и исторического материализма, докладчик указал, что главным в развитии человеческого общества является материальное производство и что история человечества есть последовательная и закономерная смена социально-экономических формаций. Много места в докладе было отведено показу роли народных масс в поступательном

[1] Доклад Е. М. Жукова опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 8.

движении человечества и особенно характеристике революционных эпох. В заключение Е. М. Жуков остановился на вопросе о соотношении общей периодизации всемирной истории с периодизацией истории отдельных эпох, а также стран и народов. Историки-марксисты в своих выступлениях развивали положения доклада Е. М. Жукова по конкретно-историческим вопросам.

Представители буржуазной исторической науки возражали не только против принципов периодизации, изложенных в докладе Е. М. Жукова, но и подвергли атаке самую идею периодизации истории. Некоторые оппоненты вообще отрицали возможность периодизации истории. Один английский профессор заявил, что его студенты не нуждаются в периодизации, для них достаточно обычной хронологии событий. Высказывались и другие взгляды, не имеющие ничего общего с наукой, например, утверждение о том, что история человечества подразделяется на два периода: до рождества Христова и после него.

Против марксистско-ленинской концепции периодизации исторического процесса выступили буржуазные историки, которые отстаивали несостоятельную с научной точки зрения идею периодизации всемирной истории «по этапам промышленного производства и техническим открытиям». В качестве «рубежей» исторического развития человечества они выдвигали изобретение электричества, открытие атомной энергии и т. п. Эта модная, особенно среди американских буржуазных историков, «теория» представляет собой попытку подменить изучение социально-экономических отношений вульгарным техницизмом. Современные теории техницизма взяты на вооружение и ревизионистами, которые на конгрессе говорили о необходимости «исправления» и «дополнения» марксизма-ленинизма, рассчитывая «примирить» его с буржуазными концепциями — прагматизмом, позитивизмом. Подобные взгляды выразил в своем выступлении югославский историк Б. Джурджев. Он говорил о том, что марксизм будто бы устарел. Развивая ревизионистскую концепцию, взятую из программы Союза коммунистов Югославии, о так называемом стирании граней между капитализмом и социализмом, Б. Джурджев сказал, что элементы социализма будто бы стихийно произрастают из капитализма и поэтому-де нет четких граней между капиталистической и социалистической формациями. Отсюда проистекает его призыв к отказу от марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях, от научной периодизации всемирной истории.

С ответом буржуазным критикам марксистско-ленинской периодизации всемирной истории выступили историки-марксисты СССР, ГДР, Румынии, Польши, Канады. В заключительном слове Е. М. Жуков заявил, что апелляция некоторых его оппонентов к религии находится вне пределов научного спора, и показал, что отказ буржуазных ученых признать объективное существование законов исторического развития человечества и необходимость периодизации исторического процесса не имеет ничего общего с действительно научным подходом к изучению истории.

Дискуссия по проблемам периодизации показала, что в лагере буржуазных историков нет научно обоснованных позитивных идей по данному вопросу, как нет единства и в области методологических принципов. В дискуссии отчетливо проявился характерный для современной буржуазной науки отказ от подлинно научных принципов периодизации всемирной истории и ясно обнаружилось отрицание буржуазными историками единства и закономерности исторического процесса.

В то же время характерным является тот факт, что некоторые буржуазные историки вынуждены были отметить стройность и убедительность марксистско-ленинской концепции периодизации всемирной истории.

Доклад профессора Э. Ротаккера (ФРГ) о философских основах исторической науки был резко враждебен марксизму-ленинизму и являлся как бы манифестом историков-идеалистов. О политических позициях Ротаккера говорит уже тот факт, что во время фашистского рейха он был членом гитлеровской партии и одним из активных пропагандистов фашистской идеологии. Докладчик выступал как эпигон немецкой «исторической школы», трактующей о «неповторяемости» исторических явлений и отсутствии исторических закономерностей. Ротаккер выражал свою солидарность с типичными представителями этой идеалистической школы — Л. Ранке, В. Виндельбандом, В. Дильтеем и другими. Марксистско-ленинское понимание истории Ротаккер характеризовал как якобы «мессианизм», течение, характерное будто бы только для «русского мира». Выступая с субъективно-идеалистических позиций неокантианца, Ротаккер говорил, что историческая наука — это только отражение взглядов той эпохи, в которой живет историк. Поставив вопрос о философии истории как научной дисциплине, Ротаккер через свой агностицизм и отрицание закономерностей исторического процесса невольно пришел к отрицанию истории как науки вообще [2].

Доклад Э. Ротаккера стал предметом острой полемики. Против его основных положений выступила большая группа историков-марксистов: М. В. Нечкина и А. И. Данилов (СССР), Ярослав Кладива (ЧССР), Н. Гольдбергер (Румыния), Э. Энгельберг (ГДР), А. Оцетя (Румыния), Лео Штерн (ГДР) и другие.

М. В. Нечкина охарактеризовала концепцию Ротаккера как агностическую и антинаучную. Она отметила недопустимость объединения в одной классификационной рубрике (как это сделал Ротаккер) исторического материализма и позитивистских концепций. М. В. Нечкина говорила о зависимости концепции докладчика от взглядов Ранке, Дильтея, Риккерта и критиковала его антинаучный тезис об отсутствии объективных закономерностей в историческом развитии. Решительно были отметены злопыхательские высказывания Ротаккера о К. Марксе.

А. И. Данилов показал бесплодность так называемой немецкой «исторической школы», к которой причисляет себя Ротаккер. А. И. Данилов подчеркнул полную несостоятельность тех исторических «прогнозов», которые в свое время давал Ротаккер, и на этом примере еще раз отметил порочность его исходных методологических позиций. Представители марксистско-ленинской историографии подвергли критике субъективно-идеалистические взгляды Ротаккера.

Несомненно, особое впечатление на слушателей произвела глубокая убежденность историков-марксистов в возможности и необходимости объективного познания исторического процесса. Характеризуя работу первой секции, шведская буржуазная газета «Стокгольмс тиднинген» писала: «Уже первый день работы конгресса превратился в ожесточенную схватку между Востоком и Западом и вскрыл значительный просчет организаторов практической работы конгресса. Организаторы его не учли, что интерес в огромной степени может сконцентрироваться вокруг острого политического вопроса — о марксизме как учении, дающем ключ к пониманию исторического процесса». Тревога газеты была не случайной. Буржуазные идеологи боятся признать безусловный рост успехов марксистско-ленинской историографии и не могут не считаться с положением в своем лагере. Характерно, что среди буржуазных историков взгляды Ротаккера не встретили единодушной поддержки. Во время дискуссии буржуазные историки не смогли преодолеть того разнобоя во взглядах, который существует среди них. Они не смогли противопоставить марксистско-ленинской исторической концепции ничего

[2] Критический анализ взглядов Ротаккера см. в данном номере журнала в статье И. С. Кона «Буржуазная философия истории в тупике».

другого, кроме обветшалых или слегка обновленных идеалистических концепций.

В последующих выступлениях историки-марксисты развили ряд идей, которые в дискуссии по докладу Э. Ротаккера не получили освещения. Э. Мольнар (Венгрия) в сообщении на тему «Влияние гегелевской философии истории на марксистскую историографию» осветил основные положения марксистско-ленинской концепции философии истории. Он показал глубочайшую разницу между идеалистической системой Гегеля и марксизмом-ленинизмом и вместе с тем выделил то, что мы называем «рациональным ядром» гегелевской философии. М. Н. Тихомиров (СССР) в сообщении «Начало русской историографии» [3] на примере анализа ранних русских исторических памятников показал огромное значение, которое имеет марксистско-ленинский метод для историка. Оба эти сообщения явились конкретным продолжением теоретической дискуссии, состоявшейся по докладу Ротаккера.

Проблемам историографии были посвящены и другие доклады и сообщения, заслушанные в первой секции. Английский историк Г. Баттерфилд в докладе «История историографии» подчеркивал значение и ценность историографии как специальной исторической дисциплины. Ученые, принимавшие участие в обсуждении, отметили чисто описательный, обзорный характер этого доклада. В своем выступлении М. В. Нечкина указала на недопустимость игнорирования докладчиком русской дореволюционной и советской историографии. В критических выступлениях по докладу Баттерфилда обращалось также внимание на то, что нельзя изучать историю исторической науки без учета историографии, основанной на диалектическом и историческом материализме, которая неуклонно развивается не только в странах социалистического лагеря, но и в капиталистических государствах. Г. Баттерфилд вынужден был согласиться с этими замечаниями, но мотивировал указанные пропуски «краткостью доклада».

Л. Готшалк (США) в своем сообщении «Проблема обобщения в историографии» восхвалял идеалистические взгляды М. Вебера на исторический процесс. Отрицая объективную закономерность общественного развития, М. Вебер, как известно, «обосновывал» в свое время идею о том, что историю «творит» историк и поэтому она может носить только субъективный характер. Марксистско-ленинскому учению о социально-экономических формациях М. Вебер пытался противопоставить теорию «идеальных типов», искусственно конструируемых разумом. Таким образом, возрождаемые ныне буржуазными учеными (особенно это касается американских и западногерманских историков) взгляды неокантианца М. Вебера служат знаменем субъективно-идеалистического, реакционного метода в исторической науке. Концепция М. Вебера явилась основой сообщения Л. Готшалка. Он говорил о том, что история — это якобы отчасти наука, отчасти искусство, отчасти философия; что историки подразделяются на две категории: на описывающих факты и события и на аналитиков. Л. Готшалк признал, что фактография не может быть правильным путем развития науки. Но в то же время он считает, что в том случае, если историк начинает обобщать факты, наука якобы уступает место искусству, а по мере развития исторической науки объективность знаний будто бы все больше уступает место субъективности. Утверждая, что исследование имеет тем большую ценность, чем оно субъективнее, Л. Готшалк в конечном итоге становится на позиции откровенного прагматизма. Он подчеркнул, что его высказывания отражают мнение большинства американских буржуазных историков, выраженное в докладе так называемого Исследовательского совета социальных наук.

---

[3] Доклад М. Н. Тихомирова опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 5.

Историки-марксисты выступили с аргументированной критикой взглядов Л. Готшалка. Они говорили о том, что присущие Готшалку крайний субъективизм и волюнтаризм, по существу, ведут к полному отрицанию истории как науки. Была также отмечена несостоятельность его постановки вопроса о том, что расширение исторических знаний якобы снижает объективность исторического анализа. Дело обстоит как раз наоборот. Например, новые данные археологии, новые источники и т. д. позволяют еще полнее и глубже обобщать исторические явления, относящиеся даже к самому отдаленному прошлому.

На первой секции были заслушаны и другие сообщения по историографии отдельных стран: Г. Борна (Швеция) «Обзор шведской историографии», Э. Бенито Руано (Испания) «Испанская историография средних веков» и др. Эти обзоры не содержали анализа тенденций и направлений в исторической литературе и ограничивались формальным описательством. Выступивший в прениях монгольский историк Бир Шагдин показал многовековую традицию монгольской историографии.

Внимание ученых привлекло выступление французского историка А. Дюпрона «Проблемы и методы истории коллективной психологии». Исходя из фрейдизма, Дюпрон развивал идею создания специальной отрасли исторической науки, посвященной анализу психологии масс. Понимание этой психологии, по мнению докладчика, должно будто бы объяснить происхождение многих явлений в истории, в том числе революций, народных восстаний. Классовый смысл этой «теории», широко распространенной среди современных буржуазных социологов, хорошо виден из утверждения Дюпрона о том, что понимание причин этих явлений нужно ему и тем, кого он представляет, для того, чтобы найти пути «вовремя предотвращать революции и народные движения». Представители прогрессивной историографии осудили порочные «идеи», развитые в сообщении Дюпрона, и вскрыли их реакционную политическую направленность.

На первой секции обсуждалась еще одна проблема — история науки и техники. Доклад А. Ж. Форбса (Голландия) на эту тему, содержащий обзор работ по истории науки и техники, опубликованных за последние годы, и характеристику постановки преподавания этой дисциплины в некоторых английских и американских учебных заведениях, вызвал оживленные прения [4]. Одной из самых неотложных задач исследователей А. Форбс считает разработку истории науки и техники на Востоке. Выступившие в прениях отметили ценность доклада А. Форбса и внесли некоторые дополнения в его обзор.

С. Л. Тихвинский поддержал высказывания А. Форбса о необходимости расширения изучения истории развития китайской, индийской и арабской науки. Осуждая европоцентризм, еще распространенный среди современных буржуазных историков, советский ученый указал на важность объединения усилий историков — исследователей по истории стран Запада и востоковедов — для изучения роли стран Востока в развитии науки и техники. Недостатком доклада А. Форбса, как было отмечено С. Л. Тихвинским, явилось отсутствие данных о работах советских исследователей по истории техники. С. Л. Тихвинский рассказал о развитии этой отрасли науки в СССР.

---

[4] Кроме доклада А. Ж. Форбса, были заслушаны сообщения Л. Бульферетти (Италия) «Наука и техника в социальной истории» (автор говорил о необходимости изучения истории техники и труда для понимания истории вообще), А. Кромби (Англия) «Научная революция и споры о научном методе в XVIII в.», Р. Шрайока (США) «Взаимосвязь между медициной в Европе и в США на протяжении XIX в.», Э. Фютера (Швейцария) «Эйлер и Лейбниц: возникновение современной натурфилософии».

Последний день работы первой секции был посвящен вопросам демографии [5].

Тематика докладов и сообщений, заслушанных во второй секции, секции древней истории, весьма обширна: она охватывает период от эпохи древнего Урарту до позднеримской империи. Работа секции началась докладом, посвященным истории Греции эпохи бронзы. Докладчик, профессор Кембриджского университета (США) Стерлинг Дау, основываясь на последних исследованиях и материалах, пытался восстановить важные факты истории Микенского царства и дать их датировку. То, что автор ограничился вопросами чисто фактического характера и стремился избежать всяких обобщений, сделало доклад малоинтересным. По этому докладу прений фактически не было. Выступивший с сообщением профессор Ф. Ферри (Италия) попытался сопоставить легендарный путь аргонавтов с миграциями индоевропейских племен. Это беспомощное в методологическом отношении сообщение также не вызвало интереса.

Оживленную дискуссию вызвал доклад С. Мадзарино (Италия) «Демократизация культуры в период «поздней империи». Докладчик и некоторые выступавшие в прениях буржуазные историки под демократизацией культуры подразумевали прежде всего распространение христианства. Румынский историк Э. Кондураки убедительно опроверг такую постановку вопроса, указав, что при характеристике развития империи и культуры этого периода прежде всего нужно учитывать социально-экономические факторы.

С большим интересом были заслушаны сообщения историков-марксистов. Советский исследователь Б. Н. Аракелян выступил с темой «Материальная культура древней Армении». Он дал анализ основных течений в армянской культуре III—I вв. до н. э., указав на значительное развитие эллинистической культуры в Армении в этот период. Профессор Тбилисского университета Г. А. Меликишвили в своем сообщении «Основные проблемы истории Наири—Урарту в свете новейших изысканий» показал, что археологические открытия и исследовательская работа, проведенная в последние десятилетия в Советском Союзе, позволили поставить и успешно решить ряд сложнейших вопросов истории государства Урарту и эволюции культуры в нем. Г. А. Меликишвили определил основные причины, приведшие к упадку этой культуры и государства Урарту. Чехословацкий историк И. Добиаш (Пражский университет) в сообщении «Территория современной Чехословакии в эпоху Римской империи» на основании данных эпиграфики и древних источников восстановил историю многолетних попыток завоевания этой области римлянами.

Ряд докладов и сообщений был посвящен вопросам нумизматики. В некоторых сообщениях высказывалась мысль, что нумизматические материалы являются ценным источником для изучения экономической и социальной истории древнего мира. В частности, румынский историк

---

[5] Французский историк Л. Анри в докладе «Последние работы по изучению демографии прошлого» дал обзор нынешних достижений в изучении демографии. Эти достижения, по мнению докладчика, столь значительны, что уже в ближайшее время, вероятно, будут решены вопросы, связанные с изучением движения населения Европы за период с XVIII века. Были заслушаны и другие сообщения по вопросам демографии: Х. Оллера (Испания) «Вклад каталонских историков в общую историю демографии», в котором охарактеризованы работы каталонских историков; Ж. Гленисона (Франция) «Очерк переписи и оценки источников по демографической истории Франции в XIV в.», где дается характеристика новых материалов о фискальных переписях и данных об эпидемиях; В. Бора (США) «Новые демографические исследования по XVI в. в Мексике». На секции было заслушано также сообщение Г. Мейснера (ГДР) «Вспомогательные исторические дисциплины и архивное дело», посвященное систематизации вспомогательных исторических дисциплин.

Э. Кондураки убедительно подтвердил эту мысль анализом монетных находок в Дунайском бассейне.

Острый характер носило обсуждение докладов и сообщений, затрагивавших проблемы истории рабства. В оживленной дискуссии (выступило 17 человек) резко столкнулись две исторические концепции. В основном докладе З. Лауффера (ФРГ) «Рабство в греко-римском мире»[6] автор под видом борьбы против модернизации истории пытался опровергнуть марксистско-ленинскую концепцию о роли рабства в древнем обществе. Преуменьшая значение борьбы рабов и оспаривая марксистско-ленинский взгляд на классовые противоречия в античном обществе, З. Лауффер обрисовал отмену рабства главным образом как результат воздействия и распространения гуманных идей. Югославский историк Д. Стойцевич, в свою очередь (как показало его сообщение), недооценил роль сопротивления рабов в отмене рабства, приписал переход к колонату исключительно влиянию экономических факторов. Роль народных восстаний в ниспровержении рабовладельческой системы категорически отрицал и Ф. Виттингоф. Последний выступил против выводов советской исторической науки и марксизма-ленинизма вообще.

Эти выступления представителей буржуазной историографии встретили решительный отпор со стороны ученых СССР и стран народной демократии. В развернувшейся полемике, носившей глубоко научный характер, историки-марксисты, в частности, Р. Гюнтер (ГДР), В. Д. Блаватский (СССР) и другие, аргументированно показали марксистско-ленинскую концепцию истории рабовладельческого общества, отметив решающую роль классовой борьбы в развитии этого общества и в переходе от рабства к колонату.

По проблемам развития Причерноморья в античную эпоху основной доклад на тему «Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья» сделал советский исследователь В. Д. Блаватский[7]. На основании данных эпиграфики, новейших археологических изысканий и других источников докладчик осветил вопрос о характере и составе населения Причерноморья в античную эпоху, экономических и культурных связях этого района с метрополией. В сообщении М. Финлея (Англия) «Район Черного моря и работорговля в античный период» содержался анализ различных данных, главным образом литературных, которые были использованы им для определения роли Причерноморья в качестве рынка рабов.

Работу секции завершили выступления по истории дунайского района в античную эпоху. Д. Пиппиди (Румыния) в сообщении «Греческие колонии в Добрудже в эллинистическую эпоху» рассмотрел экономическое развитие этих колоний. Отметив упадок их демократических учреждений, автор объяснил его эволюцией экономики.

Румынские исследователи К. Дайковичу и И. Нестор в докладе «Человеческое общество на нижнем Дунае в доримскую и послеримскую эпоху», основываясь на данных археологии и эпиграфических материалах, осветили вопрос об этногенезе румынского народа (на территории, ныне входящей в Румынскую Народную Республику) в период I в. до н. э.— I в. н. э. В докладе М. Петреску-Дымбовита (Румыния) «Население и цивилизация в карпато-дунайском районе в первой половине первого тысячелетия до нашей эры» использованы материалы многочислен-

---

[6] Проблемам рабства были посвящены также сообщения: югославского историка Д. Стойцевича «От римского раба к колону», Ф. Виттингофа (ФРГ) «Значение рабов для перехода от античности к средневековью на западе Европы», И. Бежуньской-Маловист (Польша) «Экономическая и социальная роль рабства в Египте в I—II вв. нашей эры».

[7] Доклад В. Д. Блаватского опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 10.

ных археологических экспедиций, организованных главным образом после 1949 г. Румынской Академией наук. Докладчик изложил новейшие данные об этническом составе населения этого района в период VII—III вв. до н. э.

Историки-марксисты в своих выступлениях показали значительные конкретные результаты их исследовательской работы, проведенной за последние годы. Они активно защищали марксистско-ленинский исторический метод и разоблачали попытки буржуазных ученых оспорить его значение для изучения древней истории.

Заседания третьей секции, посвященные вопросам истории средних веков, открылись докладом японского ученого Т. Ямамото «От эпохи Тан к эпохе Сун: переходный период в истории Восточной Азии». В докладе, который представляет собой результат коллективного обсуждения этого вопроса в «Японском историческом обществе» («Сигакукай») и «Обществе исторической науки» («Рекисигаку кенкюкай»), намечены важнейшие проблемы истории Китая в период с VII по XIII в. н. э. в области экономического, социального и культурного развития. Автор отметил, что в эти столетия происходило быстрое экономическое развитие Южного Китая, в особенности бассейна Янцзы, и подчеркнул рост в этот период национальной китайской культуры.

Выступление Т. Ямамото представляет большой научный интерес, хотя оно и не свободно от серьезных недостатков, отмеченных в дискуссии. В частности, автор уклонился от четкого определения указанного периода в истории Китая как эпохи развитого феодализма. Не оправдано противопоставление автором Сунской эпохи Танской. Ошибочными представляются модернистские оценки внешней политики эпохи Тан как космополитической, в отличие от внешней политики Китая в период династии Сун, определяемой Т. Ямамото в качестве «националистической».

Дополнением к докладу Т. Ямамото было выступление другого японского ученого, И. Миядзаки, на тему «Новый этап китайской цивилизации в Сунскую эпоху». Оратор указал, что незначительный подъем экономики Китая при династии Тан сменился в эпоху Сун расцветом китайской цивилизации. Этот вывод обосновывается на данных, свидетельствующих о широком распространении бронзовых монет и росте производства железа.

В прениях высказались: монгольский исследователь Нацогдоржи, который подчеркнул, что необходимо изучать не только культурное влияние Китая на соседние народы, но и обратный процесс, то есть рассмотреть вопрос о взаимовлиянии соседствующих народов. Американский ученый Оуэн Латтимор присоединился к этому замечанию. Советский историк С. Л. Тихвинский отметил положительные стороны обсуждавшихся докладов. В то же время он указал на их существенный недостаток — почти полное отсутствие материала о революционной деятельности народных масс Китая.

Два сообщения японских ученых — К. Нагахара «Социальная структура эпохи раннего средневековья в Японии» и К. Иноуэ «Характеристика перехода от феодализма к капитализму в Японии» — были посвящены важным и интересным проблемам истории Японии.

К. Нагахара рассказал о процессах феодализации и об изменениях в положении крестьянства и других классов японского общества, которые произошли на протяжении VIII—X веков. К. Иноуэ дал подробный анализ положения различных классов в период перехода к капитализму и их роли в этом переходе. Автор пытался на основе данного анализа дать объяснение некоторых специфических черт японского политического строя, в частности большого влияния военных элементов.

В развернувшихся оживленных прениях советские ученые Е. М. Жуков, С. Л. Тихвинский и другие говорили о больших научных достоин-

ствах этих сообщений, которые являются свидетельством заметного развития исторической науки в современной Японии. Постановка упомянутых тем, трактовка вопроса о классах и другие моменты свидетельствуют о знакомстве японских ученых с марксистско-ленинским историческим методом и влиянии последнего на их работу. Доклады японских историков убедительно показали, насколько плодотворным оказывается применение этого метода к изучению конкретных исторических проблем.

На конгрессе востоковедческая тематика была представлена очень слабо. Кроме указанных докладов и сообщений по истории Китая и Японии, было сделано всего 2—3 частных сообщения по истории стран Востока. Не было ни одного доклада или сообщения по истории Африки.

Одно из заседаний секции медиевистики было посвящено истории России. Датский ученый К. Рабек-Шмидт в докладе «Социальная структура Руси в раннем средневековье» на основе анализа социальных терминов, встречающихся в летописях и церковной литературе, поставил своей задачей дать картину социального строя Киевской Руси. Он пытался «преодолеть» разногласия между В. О. Ключевским и Б. Д. Грековым в трактовке этого вопроса, по существу, найти нечто среднее, отличное от их концепций. В сообщении советского ученого Б. А. Рыбакова «Спорные вопросы образования Киевской Руси»[8] критиковалась норманистская теория. Опираясь на данные летописей и их анализ, Б. А. Рыбаков убедительно показал, что возникновение Киевской Руси явилось результатом длительного внутреннего развития, а вовсе не продуктом деятельности нескольких варяжских дружин. Советская историческая наука, заявил Б. А. Рыбаков, отнюдь не игнорирует роль варягов, но считает определяющим в развитии Киевской Руси внутренние социально-экономические факторы. Несмотря на это ясное заявление, шведская буржуазная газета «Стокгольмс тиднинген» сообщила, что Б. А. Рыбаков предпринял якобы «фронтальную атаку на шведских викингов и практически вычеркнул их из русской истории». Газета писала, что подобное утверждение «требовало решительного» ответа, однако, как она вынуждена была констатировать, «ни один швед не был готов к этому». Выступивший на секции датский историк О. Стендер-Петерсен, как отмечала газета, «ограничился приведением старых доводов и совершенно не коснулся критики и системы аргументации проф. Рыбакова». Если бы сотрудники «Стокгольмс тиднинген», осветившие прения по этому вопросу, знали хотя бы немного состояние научного изучения данной проблемы или хотели с ним ознакомиться, они поняли бы, что необоснованность выступлений на конгрессе датского ученого и других сторонников норманистской теории объясняется давно доказанной в работах советских ученых ее ненаучностью. Сторонники этих взглядов, пытавшиеся оспорить положения, развитые Б. А. Рыбаковым, не могли подкрепить свои высказывания сколько-нибудь убедительными доводами.

Два сообщения были посвящены истории Новгорода: А. В. Арциховского (СССР) — «Новгород Великий в XI—XV веках»[9] и Д. Оболенского (Англия) — «Новгородское общество в раннее средневековье». Несостоятельное в методологическом отношении сообщение Д. Оболенского не имеет никаких новых материалов и носит описательный характер. В то же время сообщение А. В. Арциховского (из-за болезни автора, помешавшей ему приехать в Стокгольм, оно было зачитано), основанное на богатейших данных последних раскопок, в частности берестяных

---

[8] Доклад Б. А. Рыбакова опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 9.
[9] Сообщение А. В. Арциховского опубликовано в журнале «Вопросы истории», 1960, № 9.

грамотах, содержит обширный материал, показывающий экономический и социальный облик Новгорода.

Сообщение Л. Мюллера (ФРГ) «Христианизация Руси как проблема исследования» рассматривает датировку распространения христианства в Киевской Руси во время княжения Владимира и в связи с этим ставит некоторые нерешенные, по его мнению, вопросы, в частности о влиянии греческой культуры на Киевскую Русь. Югославский историк Б. Графенауэр в сообщении «Социальная структура южных славян в эпоху раннего средневековья (до 1100 г. н. э.)» разбирает вопрос о пережитках родового строя у южных славян и происхождении дворянства; решающую роль в создании последнего автор приписывает княжеской власти.

В буржуазной медиевистике большое место занимает изучение средневекового и канонического права. Это нашло отражение и в работе конгресса. Кембриджский историк У. Улмэн (Англия) в докладе «Право и историк средних веков» говорил о значении изучения правовых норм и понятий для медиевистики. Автор проиллюстрировал свой тезис рядом примеров из истории папства и светской власти в средние века. В выступлениях по этому докладу Ф. Грауса (Чехословакия) и Ф. Паля (Румыния) была подвергнута критике идеалистическая трактовка средневекового права, которая имела место в докладе и прениях. После У. Улмэна выступил А. Стиклер (Ватикан). Последний также говорил о важности для медиевистики изучения канонического права и выдвинул идею совместной работы историков-медиевистов различных стран в целях публикации документов канонического права. Голландский историк Ж. Ф. Нирмейер, изучая на основе лингвистических данных распространение в X—XI вв. феода, установил его происхождение и развитие, о чем сообщил на секции. В прениях выступил А. Ф. Миллер (СССР), который подчеркнул необходимость расширить изучение терминологии феодального права за пределами Западной Европы и привлечь аналогичные материалы из истории России, Польши, дунайских стран и стран Востока. А. Ф. Миллер отметил, что только такое расширение сферы исследования поможет правильно понять всемирно-исторический процесс развития феодализма. Эта мысль встретила поддержку со стороны ряда участников дискуссии.

Специально обсуждались на секции проблемы средневекового города. Э. Сестан (Италия) в своем докладе охарактеризовал внутреннюю борьбу в нескольких итальянских городах (главным образом Ломбардии) вокруг вопросов городского управления. В других сообщениях были затронуты различные аспекты жизни средневекового города [10].

Характеризуя в целом обсуждение в секции проблем средневекового города, надо отметить преобладание в тематике докладов и сообщений частных, второстепенных вопросов, отсутствие каких-либо широких обобщений. Г. Острогорский (Югославия) сделал сообщение на тему «Византийский город». Автор попытался объяснить многолетнее господство Византии устойчивостью ее городов и городских учреждений. Однако без анализа внутренней структуры города и его классов живучесть городских учреждений остается непонятной.

Сравнительно большое внимание на секции было уделено обсуждению вопросов о роли знати и королевской власти в средние века. До-

---

[10] Ж. Ле Гоф (французский историк) на основе данных о поступлениях соляного налога рассматривает экономическое развитие итальянских городов главным образом в XIV—XV вв. («Налог на соль в финансах итальянских коммун в средние века»). Х. Крюгер (США) в сообщении «Генуэзские купцы, их вложения и контракты в 1155—1230 годах» проанализировал материалы изученных им архивов генуэзских нотариусов. Э. Машке (ФРГ) сообщил о некоторых терминах средневекового городского права и их применении («Политическая и социальная структура города Юго-Западной Германии в XII—XIII вв.»).

клад К. Хаука (ФРГ) «Историческое значение германской концепции королевской власти и дворянства» отражал современную тенденцию буржуазной исторической науки рассматривать дворянство и королевскую власть как древние учреждения, не связанные с переходом общества к феодализму. Автор ищет доказательства своего тезиса в анализе древнейших представлений германцев о дворянстве и королевской власти. Чешский историк Ф. Граус в сообщении «Начало герцогской и королевской власти в Чехии» противопоставил этому пониманию происхождения дворянства и королевской власти марксистско-ленинскую концепцию: на основе истории Чехии он показал подлинные причины возникновения и усиления власти дворянства и короля и, в частности, роль в этом церкви. Другие выступления по этому вопросу были посвящены локальным темам [11].

Последний день работы секции был посвящен вопросам средневековой церкви. На этом заседании четвертую часть присутствовавших составляли представители Ватикана. Их активность служит показателем довольно заметной роли, которую играет католическая историография в современной буржуазной исторической науке [12].

Авторы докладов и сообщений развивали обычные для католической и прокатолической историографии идеи об «определяющей» роли церкви и значении духовной жизни для средневекового человека, полностью игнорируя влияние социально-экономических и политических изменений в феодальном обществе на эволюцию церкви и ее учреждений.

При рассмотрении работы секции медиевистики в целом обращает на себя внимание преобладание в ее тематике частных, нередко второстепенных вопросов. В области медиевистики, так же как и в других областях всемирной истории, идет непрекращающаяся борьба двух концепций: марксистской и идеалистической. Совершенно антинаучные позиции занимают представители крайне реакционной католической и прокатолической историографии.

Работа секции новой истории [13] открылась обсуждением доклада покойного правосоциалистического испанского историка Х. Вивеса на тему «Административно-государственная структура в XVI—XVII вв.», в котором сделана попытка анализа происхождения испанской бюрократии. Б. Ф. Поршнев (СССР) и другие историки-марксисты отмети-

---

[11] Л. Женико (Бельгия) сообщил о процессах инфеодации земель в лотарингских княжествах и описал приемы, к которым прибегали лотарингские князья для подчинения себе мелких феодалов («Дворянство и территориальные княжества в Лотарингии»). Испанский историк Л. Фернандес в выступлении «Дворянство и монархия в политической структуре Кастилии XV в.» рассказал о борьбе между дворянством и королевской властью и ее исходе. Вследствие узости характера эти сообщения не привлекли большого внимания и не вызвали активных прений.

[12] В докладе Г. Ле Бра (Франция) «Проблемы учреждений средневекового христианства» были намечены проблемы истории средневековой церкви (главным образом в период с начала XII до конца XIV в.), подлежащие изучению, в частности о структуре церковных учреждений, юридическом положении духовенства и т. п. Автор поставил также вопрос о необходимости более широкого издания источников по истории средневековой церкви. В сообщении А. Фругони (Италия) «Соображения о светском сословии в грегорианской реформе» рассматривается вопрос о месте и роли отдельных религиозных корпораций в XI веке. Такому же частному вопросу об источниках возникновения иерархии священников английской церкви посвящено и выступление К. Брука (Англия) «Континентальное влияние на английские кафедральные уставы в XI—XII вв.». В сообщении А. Юнсена «Скандинавия в борьбе между империей и папством в XI—XII вв.» рассматривается процесс складывания национальной церкви в Скандинавии. Монастырским реформам XIII в. было посвящено выступление М. Маккарроне (Ватикан) «Реформы и развитие монастырской жизни при Иннокентии III». Сообщение Р. Форвилля (Франция) касалось частного вопроса о происхождении идеи так называемого юбилейного года в представлениях теологов и каноников XII—XIII веков.

[13] Согласно традиции, принятой на конгрессах, к периоду новой истории относятся XV—XVIII века. Поэтому некоторые доклады, относящиеся по марксистско-ленинской периодизации к средневековью (XVI—XVII вв.), были заслушаны в секции новой истории.

ли недостатки доклада, в частности тенденцию автора игнорировать роль народных масс. Дж. Элтон (Англия) в сообщении «Государственное планирование в раннетюдоровской Англии» показал стоящие перед исследователем трудности в отделении реальной политики от проектов и предположений, которые зачастую оставались на бумаге. В качестве примера он привел проекты государственного планирования в эпоху ранних Тюдоров в конце XV и в первой трети XVI века.

Ф. Кэрстен (Англия) в сообщении «Причины упадка германских представительных учреждений» отверг принятое среди буржуазных ученых объяснение этого явления Реформацией. Он указал, что в некоторых германских княжествах и государствах, где Реформация одержала верх, представительные учреждения к концу XVII в. не только не утратили своего значения, но их роль даже усилилась. Главной причиной упадка этих учреждений автор считает политику князей, которые вели бесконечные войны и стремились всемерно ограничить стеснявшие их учреждения. Центральным вопросом дискуссии, возникшей по докладу Ф. Кэрстена, стал вопрос о роли Тридцатилетней войны в политическом развитии Германии XVII в., в частности о причинах ее политической децентрализации и влиянии последней на дальнейшее развитие Германии [14].

На секции подверглись обсуждению проблемы Балтики в XVI—XVII столетиях. Доклад польского историка В. Чаплинского «Балтийская проблема в XVI—XVII вв.» освещал в основном политику Польши в этот период. Хотя автор не привлек новых источников, он подвел итог основных достижений польской историографии за последние два десятилетия. В прениях выступили 13 человек. Буржуазные историки использовали это обсуждение для нападок на политику России в XVI—XVII вв., приписывая обострение балтийского вопроса нападению русских на Ливонию. Этот ложный тезис особенно отстаивали польские эмигранты и историки ФРГ, которые обвиняли В. Чаплинского в том, что он будто бы пытался сгладить и преуменьшить русско-польские и русско-шведские противоречия в эти десятилетия. Выступавшие в прениях историки-марксисты разоблачили как ненаучные, неисторические утверждения о «русском империализме» применительно к XVI в., отвергли тенденциозную постановку вопроса, данную некоторыми ораторами, и показали, что их взгляды объясняются их политическими антипатиями.

В своем сообщении «Политика протестантских князей в странах Балтики в XVI в.» В. Хубач (ФРГ) пытался объяснить политику князей чисто конфессиональными мотивами, но такое объяснение не вызвало почти никакого отклика. Интересным было выступление Ф. Тангельдера (Голландия) «Экономическая борьба на Балтике во второй половине XVI в.», в котором автор пытался определить влияние политических событий этих десятилетий на торговые и экономические интересы Ганзы и Голландии. Большой интерес вызвали два сообщения, основанные на анализе данных о зундских пошлинах,— П. Жанен (Франция) «Коммерческая конъюнктура с конца XVI до начала XVII в.» и С. Эллехей (Дания) «Английский навигационный акт 1651 г. и балтийская торговля». Как в этих сообщениях, так и в после-

[14] Другие сообщения, посвященные более узким и частным вопросам, не вызвали активного обсуждения. Ж. Делюмо (Франция) в выступлении на тему «Развитие централизации в Папской области в XVI в.» идеализировал роль папского государства, Г. Штадтмюллер (ФРГ) в сообщении «Формы самоуправления в Юго-Восточной Европе» рассмотрел характер самоуправления в нескольких общинах: в южной части Пелопоннеса, в Старой Планине и Буковине в период турецкого господства (XV—XIX вв.). Автор ограничился узкоправовыми вопросами и деталями, не сделал каких-либо обобщений. Таким же частным вопросам административного характера было посвящено и сообщение бельгийского историка Ш. Верлиндена «Государство и управление местными общинами в латиноамериканских владениях Испании». Все эти выступления не вызвали дискуссии.

довавшей дискуссии была отмечена большая ценность материалов зундских пошлин для изучения экономической истории XVI—XVII веков.

В сообщении М. Робертса (Англия) «Кромвель и Балтика» раскрыты мотивы внешней политики Кромвеля в пятидесятых годах XVII века. Автор отверг утверждение буржуазных ученых, что Кромвель в своей политике руководствовался личными или религиозными мотивами, и подчеркнул преобладание в его деятельности государственных мотивов, продиктованных интересами Англии, как понимал их сам Кромвель.

На секции было заслушано несколько узкоспециальных сообщений по проблемам Реформации и Контрреформации в Германии и скандинавских государствах[15]. Ораторы ограничились освещением догматических и внутриорганизационных вопросов церковной истории. Значительный интерес вызвало сообщение К. Лепши (Польша) «Культурные связи между Польшей и Швецией в XVI и начале XVII в.», содержавшее важные факты и замечания.

Активно прошло заседание секции, на котором обсуждался интересный доклад чехословацких ученых А. Клима и Й. Мацурека «К вопросу о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (в XVI—XVIII вв.)». Исходя из вскрытых К. Марксом общих закономерностей перехода от одной общественно-экономической формации к другой, авторы попытались, в частности, выяснить специфические условия, в которых протекал этот процесс в Восточной Европе, и показать его особенности. В прениях по докладу участвовали 14 человек, в основном историки-марксисты. Большие споры вызвал вопрос о времени, к которому следует отнести переход Восточной Европы к капитализму. Диссонансом прозвучало ненаучное выступление английского историка П. Лэслетта, который в категорической форме осудил дискуссию и, голословно отвергая постановку вопроса о роли классовой борьбы в истории, заявил, что, например, в Англии XVII в. будто бы не было и не могло быть классов, а общественный строй сводился к отношениям между семьями.

Представители марксистско-ленинской историографии занимали ведущее положение в четвертой секции при обсуждении проблем феодализма и генезиса капитализма в Европе. После доклада А. Клима и Й. Мацурека здесь были заслушаны сообщения С. Д. Сказкина и Н. А. Сидоровой (СССР) «Второе издание крепостничества в Центральной и Восточной Европе», В. А. Голобуцкого (СССР) «К вопросу о сравнительно-историческом толковании генезиса капитализма в Западной и Восточной Европе» и примыкающее к ним сообщение С. Паха (Венгрия) «Отклонение аграрного развития Венгрии от аграрного развития Западной Европы».

Серьезной критике подверглось выступление турецкого историка О. Баркана. Этот ученый в сообщении «Феодальный режим в Оттоманской империи», исходя из концепции, что «определяющим» признаком феодализма являются отношения вассалитета, отождествил феодализм с понятием политической раздробленности. На этом основании автор пытался доказать, будто феодализм стал развиваться в Оттоманской империи лишь в XVIII веке. Против этих утверждений выступил А. Ф. Миллер (СССР), который дал научное определение феодализма и

---

[15] Этому был посвящен основной доклад Г. Юханссона (Швеция) «Церковная реформация в северных землях», а также сообщения Я. Галена (Ватикан) «Реформа в скандинавских странах», Г. Гольборна (США) «Политика и христианская этика в раннем германском протестантизме», С. Геранссона (Швеция) «Вероисповедание и государственная религия в Швеции в период поздней Реформации», О. Гарстейна (Норвегия) «Проблемы Контрреформации в Скандинавии до создания иезуитской миссии в Стокгольме».

показал подлинный характер национальных движений в пределах Оттоманской Турции.

В центре внимания секции в предпоследний день ее работы была тема — просветительство XVIII столетия. Доклад Ф. Вентури (Италия) «Европейское просвещение XVIII в.» содержал общий обзор некоторых идейных направлений в крупнейших странах Западной Европы на протяжении этого периода. Докладчик усматривает в европейском «просвещении» XVIII в. исключительно идейное течение, игнорируя его глубокие социальные корни. Участники прений подвергли доклад Ф. Вентури критике. Особенно содержательным было выступление А. Р. Иоаннисяна (СССР), который дал критику неправильных положений доклада и противопоставил им марксистско-ленинское понимание просветительства XVIII столетия как идеологии восходящего класса буржуазии, боровшегося за ликвидацию феодально-абсолютистских порядков. А. Р. Иоаннисян проиллюстрировал эти положения примерами из истории армянского просвещения конца XVIII века.

Сообщение М. Батллори (Испания) «Энциклопедия и знаменитость в испано-итальянской культуре XVIII в.» было посвящено характеристике некоторых деятелей испанской культуры и их связей с Италией. В сообщении «Политический опыт и идеи просвещения в Америке XVIII в.» Б. Бейлин (США) подверг критике распространенный взгляд на идеологию участников американской революции XVIII в. Джефферсона и других, якобы целиком заимствованную у европейских просветителей. Автор подчеркнул значение опыта социального и экономического развития американских колоний Англии в складывании буржуазно-демократических идей, хотя и не отрицал большого влияния европейского просвещения. В сообщении Г. Коммэджера (США) «Струэнсе и движение за реформы в Дании» дается краткая характеристика деятельности Струэнсе, которого автор считает типичным представителем европейского просвещения. Об оценке Струэнсе между докладчиком и норвежским историком Андерсеном возникла полемика: первый явно переоценил историческую роль Струэнсе, а второй отрицал какое-либо положительное значение его деятельности. Других выступлений по этому сообщению не было.

Последний день работы четвертой секции открылся обсуждением доклада советского историка Б. Ф. Поршнева «Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны» [16]. Затем было заслушано сообщение шведского ученого В. Тама «Швеция и Россия в эпоху Тридцатилетней войны». Поскольку сообщение Тама по своей теме примыкало к основному докладу, они обсуждались вместе. Б. Ф. Поршнев на обширном, в значительной мере архивном материале развернул картину международных отношений в первой половине XVII века. Он показал тесные связи России с западными странами и ее роль в международной политике того времени. В дискуссии по докладу и сообщению выступили десять человек. Большинство выступавших согласились с основными положениями доклада и сообщения, ограничившись некоторыми частными добавлениями или уточнениями. Исключением явились выступления В. Лейча (Австрия) и У. Кирхнера (США), пытавшихся оспорить тезис докладчика о большой роли, которую играла Россия в европейских делах, единственным «аргументом» о том, что русские суда не проходили через Зунд. Жонглируя этим «аргументом», оба оратора пытались всячески принизить культурный уровень русского общества в рассматриваемый период.

Остальные сообщения затрагивали различные, более частные ас-

[16] Доклад Б. Ф. Поршнева опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 10.

пекты периода Тридцатилетней войны [17]. Последним на секции было заслушано сообщение венгерского историка Л. Маккаи на тему «Развитие социальных основ абсолютизма в землях австрийских Габсбургов на пороге Тридцатилетней войны». Основываясь на данных об экономическом и социальном развитии австрийских земель в XVI—XVII вв., автор показал социальные группы, служившие опорой габсбургского абсолютизма.

В пятой секции конгресса, посвященной проблемам «современной истории» (с конца XVIII в.), работа началась с обсуждения проблем истории Британской империи. Несмотря на то, что докладчики и авторы сообщений из числа буржуазных историков касались сравнительно отдаленных периодов истории английской колониальной политики, их идеи и общие оценки непосредственно были связаны с современными актуальными проблемами. В некоторых сообщениях английские авторы не смогли скрыть своего стремления обелить английскую колониальную политику, рекламируя «благородство», «уступчивость» английских правящих кругов по отношению к колониальным владениям. Доклад В. Харлоу (Англия) «Историография Британской империи и Содружества после 1945 г.» носил в основном обзорный характер. Автор ограничился систематизацией новейших работ, посвященных истории британских владений. Во вступительных замечаниях он, мимоходом сославшись на новые явления в колониальной системе (кризис и распад колониальной системы империализма, что привело к возникновению ряда новых государств, бывших в прошлом колониями), указал, что в свете этих явлений необходим новый подход к истории империи. В частности, по его мнению, исследователи империи должны уделять больше внимания внутренней истории владений. Эти замечания сопровождались осторожным признанием поверхностности прежних работ буржуазных историков по истории Британской империи и ее отдельных частей. Отсутствие в докладе значительных обобщений, преобладание в основном библиографического материала не дало основы для серьезной полемики.

Сообщение Э. Т. Мэннинг (США) «Националистические движения в Британской империи до 1850 г.» вызвало оживленные прения среди участников секции. Автор остановился на истории народных выступлений в Ирландии (в первой половине XIX в.) и Канаде (народное восстание в Верхней и Нижней Канаде в 1837—1839 гг.), направленных против английского владычества. Э. Т. Мэннинг поставила вопрос о причинах того, почему история этих двух владений Англии оказалась столь различной: Канада еще в середине XIX в. получила, сказала выступавшая, фактическую независимость, в то время как Ирландия добилась ее лишь в XX веке. В то же время оратор отметил, что Канада до сих пор продолжает оставаться в рамках Британской империи, а Ирландия полностью с ней порвала. Игнорируя особенности социально-экономического развития обоих владений и ограничиваясь рассмотрением поверхностных фактов чисто политической истории, Э. Т. Мэннинг ищет ответа на вопрос о причинах этих событий в политике Англии, придавая особое значение гибкости английской дипломатии и ее умению идти на уступки и компромиссы.

В развернувшихся прениях тезис Э. Т. Мэннинг подвергся критике. В частности, прогрессивный канадский ученый С. Райерсон дал на-

[17] Э. Саррабло (Испания) в сообщении «Некоторые данные к изучению отношений между Испанией и Польшей в XVI—XVII вв.» привел новые материалы, свидетельствующие о связях между этими государствами. Р. Питон (Швейцария) в сообщении «Политика Венеции и первый период Тридцатилетней войны в Италии (1618—1631)» дал очерк венецианской политики, абстрагируясь от экономических факторов. Доклад К. Репгена (ФРГ) «Нейтралитет и международные мирные связи в эпоху Тридцатилетней войны» был основан на малоизвестных и большей частью неопубликованных материалах из венецианского и ватиканского архивов. Автор показал попытки посредничества в войне со стороны папы римского в Венеции.

учный анализ факторов национального развития Канады. Н. А. Ерофеев (СССР) отметил, что важнейшей причиной, побудившей Англию пойти на уступки Канаде, была отнюдь не дальновидность английских политиков, а опасения агрессивных акций в Канаде со стороны США.

Зачитанное сообщение английского историка Н. Мэнсерга «Южная Африка 1906 — 1952 гг.: цена великодушия» было посвящено обелению английской политики в отношении Южной Африки. Мэнсерг и другие английские буржуазные историки пытались распространить на конгрессе идейку современных идеологов английского империализма о якобы добровольном предоставлении Англией независимости колониям, о «великодушии» колонизаторов. В современных условиях краха колониальной системы империализма буржуазные историки поставляют таким образом «аргументы» для империалистической пропаганды. Выступившие по этим вопросам советские ученые показали подлинный характер колонизаторской политики английского империализма и вскрыли действительный политический смысл буржуазных фальсификаций истории Британской империи.

Сообщение М. Карти (США) «Американская филантропия за океаном» в розовом свете освещает некоторые факты американской «помощи», которая на деле оказывалась лишь орудием экспансионистской политики американской буржуазии. В прениях, которые развернулись по поводу этого сообщения, историки-марксисты раскритиковали М. Карти и разоблачили американскую официальную политику «помощи» как орудие экспансии.

Острая полемика развернулась на заседании пятой секции, когда обсуждался вопрос о деятельности социал-демократических партий различных стран Европы в период первой мировой войны. Доклад бельгийского историка А. Хаага «Германская социал-демократия и первая мировая война» на первый взгляд носил чисто историографический характер. На основе анализа многочисленной литературы, посвященной этому вопросу, автор остановился на различных оценках деятельности германской социал-демократии и ее отношении к войне. Однако под видом «беспристрастного изучения» различных точек зрения автор ополчился против В. И. Ленина и большевиков, заклеймивших измену вождей германской социал-демократии. Этой оценке докладчик противопоставил высказывания современных американских буржуазных историков. По мнению А. Хаага, последние «доказали», что германская социал-демократия якобы не имела в 1914 г. выбора и не могла выступить против войны, так как в стране, в частности среди рабочего класса, будто бы царили шовинистические настроения. Полностью поддержав эту фальсификацию, А. Хааг фактически отбросил провозглашенную им «беспристрастность».

Прения по этому докладу приняли весьма бурный характер. Выступило около 20 ораторов. Среди них выделялись представители марксистско-ленинской исторической науки. Убедительно прозвучали выступления историков Германской Демократической Республики, которые на основе новейших материалов вскрыли классовый характер политики официального руководства германской социал-демократии в период первой мировой войны и отвергли утверждения о преобладании шовинистических настроений в германском рабочем классе. Добросовестные представители буржуазной науки были вынуждены согласиться с классовой оценкой германской социал-демократии, данной историками-марксистами. Так, в частности, итальянский историк Л. Вальяни признал, что к 1914 г. германская социал-демократическая партия перестала выражать интересы рабочего класса, поставив на первое место «национальные» задачи, точнее, поддержку агрессивных устремлений германского империализма. Большой интерес присутствовавших вызвало выступление В. Нимца (ФРГ), который привел ряд неопубликованных архивных

материалов, свидетельствующих о тесных связях, которые руководство германской социал-демократии поддерживало с кайзеровским правительством и полицией накануне 1914 года.

По своей тематике к докладу А. Хаага примыкал ряд сообщений. Так, Ж. Дроз (Франция) посвятил свое сообщение («Срединная Европа Фридриха Науманна и европейские социалистические партии») вопросу об отношении социалистических партий различных стран Европы, в особенности Германии, к книге Науманна «Срединная Европа», провозглашавшей экспансию германского империализма на Восток. Л. Вальяни (Италия) выступил на тему «Итальянское социалистическое движение в период нейтралитета (с августа 1914 до мая 1915 г.)». Он подчеркнул преобладание в итальянских народных массах антивоенных настроений. Сообщение «Первая мировая война и Российская социал-демократическая рабочая партия» принадлежало Н. И. Шатагину (СССР). Оратор охарактеризовал политику большевистской партии и В. И. Ленина по вопросам войны и мира, убедительно показал, что РСДРП(б) во время первой мировой войны на деле проводила политику подлинного пролетарского интернационализма.

На секции имели место попытки крайне враждебных Советскому Союзу реакционных элементов использовать трибуну конгресса для клеветнических выпадов против марксизма-ленинизма и Советского государства. Как обычно, с этой целью были использованы подонки эмиграции, выброшенной народами СССР за пределы Советской страны и всплывшие на поверхность в роли «профессоров» из Мюнхена и американских университетов. Эти вылазки встретили твердый отпор со стороны советских представителей и не получили поддержки на конгрессе.

Оценивая дискуссию по вопросам политики социал-демократических партий, следует отметить, что историки-марксисты не только приняли активное участие в острой полемике, но и придали ей глубоко научный характер. В противовес буржуазным историкам, которые пытались перенести обсуждение с главных на второстепенные, частные вопросы, историки-марксисты сосредоточили внимание присутствовавших на необходимости объективного, классового анализа фактов, событий и деятельности партий. Несмотря на все попытки реакционных элементов сорвать деловую работу секции, дискуссия вокруг этих весьма острых и злободневных вопросов была введена в русло научного обсуждения. Это явилось успехом историков-марксистов, добивавшихся того, чтобы высокая трибуна Международного конгресса историков была использована исключительно для строго научного обсуждения проблем, представляющих общий интерес для участников конгресса.

Детально обсуждались на секции проблемы массовых миграций в новое время. Английский историк Ф. Тистлуейт в докладе «Миграция из Европы за океан в XIX и XX вв.» охарактеризовал состояние исследования этого важного вопроса. Он сказал, что наибольший интерес к этой теме до настоящего времени проявляли главным образом американские историки, которые, однако, ограничиваются изучением миграции в своей стране, рассматривая ее как составную часть заселения Соединенных Штатов. Между тем интерес и значение этой темы выходит за рамки истории США. Массовые миграции являются составной частью социальной истории стран Европы, которые поставляли эмигрантов за океан. Необходимо внимательно исследовать причины происхождения этих массовых передвижений населения и их влияние на те страны, из которых шел поток переселенцев.

Подчеркивая массовость эмиграции в XIX в. из Европы и отмечая наличие также обратного движения в Европу, докладчик, следуя распространенным на Западе «теориям», стремился представить все страны, расположенные вокруг Атлантики,— континенты Европы и Америки,

как единый экономический комплекс, как некую «атлантическую общность». С этой целью автор ставил знак равенства между эмиграцией за океан и передвижением рабочей силы внутри отдельных стран Европы. Таким образом, Ф. Тистлуейт смазал принципиальное отличие этих двух явлений, зачеркивая политическую эмиграцию. В прениях, которые развернулись вокруг этого доклада (выступило 13 человек), были затронуты вопросы происхождения эмиграции и ее роль в отдельных странах. В частности, историки-марксисты подчеркивали политический характер заокеанской эмиграции, влияние на нее экономической, социальной и политической обстановки в отдельных странах.

Другие сообщения касались более частных аспектов эмиграции [18].

Доклад Л. Жирара (Франция) «История предприятий в XIX веке» был посвящен анализу последних французских работ по истории капиталистических предприятий и фирм во Франции XIX века. Автор подчеркнул, что появление исторической литературы по этой теме обязано влиянию американской буржуазной историографии с ее «историей бизнеса», которая сводится к анализу деятельности крупных предпринимателей и, в сущности, к апологии крупного капитала. Выпячивая деятельность представителей «большого бизнеса», эта историография, по существу, направлена против прогрессивной историографии, против марксизма-ленинизма. Последнее признал и автор доклада. В заключение своего обзора французских работ Л. Жирар попытался подвести итоги тому, что нового внесли эти работы для более отчетливого понимания экономического развития Франции XIX в., а также выдвинуть важнейшие проблемы, ожидающие освещения.

Американский историк Д. Лэндс выступил на тему «Структура предприятий в XIX в. на примере Англии и Германии». Д. Лэндс пытался проанализировать особенности складывания капитала в промышленности обеих стран и пришел к выводу, что характерной чертой Англии почти до конца XIX в. было слабое развитие акционерных компаний как формы мобилизации капитала, что здесь преобладали традиционные корпорации семейного характера. Это явление автор связывает с развитием рынка капиталов в Англии. Напротив, в Германии, по мнению докладчика, очень рано развились акционерные компании с ограниченной ответственностью, которые подготовили почву для развития трестов и других форм объединения крупного капитала. Этим обстоятельством автор объясняет, в частности, сильное влияние крупного капитала на политику германского правительства.

Оба доклада обсуждались одновременно. Участники прений высказали некоторые критические замечания. К. Оберман (ГДР) несколько подробнее остановился на характеристике германского капитализма в XIX в.; румынский историк В. Мачиу нарисовал картину проникновения

---

[18] Ф. Скотт (США) в сообщении о скандинавской эмиграции в США поставил перед исследователями ряд вопросов: о связи между эмиграцией и социальным развитием страны, о влиянии эмиграции на распределение возрастных групп и полов и т. д. И. Семмингсен (Норвегия) в выступлении на тему «Эмиграция из Норвегии, ее причины и характер» осветила развитие эмиграции из Норвегии в XIX веке. Она подчеркнула значительные масштабы норвежской эмиграции: в некоторые десятилетия эмигранты из Норвегии составляли 60% всего прироста населения страны. И. Семмингсен отметила аграрный характер норвежской эмиграции. Причины ее массовости автор искала в стремительности темпов промышленного развития страны в эти десятилетия и вызванных им социальных сдвигах. Сообщение Дж. Паренти (Италия) «Итальянская эмиграция с 1876 г. до настоящего времени» было посвящено анализу статистических данных об итальянской эмиграции в различные периоды как в страны Европы, так и за океан. Попутно автор затронул вопрос об экономических и социальных условиях, имевшихся в самой Италии, а также в странах, куда направлялся поток итальянской эмиграции. П. Жорж (Франция) посвятил свое сообщение («Некоторые аспекты итальянской иммиграции в парижский район со времен Второй империи») главным образом обработке статистических данных о численности итальянской иммиграции и ее профессиональном составе.

иностранного капитала в Румынию[19]. Значительный интерес вызвало сообщение А. Л. Сидорова (СССР) «Проблемы структуры промышленности в России в конце XIX в.». Автор на большом конкретном материале показал развитие промышленности в России, в частности роль иностранного капитала. Некоторые ученые Запада, выступавшие в прениях, признали, что многие факты, приведенные оратором, были им неизвестны.

Доклад, сделанный американским исследователем У. Брауном, «Традиционная культура и современное развитие Индии» — результат коллективного труда большой группы сотрудников Пенсильванского университета, работавшей под руководством У. Брауна. Авторы доклада показали эволюцию форм индийской культуры за последние полтора столетия. Они проследили, как происходило изменение традиционных индийских форм под влиянием европейской цивилизации в области религии, литературы и искусства и пришли к заключению, что результатом контакта Индии с внешним миром было появление своеобразной формы культуры, сочетающей в себе традиционные черты и новые.

Доклад подвергся оживленному обсуждению. Историки-марксисты отметили большой материал, приведенный в докладе, и в то же время указали на его основную слабость: полное игнорирование влияния социальных моментов и классовой борьбы на развитие культуры. В прениях по докладу произошел характерный эпизод. Английский историк пытался расхваливать «благодетельное» воздействие англичан на развитие Индии. В частности, он пробовал доказать, что английский язык, введенный в Индии колонизаторами в качестве официального языка, якобы способствовал единству страны. При этом, конечно, не было сказано ни слова об излюбленной политике колонизаторов — «разделяй и властвуй». С отповедью выступил индийский ученый, который показал, что английское господство принесло народам Индии огромные бедствия и тяжкие последствия этого господства они до сих пор еще чувствуют на себе.

Сообщение В. М. Хвостова (СССР) на тему «Внешняя политика Германии в восьмидесятых годах XIX в. в свете источников из русских архивов» было посвящено русско-германским экономическим и политическим отношениям и основано на материалах, извлеченных из Архива внешней политики России. В выступлениях по этому сообщению была отмечена свежесть материалов и убедительность характеристики эволюции германо-русских отношений в рассматриваемое время.

Последней крупной проблемой, обсуждавшейся в пятой секции, был национальный вопрос в Центральной Европе в конце XIX — начале XX века. Основной доклад сделал югославский историк Ф. Цвиттер — «Национальные проблемы в монархии Габсбургов». Этот доклад, представлявший собой плод совместной работы трех югославских историков, в основном был посвящен анализу требований и программ различных национальных групп, населявших габсбургскую империю, эволюции этих требований и программ в период от революции 1848 г. до до 1918 года[20].

---

[19] Частным проблемам были посвящены сообщения: Б. Жиля (Франция) «Французские капиталы и европейские железные дороги в 1852—1857 гг.» (здесь излагается главным образом деятельность банкирского дома Перейры); А. Ж. Тюдеска (Франция) «Социальная структура Французского банка в середине XIX в.» (рисует внутреннюю организацию Французского банка в середине XIX в.); Э. Сэдерлунда (Швеция) «Изменения внутренней структуры предприятий шведской экспортной промышленности в XIX в.» (рассматривает процесс укрупнения в лесной и рудной промышленности Швеции в конце XIX в.).

[20] Были заслушаны два сообщения, которые по своей теме близко примыкали к докладу: А. Контамина (Франция) «Как французские дипломатические агенты и консулы рассматривали национальные проблемы габсбургской монархии во второй половине XIX в.» и К. Шиффрера (Италия) «Национальная проблема Триеста в историо-

Обсуждение доклада и сообщений происходило одновременно. В ходе прений (в них приняло участие 24 человека) выявились две противоположные точки зрения: представители буржуазной историографии пытались смягчить остроту национальной проблемы в бывшей габсбургской монархии и даже представить последнюю как «образец» многонационального государства, будто бы разрешившего наиболее острые внутренние проблемы. С таких позиций выступал австрийский историк Г. Ганч, который сетовал, что докладчик не показал глубоких и тесных связей, объединявших народы Австро-Венгрии, а именно «общую культуру». Историки-марксисты, принявшие активное участие в обсуждении этого вопроса (выступило 10 человек), отвергли попытки некоторых ораторов идеализировать монархию Габсбургов. Они подчеркнули связь национального вопроса в Австро-Венгрии с социальными проблемами и роль народных масс в национальных движениях.

Х. Ситон-Уотсон (Англия) в сообщении «Интеллигенция и национализм в Восточной Европе в 1848—1918 гг.» на основе анализа роли интеллигенции в национальных движениях различных стран Восточной Европы пытается вывести некий «закон» о возрастании роли интеллигенции в обратной зависимости от уровня экономического и социального развития отдельных стран. Смысл сообщения заключался в попытке доказать, что активная роль интеллигенции в революционном и национально-освободительном движении является характерной только для Восточной Европы. В сообщении «Националитет и граница в конце XIX и начале XX в.» Г. Ротфельс (ФРГ) исходил из пропагандируемых в последние годы идей «европейской общности» и ратовал за отказ от национальных границ. В прениях активное участие приняли историки-марксисты, которые отвергли надуманные схемы Ситон-Уотсона и трактовку Ротфельсом национального вопроса. Видный историк ГДР Лео Штерн убедительно доказал, что Ротфельс выступает с крайне реакционных, реваншистских позиций. Сообщение Д. Косева (Болгария) «Национально-освободительное движение в Болгарии в XIX в. и демократические круги Запада» содержит ряд новых и интересных материалов, свидетельствующих о широком сочувствии, которое вызвала борьба болгарского народа в прогрессивных кругах Запада.

Оценивая работу пятой секции в целом, следует отметить, что представители марксистско-ленинской историографии не только активно участвовали во всех обсуждениях, но на некоторых заседаниях им удалось дать направление дискуссиям. Острая и принципиальная научная полемика, разгоревшаяся по ряду вопросов, позволила отчетливо выявить противоположные точки зрения. Работа пятой секции убедительно свидетельствует о том, что историческая наука представляет собой отрасль науки, где идет острая идеологическая борьба. Работа секции также показала, что организаторы конгресса стремились избежать постановки докладов и сообщений, посвященных актуальным вопросам новейшей истории. Поэтому в секции современной истории, по сути дела, почти не обсуждалась современная тематика.

За несколько дней до открытия конгресса проходили заседания комиссий по различным отраслям исторической науки. Эти заседания явились составной частью деятельности конгресса. 17 августа начали работать комиссии по истории славянства, истории социальных движений и социальных структур, а также временная комиссия по экономической

графии австрофилов и ирредентистов». Автор первого сообщения ограничился изложением некоторых донесений французских дипломатов, автор второго попытался проанализировать позиции нескольких историков Триеста конца XIX и начала XX века.

истории. В последующие дни провели заседания другие комиссии: по истории представительных учреждений, сравнительной истории, истории церкви, истории печати, по нумизматике, коллоквиумы по истории университетов, по истории цен и др. В общей сложности накануне конгресса с 17 по 20 августа проведены заседания пятнадцати международных комиссий и учреждений. За исключением комиссии по истории славянства, которая выбрала местом своей работы небольшой университетский городок Упсалу (в 70 км от Стокгольма), все остальные комиссии работали в столице Швеции, что облегчало задачу общения между историками различных стран.

На заседаниях групп и комиссий были заслушаны многочисленные доклады и сообщения. Также были обсуждены и решены вопросы организационного характера, поскольку эти комиссии и группы представляют собой в большей или меньшей степени автономные образования, живущие своей самостоятельной жизнью.

Одной из первых начала работать комиссия по истории славянства. Норвежский ученый Й. Сейп сделал доклад «Пограничные конфликты между Россией и Норвегией в XVII в.». Автор обнаружил ценные источники по истории Карелии. Новые и интересные факты о научной деятельности историка А. Л. Шлецера содержал доклад Э. Винтера «А. Л. Шлецер и Россия».

Однако работа комиссии по истории славянства была бы неизмеримо более плодотворной, если бы не было попыток со стороны некоторых враждебных Советскому Союзу западных историков превратить эту комиссию из форума международного научного сотрудничества в место крикливых антисоветских выступлений путем предоставления трибуны комиссии ничего общего с наукой не имеющим личностям (главным образом из числа различных предателей, изменивших советскому народу и Родине и взятых в услужение некоторыми западными «научными» учреждениями). Только этим можно объяснить как состав представителей капиталистических стран в комиссии, так и в особенности подбор ими тем и докладчиков. Лишь после решительного протеста советских делегатов некоторые из этих лиц были отстранены от участия в работе комиссии. Однако и после этого ряд докладов, сделанных в комиссии, ни в коей мере нельзя было отнести к разряду научных исследований. Так, один предатель украинского народа, фигурируя в качестве американского историка, выступил с докладом «Киевская Русь и образование трех восточнославянских наций». Этот доклад, представляющий собой грубую пропаганду украинского буржуазного национализма, свидетельствовал о полной научной безграмотности автора. Советские делегаты М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков в своих выступлениях убедительно показали порочность доклада, полное незнакомство автора с исторической наукой и литературой вопроса. Среди участников конгресса отмечалось, что лица, направившие в Стокгольм подобных «ученых», выступавших не только в этой, но и в других комиссиях, а также секциях конгресса, не проявили должного уважения к международному форуму историков и сослужили плохую службу престижу американской исторической науки.

Те, кому служит вышеупомянутый «докладчик», выпустили на трибуну комиссии также откровенного фашиста И. Вейдлейна (ФРГ), который выступил с проповедью реваншистских идей. В знак протеста против этого выступления советские историки покинули зал заседаний. Речь гитлеровского последыша настолько возмутила присутствовавших в зале, что по требованию большинства участников заседания он был лишен слова, а текст его доклада изъят из протокола. Комиссия постановила считать этот доклад несостоявшимся. Некоторые другие доклады, прочитанные в комиссии, не представляли и не могли представлять какой-либо научной ценности, поскольку их авторы не имеют ничего

общего с наукой. В связи с этим возникает вопрос о составе комиссии по истории славянства. Уже после ее пополнения на Стокгольмском конгрессе подлинных представителей славянских народов насчитывалось всего пять человек, в том числе из СССР четверо и один из Чехословакии. Следовательно, еще и сейчас ученые ряда славянских стран не получили мест в составе комиссии. Разумеется, такое представительство не отвечает задачам научного изучения истории славянских народов. Ближайшее будущее должно показать, в какой степени лица, руководящие работой этой комиссии, действительно стремятся создать в ней подлинно научную атмосферу и сделать ее международным центром, координирующим изучение истории славянства.

Работа комиссии по экономической истории проходила 12—20 августа. Доклады и выступления были посвящены всего двум вопросам: «Индустриализация как фактор экономического развития после 1700 г.» — К. Беррил (Англия) и «Крупные предприятия в сельском хозяйстве со времен средних веков» — Ф. Лютге (ФРГ). Эти доклады подверглись основательному обсуждению. В прениях выступили советские представители, в частности М. П. Ким, рассказавший о социалистической индустриализации в СССР, и В. М. Лавровский, сделавший сообщение о крупном поместье в Англии XVIII века.

Среди других комиссий и групп, заседавших накануне конгресса, следует отметить комиссию по истории социальных движений и социальных структур, которая работает с участием советских представителей (Е. А. Степанова). Два года тому назад ею был проведен коллоквиум в Страсбурге. На основании докладов, заслушанных в Страсбурге, к настоящему конгрессу был подготовлен большой сводный доклад, озаглавленный «Рабочее движение в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.: его политические и социальные последствия». Работа комиссии в Стокгольме велась одновременно в двух коллоквиумах: по истории социальных движений и по социальным структурам. Названный выше сводный доклад был заслушан на первом коллоквиуме. В дополнение к нему были представлены краткие резюме еще трех сообщений — о рабочем движении в эти годы в Японии, в Индии и в Латинской Америке.

Доклад подвергся основательному обсуждению. Хотя в нем содержится признание, что в период мирового экономического кризиса Советский Союз, ведя плановое строительство, являл собой контраст капиталистическому миру, однако историки СССР при обсуждении сводного доклада отметили, что его составители не использовали должным образом материалы, представленные в Страсбурге советской делегацией, и, по существу, не показали положение рабочего класса в СССР. Составители доклада усматривают другое исключение из общей картины положения буржуазных стран — это положение в скандинавских странах (Швеция, Норвегия), которое отличалось якобы «экономической и социальной стабильностью». Такое утверждение опровергается даже теми цифрами, которые сочли возможным привести составители доклада. В Норвегии в 1932 г. безработица охватывала 30%, а в Швеции — 25% всех организованных в профсоюзы рабочих. Бедствия испытывали также фермерские хозяйства, в чем можно было убедиться из доклада норвежского историка Э. Булла.

Западные историки — участники коллоквиума утверждали, что социал-демократические партии отошли в своих программах от марксизма-ленинизма потому якобы, что рабочий класс за последние три десятилетия изменился и обнаружил-де «полное равнодушие» к революционным принципам. Таким образом, предательская политика лидеров правых социалистов, начисто отказавшихся от борьбы за социализм, выдается за позицию рабочего класса. Подобные тенденциозные выводы, как

показали в своих выступлениях советские историки (Ю. А. Поляков и др.), опровергаются тем фактом, что ныне уже третья часть человечества строит социалистическое и коммунистическое общество, а в рядах коммунистических и рабочих партий всего мира насчитывается свыше 36 млн. членов.

Советские историки в прениях обратили внимание на серьезные пробелы в сводном докладе и рассказали о замечательных успехах социалистической индустриализации в СССР, об отсутствии безработицы в нашей стране, наглядно показав неизмеримое превосходство социалистической системы хозяйства над капиталистической.

Большой научный интерес представляло выступление уругвайского историка Карлоса Рама, который дал в основном верный анализ развития рабочего движения в Аргентине, Чили и Уругвае. Он особо отметил, что кризис обострил классовую борьбу и имел своими последствиями, с одной стороны, усиление буржуазно-помещичьих диктатур и, с другой,— подъем антифашистского, антиимпериалистического движения. Выступивший на коллоквиуме В. Конце (ФРГ) пытался использовать обсуждение доклада для клеветы на Коммунистическую партию Германии. Он заявил, что германские коммунисты якобы несут ответственность за приход Гитлера к власти. Недостойный выпад западногерманского историка против партии германского рабочего класса, отдавшей лучшие силы и многие жизни борьбе против фашизма, был категорически опровергнут историками-марксистами, приводившими яркие факты и документы. Так, Л. Бертольд (ГДР) показал лживость утверждений Конце, приведя конкретные данные о том, как социал-демократическая партия отклоняла неоднократные предложения Коммунистической партии Германии о создании единого фронта в борьбе против фашизма. В. Г. Трухановский (СССР) убедительно опроверг клеветнические утверждения Конце об «указке Москвы». Буржуазная шведская газета «Дагенс нюхетер» умолчала о критических выступлениях, а заявление Конце преподнесла читателям как «крупное научное открытие», хотя известно, что это «открытие» имеет большую давность и принадлежит не кому иному, как гитлеровским пропагандистам. Этот эпизод показывает, как «объективно» шведская буржуазная печать освещала работу конгресса.

В ходе обсуждения сводного доклада о рабочем движении некоторые ученые посвятили свои выступления вопросам структуры рабочего класса. Э. Лабрус (Франция) сообщил о большой работе, которая предпринята группой французских исследователей по изучению профессионального состава населения различных городов и районов Франции, главным образом XVIII века. Для этого начато изучение нотариальных архивов и фискальных списков XVIII в., в частности брачных контрактов, в которых указаны профессия и имущественное состояние вступавших в брак. Это исследование, по замыслу его инициаторов, должно дать материал для изучения имущественного, социального и профессионального состояния французского населения, в частности дать возможность определить так называемую «социальную мобильность» населения. Однако эта «микроистория», характерная для определенного социологического направления во французской буржуазной историографии, не дает, конечно, возможности для широких научных обобщений и подлинно научного определения социального состава населения Франции XVIII века. Выступая в прениях, Э. Энгельберг (ГДР) информировал собравшихся о работе, предпринятой немецкими историками по изучению формирования германского рабочего класса в последней трети XIX века. Материалом для этого изучения являются трудовые книжки, хранящиеся в архивах германских предприятий, а также материалы архивов профессиональных союзов и социал-демократической партии.

Комиссия по истории социальных движений и социальных струк-

тур обсудила также вопрос об издании некоторых материалов и о теме следующего коллоквиума. Решено на следующем коллоквиуме обсудить «Условия труда, уровень и образ жизни наемных рабочих в слаборазвитых странах Азии и Африки». Председателем комиссии (вместо покойного Буржена) избран Э. Лабрус.

В Стокгольме состоялся также коллоквиум по проблемам Испанской Америки XVI—XIX вв., организованный Панамериканским институтом истории и географии и Испано-американским шведским институтом. На коллоквиуме присутствовало более 60 ученых из капиталистических стран. Впервые в этом заседании приняли участие представители науки СССР и ГДР. Оживленная дискуссия развернулась в связи с докладом сторонника биологического детерминизма Магнуса Мернера (Швеция) «Проблема метизации в истории Испанской Америки». Основная тема коллоквиума — «Метисы в истории Испанской Америки» — не является случайной. Многие из выступавших представителей буржуазной науки придерживались «теории» о якобы определяющем влиянии психических, биологических и географических факторов на развитие общества. Они подчеркивали «исключительность» исторического пути народов Америки, их «обособленность» от населения других континентов. Другая характерная черта коллоквиума по проблемам Латинской Америки — уход в прошлое, внимание только к истории Латинской Америки периода испанского колониального господства.

Советские ученые приняли участие в работе комиссии по истории прессы. Основная часть докладов была посвящена конкретным вопросам истории прессы, например, «Наполеон III и бельгийская пресса», «Три века польской прессы», «Эмигрантские газеты в Швейцарии», «Французская пресса и захват Алжира (1830—1843 гг.)» и др. Общим недостатком прочитанных докладов являлось отсутствие анализа фактического материала, извлеченного докладчиками из прессы тех или иных стран, и характеристики исторических событий, о которых говорилось в докладах. Выступая в прениях, В. Г. Трухановский (СССР) отметил, что историю прессы необходимо изучать прежде всего для расширения наших знаний об исторических явлениях и событиях, которые в ней отражены. У участников комиссии не вызвала возражений мысль о важности прессы как источника для исследовательской работы в области истории. На заседании комиссии принято решение об изменении ее статута и преобразовании из временной в постоянную комиссию по истории прессы при Международном комитете историков. Предполагается, что комиссия проведет подготовительную работу по изданию международного перечня газет.

Заключительное заседание конгресса под председательством шведского историка Т. Хеера состоялось 28 августа в Упсале. Были утверждены новые назначения в состав Бюро Международного комитета историков. Президентом Бюро на следующие пять лет единогласно утвержден профессор Г. Ф. Шмид (Австрия). Местом созыва следующего конгресса, в 1965 г., избрана Вена. На этом торжественном заседании профессор Ф. Линдберг (Швеция) зачитал доклад «Балтика в скандинавской историографии. Проблемы и перспективы».

Подводя итоги работы конгресса, следует отметить, что многие доклады и сообщения, сделанные на конгрессе, а также выступления в прениях содержат большой исследовательский материал и послужат стимулом для дальнейшего развития конкретного исторического знания. Работа конгресса способствовала выявлению некоторых пробелов в научной деятельности и определению направления исследовательской работы на будущее. В этом отношении конгресс представляет собой важное событие в исторической науке.

Материалы конгресса в дальнейшем будут внимательно изучены советскими историками для более конкретного определения того, что

нового и ценного он внес в историческую науку. Это изучение поможет определить как современное состояние основных отраслей исторического знания, так и направление их развития. Однако уже в настоящий момент ознакомление с работой конгресса в целом позволяет сделать некоторые общие выводы.

Дискуссии, развернувшиеся на конгрессе и нередко носившие острый характер, убедительно свидетельствуют о наличии двух принципиально противоположных тенденций в современной историографии и отражают остроту идейной борьбы историков-марксистов с представителями идеалистических взглядов на историю. Разумеется, между марксистско-ленинской и идеалистической концепциями исторического процесса лежит непроходимая пропасть. Однако было бы неправильным делать из этого вывод о том, что всякие дискуссии между представителями двух диаметрально противоположных концепций в исторической науке бесполезны. Дискуссии на конгрессе, как правило, носили научный, деловой характер, развертывание таких дискуссий позволяет нам лучше ознакомиться с ходом мыслей и аргументацией представителей буржуазной науки, выявить их слабые места. Проходившая на конгрессе полемика позволила историкам-марксистам развернуть свою аргументацию, защитить от нападок представителей буржуазной науки марксистско-ленинский исторический метод.

Полемика, имевшая место на конгрессе, показывает также растущее влияние марксизма-ленинизма на буржуазных ученых. Это влияние неуклонно возрастает по мере того, как множатся наши успехи, крепнут силы лагеря демократии и социализма. Эти успехи, а также вся политика стран социалистического лагеря, их смелая и последовательная борьба за мир, против войны и реакции способствуют росту притягательной силы наших идей, привлекают к себе симпатии всех прогрессивных элементов за рубежом. Серьезное влияние в этом направлении оказывают и успехи марксистско-ленинской исторической науки, нашедшие проявление, в частности, в докладах, сообщениях и выступлениях представителей стран социалистического лагеря на конгрессе. Жизнь и практика убедительно показывают, что марксистско-ленинский метод, являющийся единственно правильным методом исторического исследования, оплодотворяет мысль ученого-историка, обогащает ее, раскрывает перед учеными огромные возможности подлинно научного исследования, широких и смелых обобщений, двигающих вперед науку.

Стокгольмский конгресс дал убедительные иллюстрации этого положения: все доклады и сообщения историков-марксистов отмечены стремлением к широким обобщениям, отличаются конструктивным характером, вдумчивым подходом к историческим фактам и явлениям. Творческий характер марксистско-ленинской исторической науки особенно наглядно подчеркивает глубокий кризис буржуазной науки. Большинство буржуазных историков на конгрессе избегало рассмотрения крупных проблем, сосредоточив свое внимание на освещении частных фактов и явлений, без серьезных попыток обобщить их и теоретически осмыслить. Конгресс показал, что представители буржуазной науки стремятся уйти от постановки и обсуждения актуальных вопросов современности, что в их работе преобладает европоцентристская тематика.

С этим обстоятельством тесно связан и другой вопрос. Все наблюдатели, следившие за работой Стокгольмского конгресса, отмечали огромную активность историков-марксистов, прежде всего ученых стран социалистического лагеря. Сравнение XI Международного конгресса с предыдущим убедительно показывает, что силы историков-марксистов неизмеримо возросли. Выступления историков-марксистов звучали на конгрессе в Стокгольме отчетливо и громко. Убедительно выступали не только исследователи из социалистических стран, но и ученые-маркси-

сты из ряда буржуазных государств, например из Японии, Канады и некоторых других.

Большая активность представителей марксистско-ленинской исторической науки на конгрессе объясняется не только возросшей численностью историков-марксистов, но прежде всего самим характером марксистско-ленинской исторической науки, не позволяющей исследователю оставаться на поверхности явлений, побуждающей вдумываться в каждое явление, искать глубоких объяснений и обобщений. Именно это обстоятельство и побуждало историков-марксистов вступать на конгрессе в полемику почти по всем вопросам, предлагая свое решение. Идейная убежденность историков-марксистов находилась в глубоком противоречии с методологической беспомощностью представителей буржуазной исторической науки, с неверием и пессимизмом, которые сквозили в выступлениях буржуазных ученых. Нет сомнения, что по мере того как это обстоятельство становится все более очевидным для многих историков из капиталистических стран, добросовестные буржуазные ученые вынуждены все чаще признавать успехи марксизма-ленинизма и отдавать ему должное.

Советские историки должны хорошо знать своих идейных противников, следить внимательно и систематически за эволюцией буржуазных исторических школ и отдельных исследователей, за новейшими тенденциями в области буржуазной исторической науки. Советские ученые должны уделить больше внимания разработке теории исторического процесса. Диалектический и исторический материализм дает в наши руки мощное оружие борьбы против буржуазной идеологии, и нам следует развивать и совершенствовать творческий метод исторического исследования.

В целом стокгольмский Международный конгресс историков с большой наглядностью и убедительностью показал огромные успехи нашей коммунистической идеологии. Он явился еще одним свидетельством роста и успешного развития марксистско-ленинской исторической науки как в Советском Союзе, так и за его пределами.

БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В ТУПИКЕ

И. С. Кон

В. И. Ленин, характеризуя типичные черты буржуазной идеологии эпохи империализма, указывал, в частности, что буржуазная социология и историография стремятся спрятаться от анализа коренных исторических закономерностей, уйти в область исследования разрозненных, взятых вне их внутренней связи единичных явлений. Эта черта наглядно проявлялась и ранее в деятельности буржуазных историков, у которых узкая научная специализация нередко сочеталась с пренебрежением к теории. Многие крупные историки второй половины XIX в., справедливо отвергая произвольные построения спекулятивной философии истории у представителей немецкого классического идеализма и антиисторические схемы, присущие позитивистской социологии, и будучи не в состоянии воспринять созданную Марксом научную теорию исторического процесса, утверждали, что между историей, с одной стороны, и философией и социологией — с другой, вообще не может быть ничего общего. «Задача истории в том, чтобы рассказывать повесть, оставив философию другим» [1],— говорил, например, американский историк Джемс Ф. Родс. В предисловии к «Острову пингвинов» Анатоль Франс создал яркий образ историка-крохобора, для которого не существует ничего, кроме изучаемого им текста, а любые идеи он пренебрежительно называет фантазиями. Эта фактографическая традиция и сегодня в значительной мере довлеет над буржуазной историографией и иногда даже формулируется как принцип — «история не нуждается... ни в каком учении об истории, ни в какой теории исторического процесса» [2].

Вместе с тем в современной буржуазной историографии наблюдается заметное нарастание интереса к философии, методологии и вообще теоретическим вопросам исторической науки. Профессиональные историки все чаще выступают со статьями и книгами теоретического характера, участвуют в философских спорах и т. п. Это находит отражение и в работе международных конгрессов историков. Так, на X Международном конгрессе исторических наук в Риме был зачитан доклад Ф. Коллотти об «историзме» Б. Кроче, философские вопросы занимали значительную часть пространного доклада Г. Риттера о проблемах и задачах исследования новой истории. На методологической секции XI Международного конгресса исторических наук в Стокгольме первым был поставлен на обсуждение доклад Э. Ротаккера «Влияние философии истории на современные исторические науки». Кроме того, философские и методологические вопросы специально обсуждались на XI Международном конгрессе исторических наук в связи с докладами Г. Баттерфилда об истории исторической науки, Ф. Джилберта о проблемах истории культуры, А. Форбса об истории науки и техники и сообщениями Г. Боймана, Л. Готшалка, А. Дюпрона, Э. Вермейлена и др. Этот интерес буржуазных историков к вопросам философии истории не является случайным.

---

[1] Цит. по E. N. Saveth. Understanding the American past. American history and its interpretation. Boston-Toronto. 1954, p. 19.

[2] E. F. J. Zahn. Toynbee und das Problem der Geschichte. Köln. 1954, S. 8.

Даже самое специальное историческое исследование не обходится без употребления определенных теоретических понятий и категорий («экономика», «политика», «феодализм», «революция» и т. п.), заимствуемых иногда из других общественных наук, в частности из философии и социологии. Все большее значение приобретают по мере развития науки и гносеологические вопросы, проблемы теории исторического познания (вопрос о критериях исторической истины, о логической структуре исторического объяснения, специфике исторического метода и т. п.), которые очень важны для историка и вместе с тем являются философскими по своему характеру. Признание того, что историк не может обойтись без философии, мы находим в работах даже крайне реакционных представителей буржуазной историографии[3].

С другой стороны, и идеалистическая философия уделяет все больше внимания проблемам истории. В свое время, как отмечал В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм», «позитивизм вообще и махизм в частности гораздо больше занимались тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию,— и мало сравнительно обращали внимания на философию истории»[4]. Сейчас можно констатировать, что все школы и течения философского идеализма придают большое значение разработке вопросов философии и методологии истории, противопоставляя свои концепции материалистическому пониманию истории[5].

Чем объясняется этот повышенный интерес к философии истории со стороны буржуазных историков и философов-идеалистов?

Прежде всего он обусловлен социально-экономическими и политическими процессами нашей эпохи, могучим ростом сил социализма и ослаблением империализма. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий говорится: «Наша эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе»[6]. Мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человечества, ибо главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяются мировой социалистической системой, силами, борющимися против империализма, за социалистическое переустройство общества.

Никогда еще вопрос о путях развития человечества не стоял с такой остротой, как в наши дни. Но понять настоящее и предвидеть будущее можно только на основе научного обобщения исторического опыта. Ученые-марксисты создали немало трудов, посвященных объяснению исторического прошлого и показу перспектив прогрессивного развития человечества. Буржуазная идеология стремится противостоять марксизму-

---

[3] Так, Вальтер Хофер вынужден признать, что «история, если она хочет быть чем-то большим, нежели хроника или статистика, не может обойтись без философии и без политики: философские категории и понятия, равно как политические оценки и мнения, являются ее жизненно необходимыми элементами». W. Hofer. Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Studien zur Problematik des modernen geschichtsdenkens. Basel. 1956, S. 8.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 316.

[5] См. об этом подробнее: И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959; см. также А. Шафф. Объективный характер законов истории. М. 1959.

[6] «Правда», 6 декабря 1960 года.

ленинизму, его растущему влиянию на сознание народных масс, выдвигая все более изощренные апологетические «теории». Однако она не может скрыть растерянность политических лидеров и идеологов капиталистического мира перед лицом современности, стремление закрыть глаза на закономерный характер изменения соотношения сил в пользу социализма. В этом обнаруживается порочность их общего исторического мировоззрения. Этого не могут не признать даже сами буржуазные авторы. «Если текущие события воспринимаются нами как удивительные и неожиданные, то это происходит потому, что мы не можем рассмотреть эти события в их логической связи. Если будущее представляется нам каким-то преддверием ада, скопищем бесконечных неожиданностей, то это происходит потому, что мы больше не видим в нем естественного завершения прошлого, растущего элемента настоящего. Наша дезориентация перед лицом будущего больше, чем что бы то ни было другое, обнаруживает потерю нами своей исторической индивидуальности, неспособность понять наше историческое положение» [7],— пишет американский социолог Р. Хейлброунер в своей книге «Будущее как история».

Эти настроения безысходности накладывают неизгладимый отпечаток и на мышление профессиональных историков. История не просто академическая дисциплина; понятие исторической мысли гораздо шире, чем академическая историография. Все общественные науки, по сути дела, занимаются обобщением исторического опыта. С книжкой по истории человек сталкивается уже на школьной скамье, сразу же вслед за букварем. На «уроки истории» постоянно ссылаются политические деятели, публицисты, радиокомментаторы. Естественно поэтому, что в периоды крупнейших исторических потрясений именно от истории люди ждут разъяснения смысла происходящих событий.

Официальная академическая наука буржуазного общества часто предпочитает держаться подальше от этих вопросов. Однако уход в «башню из слоновой кости» является в значительной мере иллюзорным. Даже наиболее специализированные исторические исследования по-своему служат решению определенных идеологических задач. Да и сами буржуазные историки все чаще призывают друг друга к более активному вмешательству в современную идеологическую и политическую борьбу [8].

Социальные потрясения нашей эпохи подорвали основы примитивного описательного объективизма, господствовавшего в буржуазной историографии периода «мирного» развития капитализма. В ожесточенной идеологической борьбе двух мировоззрений — марксистского и буржуазного, как никогда раньше, ясно стала видна зависимость исторических концепций от современной политической борьбы. В то же время мы видим, что исторические идеи сами способны влиять на политическое со-

---

[7] R. L. Heilbroner. The Future as History. New York. 1960, p. 15.

[8] «Профессиональные историки, спорящие о министерском кризисе при каком-то маленьком европейском дворе в 18 в. или о стиле вязания в средневековом женском монастыре, не отвечают на общие вопросы,— пишет английский буржуазный историк Г. Тревор-Роупер.— Поэтому неспециалисты отворачиваются от них и ищут кого-то, кто бы поднялся над этими деталями и нашел в этой чудовищной массе материала, которым люди не хотят забивать свои головы, какое-то общее значение» (H. R. Trevor-Roper. Historical Essays. London. 1957, p. 286). Буржуазные историки не могут не считаться с такими настроениями, тем более что эти настроения непосредственно сказываются и на распространении книг по истории и на посещаемости лекционных курсов. Когда западногерманский историк Вольфганг Шлегель посвятил свой курс под названием «Имеет ли всемирная история смысл?» преимущественно изложению взглядов различных ученых, один из слушателей прямо заявил ему: «Я, собственно, хотел узнать не то, что говорили о смысле истории все эти ученые, а получить от вас ясный ответ на этот вопрос» (W. Schlegel. Geschichtsbild und geschichtliche Bildung. «Die Welt als Geschichte». 18. Jg. 1957. Hf. 4. S. 280).

знание[9]. Представление об историке как о человеке, который, отвернувшись от настоящего, «бесстрастно» и «беспристрастно» созерцает прошлое,— это идеалистическое представление, никак не соответствующее подлинной картине развития исторической науки. Всякая попытка реализовать этот «идеал» оказывалась совершенно безнадежной. Если раньше, 50 лет назад, признает западногерманский историк Конрад Гайзер, мы относились к истории созерцательно и она представлялась нам мертвой, пассивной материей, то современные события на нашей собственной шкуре научили нас различать ту историю, которой мы «владеем» и которую «созерцаем» только в исторических книгах, и ту историю, в которую мы сами «заброшены», которая определяет нашу судьбу и от которой никто не может ускользнуть[10].

Таким образом, социальные сдвиги современности и потребности идеологической борьбы — вот главная причина усиленного внимания буржуазных ученых к вопросам философии истории. Но дело не только в этом. Немаловажное значение имеют также и внутренние процессы развития самой исторической науки. В свое время Ф. Энгельс писал о состоянии естественных наук: «Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что в каждой отдельной области исследования стала прямо-таки неустранимой необходимость упорядочить этот материал систематически и сообразно его внутренней связи. Точно так же становится неустранимой задача приведения в правильную связь между собою отдельных областей знания. Но, занявшись этим, естествознание вступает в теоретическую область, а здесь эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление»[11].

Нечто подобное случилось и с историей. В связи с расширением проблематики исторических исследований и в особенности в связи с возникновением под влиянием марксизма-ленинизма современной социально-экономической истории произошло не только существенное изменение тематики исторической науки, но усложнились также приемы и методы исторического исследования.

Успехи археологии далеко раздвинули хронологические рамки исторических исследований. Кризис традиционного европоцентризма и исследование древнейших неевропейских цивилизаций расширили географические рамки истории и подорвали господствовавшую в буржуазной науке XIX в. теорию однолинейной эволюции и основанную на ней периодизацию всемирной истории. Наконец, что особенно важно, рядом с традиционной повествовательной историей (а в известной мере и на месте ее) возникла история социально-экономических процессов и отношений, неразрывно связанная с политической экономией, социологией, демографией и другими общественными науками. Это неизбежно ставит перед учеными целый ряд сложных логических и методологических проблем. Но хотя сами по себе эти проблемы одинаково существенны как для марксистов, так и для буржуазных историков, подход к ним тех и других диаметрально противоположен.

Если марксизм-ленинизм рассматривает общественное развитие как закономерный и поступательный процесс, а историческую науку — как специфическую форму объективного научного познания, то совершенно иначе обстоит дело в буржуазной философии истории.

Прошли те времена, когда идеологи восходящей буржуазии оптимистически смотрели в будущее. Ход современной истории ведет к побе-

---

[9] Этот момент специально подчеркнул в своем докладе на Стокгольмском конгрессе Г. Баттерфилд. См. «XI Congrès Internationalen des Sciences Historiques». Stockholm, 21—28 août 1960. T. I, p. 31—32.

[10] K. Gaiser. Der Mensch und die Geschichtlichkeit. «Die Welt als Geschichte», 18. Jg. 1958, Hf. 2—3, S. 157.

[11] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М. 1955, стр. 22.

де нового, коммунистического строя, и никакая политика «с позиции силы» не в состоянии изменить этот закономерный процесс. Уже цитировавшийся нами Р. Хейлброунер горько жалуется, что «история меньше и меньше представляется чем-то, что́ мы делаем, и все больше становится независимой от наших усилий»[12]. С тревогой смотря в будущее, не желая признать закономерность происходящих процессов, идеологи буржуазии неизбежно переносят свой скепсис и безграничный пессимизм и на рассмотрение исторического прошлого. Отрицая закономерность и поступательность современного общественного развития, они не могут понять и закономерности исторического прошлого[13].

Субъективизм в понимании и освещении исторического процесса неизбежно порождает и гносеологический субъективизм и агностицизм, неверие в возможность объективного исторического знания, представление об исторической науке как о чем-то условном, шатком и неопределенном. Под влиянием идеалистической философии и в связи с неспособностью буржуазной науки обеспечить объективное историческое познание такие мысли получили широкое распространение даже среди серьезных буржуазных профессиональных историков Запада. Общее настроение буржуазных ученых в отношении исторической науки довольно ясно сформулировал Фернан Бродель. С грустью вспоминая «спокойную уверенность», с которой работали старые историки (хотя, разумеется, эта уверенность отнюдь не гарантировала безупречность результатов), Бродель заключает свою мысль следующими словами: «Мы, сегодняшние историки, чувствуем, что принадлежим к другому веку, к другому течению духа. И прежде всего наше ремесло не кажется нам больше таким спокойным и надежным занятием, дающим справедливые награды труду и терпению... Короче, ничто не кажется нашей мысли более чуждым, чем замечание юного Ранке, который в 1817 году... с энтузиазмом говорил о «твердой почве истории»[14].

Хотя буржуазные историки любят подчеркивать свою «независимость» от всякой философии, эта «независимость» совершенно иллюзорна. К современной буржуазной историографии полностью применимо то, что писал в свое время Ф. Энгельс о буржуазных естествоиспытателях: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собою не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений,— то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругают философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений»[15].

---

[12] R. L. Heilbroner. Указ. соч., стр. 55.

[13] К тому же буржуазные авторы прекрасно понимают, что историческая наука— мощное идеологическое оружие. «Беспристрастное понимание того, что чуждо вам,— это функция не для того ума, который хочет создать острейшее оружие для политической схватки... — писал известный голландский буржуазный историк Питер Гейл.— Мы живем в такое время, когда важно держаться своей стороны и опасно сохранять непредубежденный ум» (P. Geyl. Debates with Historians. Djakarta. 1955, p. 18).

[14] F. Braudel. Les responsabilités de l'histoire. «Cahiers Internationaux de Sociologie». T. X. Paris. 1951, p. 7.

[15] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 164—165.

Какие же взгляды преобладают в философском мышлении современных буржуазных историков?

Типичной чертой современной буржуазной философии истории, особенно философских сочинений профессиональных историков, является то, что внимание их сосредоточено преимущественно на вопросах теории исторического познания и методологии истории и в меньшей степени — на самом историческом процессе. Но «чистой» гносеологии не существует. Представления историков о предмете, задачах и методах исторической науки всегда зависят от того, как понимают они сущность самого исторического процесса. Отрицание буржуазной историографией объективной закономерности исторического процесса лишает историков объективного критерия отбора и систематизации исторических фактов. В результате либо историческое знание представляется буржуазным ученым чем-то условным и отрывочным, либо же они вынуждены апеллировать к каким-то внеисторическим, трансцендентным силам, вроде божественного провидения.

Наиболее открытой и грубой формой философского релятивизма в современной буржуазной историографии является американский презентизм [16]. Считая, что исторические концепции не являются точной копией прошлого, «каким оно в действительности было» (старая формула Ранке), что они неизбежно зависят от мировоззрения историка, презентисты вообще отрицают возможность объективной истины в исторической науке, рассматривая последнюю как простое проецирование в прошлое современных иллюзий и чаяний.

Надо сказать, однако, что не только презентизм, но и более «умеренные» формы исторического релятивизма приводят к самым печальным выводам в отношении исторического познания. Например, профессор Лондонского университета, крупный специалист по истории Голландии Г. Ренир, полемизируя с открытым идеализмом Б. Кроче, Р. Коллингвуда и Э. Дарделя, допускает, что можно объективно установить исторические факты. Однако, отрицая объективную закономерность в истории, он говорит о невозможности широких научных обобщений относительно общественной жизни. О философии истории и социологии он пишет, что будто бы «все подобные дисциплины остаются субъективными в своих обобщениях; их синтезы создаются под влиянием темперамента, предшествующего опыта и системы взглядов своих авторов» [17]. Но где же в таком случае критерий, в свете которого историк отбирает и оценивает факты?

Согласно прагматистской концепции Ренира (своими учителями в философии он считает У. Джемса и А. Дьюи), в самой исторической действительности не существует различий между важным и второстепенным, между случайным и необходимым. Эти различия устанавливает, по его мнению, только сам исследователь, в зависимости от своих субъективных целей, и никакой силы по отношению к действительности они не имеют. «Принципы, с помощью которых историк систематизирует события, не выводятся из истории, но вносятся в нее историком, они априорны» [18]. А с изменением этих принципов неминуемо переписывается вся история.

Как же возможна в таком случае историческая истина? «Критерий истины» Ренир обнаруживает в «практической этике» историка, в его субъективной честности. Критерий, прямо скажем, несостоятельный, так как личная добросовестность ученого сама по себе отнюдь не гарантирует правильности его выводов. К тому же, оценивая этику с тех же субъективно-идеалистических позиций, Ренир пишет, что «этика не имеет

[16] Об этой методологии, прямо обосновывающей фальсификацию и модернизацию прошлого, у нас уже много писали, так что мы не будем на ней останавливаться.

[17] G. J. Renier. History, Its Purpose and Method. London. 1950, p. 49.

[18] Там же, стр. 176.

никаких правил, поскольку она субъективна и эмпирична»[19]. Получается, что субъективизм исторический ограничивается... субъективизмом этическим!

Исторический релятивизм органически связан с распространенным среди буржуазных историков идиографизмом. Идея сведения исторической науки к описанию особенного и единичного, уходящая своими теоретическими корнями в сочинения философов-неокантианцев начала XX в. В. Виндельбанда и Г. Риккерта (которые сами философски обобщили практику историописания немецкой буржуазно-юнкерской историографии второй половины XIX в.), играет в современной буржуазной историографии двойственную роль.

С одной стороны, она служит прибежищем для реакционных ученых, которые прямо противопоставляют свой «индивидуализирующий» метод марксистско-ленинской теории исторического процесса. Наиболее типичной в этой связи является книга реакционного американского философа и социолога Ф. Хайека «Научная контрреволюция»[20], в которой автор обрушивается на «натурализм», историзм и «сциентизм» (стремление превратить обществоведение в такую же строгую науку, как естествознание), свойственные прогрессивной общественно-исторической мысли XIX в., и пытается доказать, что общественные науки и в особенности история должны ограничиваться описанием единичных фактов, а место научного объяснения должно занять интуитивное «понимание», основанное на самонаблюдении ученого. С другой стороны, в идиографизм нередко впадают такие буржуазные историки, которым претят распространенные на Западе произвольные, искусственные схемы исторического процесса, создаваемые на злобу дня.

Но каковы бы ни были побудительные мотивы, ограничение задач исторического исследования описанием отдельных фактов неизбежно превращает историю в нелепое нагромождение случайностей и открывает широчайший путь субъективному произволу. Американский историк Р. Скайлер, например, возражает против принципа детерминизма, утверждая, что понятие причины в истории — «скорее априорное предположение, чем нечто аналогичное научной гипотезе», что главное в истории не закономерность, а «причуды своевольной богини Фортуны»[21]. Но еще Гегель справедливо заметил, что хаос, лишенный закономерности, не имеет и истории. Если у исторического процесса нет своей внутренней закономерности и логики, то каковы тогда задачи историографии? Описание всех бесчисленных действий и поступков некогда живших людей — дело столь же бессмысленное, сколь и неосуществимое. Следовательно, историк всегда отбирает какие-то определенные, интересующие его явления. Но если отрицать наличие в истории объективной закономерности, в соответствии с которой можно отличить важное от несущественного, то этот отбор неизбежно будет произвольным и субъективным, имеющим значение только для самого историка. Это логически приводит к выводу об относительности и условности всех исторических построений. Недаром так беспомощны рассуждения сторонников «идиографического метода».

Американский историк Джемс Малин, например, резко критикует релятивистско-презентистскую концепцию Бирда, Беккера, Рида и других, справедливо указывая, что «доведенный до своих логических выводов субъективный релятивизм разрушает самую основу определенности и истины, так что все становится просто делом частного усмотре-

---

[19] Там же, стр. 256.

[20] См. F. A. Hayek. The counterrevolution of Science. Studies of the abuse of reason. Glenkoe. 1952.

[21] R. L. Shuyler. Contingency in History. «Political Science Quarterly». Vol. LXXIV, Sept. 1959, № 3, p. 323, 333.

ния, и не больше»[22]. Но, абсолютизируя специфику исторического метода и сводя задачи истории к описанию индивидуальных событий, Малин, естественно, приходит к выводу, что «история и общественная наука непримиримы»[23], а единственным оправданием для занятий историей служит «незаинтересованная любознательность»[24]. Надо ли говорить, что подобная концепция не только не проясняет современных задач исторической науки, но и отбрасывает ее далеко назад? Недаром многие сторонники «идиографического метода», выступая под знаменем защиты «специфики» истории против упрощенчества, вульгаризации и субъективизма, в конечном итоге приходят к утверждению, что последней основой исторической истины является будто бы интуитивное «знание» человеческой сущности, рациональное объяснение которой невозможно, поскольку мы сталкиваемся здесь с «божественным провидением»[25]. Идиографизм перерастает, таким образом, в интуитивизм.

Философско-исторический интуитивизм, родоначальником которого считается В. Дильтей, а крупнейшими современными представителями — западногерманские социологи Э. Ротаккер, Т. Литт, философ-экзистенциалист К. Ясперс, французский философ П. Рикер и историки Г. Риттер, А. Марру и В. Хофер, вообще отрицает возможность объективных, научных методов в историографии. Пытаясь опровергнуть марксистское учение об объективном характере исторических законов и отождествляя исторический процесс с историей человеческого сознания, философы этого направления стремятся доказать, что в историческом познании вообще якобы нельзя разграничить объект и субъект. «Объект истории — это сам человеческий субъект»,— пишет, например, П. Рикер[26]. Поскольку история сводится к истории мысли, а эта последняя не существует иначе, как в процессе постоянного переосмысливания и перевоплощения, «история создает историка в той же мере, в какой историк создает историю»[27], а главным средством исторического познания является будто бы интуиция, основанная на способности историка мысленно заново переживать состояния и чувства деятелей прошлого. Сходные утверждения мы встречаем у В. Хофера, А. Марру и других[28]. Понятно, что эта позиция неизбежно приводит к субъективизму и принципиальному отказу от постижения существа исторических событий.

Принижая и обесценивая значение научной историографии, реакционная философия истории открывает тем самым широчайшую дорогу религиозной мистике. Рост клерикализма — характернейшая черта буржуазной философии истории последних десятилетий. Теологи всегда проявляли интерес к философии истории, видя в ней одно из средств обоснования своей этической «теории». В настоящее время эта активность многократно возросла. На Римском конгрессе историков папа Пий XII изложил целую программу католической философии истории. Спекулируя на том, что релятивизм, свойственный субъективно-идеалистическим теориям, неизбежно приводит к полной бесперспективно-

---

[22] J. C. Malin. On the Nature of History. Lawrence, Kansas. 1954, p. 85.

[23] Там же, стр. 6.

[24] Там же, стр. 39.

[25] См. R. Wittram. Das Faktum und der Mensch. «Historische Zeitschrift». Bd. 185. Hf. I. Febr. 1958, S. 55—87.

[26] P. Ricoeur. Histoire et Vérité. Paris. 1955, p. 52.

[27] Там же, стр. 39.

[28] Как пишет В. Хофер, «сколько существует мыслителей, занимающихся историей, столько существует и аспектов истории» (W. Hofer. Указ. соч., стр. 167). Еще резче формулирует эту мысль А. Марру, подчеркивающий, что «основополагающей аксиомой» всей его «критической философии» является тезис: «история неотделима от историка». H. J. Marrou. L'histoire et les historiens. Seconde chronique de méthodologie historique. «Revue historique». T. CCXVII, 1957, fasc. 2, p. 280. См. также его книгу «De la connaissance historique». Paris. 1954.

сти, клерикальные авторы (Ж. Маритэн, А. Демпф, Р. Нибур и др.) рекламируют христианскую концепцию истории как единственное спасение от иррационализма и отчаяния. «Если бог правит миром, то временный хаос и бессмысленность в конечном счете отвечают его цели, и история не напрасна. Если же бог не управляет, то, каковы бы ни были достижения человечества, в конечном итоге история приводит к мраку и отчаянию»[29],— пишет, например, американский философ Р. Шинн. Но на деле религиозная философия истории сама пронизана беспросветным агностицизмом и мистикой. Она отвергает философско-исторический релятивизм только для того, чтобы привязать историю к «абсолютным ценностям» христианской теологии. «Смысл истории», о котором говорят богословы, не имеет ничего общего с реальным историческим процессом, а «постижение» его выходит за пределы науки и предполагает обращение к вере и «откровению». Вопрос о смысле истории, пишет «христианский экзистенциалист» К. Левит, выходит за рамки наших познавательных способностей и приводит нас к вакууму, «заполнить который могут только надежда и вера»[30]. «Библейская история сотворения мира... в настоящее время представляется более истинной, чем все научные знания»[31],— вторит ему К. Россман.

Превращением истории в служанку богословия занимаются и многие профессиональные историки. Особенно отчетливо выступает эта тенденция в книгах влиятельного английского историка, профессора новой истории Кембриджского университета Герберта Баттерфилда. Его книги привлекают внимание широкой публики, так как Баттерфилд живо откликается на острые политические события современности. Свою книгу «История и человеческие отношения» он предваряет общим анализом современной международной обстановки, указывая, что последняя «настолько сложна и наша нужда в более глубоком знании так велика, что мы должны быть готовы использовать все, что только может привести нас к новым мыслям или новым истинам»[32]. Такое начало подкупает. Может показаться, что автор и вправду заинтересован в познании истины, тем более что в книге содержатся отдельные правильные мысли. Так, Баттерфилд отвергает утверждение буржуазной пропаганды, будто причиной международной напряженности являются «коммунистические идеи»[33], правильно указывает, что нельзя «распространять демократию с помощью войны»[34].

Но, вчитываясь в книгу, убеждаешься, что не эти и не им подобные положения определяют ее содержание. В действительности Г. Баттерфилд выступает в роли противника научного познания, все равно, идет ли речь о настоящем или о прошлом. Описание трудностей и тягот современной жизни в капиталистических странах он использует для того, чтобы осудить общественный прогресс и вернуть человеческое сознание в лоно религии. Г. Баттерфилд иронизирует над тем, что люди, опьяненные ростом научно-технического могущества, «вообразили, что они сами могут играть роль провидения, контролировать ход истории и изменить лицо всего будущего». Нет, говорит он, ничего из этого не выйдет. Стихийные силы зла, войны и разрушения, по его мнению, сейчас так же сильны, как раньше, «и люди, которые сегодня делают машины, знают, из чего состоят звезды, и могут двигать горами, почти так же бессильны перед этими силами, как их предки в отдален-

---

[29] R. L. Shinn. Christianity and the Problem of History. New York. 1953, p. 247.
[30] K. Löwith. Weltgeschichte und Heilgeschehen. Stuttgart. 1953, S. 175.
[31] K. Rossmann. Deutsche Geschichtsphilosophie von Lessing bis Jaspers. Bremen. 1959, S. X.
[32] H. Butterfield. History and Human Relations. London. 1951, p. 17.
[33] Там же, стр. 25.
[34] Там же, стр. 31.

ном прошлом»[35]. Г. Баттерфилд умалчивает о возрастающей роли народных масс в современном обществе, о крахе колониальной системы империализма, о борьбе народов за мир и других фактах, опровергающих его пессимистическую философию. По его словам, возвращение к христианству — это единственное спасение от якобы угрожающего человечеству варварства.

В работах Баттерфилда ярко проявляется противоречие, свойственное всей христианской философии истории. С одной стороны, полемизируя с научным детерминизмом материалистического понимания истории, он подчеркивает и абсолютизирует свободу человеческой воли и сводит весь исторический процесс к деятельности отдельных индивидуумов. С другой стороны, чувствуя недостаточность этого взгляда, превращающего историю в нелепый хаос, Баттерфилд видит в истории действие божественного провидения. Поскольку смысл этих провиденциальных сил недоступен научному исследованию, Баттерфилд ограничивает задачу исторической науки описанием свободной деятельности людей, подчеркивая, что «всякое историческое объяснение — это ткань с бесчисленными дырами, или, точнее, с открытыми окнами в еще неизвестную страну»[36]. Всякая видимость определенности в истории, по его мнению,— лишь «оптическая иллюзия». Внутренняя сущность истории, проповедует Баттерфилд, «может быть открыта и проверена только с помощью интуиции, симпатии и воображения. Даже если бы мы реконструировали целое мировой истории, она не образует системы, которая может быть понята сама из себя; наше отношение к ней — дело не науки, а религии»[37].

Подобно Рениру, Баттерфилд признает возможность научной объективности в установлении и описании единичных фактов. «Я стал бы рассматривать нечто как «исторически» установленное только в том случае, если доказательства этого одинаково убедительны для католика и для протестанта, для либерала и для марксиста»[38]. Однако это не распространяется на обобщающие концепции. Здесь наука бессильна, и, «в последнем счете, высшее благо — это чистая интуиция»[39].

Но если наука бессильна охватить целостность исторического процесса, то тем самым освобождается место для теологии. Христианское понимание истории, подчеркивает Баттерфилд, «не отрицает провидения. Оно не утверждает, что события образуют единую систему, которая может быть объяснена сама из себя, без всякой необходимости в идее бога. Оно ограничивает научную историю скромной ролью, отнюдь не претендуя на то, что изучения наглядных событий будет достаточно, чтобы ответить на вопрос, проявляется ли в истории божья рука, или объяснить, почему существует человек, или решить последние философские проблемы»[40]. Таким образом, история снова, как в средние века, становится служанкой богословия, без помощи которого она якобы не может существовать.

Наш обзор философско-исторических концепций, имеющих хождение в современной буржуазной историографии, можно было бы продолжить, включив в него спекулятивные построения А. Тойнби[41], П. Сорокина, и т. д. и т. п. Но и приведенного материала достаточно, чтобы убедиться, что преобладающими здесь являются настроения скептицизма, неуверенности и иррационализма. Серьезное рассмотрение вли-

---

[35] Там же, стр. 37—38.
[36] Там же, стр. 92—93.
[37] H. Butterfield. Christianity and History. London. 1950, p. 15, 17.
[38] H. Butterfield. Man on his past. The study of the history of historical scholarship. Cambridge. 1955, p. 139.
[39] Там же, стр. 171.
[40] H. Butterfield. History and Human Relations, p. 136.
[41] См. о нем Е. А. Косминский. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. Сборник «Против фальсификации истории». М. 1959.

яния философии истории на современную историографию невозможно без анализа этих установок.

Идеалистические взгляды по вопросам теории исторического процесса нашли наиболее определенное выражение на XI Международном конгрессе исторических наук в докладе Э. Ротаккера «Влияние философии истории на современную историческую науку».

Эрих Ротаккер, влиятельный боннский социолог, которого автор распространенного на Западе курса по истории исторической науки Г. Србик называл «ведущим представителем духовно-исторического метода» [42], не является профессиональным историком. Его многочисленные работы сосредоточены вокруг двух основных проблем: теории исторического знания и так называемой культурной антропологии. Уже в своем «Введении в науки о духе», представляющем собой своеобразный очерк философско-исторических идей от Гегеля и «исторической школы» до Дильтея, Ротаккер высказывался за возврат исторической науки к методологии немецкой романтической историографии начала XIX в. и резко критиковал «натурализм» историков-позитивистов. Эти идеи он в дальнейшем развил в своих книгах «Философия истории», «Логика и систематика наук о духе» и многочисленных статьях [43]. С 20-х годов Ротаккер — один из «столпов» идеалистической философии истории в Германии.

Как философские, так и политические взгляды Ротаккера всегда отличались крайней реакционностью [44]. Уже в своей первой работе он приветствовал иррационализм и враждебность идеалам Просвещения и Французской революции, типичные для немецкой «исторической школы», и усматривал в ней высшее выражение немецкого национального духа. В 1926 г. в книге «Логика и систематика наук о духе» Ротаккер развивал идеи, близкие идеологам подымавшего в то время голову фашизма, взывая, в частности, к «гению, разрушающему правила», а в период господства в Германии фашизма был одним из его признанных идеологов. В известном сборнике документов «Третья империя и ее слуги», составленном Л. Поляковым и И. Вульфом, Ротаккер по праву занимает место в числе людей, охарактеризованных как «смесь мыслителя и убийцы» [45]. В своей «Философии истории», изданной в 1934 г. и в 1951 г. переведенной во франкистской Испании, Ротаккер полностью солидаризировался с программой Гитлера, выдавая ее за выражение «всемирно-исторической задачи немецкого народа». Обильно цитируя Гитлера, Розенберга, Дарре и Франка, Ротаккер самозабвенно восхвалял «национал-социалистскую революцию» и «теоретически» обосновывал расизм, антисемитизм и агрессивные внешнеполитические планы германского фашизма. Десять лет спустя, в 1944 г., когда гитлеровская армия уже стояла перед лицом полного разгрома, в изданной фашистами серии пропагандистских брошюр фигурировала и книжка «члена национал-социалистского союза преподавателей» Э. Ротаккера «Военное значение философии», в которой автор пытался доказать, что «философия точно так же важна для войны, как техника» [46]. Несмотря

---

[42] H. R. von Srbik. Geist und Geschichte von deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. 2. München-Salzburg. 1951. S. 261.

[43] Основные работы Ротаккера по философии истории: «Einleitung in die Geisteswissenschaften». Tübingen. 1920 (2 Aufl.—1930); «Geschichtsphilosophie». Oldenbourg. 1934. «Logik und Systematik der Geisteswissenschaften». München und Berlin. 1927. (2 Aufl.— 1948); «Mensch und Geschichte». Bonn. 1950; «Die dogmatische Denkform in den Geisteswissenschaften und das Problem des Historismus». Main-Wiesbaden. 1954.

[44] См. W. Berthold. Über «Die Wirkung der Geschichtsphilosophie...» von Erich Rothacker. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Hf. 6, VIII Jg., 1960, S. 1289—1302.

[45] См. L. Poliakov, I. Wulf. Das Dritte Reich und seine Diener. Dokumente. Berlin. 1956, S. VII, 271—273.

[46] См. E. Rothacker. Die Kriegswichtigkeit der Philosophie. Bonn. 1944, S. 16.

на это фашистское прошлое (а вернее, именно благодаря ему), в Западной Германии Ротаккер не только сохранил за собой кафедру в Боннском университете, но и выступает в роли ведущего «социолога» и «теоретика» истории.

Что же мы находим в его докладе?

Ротаккер признает, что историческая наука не может существовать и развиваться без помощи философии. Анализируя доклад Г. Риттера на Римском конгрессе, он показывает, что, вопреки распространенному среди буржуазных историков убеждению, не только обобщения всемирно-исторического характера, но практически вся деятельность историка опирается на известные философские предпосылки. Говорит ли историк об эпохах, развитии, прогрессе, скачке, эволюции; или о жизни, духе времени, типе культуры; или о причинности, взаимодействии и смысле истории; или о соотношении политической истории и истории культуры; или о методе исторического исследования; или о критериях исторической истины, об объективности, релятивизме, историзме, пользе истории для жизни и т. п.— он всегда, сознательно или несознательно, исходит из каких-то философских предпосылок, которые определяют направление и характер его деятельности [47]. Поэтому историческая наука не может успешно развиваться без помощи философии истории, которая, с одной стороны, изучает «структуру и законы жизни народов», а с другой — является гносеологией и методологией исторического познания [48].

Правильность этих, отнюдь не новых положений не вызывает сомнений. Но чем больше роль «философских предпосылок» в историческом исследовании, тем острее становится вопрос о характере самих этих предпосылок. Ибо, хотя никакая историография не обходится без философии, далеко не всякая философия, как мы уже видели, полезна для исторической науки.

Что же представляет собой философия истории, развиваемая Ротаккером?

Продолжая линию, намеченную Дильтеем, Ротаккер категорически, как с точки зрения гносеологии, так и с точки зрения онтологии, противопоставляет общественные науки естественным. Общественные науки, по мнению Ротаккера,— только науки о духе. «Науки, имеющие своим предметом организацию жизни (Die Ordnungen des Lebens) в государстве, обществе, праве, обычаях, воспитании, хозяйстве, технике и истолковании мира, в языке, мифах, искусстве, религии, философии и науке, мы называем науками о духе (Geisteswissenschaften)» [49]. В отличие от естествознания, имеющего дело с мертвыми вещами, гуманитарные науки изучают «мир, созданный самими людьми» [50]. «Содержание всемирной истории — это борьба человеческих групп за создание своей жизни и своего мира» [51]. В этой борьбе существенную роль играют внешние обстоятельства, но гораздо важнее их — сознательная воля и стремления самих людей.

Отвергая материалистическое учение об объективной детерминированности исторического процесса, Ротаккер сравнивает человеческое общество с судном, судьба которого зависит, с одной стороны, от ветра и волн, а с другой — от действия экипажа. Но экипаж этот состоит не из моряков, а из случайных, неопытных людей, и, что самое страшное, даже во время шторма они не могут договориться между собой относи-

---

[47] См. «XI Congrès International des Sciences Historiques». Stockholm, 21—28 août 1960. Rapports. T. I, p. 3—6.

[48] См. E. Rothacker. Geschichtsphilosophie, S. 5.

[49] E. Rothacker. Logik und Systematik der Geisteswissenschaften. Bonn, 1948, S. 3.

[50] Там же, стр. 13.

[51] E. Rothacker. Geschichtsphilosophie, S. 5.

тельно курса и руководства. «Это заполненное дилетантами жизни судно — наша земля, несогласные дилетанты — люди» [52].

Сводя исторический процесс к истории человеческого сознания и самосознания, Ротаккер приходит к выводу, что и методы познания гуманитарных наук принципиально и притом абсолютно отличны от методов естествознания. Эту свою мысль он иллюстрирует предельно простым примером. Возьмем, говорит он, мебель. Естествоиспытатель смотрит на нее как на кусочек пространственно-временно-материальной действительности. Для него важен материал, из которого она сделана, его физические, химические и технические свойства. Форма вещи может быть измерена и математически вычислена и т. д. Однако та же самая мебель, скажем, ценный комод в стиле рококо, вызывает совершенно другие вопросы у историка: «Какие намерения (в самом широком смысле) имел ее создатель? Что общего она имеет со своим временем? Чего он хотел? Какой смысл вкладывал он в эту вещь?» [53]. Эти намерения, цели, вкладываемый смысл и т. п., утверждал Ротаккер, не являются чем-то вещественным, материальным, существующим в пространстве и во времени. Однако они реальны. Именно их и исследует представитель гуманитарной науки. Но понять эти цели, смысл и т. п. можно лишь на базе собственного личного опыта, путем переосмысливания или «сопереживания» внутренней духовной жизни других людей. «Основной темой гуманитарного исследования (geistes wissenschaftliche Thema) является, таким образом, смысл, воплощенный людьми в своих творениях, вложенное в произведение смысловое содержание» [54].

Что можно сказать о подобной концепции? Когда Ротаккер подчеркивает, что история человеческого общества немыслима без учета сознательной деятельности людей, он не говорит ничего нового.

Историки-марксисты вовсе не отрицают роли и значения этого субъективного фактора и не рассматривают его лишь как механистический «рефлекс» материальных отношений. Ф. Энгельс писал, что «история отличается от истории природы только как процесс развития самосознательных организмов» [55]. В. И. Ленин, конспектируя гегелевскую «Науку логики», отмечал, что существуют «2 формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека» [56]. Историк искусства стремится проникнуть в «творческую лабораторию» изучаемого автора и понять те идейные мотивы, чувства и переживания, которые он воплотил в своем произведении. Историку политической жизни небезразлично, какие цели преследовал интересующий его деятель, каковы были индивидуальные особенности его характера и т. п. Без такого «внутреннего проникновения», предполагающего развитое историческое воображение и интуицию, но в то же время основанного на изучении всей совокупности объективных данных, вообще не может быть исторической науки.

Значит ли это, однако, что исторический процесс сводится к истории самосознания, к истории духа, как полагает Ротаккер? Никоим образом. Хотя все общественные отношения, учреждения и порядки представляют собой не что иное, как объективацию определенных человеческих действий, и в этом смысле В. И. Ленин писал, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и стремится «дать себе через себя самого объективность в объективном мире» [57]. Общественное бытие и общественное сознание отнюдь не тождественны. Ка-

---

[52] Там же, стр. 46.

[53] Die dogmatische Denkform in den Geisteswissenschaften und das Problem des Historismus, S. 5.

[54] Там же, стр. 7.

[55] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 188.

[56] В. И. Ленин. Соч. Т. 38, стр. 179.

[57] Там же, стр. 204.

ждое человеческое поколение застает определенный наличный уровень материального производства и сложившиеся формы общественных отношений, которые оно затем в той или иной степени изменяет своей деятельностью. Но сама эта деятельность, ее направление и ее возможности детерминированы объективными условиями. Назревшие потребности общественного бытия, преломляясь в сознании людей, порождая у них заинтересованность в тех или иных переменах, побуждают их к деятельности, которая и реализует эти потребности и задачи.

В этих положениях исторического материализма нет ни грана фатализма или механицизма. Речь идет не о внешней детерминации человеческих поступков. Подчеркивая зависимость сознательной деятельности людей от объективных условий, истолковывая свободу как познанную необходимость, марксизм-ленинизм отвергает абстрактное противопоставление человека как субъекта сознательных действий объективным условиям. Еще в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс подверг критике за это старый, метафизический материализм.

Никакая особая внешняя сила не толкала французских революционеров XVIII в. на штурм Бастилии и свержение абсолютизма. Их побуждали к борьбе не только материальные условия жизни, но и выработанные просветителями идеалы свободы, равенства, братства, в осуществимости которых они не сомневались. Без этих идей и связанных с ними настроений масс Французская революция была бы невозможна. Но сами эти идеи и настроения порождаются не чем иным, как материальными потребностями общества. Попытка разорвать эту связь и рассматривать «мотивы, цели, нормы и ценности» как нечто первичное, самодовлеющее, неизбежно приводит к субъективизму, к тому, что не только исторический процесс в целом, но и сами «культурные комплексы» становятся чем-то хаотическим и случайным, а историческая наука утрачивает всякую надежность и определенность. Это можно видеть на примере высказываний французского историка А. Дюпрона, который ратовал на Стокгольмском конгрессе за изучение истории «коллективной психологии» и одновременно утверждал, что в истории коллективной психологии «нет места ни для какого закона»[58]. Еще сильнее выступает этот субъективизм у Ротаккера.

Прежде всего игнорирование объективной закономерности исторического процесса порождает отрицание Ротаккером и его единомышленниками исторического прогресса. В своем докладе Ротаккер резко противопоставил друг другу принцип историзма и идею прогрессивного, поступательного развития общества, утверждая, что понятие исторического прогресса принадлежит к пройденному этапу исторической мысли и встречается в современной историографии только как пережиток контовского позитивизма. «Можно было бы в известном смысле говорить о победе Джамбаттиста Вико в XX столетии»[59],— пишет Ротаккер, констатируя, что теория цикличности все больше вытесняет в буржуазной историографии теорию прогресса.

Современная буржуазная историография вслед за идеалистической философией и социологией действительно избегает в большинстве случаев говорить об историческом прогрессе или даже эволюции, предпочитая более «осторожное» понятие «социального изменения». Как пишет известный американский социолог Г. Барнес, понятие «изменения» является якобы более определенным и точным, чем понятие «прогресса», поскольку оно не содержит в себе оценочного момента и допускает фактическую проверку. Вопрос о том, является ли данный ряд изменений прогрессивным или регрессивным, по словам Барнеса, всегда вызывает спор о критерии соответствующей оценки, тогда как понятие «измене-

[58] «Résumés des communications». Stockholm, 1960, p. 27.
[59] «Rapports», t. I, p. 2.

ния» этого не требует. «Даже разрушение цивилизации вследствие технических достижений электронного века будет социальным изменением, хотя бы оно было последним в ряду»[60].

Но этот отказ буржуазной науки от понятия прогресса объясняется прежде всего ее собственной реакционностью. Империалистическая буржуазия отказывается признать прогрессивными перемены, происходящие в современном обществе, и это, как уже говорилось выше, отбрасывает тень на все ее историческое мировоззрение, побуждая ее идеологов рассматривать исторический процесс не как поступательное закономерное развитие, а как бессмысленный хаос изменений или же как простое чередование определенных циклов.

Пытаясь скомпрометировать исторический оптимизм, свойственный марксизму-ленинизму, Ротаккер утверждает, не претендуя, впрочем, на оригинальность, что понятие исторического развития якобы органически связано с христианской эсхатологией и мессианизмом. Обращенное к космосу мировоззрение древних греков не содержало никаких особых надежд на будущее и было ориентировано скорее в прошлое. Напротив, продолжает Ротаккер, библейское мировоззрение предполагает, что бог открывается человеку в истории, и на этом покоится вера в конечное спасение. Следуя за немецким экзистенциалистом К. Левитом, Ротаккер утверждает, будто марксизм-ленинизм также представляет собой эсхатологию, и, извращая марксизм-ленинизм, пытается отождествить учение о коммунизме с библейскими мифами и предсказаниями[61].

Не стоило бы опровергать этот вздор, если бы он не произносился с трибуны международного конгресса. Идея прогресса действительно была чужда древним мыслителям, но не в силу «космической» ориентации их мировоззрения, а вследствие крайне медленных темпов исторического развития. Политическая история древнего мира насыщена исключительным драматизмом: смена царствований, крушение империй, появление и исчезновение народностей. Все это не могло не привлекать внимания. В то же время материальные основы человеческого существования оставались относительно неизменными, и кумулятивность исторического процесса была незаметна современникам. Естественно, что сопоставление этих бурных перемен в политике с неизменностью устоев человеческой жизни не могло породить мысль о прогрессивном, поступательном развитии и настраивало скорее скептически или пессимистически. Недаром большинство античных авторов рассматривает историю либо как регрессивный процесс, идущий по нисходящей от древнего «золотого века», либо как простое чередование определенных циклов. Идея прогресса фактически возникла лишь в новое время в связи с ускорением темпов общественного развития и прежде всего темпов развития науки и техники. Не случайно просветительские теории прогресса проникнуты столь ярким рационализмом.

Совершенно бессмысленно выводить идею прогресса из христианской эсхатологии и тем более усматривать что-то общее между религиозной философией истории и марксизмом.

Прежде всего христианская эсхатология глубоко антиисторична. Ф. Энгельс указывал, что христиане, «построив особую «историю царствия божия», отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же еще вымышленной историей; утверждая, что человеческий род достигает завершения в их Христе, они приписывают истории мнимую конечную цель, якобы достигнутую Христом; они об-

---

[60] H. E. Barnes, Historical Sociology. «Contemporary Sociology». Ed. by J. S. Roucek. New York. 1958, p. 265.

[61] «Rapports», t. I, p. 22.

рывают историю посреди ее течения и уже поэтому, последовательности ради, должны выдавать дальнейшие восемнадцать веков за дикую бессмыслицу и полную бессодержательность»[62].

«Смысл истории», о котором говорит религиозная философия истории, «порядок», который она обнаруживает в человеческих делах, суть теологические понятия, связанные с идеей «божественного управления» историей. По словам лидера современного томизма Ж. Маритэна, «над силами природы и культуры, чтобы направлять, освещать и поддерживать их, действуют трансприродные и транскультурные силы» божественной благодати[63].

Напротив, историческая теория К. Маркса раз и навсегда отбросила все трансцендентное, все «внеисторическое». Как бы предвидя нападки современных «критиков», обвиняющих марксизм в «обожествлении» истории, которую Маркс будто бы поставил на место старого бога, Ф. Энгельс писал: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»[64].

Религиозная философия истории пессимистически смотрит на действительную историю, связывая «спасение» с ее прекращением. Как писал Н. Бердяев, сочинения которого и сейчас распространяются на Западе, «верящий в бессмертие должен трезво относиться к плану земной жизни и видеть, что в нем невозможно окончательно преодолеть темное иррациональное начало, что в нем неизбежно страдание, зло и несовершенство»[65]. Присоединяясь к этому, Маритэн утверждает, что идеальная «христианская свобода» будет достигнута «только при завершении человеческой истории» и что она «возникнет не из истории и не из мира, а из живого бога»[66]. Согласно же марксистско-ленинской теории, коммунистический строй закономерно вырастает как результат исторического развития и борьбы самих трудящихся масс. И он не только не является «концом» развития, концом истории, но, наоборот, только здесь и начинается, по Марксу, подлинная история человечества, освобожденного от гнета эксплуатации.

Наконец, коммунистический строй — это не абстрактный социально-этический идеал, а реальное историческое движение. Мы уже построили социализм и вступили в период развернутого строительства коммунизма. Это не мечта, а реальная жизнь сотен миллионов людей. Никакие попытки ротаккеров, левитов и иже с ними представить коммунизм как утопию не могут заслонить неопровержимых исторических фактов, свидетельствующих о неодолимости нового общественного строя. Бессовестная фальсификация, к которой прибегает в борьбе с марксизмом-ленинизмом империалистическая реакция, доказывает лишь собственное ее бессилие.

Идея прогресса, которую Ротаккер считает мертвой, не только выражает исторически обоснованный оптимизм коммунистического движения, но имеет глубокое научное содержание. Она бессмысленна и антиисторична только в идеалистической или метафизической интерпретации. Если исторический процесс рассматривается с идеалистических

---

[62] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1. 2-е изд. М. 1955, стр. 592.

[63] Ch. Journet. D'une philosophie chrétienne de l'histoire et de la culture. В сборнике «Jacques Maritain. Son oeuvre philosophique». Paris. 1949, p. 42.

[64] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 102.

[65] Н. Бердяев. Смысл истории. Берлин. 1923, стр. 121

[66] J. Maritain. Scholasticism and Politics. New York. 1941, pp. 140, 248.

позиций, как процесс саморазвития духа или как простая совокупность индивидуальных поступков, то действительно трудно найти объективный критерий для оценки событий и перемен. В этом случае проблема прогресса ставится прежде всего в плоскость морально-этическую: становится ли человек лучше и чувствует ли он себя в ходе истории более счастливым? А на такой вопрос нельзя дать однозначный ответ, поскольку в ходе исторического развития перед человечеством возникают все новые и новые задачи, так что нелепо искать в истории какую-то самоуспокоенность. Критерий исторического прогресса надо искать там, где обнаруживаются основные закономерности общественной жизни. Такой сферой является материальное производство, и именно развитие производительных сил В. И. Ленин считал высшим критерием исторического прогресса [67].

Конечно, этот критерий не является единственным. Исторический процесс идет неравномерно, противоречиво, и темпы развития различных сфер и сторон общественной жизни далеко не одинаковы. Чтобы определить историческую роль любого данного явления, необходим конкретный анализ классовой структуры данной формации, уровня ее развития, роли, которую играет на каждом историческом этапе тот или иной класс, и т. д. Марксистско-ленинский принцип историзма требует любое явление прошлого или настоящего рассматривать, во-первых, в его возникновении, развитии и изменении; во-вторых, в связи с другими явлениями и условиями данной эпохи; в-третьих, в связи с конкретным опытом истории, который позволяет установить не только непосредственные, но и отдаленные последствия изучаемого процесса или явления. В применении к всемирной истории этот принцип прежде всего конкретизируется в понятии общественно-экономической формации.

Общественно-экономическая формация — это исторически определенная ступень в развитии общества, в основе которой лежит характерный только для нее способ производства [68]. В этом понятии обобщаются те специфические черты, которые отличают данную историческую эпоху и данный социальный организм от всех других. В то же время оно фиксирует то общее, что присуще разным странам, проходящим одну и ту же ступень общественного развития. Понятие формации одновременно схватывает специфичность основных периодов всемирной истории и дает критерий повторяемости важнейших исторических явлений. Каждая антагонистическая формация представляет собой определенный цикл в развитии общества, переживает периоды своего зарождения, расцвета, упадка и гибели. В то же время смена общественно-экономических формаций есть не простое круговращение, а поступательное, прогрессивное движение. К. Маркс писал: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [69].

Учение о смене общественно-экономических формаций, лежащее в основе марксистско-ленинской периодизации всемирной истории,— это не абстрактная схема, под которую подгоняются исторические факты [70]. Это общая теория исторического процесса. Однако отдельные народы в своем историческом развитии могут миновать ту или иную антагони-

---

[67] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 219; т. 32, стр. 212.

[68] См. подробнее Г. Е. Глезерман. О законах общественного развития. М. 1960, стр. 166 сл.

[69] К. Маркс. Капитал. Т. 1. Госполитиздат. 1955, стр. 4.

[70] По меньшей мере странным выглядит утверждение югославского историка Б. Джурджева, будто учение о формациях является не столько марксистским, сколько берет свое начало в позитивизме О. Конта (см. «Résumés des communications», p. 41). Не нужно быть эрудитом в истории философии, чтобы знать, что контовский «закон трех стадий» не имеет ничего общего с периодизацией истории, принятой у историков-марксистов.

стическую формацию. Кроме того, перед историками стоит сложнейшая проблема совмещения общеисторической периодизации с периодизацией истории различных сторон общественной жизни — политических форм, искусства, философии и т. п. Историки-марксисты в своих работах, будет ли то «Всемирная история» или специальное исследование, руководствуясь марксистско-ленинским учением, решают эти вопросы, исходя из специфики изучаемого явления или периода [71]. Об этом говорили на конгрессе акад. Е. М. Жуков и чехословацкий историк В. Гуса.

А как обстоит дело у буржуазных историков, не признающих поступательности исторического процесса? Мало того, что исторический процесс распадается у них на множество самостоятельных, замкнутых в себе кругов, «культур» (Шпенглер), «цивилизаций» (Тойнби) или, пользуясь терминологией Ротаккера, «стилей жизни». Историк, стоящий на позициях этого ложного историзма, не сможет дать объективно обоснованную оценку никакому событию. Он неизбежно оказывается в положении щедринского Буеракина с его размышлениями о сложности жизни. «Оттепель,— рассуждал Буеракин,— возрождение природы; оттепель же — обнажение всех навозных куч. Оттепель — с гор ручьи бегут; бегут, по выражению народному, чисто, непорочно; оттепель же — стекаются с задних дворов все нечистоты... Оттепель — полное томительной неги пение соловья, задумчивый свист иволги, пробуждение всех звуков, которыми наполняется божий мир... Оттепель же — карканье вороны, наравне с соловьем радующейся теплу... И все это: и миазмы и благоухания — все это стремится вверх к одному и тому же небу!»

Значение любого исторического события или явления внутренне противоречиво. Одними своими сторонами и аспектами оно обращено в прошлое и выражает инерцию исторического процесса, другие стороны его представляют зародыш, тенденцию, возможность будущего. Хочет того историк или нет, он не может избежать соответствующей оценки. Но если он не видит в истории ничего, кроме «изменений», и не знает, каков характер этих изменений, он неизбежно приходит к абсолютному релятивизму со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Такова ирония истории. На словах Ротаккер, как и Дильтей, против релятивизма. Он неоднократно подчеркивает, что «ничто не лежит дальше от подлинного историзма немецкой исторической школы, чем «разрушительный» релятивизм» [72], что ее концепция является «плюралистской, но не скептической» [73]. В своем докладе он определенно отмежевывается от «одностороннего и узкого» понимания задач истории, свойственного презентизму [74]. Но данная система постулатов неизбежно порождает непреодолимые противоречия. Ротаккер признает, что интерес к определенным историческим и вообще социальным проблемам имеет донаучное, практическое происхождение, определяется потребностями самой исторической жизни. Но если в исторической действительности нет объективной поступательности, если каждое новое «настоящее» не стоит в генетическом ряду выше предыдущего и не содержит его в себе, то даваемая им историческая перспектива неизбежно окажется условной и «переписывание» истории с каждым новым поколением ничего не прибавит к познанию истины. Каждое поколение и каждый историк в этом случае имеет неотъемлемое право на собственную картину исторического прошлого, а сама история покоится исключительно на «акте веры», как это утверждают Ч. Бирд и А. Марру. Никакие оговорки не спасут от данного вывода.

---

[71] См., например, Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической литературе. Сборник «Из истории социально-политических идей». М. 1956, стр. 75—96.

[72] E. Rothacker. Logik und Systematik, S. 149.

[73] Там же, стр. 150.

[74] «Rapports», t. I, pp. 12—13, 23.

Имманентный субъективизм развиваемой Ротаккером теории исторического познания тщательно замаскирован. Отвергая материалистическую теорию отражения, он всюду оговаривает, что это будто бы нисколько не подрывает «постулат объективности» исторического знания[75]. Но от этого слова так и остались словами.

Критикуя мертвый академизм, свойственный многим буржуазным историкам, Ротаккер подчеркивает зависимость истории от жизни. «Все науки,— заявляет он,— коренятся в донаучных соприкосновениях с действительностью. Не субъективный произвол, а пережитая значительность определяет также выбор научных тем»[76]. На целом ряде примеров Ротаккер показывает, что направление исследовательских интересов историков определяется их мировоззрением, а это последнее связано с потребностями и особенностями исторической эпохи. «Все методологические масштабы, каждая оценка, каждое понятие специального труда определяется в последнем счете мировоззренческой перспективой»[77],— подчеркивает Ротаккер. «Коротко говоря, основополагающие вопросы, которые создают и способствуют оформлению сфер исследования, коренятся явно в донаучной жизни. Когда эти вопросы уже поставлены, на них начинают отвечать, руководствуясь бесспорным идеалом строгой объективности»[78].

Взятые вне контекста, эти высказывания могут показаться правильными: Ротаккер доказывает связь истории с жизнью, подчеркивает роль философского мировоззрения историка и при этом еще предупреждает против презентистских «крайностей». Но такое впечатление было бы глубоко ошибочным. Дело в том, что философия истории Э. Ротаккера насквозь пронизана иррационализмом. С его точки зрения, сама жизнь иррациональна и таковым же является всякое мировоззрение. Поэтому тезис о том, что в основе историографии лежит лишь мировоззрение, означает уже отрицание научной объективности.

Ротаккер далек от того, чтобы понимать под «жизнью», лежащей в основе социальных идей, совокупность реальных общественных отношений. Жизнь для него, как и для Дильтея,— это прежде всего непосредственное переживание, которое не существует иначе, как в связи с определенным субъектом. По мнению Ротаккера, бессмысленно говорить об исторической действительности безотносительно к субъекту. «Эта «истинная действительность» была бы для нас совершенно бескачественной, потому что все качества, которыми она характеризуется, суть символы нашего жизненного чувства»[79]. Он не признает, как мы уже видели, объективной обусловленности исторического процесса. «Последний двигатель исторической жизни,— писал он в своей «Философии истории»,— экзистенциальный: она немыслима без напора эмоциональных сил... Было бы громадной ошибкой понимать то, что мы назвали «состоянием» (Lage) в слишком узком, натуралистическом смысле»[80]. Но коль скоро историческая действительность сама иррациональна и зависит от субъекта, то как можно говорить об объективности исторического знания?

Ротаккер отмечает, что наша картина исторического прошлого не остается неизменной, что она меняется в зависимости от перспективы, в которой мы ее рассматриваем. Не отрицая необходимости обобщений в исторической науке, он сравнивает их, вслед за Г. Майерсом, с «наглядными абстракциями» типа географических карт. Когда на глобусе Италия изображена в виде маленького сапожка, последний тем не менее

---

[75] Там же, стр. 13.
[76] Там же, стр. 8.
[77] E. Rothacker. Logik und Systematik, S. 33.
[78] «Rapports», t. I, p. 8.
[79] E. Rothacker. Logik und Systematik, S. 163.
[80] E. Rothacker. Geschichtsphilosophie, S. 133.

символизирует весь Апеннинский полуостров, так же как и гораздо более подробное изображение на штабной карте. Точно так же и в истории все зависит от масштаба исследования: событие, едва упомянутое в обобщающей работе, может быть подробно освещено в специальной монографии, и тем не менее речь идет об одном и том же. Какой бы узкой ни была тема монографии, эти «микроскопические» исследования необходимы, так как они доставляют проверенные факты, составляющие единственно надежную основу для всемирно-исторических синтезов.

Сравнение это не лишено интереса. Но Ротаккер тут же добавляет, что «наши исторические обобщающие картины напоминают большие карты, на которых отдельные страны «оформлены» в совершенно разных форматах» [81]. Если речь идет о том, что многие существенные разделы истории, и в частности история многих неевропейских народов, еще не изучены должным образом и поэтому в исторических сочинениях существуют серьезные диспропорции, с этим замечанием нельзя не согласиться. Одной из особенностей советской «Всемирной истории» по сравнению с аналогичными зарубежными изданиями как раз и является попытка исправить это положение, отведя должное место истории народов Азии и Африки.

Но Ротаккер имеет в виду нечто иное. В рамках его философии истории вообще нет места объективным масштабам, поскольку такими масштабами могут служить лишь изучаемые историей объективные закономерности. Защищая «индивидуальность», «неповторимость», «спонтанность» исторических явлений, он утверждает, что «измерять культуру ее собственным масштабом — значит отказаться от абсолютных масштабов» [82]. Это положение опять-таки можно истолковать по-разному. Верно, конечно, что нельзя судить об историческом прошлом по современным стандартам, что нелепо и антиисторично оценивать явления прошлых культур по нашей пятибалльной системе, что их нужно рассматривать в их собственном историческом контексте. Но отсюда вовсе не вытекает, что качественно различные исторические культуры вообще несравнимы. А всякое сравнение обязательно предполагает какой-то общий масштаб. Любое историческое явление, индивидуальное и неповторимое в целом, содержит в себе целый ряд общих, повторяющихся элементов, которые вполне допускают такое сравнение. Ротаккер прямо не отрицает этого. Но, признавая необходимость типологических и иных категорий, он рассматривает их лишь как подсобное средство исторического познания, а не как отражение определенных сторон самой исторической действительности. Подобно Ницше, он ратует за «непосредственное» познание, подчеркивая, что все «духовно-философские» понятия (такие, как культура, идея, душа, человек, свобода, деяние, мудрость и т. д.) имеют для него совершенно другое значение, чем для «рационального философа».

Главной задачей историка является, по мнению Ротаккера, описание и понимание смысла однократного, индивидуального становления. Но это понимание и употребляемые историком категории зависят от его мировоззрения, а последнее покоится, по словам Ротаккера, на догматических предпосылках, в которые люди просто верят, не прибегая к логическим доказательствам [83]. В конечном итоге Ротаккер полностью солидаризировался с утверждением Г. Риттера, что «историк придает форму бесформенной материи» [84].

Круг замкнулся. Вместе с отказом от идеи закономерности исторического процесса рухнула и идея объективности исторического знания. Констатация того, что «историческая мысль во все времена была симп-

---

[81] «Rapports», t. I, p. 13.
[82] E. Rothacker. Logik und Systematik, S. 131.
[83] См. там же, стр. 151.
[84] «Rapports», t. I, p. 13.

томом и средством человеческого самопознания и на этом покоится ее неустранимая зависимость от философии»[85], обернулась подчинением исторической науки реакционной, иррационалистской философии истории.

Тупик, в котором оказывается Эрих Ротаккер, призывающий к сближению истории с философией и одновременно защищающий философские позиции, содержащие в себе отрицание истории как науки, отнюдь не случаен. С позиций философского идеализма разрешить проблемы, стоящие перед исторической наукой, принципиально невозможно. Идеалистическая философия истории, наоборот, абсолютизирует и увековечивает эти трудности, и это вызывает разочарование в ней и острую критическую реакцию со стороны наиболее вдумчивых историков Запада.

Прежде всего это касается презентизма. Хотя практическое влияние его на деятельность американских историков весьма значительно, его теоретические, философские позиции уже не вызывают доверия у большинства ученых. Даже в американской историографии в последние годы число статей и книг, направленных против презентизма, значительно превышает количество выступлений в его пользу. Американский историк Ф. Форд, например, прямо называет концепцию К. Беккера циничной и антиисторичной[86]. Утверждение о субъективности исторического знания, пишет К. Бок, само является совершенно произвольным. «Этот вид скептицизма подрывает всякое гуманитарное исследование, потому что он не только закрывает нам доступ к значительной части человеческого опыта, но также косвенно порождает сомнения в надежности всякого наблюдения»[87].

Критике подвергается также философско-исторический интуитивизм. Конечно, изучая сознательную деятельность исторических деятелей, пытаясь понять ее мотивы и побуждения, историк не обходится без помощи интуиции. Но, как справедливо замечает английский философ К. Гемпель[88], это не имеет ничего общего с описанным философами-иррационалистами «сопереживанием» и «перевоплощением». Само по себе это «психологическое проникновение» не есть еще объяснение изучаемого факта: это только эвристический прием, задача которого состоит в том, чтобы подсказать некоторые психологические гипотезы, которые можно было бы после проверки использовать для объяснения факта. На основании известных ему фактов и собственного личного опыта историк пытается понять, какие цели и мотивы могли побудить интересующего его человека поступить так, а не иначе. Но этот эвристический прием отнюдь не заменяет объективных методов исследования и не требует от историка какого-то особого «духовного родства» с изучаемым им героем. «Должен ли психиатр быть хотя бы частично сумасшедшим, чтобы успешно изучать душевные болезни? Можно ли сказать, что эмоционально устойчивые ученые неспособны понять причины и следствия массовой истерии... или социальные проявления патологической жажды власти? Обязательно ли нужно быть каннибалом, чтобы понимать каннибализм?»[89]— спрашивает американский философ Э. Нагель, полемизируя с иррационалистской концепцией Ф. Хайека.

В этой полемике участвуют и профессиональные историки. Покойный Жорж Лефевр в своей рецензии на книгу А. Марру «Об историческом познании» превосходно вскрыл непримиримое противоречие между

---

[85] Там же, стр. 23.

[86] См. «Political Science Quarterly». Vol. LXXIV, December 1959, № 4, pp. 590—593.

[87] K. Bock. The Acceptance of Histories. Berkeley and Los Angeles. 1956, p. 123.

[88] См. K. G. Hempel. The Function of General Laws in History. «Readings in Philosophical Analysis», ed. by H. Feigl and W. Sellars. New York. 1949, p. 467.

[89] E. Nagel. Logic without metaphysics and other essays in the philosophy of science. Glencoe. Illinois. 1956, p. 365.

субъективистской философией Марру и требованиями исторической науки, показав, что нельзя сочетать идею объективности исторического знания с философским интуитивизмом. «Некоторые философы,— писал Ж. Лефевр,— несомненно, скажут, что г-н Марру, столь склонный к экзистенциализму, делает слишком много уступок соображениям «профессионального историка». С другой стороны, найдутся историки, которые откажутся допустить в свою методологию метафизику. Именно исключив ее из своей области, естественные науки в течение XIX в. обеспечили свою независимость, явившуюся одним из условий их поразительного подъема. Для прогресса истории нужно, чтобы она последовала этому примеру. К тому же Марк Блок..., в противоположность Дильтею, не устанавливал глухой стены между историей и экспериментальными дисциплинами»[90].

Симптоматичен и тот холодный прием, который встретил на Стокгольмском конгрессе доклад Ротаккера. Последний в своем заключительном слове занимал в общем оборонительные позиции, упирая на возможность различных точек зрения по методологическим вопросам и подчеркивая свою приверженность мировоззрению «свободного западного мира».

В буржуазной историографии нарастает также разочарование в плоском описательстве, бессмысленной фактографии, на которую обрекает ее неокантианский идиографизм. «Без надлежащего использования теории историческое исследование не может достичь полноты своих возможностей»[91],— утверждает группа американских историков в коллективном докладе. «Канонизация идиографического метода должна была обеспечить самостоятельность истории по отношению к естествознанию; в действительности же она только задержала историческую науку на стадии, уже пройденной естествознанием. Исключительно «описательная» историография является не новой, методологически самостоятельной наукой, а антикварной формой естествознания»[92],— вторит им западногерманский историк О. Андерле, призывающий отказаться от этой консервативной традиции и создать новую «теоретическую» историю. Это разочарование как в своей практической деятельности, так и в существующих философско-исторических теориях усиливает разброд и кризис буржуазной исторической мысли.

Но даже восставая против наиболее одиозных черт идеалистической философии истории, буржуазные историки обнаруживают непоследовательность, колебания и эклектизм. О. Андерле, ратующий за установление однородности, повторяемости, типичности в событиях, вместе с тем оставляет открытым вопрос об исторической закономерности, утверждая, что только в отдаленном будущем новые поколения историков смогут решить, есть ли в истории законы или нет[93]. Как справедливо замечает советский историк А. И. Данилов[94], позитивная программа Андерле является гораздо более ограниченной, чем даже старая программа К. Лампрехта.

Известный американский историк Л. Готшалк, давно уже интересующийся вопросами методологии[95], выступал на Стокгольмском конгрессе со специальным сообщением «Проблема обобщения в историо-

---

[90] «Revue historique». T. CCXVII. 1957, fasc. 2, p. 338.

[91] The Social Sciences in Historical Study. A. Repport of the Committee on Historiography. «Social Science Research Council». Bulletin 64. New York. 1954, p. 25.

[92] O. Anderle. Theoretische Geschichte. Betrachtungen zur Grundlagenkrise der Geschichtswissenschaft. «Historische Zeitschrift», Bd. 185. Hf. I. Februar 1958, S. 28. Ср. F. Braudel. Histoire et sciences sociales. La longue durée. «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations», 13-e année. № 4, ost.-déc. 1958, pp. 735—753.

[93] Там же, стр. 35—36.

[94] А. И. Данилов. Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ. Сборник «Средние века». Вып. XV. 1959, стр. 112.

[95] См., например, его книгу «Understanding History». Chicago, 1950.

графии». Но, справедливо критикуя идею «чисто описательной» истории и признавая необходимость научных обобщений, Готшалк вместе с тем утверждал, что история только отчасти является наукой, поскольку историческая реконструкция событий прошлого никогда не бывает абсолютно точной и исчерпывающей. Воссоздание прошлого — «это творческий (или, лучше, воссоздающий, или интерпретирующий) акт, и поэтому оно сродни искусству» [96]. Этот вывод не может не вызвать удивления. История, конечно, является искусством в том смысле, что хорошая книга по истории не только сообщает сумму каких-то сведений, но и насыщена эмоционально-образным содержанием и читается часто не хуже, чем роман. Это в особенности касается такого исторического жанра, как биография [97]. Но это никоим образом не противоречит научности исторического повествования. То, что понятие не может абсолютно точно соответствовать объекту, типично не только для истории, но для всего человеческого познания, и это не должно быть основанием для скептицизма и каких-то извинений со ссылками на «специфику» исторического познания [98].

В своем сообщении Л. Готшалк ссылался на выводы комитета по историческому анализу, созданного американским научным советом по общественным наукам. В нашем распоряжении нет пока этих выводов. Но об общей позиции американского комитета можно судить по коллективному докладу «Общественные науки в историческом исследовании», цитированному нами выше. Этот доклад, о котором подробно говорится в нашей книге «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли», содержит требование сблизить историю с другими общественными науками. Но эти правильные идеи решительно обесцениваются исходными идеалистическими постулатами. Что толку говорить о значении в истории теоретических понятий, если тут же утверждается, что все понятия «инструментальны» [99]? Какой смысл ориентировать историков на переключение с описания отдельных событий к исследованию эволюции сложных социальных явлений и структур, если существо этих структур и явлений определяется произвольно и неправильно? Зачем говорить об экономических законах, если тут же утверждается, что «они не имеют эмпирического содержания и рассматриваются как «чистая теория» [100]. Не случайно иррационалист Марру, собственная позиция которого враждебна многим важнейшим положениям сборника, с удовлетворением констатирует «похвальную скромность» его авторов: «Как изменились времена! Мы не видим больше завоевательных претензий социологии Дюркгейма или Симиана, «законы» которых, как надеялись, в один прекрасный день позволят объяснить различные исторические факты. Я констатирую, что

---

[96] «Résumés des communications», p. 23.

[97] Известный советский историк философии М. В. Серебряков справедливо писал об этом: «Чтобы биография удовлетворяла и автора и читателя, необходимы два условия: любовное и в то же время критическое отношение к исторической личности, которой она посвящается. Жизнеописание может изобиловать фактами, интересными подробностями, документами и тому подобными аксессуарами; но без любви оно неизбежно будет сухо, холодно, педантично и лишено той интимности, без которой нельзя ни проникнуть во внутреннюю жизнь исторического деятеля, ни воспроизвести его подлинный и правдивый образ. С другой стороны, некритическое отношение столь же неизбежно превратит живого человека с его страстями, увлечениями, колебаниями или преувеличениями в иконописный лик, а самого исследователя — в какого-то суздальского богомаза» (М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Л. 1958, стр. 8).

[98] О специфике образования исторических понятий см. Г. М. Иванов. К вопросу об образовании социально-экономических понятий. «Ученые записки» Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева. № 31. Томск. 1959, стр. 156—177.

[99] The Social Sciences in Historical Study, p. 19.

[100] Там же, стр. 133.

общественные науки не мечтают сегодня больше о будущем, не говорят больше о том, чтобы навязать истории общие законы; они просто ориентируют ее в исследовании, помогают ей иметь в виду определенное число переменных, структурных типов или процессов развития, вооружают ее понятиями, которые могут быть использованы для интерпретации документов и объяснения их данных»[101].

Выход из противоречий, в которых запуталась идеалистическая философия истории, указывает только исторический материализм. Вопреки уверениям буржуазных «критиков» марксизма-ленинизма он не имеет ничего общего с априорными, спекулятивными философско-историческими построениями прошлого. Он весь проникнут духом диалектики, духом конкретного историзма. Ф. Энгельс писал: «...История — это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции»[102].

Материалистическое понимание истории прежде всего вскрывает объективные закономерности общественного развития, диалектику объективного и субъективного, общественного бытия и общественного сознания в самой исторической действительности. Но эта материалистическая онтология истории является вместе с тем фундаментом для построения теории исторического познания и разработки методологических проблем исторической науки. Ведь историческое познание само является составной частью, моментом исторического процесса. Мы видели выше, что гносеологические трудности, которые кажутся столь неразрешимыми буржуазным историкам, коренятся прежде всего в их идеалистическом взгляде на исторический процесс. Только понимание общественного развития как закономерного, естественноисторического процесса освобождает историю от мистических оболочек и субъективизма, позволяет построить подлинно объективную историческую науку.

Такая наука существует и успешно развивается. Если в свое время Ф. Энгельс писал, что всю историю нужно начать изучать заново, то теперь значительная часть этой задачи уже выполнена, а тем самым подведен фундамент фактических знаний под здание исторического материализма. Исследовательская работа историков-марксистов как в СССР, так и за рубежом дала уже немало ценных результатов, получивших всеобщее признание. Даже многие открыто враждебные марксизму буржуазные ученые признают сегодня его положительное влияние на историческую науку. В отличие от социологов-позитивистов К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не считали возможным свести все многообразие исторического развития к некоторой сумме социологических абстракций. Признавая необходимость таких обобщающих категорий, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития, они в то же время подчеркивали: «Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности,— когда принимаются за его действительное изображение»[103].

Это изучение «реального жизненного процесса и деятельности ин-

---

[101] «Revue historique», t. CCXVII, 1957, fasc. 2, p. 283.
[102] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 592.
[103] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 26.

дивидов каждой отдельной эпохи» имеет самые разнообразные формы и ставит перед учеными множество трудных логических и методологических вопросов, имеющих относительно самостоятельное значение и заслуживающих серьезного внимания. Марксистско-ленинская философия создает все необходимые условия для их решения.

Буржуазная философия истории запуталась, как мы видели, в проблеме соотношения общего, особенного и единичного. Для марксистов путь решения этого вопроса ясен. Марксистско-ленинское положение о том, что общее не существует вне отдельного, а всякое единичное есть так или иначе общее, предостерегает как против абстрактного социологизма, так и против мелочного идиографизма.

Буржуазные историки беспомощно ходят вокруг проблемы логического и исторического и, констатируя, что общие понятия не охватывают всех сторон изучаемых явлений, впадают в скептицизм и конвенционализм. Историков-марксистов это противоречие не смущает. Они знают, что в развитии исторических понятий, как и в любом познавательном процессе, человеческая мысль «бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца»[104]. Поэтому, хотя понятие никогда не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его абстрагируют (хотя бы потому, что в процессе абстрагирования отвлекаются от многих существенных сторон действительности), «оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенным, окольным путем, да и то лишь в асимптотическом приближении»[105].

Таким образом, марксизм-ленинизм теоретически вооружает историков, а они, в свою очередь, в своих исследованиях обогащают и конкретизируют положения исторического материализма. Но нельзя успокаиваться на достигнутом. Общественное развитие и усложняющиеся потребности самой исторической науки ставят перед нами новые проблемы и задачи. Многие важные вопросы теории исторического процесса и в особенности логики и метода исторической науки нуждаются еще в обстоятельной разработке. За последние годы советскими историками и философами опубликован целый ряд исследований, посвященных этим вопросам[106]. Однако в дальнейшем эта большая работа должна быть продолжена и расширена. Этого требуют как интересы борьбы с реакционной буржуазной идеологией, так и потребности быстро развивающейся марксистско-ленинской исторической науки.

---

[104] В. И. Ленин. Соч. Т. 38, стр. 249.

[105] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 482.

[106] Кроме работ, названных выше, см. Б. А. Грушин Маркс и современные методы исторического исследования. «Вопросы философии», 1958, № 3, стр. 11—25; А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М. 1958; Е. С. Маркарян. О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4; М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., 1960, и др.

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

М. Н. Черноморский

Мемуарная литература занимает видное место среди источников по истории советского общества. Однако критической оценки советской мемуаристики в целом исследователи, по существу, еще не дали. Имеются лишь отдельные попытки рассмотреть этот вопрос, сделанные, как правило, попутно, в связи с анализом тех или иных воспоминаний или сборников[1]. Вызывает интерес обмен мнениями о том, что должны представлять собой воспоминания участников Великой Отечественной войны, который состоялся на страницах газеты «Красная звезда» между писателем Константином Симоновым и доктором исторических наук полковником П. Жилиным[2]. В настоящей статье автор ставит своей целью определить значение воспоминаний как источников по истории советского общества и осветить некоторые вопросы критического отношения к ним.

Мемуары — специфический вид литературных произведений. Они могут касаться определенных общественных явлений либо повествовать о жизненном пути автора. Мемуаристы иногда ограничиваются констатацией запомнившихся им фактов, не анализируя их. Но многие идут дальше этого. Они стремятся выразить свое отношение к изложенным фактам, дать им оценку. Очень часто мемуаристы пытаются установить причинную связь между описываемыми ими явлениями, прибегая при этом к документальным, эпистолярным и другим письменным источникам.

Специфика воспоминаний как исторических источников состоит в том, что они нередко позволяют историку восстановить недостающие звенья в известной ему по документам цепи фактов, событий и явлений. Таковы, например, сведения, почерпнутые из мемуарной литературы, об исторических заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября

---

[1] А. Лукашев, С. Шаумян, С. Щепров. Мемуарная литература и историческая правда. «Коммунист», 1959, № 11; З. А. Левина. Вечно живой Ленин. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 1; М. А. Двойнишников, Ш. И. Чивадзе. Ярче, полнее отражать революционное прошлое. Там же; Г. И. Петровский. Великий вождь революции. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3; Г. Жук. За правдивое освещение жизни и деятельности В. И. Ленина. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5; В. В. Пентковская. Рецензия на книгу «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» (ч. I). «Вопросы истории», 1957, № 1; П. И. Федотов. Рецензия на книгу «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» (ч. II). «Вопросы истории», 1957, № 12; М. Н. Черноморский. Воспоминания участников Великой Отечественной войны как источник исторических исследований. «Вопросы истории», 1957, № 3; В. И. Старцев Ю. С. Токарев, Б. Ф. Акентьев, Я. И. Давидович. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. «История СССР», 1957, № 2; Б. П. Каневский. Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении Джона Рида, Альберта Риса Вильямса и Линкольна Стеффенса. «История СССР», 1957, № 4; И. Кузнецов. За точность военно-исторических фактов. «Военно-исторический журнал». 1960, № 2, и некоторые другие.

[2] Константин Симонов. О воспоминаниях участников войны. Заметки писателя. «Красная звезда», 17 апреля 1960 г.; его же. Перед глазами — боевое прошлое. «Красная звезда», 27 апреля 1960 г.; П. Жилин. О воспоминаниях участников войны. Заметки историка. «Красная звезда», 25 мая 1960 года.

1917 г.[3], о непосредственном руководстве В. И. Лениным Октябрьским вооруженным восстанием[4], о деятельности большевистских агитаторов среди солдат и офицеров, находившихся в Зимнем дворце накануне Октябрьского штурма[5], о событиях, связанных с крейсером «Аврора»[6], о написании В. И. Лениным декрета о земле[7], о работе II съезда Советов[8] и др. Трудно перечислить все важнейшие вопросы, которые нашли освещение в воспоминаниях участников Великой Октябрьской социалистической революции и которые в большой мере восполняют сведения документальных материалов.

Воспоминания занимают значительное место и среди источников по истории гражданской и Великой Отечественной войн. В них находят отражение вопросы ведения боевых операций, особенно в мемуарах видных военачальников[9]. Воспоминания являются незаменимым источником при изучении истории подпольных организаций и партизанского движения, развернувшегося в годы гражданской[10] и Великой Отечественной[11] войн.

Воспоминания участников социалистического строительства (хотя их еще сравнительно немного) вносят существенный вклад в общую массу документальных материалов, привлекаемых исследователями по ряду вопросов[12], особенно по истории стахановского движения[13].

Советская мемуарная литература в корне отличается от воспоминаний представителей эксплуататорских классов. Последние отражают преимущественно интересы этих классов и только в редких случаях уде-

---

[3] А. В. Шотман. Подготовка восстания. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М. 1957; воспоминания В. П. Шунякова, Е. А. Алексеевой, Ф. З. Евсеева в сборнике «Ленин — вождь Октября». Л.1956.

[4] Н. Подвойский. Штурм Зимнего. «Рассказывают участники Великого Октября», М. 1957, стр. 66; его же. В. И. Ленин в 1917 году. «Исторический архив», 1956, № 6; В. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич Ленин в первые дни Октябрьской революции. Сборник «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Л. 1956; А. Бубнов. Ленин в Октябрьские дни. Там же; В. Невский. В Октябре. Там же; М. Лондарский. Встречи с В. И. Лениным. Там же, и др.

[5] «Рассказывают участники Великого Октября», стр. 69.

[6] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 240—245.

[7] В. Бонч-Бруевич. Как Владимир Ильич писал декрет о земле. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. I. М.1956; М. Фофанова. Ильич перед Октябрем 1917 года. Там же.

[8] А. В. Луначарский. Смольный в великую ночь. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. I; И. И. Вахрамеев. Во имя революции. М.1957, и др.

[9] М. Н. Тухачевский. Поход за Вислу. М. 1923; С. М. Буденный. Пройденный путь. Кн. I. М. 1958; А. И. Еременко. На западном направлении. М. 1959; В. И. Чуйков. Начало пути. М. 1959; П. Г Кузнецов. Дни боевые. М. 1959; И. В. Тюленев. Через три войны. М 1960; А. Г. Головко. Вместе с флотом. М. 1960, и др.

[10] В. Г. Яковенко. Записки партизана. М.-Л. 1925; Д. Самарский. Партизаны Волги. М.-Л. 1925; «Большевистское подполье (Из истории пролетарской борьбы в Таганроге)». Таганрог. 1926; П. Е. Щетинкин. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск. 1929; Б. Бархашов. В подполье. М. 1931; М. Перевалов. Таежные партизаны. М. 1933; И. П. Шевчук. Восьмой Тунгусский. Хабаровск. 1939, и др.

[11] П. К. Игнатов. Записки партизана. М. 1944; С. А. Ковпак. От Путивля до Карпат. М. 1945; А. Ф. Семенов. Шумел сурово Брянский лес. Брянск. 1950; П. П. Вершигора. Люди с чистой совестью. М.1951; И. А. Козлов. В крымском подполье. В городе русской славы. М. 1952; В. И. Козлов. Люди особого склада. М. 1953; А. Ф. Федоров. Подпольный обком действует. М. 1955; М. И. Наумов. Хинельские походы. М. 1954; Д. Н. Медведев. Сильные духом. М. 1955; В. Ливенцев. Партизанский край. Л. 1951, и др.

[12] См. «История советского общества в воспоминаниях современников. 1917—1957». Аннотированный указатель мемуарной литературы. М. 1958.

[13] И. Гудов. Путь стахановца. М. 1933; Н. Изотов. Моя жизнь. Моя работа. Харьков. 1934; А. Х. Бусыгин. Жизнь моя и моих друзей. М. 1939; А. Г. Стаханов. Рассказ о моей жизни. М. 1938; Блидман. Три года моей работы. М. 1938; П. Ангелина. О самом главном. М. 1948; К. А. Борин. 15 лет за штурвалом комбайна. М. 1950, и др.

ляют внимание жизни и борьбе трудящихся масс. Но и тогда этим вопросам дается, как правило, извращенная характеристика, оценка их сквозь призму буржуазных или дворянских концепций.

В противоположность этому воспоминания советских людей воссоздают картину всенародной борьбы за осуществление поставленных Коммунистической партией задач, вскрывают истоки трудовых и боевых подвигов советских людей, их мысли, чаяния и чувства, побудительные причины массовых народных движений в период социалистического и коммунистического строительства. Жизнь и дела многих советских мемуаристов служили и служат вдохновляющим примером, на котором учится наша молодежь и которому она стремится подражать. Мемуарная литература пользуется исключительной популярностью у массового читателя; она имеет большое значение в идейно-политическом воспитании советских людей, и особенно молодежи.

Воспоминания как важный вид источников все чаще используют наши историки в своих исследованиях.

Широкое применение находят воспоминания в трудах по истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны. Например, были использованы мемуары при написании «Истории гражданской войны» (т. I, II).

В работах по истории Октябрьской революции, опубликованных к ее 40-летию, и в других трудах многократно привлекались воспоминания в качестве источника. Так, широко используются воспоминания, опубликованные в ряде сборников, изданных к 40-й годовщине Великого Октября [14], а также вышедшие отдельными изданиями [15].

Мемуары явились одним из основных источников для статьи Б. Н. Камешкова «Петроградские большевики в борьбе за победу Октябрьского вооруженного восстания (15 сентября — 26 октября 1917 года)» [16]. Он использовал по данному вопросу компактную группу воспоминаний как руководителей вооруженного восстания, так и рядовых его участников. Помимо изданных, автор использовал и неопубликованные воспоминания. Так, рассказывая о том, как Н. К. Крупская приносила в Выборгский РК РСДРП(б) письмо В. И. Ленина «Большевики должны взять власть» для ознакомления с его содержанием партактива района, Б. Н. Камешков ссылается на опубликованные в «Красной летописи» воспоминания члена Выборгского райкома Н. Ф. Свешникова [17] и на хранящиеся в Ленинградском партийном архиве воспоминания рабочего С. Л. Лапшина (завод «Феникс») и И. М. Гордиенко (завод «Новый Лесснер»).

Б. Н. Камешков привлек воспоминания для выяснения таких вопросов, как состав членов ВРК, боевая подготовка красногвардейских отрядов [18]. На воспоминания автор ссылается при определении времени взятия Красной гвардией отдельных объектов Петрограда, установлении численного состава частей, охранявших Зимний дворец, при изложении материала о том, как осуществлялся план штурма Зимнего дворца [19].

Тщательное изучение, глубокий критический анализ мемуаров помогли автору восстановить ряд фактов, не нашедших отражения в других документах. Однако такое всестороннее и активное использование

---

[14] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде»; «Рассказывают участники Великого Октября»; «Ленин — вождь Октября»; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. I, и др.

[15] В. Антонов-Овсеенко. В революции. М. 1957; Н. Ф. Измайлов. Балтийский флот в Октябрьские дни. М. 1957; Н. И. Подвойский. Год 1917. М. 1958, и др.

[16] «Великий Октябрь». М. 1957, стр. 211—244.

[17] Там же, стр. 215—216.

[18] Там же, стр. 217, 218, 223.

[19] Там же, стр. 239—242.

воспоминаний как исторических источников наблюдается в работах по истории Октябрьской революции все же довольно редко. В большинстве случаев мемуары привлекаются для того, чтобы иллюстрировать те или иные положения [20].

Реже используют мемуары авторы трудов по истории гражданской войны. Лишь иногда исследователи приводят факты, почерпнутые из мемуаров. Например, Н. Кузьмин в книге «Крушение последнего похода Антанты» (М. 1958) нередко ссылается на мемуары С. С. Каменева, В. Путны, М. Н. Тухачевского и др., а также критически использует воспоминания лиц, находившихся в лагере контрреволюции.

Л. Спирин, автор книги «Разгром армии Колчака» (М. 1957), широко пользуется воспоминаниями участников борьбы на колчаковском фронте [21]. Автор ознакомился также с многочисленной мемуарной литературой белогвардейцев, иностранных генералов и советников при Колчаке, дав ей критическую оценку [22]. Приведение Л. Спириным фактов, сообщаемых мемуаристами, на наш взгляд, обогатило книгу и позволило автору с большой силой раскрыть всенародную борьбу против колчаковщины на фронтах и в тылу врага. Благодаря широкому привлечению воспоминаний выиграла работа А. Кладта и В. Кондратьева «Братья по оружию» (М. 1960) [23].

Недооценка мемуаров сказывается в книге И. Короткова «Разгром Врангеля» (М. 1955). Вследствие небольшого количества документальных источников в книге не нашли освещения важнейшие вопросы борьбы в тылу врага, которая сыграла немалую роль в разгроме врангелевщины. Отсутствие такого материала снижает научный уровень в целом интересной и нужной работы. В то же время раздел о борьбе в тылу мог быть написан гораздо обстоятельнее, если бы автор критически использовал имеющуюся мемуарную литературу [24].

Воспоминания, в которых рассказывается о беспримерном героизме и мужестве советских людей, сумевших разгромить вооруженных до зу-

---

[20] См. статьи З. Ждановской и Д. Михалутиной, В. Приставкина, А. Шпынова в сборнике «В борьбе за победу Октября». М. 1957; статьи А. В. Лукашева и М. Д. Стучебниковой, П. А. Голуба, Г. Д. Костомарова, Н. Р. Дония в сборнике «Великий Октябрь»; статьи Е. Н. Городецкого, М. И. Стишова, М. Капустина в сборнике «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1957; в статье П. П. Шарова в сборнике «Коммунистическая партия в борьбе за победу Октября». М. 1959. Сравнительно слабо использованы воспоминания в работах Н. Иванова «Великий Октябрь в Петрограде». Л. 1957; Е. Г. Гимпельсона «Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г.— июль 1918 г.)». М. 1958, и некоторых других. В то же время в ряде монографий и большинстве статей воспоминания вообще не использованы, хотя они могли бы дать много ценного материала для исследователей.

[21] Например, И. А. Онуфриев. Гражданская война на Урале. Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск. 1925; В. Г. Яковенко. Записки партизана. М.-Л. 1925; «Борьба за Урал и Сибирь». Сборник воспоминаний. М.-Л. 1926; Д. Фурманов. Под Уфой и Уральском. М.-Л. 1928; Н. И. Кирюхин. Из дневника военного комиссара. М. 1928; «Гражданская война в Башкирии». Сборник воспоминаний. Уфа. 1932; П. Бажов. Бойцы первого призыва. Свердловск. 1934; его же. Формирование на ходу. Свердловск. 1936; «Гражданская война в Оренбургском крае». Чкалов. 1939; «За власть Советов». Сборник воспоминаний. Новосибирск. 1947.

[22] Г. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак. Т. II. Пекин. 1921; Камский. Сибирское действо. Птгр. 1922; Джон Уорд. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 годов. М.-Птгр. 1923; В. Болдырев. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск. 1925, и др.

[23] «Гражданская война в Оренбургском крае»; «Незабываемое». Красноярск. 1957; «За власть Советов». Кемерово. 1957; «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1959, и др.

[24] «Пятьдесят первая Перекопская дивизия. История боевой и мирной жизни за 5 лет. 1919—1924». М. 1925; «На Врангеля. Повесть о перекопских боях». М. 1933; М. В. Фрунзе. Памяти Перекопа и Чонгара. Страницы воспоминаний. М. 1934; А. В. Мокроусов. В горах Крыма. Симферополь. 1940; «Перекоп». Сборник воспоминаний. М.-Л. 1941; П. Макарова. В двух схватках. Симферополь. 1956; Сборники «Революция в Крыму» №№ 2, 3, 4, 8, 9. Симферополь. 1923—1930, и др.

бов белогвардейцев и иностранных интервентов, заслуживают пристального внимания историков. Несмотря на наличие довольно большой группы воспоминаний участников Великой Отечественной войны, до настоящего времени они слабо вводятся в научный оборот. Использование этих мемуаров (естественно, на основе глубокого критического анализа) исследователями наблюдается только в единичных случаях. Пожалуй, можно назвать лишь одну работу, в которой воспоминания участников Великой Отечественной войны использованы в качестве источника в полной мере. Речь идет о книге Н. И. Супруненко «Украина в Великую Отечественную войну Советского Союза» (Киев. 1956). Автор привлек большую группу воспоминаний, среди них мемуары командиров партизанских соединений и отрядов С. Ковпака, А. Федорова, В. Бегмы, Г. Базымы, П. Вершигоры, Д. Медведева, Г. Линькова, дневники С. Руднева и Н. Попудренко, сборники воспоминаний[25]. С помощью этих материалов Н. И. Супруненко осветил некоторые важные вопросы организации партизанского движения в тылу врага.

Частично использованы мемуары и в ряде других работ[26]. Однако в большинстве случаев они пока не привлекаются авторами книг по истории Великой Отечественной войны, и это бывает даже тогда, когда налицо есть группа воспоминаний, касающихся тех или иных тем. Так, в работе Е. Шамко «Партизанское движение в Крыму» (Симферополь. 1959), посвященной борьбе крымских партизан в годы Великой Отечественной войны, не нашлось места для мемуаров крымских партизан[27], которые рассказывают о партизанской борьбе в данном районе. Составители коллективного труда «Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941—1945» (М. 1955) в разделах, освещающих партизанское движение, лишь в двух случаях привлекли мемуарную литературу.

Крайне редко используют воспоминания исследователи, изучающие историю нашей страны в годы мирного строительства. Правда, за последнее время и в этой области положение начинает меняться. Примером этого может служить книга «Ленин — председатель Совнаркома и СТО», автор которой Э. Б. Генкина пишет, что мемуары позволяют восполнить многие пробелы, связанные с отсутствием стенографических записей заседаний Совнаркома, составить представление о работе В. И. Ленина как председателя СНК и СТО. Э. Б. Генкина делает попытку классифицировать воспоминания по данному вопросу, высказывает критические замечания в отношении публикации воспоминаний[28]. На основании обстоятельного изучения мемуарной литературы в книге характеризуется деятельность аппарата Совнаркома, говорится о подготовке ряда важных вопросов государственного строительства, в том числе связанных с восстановлением экономики, развитием науки, техники и пр.[29].

---

[25] С. А. Ковпак. Указ. соч.; А. Ф. Федоров. Указ. соч.; В. Бегма. Злочини німців і народна боротьба на Ровенщині. Укргосиздат. 1945; Г. Базима. Слідами великого рейду. Київ. 1950; Д. Медведев. Указ. соч.; П. Вершигора. Указ. соч.; Г. Линьков. Война в тылу врага. М. 1951; І. Туркенич. Краснодоньске підпілля. Журнал «Дніпро», 1946, № 7—8, и др.

[26] Е. Кельнер. Героическая оборона Севастополя. 1941—1942. Симферополь. 1958; И. Сидорова. Трудящиеся Ярославской области в годы Великой Отечественной войны. Ярославль. 1958; Б. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. М. 1959, и др.

[27] Е. П. Степанов. Партизанскими тропами. Астрахань. 1954; С. Становский. Партизаны. Симферополь. 1954; И. Вергасов. В горах Таврии (Записки партизана). Симферополь. 1955; П. Макаров. В двух схватках. Симферополь. 1956; И. А. Козлов. Указ. соч., и др.

[28] См. Э. Б. Генкина. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах. М. 1960, стр. 12.

[29] Н. А. Семашко. Воспоминания о В. И. Ленине. М. 1933; Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич. М. 1933; А. М. Аникст. Воспоми-

В других исследованиях по истории мирного социалистического строительства мемуарная литература использована меньше. Даже в книгах И. Трифонова «Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937)», Л. Рогачевской «Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926—1927 гг.», вышедших в этом году, не было отведено места воспоминаниям рабочих.

Таким образом, мемуары, из которых многие представляют значительную ценность, не всегда и не в равной степени используются. Подобное положение, на наш взгляд объясняется тем, что, с одной стороны, не разработана методика критического анализа и использования мемуаров в исследованиях по истории советской эпохи и, с другой — тем, что авторы, не отрицая познавательной ценности воспоминаний, нередко остерегаются их привлекать, боясь попасть в плен субъективных представлений мемуариста.

Естественно, при оценке воспоминаний необходимо учитывать и специфические свойства нашей памяти. Известно, что по истечении определенного времени из памяти могут стираться те или иные стороны событий, вследствие чего возможны искажения и неточности при их описании.

Чтобы установить влияние субъективного фактора на полноту и достоверность мемуаров и решить вопрос о возможности их использования как исторических источников следует применить по отношению к ним ряд установившихся в исторической науке приемов и методов источниковедческого анализа.

★

Образцом научного подхода к воспоминаниям служат произведения В. И. Ленина. Владимир Ильич придавал мемуарной литературе большое значение. Откликаясь на пятую годовщину декабрьского вооруженного восстания 1905 г., В. И. Ленин призывал рабочих собирать воспоминания «о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г.», и предлагал издать брошюру с жизнеописанием этих рабочих. «Такая брошюра,— писал В. И. Ленин,— будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему» [30].

В своих сочинениях В. И. Ленин нередко обращался к личным воспоминаниям. Например, работы «Как чуть не потухла «Искра»?», «Запись 29 декабря 1900 года», «Рассказ о II съезде РСДРП», «Об обстоятельствах ухода из редакции «Искры»» написаны в значительной степени на основе личных воспоминаний [31]. Изучение этих и некоторых других ленинских документов позволяет судить об отношении В. И. Ленина к воспоминаниям и к их использованию.

В «Записи 29 декабря 1900 года» В. И. Ленин отметил: «Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с «близнецом» [32]. Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собра-

---

нания о Владимире Ильиче. М. 1933; воспоминания Г. Леплевского в сборнике «Ленин на хозяйственном фронте». М. 1934; см. воспоминания А. В. Луначарского, Г. В. Чичерина, А. А. Андреева, Л. Б. Красина, Н. К. Крупской, Т. С. Кривова, Л. А. Фотиевой и др. в сборнике «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 2. М. 1957; Л. К. Мартенс. Воспоминания о В. И. Ленине. «Исторический архив», 1958, № 5; А. М. Николаев. Ленин и радио. М. 1958; сборник «Рабочие и крестьяне России о Ленине». М. 1958; Л. А. Фотиева. Из жизни Ленина. М. 1959; «У истоков советской радиотехники». Сборник воспоминаний работников Нижегородской радиолаборатории имени В. И. Ленина. Горький. 1959.

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 334.

[31] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 334—352, 386—388; т. 8, стр. 1—20, 175—180, 482.

[32] Кличка П. Б. Струве.

ние..., по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой — если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь»[33]. В. И. Ленин дает здесь оценку описываемому событию и в то же время подчеркивает, что он записывает «свои впечатления», то есть свое субъективное восприятие происшедшего. В. И. Ленин учитывает особенности нашей памяти и возможность искажения событий при передаче их после длительного промежутка времени. Так, беседу со Струве В. И. Ленин воспроизвел сразу же[34]. Свои воспоминания о Н. Г. Федосееве В. И. Ленин писал 30 лет спустя и поэтому особо оговаривал: «На точность их я не полагаюсь», «насколько я помню», «особенно осталось в моей памяти»[35].

В. И. Ленин стремился восстановить события по памяти и максимально подробно изложить их ход и все, что связано с ними. Так, в работе «Как чуть не потухла «Искра»?» Владимир Ильич подробно освещает переговоры с Г. В. Плехановым. В то же время В. И. Ленин четко излагает свое отношение к тому или иному событию, свои идейные позиции. При чтении воспоминаний В. И. Ленина создается отчетливое представление как о позициях его собеседников, так и о позиции Владимира Ильича.

Принципиальность, партийность, стремление к точности в изложении фактов и в то же время известная осторожность при воспроизведении прошедших событий — таковы характерные черты, присущие воспоминаниям В. И. Ленина. Отношение Владимира Ильича к воспоминаниям является образцом как для авторов мемуаров, так и для тех, кто пользуется воспоминаниями как историческими источниками.

Руководствуясь замечаниями В. И. Ленина по поводу мемуарной литературы, можно сделать некоторые выводы о методике критического анализа мемуаров.

Исследуя мемуары, необходимо, во-первых, изучить вопросы, связанные с их происхождением, то есть установить причины, вызвавшие их появление, цели, которые ставил перед собой автор, обстановку, в которой происходило создание воспоминаний. Во-вторых, следует установить время написания мемуаров и период между их написанием и опубликованием. Это поможет выявить, как сказались на изложении автором событий прошедшие годы и возможные изменения представлений об этих событиях.

В-третьих, немаловажное значение имеет вопрос о форме написания мемуаров, ибо от этого могут зависеть полнота освещения событий и отбор фактов. В настоящее время распространены следующие основные формы мемуаров: воспоминания, охватывающие весь жизненный путь автора — жизнеописания; воспоминания, посвященные определенным событиям или определенному периоду; дневники или поденные записи, составленные сразу же после событий; литературная запись, то есть произведения, написанные писателем по воспоминаниям и документам участника событий от его имени с сохранением всех элементов, свойственных воспоминаниям[36]. Каждая из этих форм имеет свои особенности, свою специфику отображения фактов и событий.

В-четвертых, выяснение данных об авторе — биографические сведения о нем, о его кругозоре, осведомленности и т. д. Изучение этих вопросов позволит судить о понимании автором описываемых им событий, влиянии субъективных представлений при их освещении.

---

[33] В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 386.

[34] Там же.

[35] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 414, 415.

[36] Подробнее об этом см. М. Н. Черноморский. Мемуары как исторический источник. М. 1959.

В-пятых, необходимо рассмотреть, какие дополнительные источники могли быть использованы автором при написании воспоминаний.

В-шестых, следует изучить все имеющиеся редакции воспоминаний, причины их появления и те изменения и дополнения, которые были сделаны автором, а также изменения, которые могли быть произведены при переиздании мемуаров.

Не имея возможности в рамках данной статьи подробно рассмотреть каждый из этих вопросов, остановимся только на некоторых наиболее существенных или недостаточно разработанных в источниковедческой литературе.

Одним из серьезных условий критического анализа воспоминаний является всестороннее изучение всего, что связано с личностью автора. Сведения о его жизни до событий, описываемых в воспоминаниях, позволяют установить его образование, широту политического восприятия событий, умение в них ориентироваться, навыки в определенных вопросах и др.

Биографические данные за период, охватываемый мемуарами, могут помочь установить, как хорошо знал автор описываемые события, степень его участия в них.

Например, в воспоминаниях участников боевых действий в годы гражданской и особенно Великой Отечественной войны осведомленность о событиях в значительной мере зависела от должности, которую занимали авторы воспоминаний в описываемое ими время. Такая зависимость вытекала из существовавшего в армии положения об ознакомлении лиц с обстановкой и ходом боевых операций в соответствии с занимаемой должностью.

Если сравнить вышедшие в последнее время воспоминания маршалов Советского Союза А. И. Еременко и В. И. Чуйкова [37] с другими (например, воспоминаний В. И. Чуйкова с воспоминаниями И. Г. Падерина [38]), которые охватывают сравнительно небольшой район боевых действий, то можно обнаружить заметное отличие в широте охвата описываемых событий. То же обнаруживается при сравнении воспоминаний генерал-лейтенанта Н. К. Попеля и командира танковой роты Героя Советского Союза Г. И. Пенежко, которые описывают один и тот же период и примерно один и тот же район боевых действий [39].

Мемуары военачальников, представителей советского генералитета, свидетельствующие о большом круге вопросов, им известных, о широте их кругозора, дополняются воспоминаниями солдат и офицеров Советской Армии, в которых отражены хотя и более конкретные вопросы, но в них ярко показаны действия советских людей в непосредственной боевой обстановке, их чувства и мысли, беспримерное мужество и героизм.

На воспоминания неизбежно налагают отпечаток такие факторы, как общественное положение, которое занимает автор воспоминаний, его идейно-политический уровень. С течением времени у автора может меняться оценка происходивших событий, а также отношение к действиям отдельных лиц. Например, об эволюции автора под влиянием исторической обстановки свидетельствуют опубликованные в 1959 г. воспоминания А. Верховского (написаны до 1937 г.). Если сравнить эти воспоминания с опубликованным в 1918 г. дневником того же автора «Россия на Голгофе», то заметно значительное отличие в оценке и освещении многих фактов и событий [40].

При работе над воспоминаниями необходимо учитывать идейные по-

---

[37] А. И. Еременко. Указ. соч.; В. И. Чуйков. Указ. соч.

[38] И. Г. Падерин. На Сталинградском направлении. М. 1950.

[39] Н. К. Попель. В тяжкую пору. М. 1959; Г. И. Пенежко. Записки советского офицера. М. 1950.

[40] См. А. И. Верховский. На трудном перевале. М. 1959.

зиции автора, цели и задачи, которые он ставил перед собой при их написании, различные влияния, испытываемые им. Именно на эту сторону дела обращали внимание авторы статьи в журнале «Коммунист», подчеркивая, что необходимо помнить об эволюции взглядов автора воспоминаний в последующие годы [41].

Как известно, под флагом воспоминаний неоднократно предпринимались врагами партии попытки атаковать генеральную линию Коммунистической партии, ревизовать коренные положения марксизма-ленинизма. Такого рода попыткой была вражеская вылазка Троцкого, который в своих писаниях «Уроки Октября» и других под видом «воспоминаний» грубо фальсифицировал историю, извращая ход событий и роль В. И. Ленина в Октябрьской революции.

Враждебные вылазки Троцкого и его сторонников получили в свое время сокрушительный отпор со стороны Коммунистической партии. Разгром троцкизма являлся результатом непримиримой борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, за правду истории.

Советские историки, сталкиваясь с воспоминаниями, написанными с враждебных нашему народу позиций, обязаны проявлять высокую бдительность, разоблачать и до конца обнажать антиисторическую, антипартийную трактовку в этих мемуарах вопросов истории советского общества.

В трудах, посвященных истории иностранной военной интервенции и гражданской войны, например, некоторые исследователи довольно часто обращаются к мемуарам белогвардейцев. Использование мемуаров белогвардейцев иногда целесообразно. Оно, в частности, может помочь раскрыть тайные замыслы иностранных интервентов, ответственных за развязывание и поддержку гражданской войны в стране. И здесь требуется весьма тщательный анализ.

При изучении воспоминаний необходимо установить те дополнительные источники, которыми пользовались авторы при их написании. Это позволяет выделить то, что интересует историка в воспоминаниях, а именно сами свидетельства мемуаристов, так как, в конечном итоге, исследователя привлекает в мемуарах освещение событий в том виде, в каком они сохранились в памяти их участников и которые он не может изучить непосредственно по документам.

Использование мемуаристом других источников, прежде всего документальных, производится с различной целью и в разной степени. Участники событий обычно прибегают к документам для того, чтобы на их основании восстановить в памяти отдельные стороны событий или звенья исторического процесса, неизвестные автору, чтобы подкрепить документами освещение отдельных событий и, наконец, опубликовать документы, которые автору кажутся важными.

Первая группа источников органически вплетается в воспоминания и играет в них служебную, подчиненную роль. Ссылки на них в тексте чрезвычайно редки. Обычно авторы воспоминаний не ссылаются и на вторую группу источников, хотя и приводят сведения о таких фактах и событиях, в которых им не приходилось непосредственно участвовать и очевидцами которых они не могли быть. Так, Д. Медведев в своей книге «Сильные духом» рассказывает о подвигах Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова, о делах ровенского подполья, хотя сам он и не находился на месте действия. Подобные описания нередки и в других книгах; установление их по тексту воспоминаний не представляет особых затруднений.

Третья группа источников, используемая мемуаристами, чаще всего представляет собой полную или частичную публикацию текста документов. Здесь могут быть погрешности при воспроизведении и даже изло-

---

[41] «Коммунист», 1959, № 11, стр. 109.

жении по памяти документального материала. Публикуемые таким способом документы можно использовать лишь в тех случаях, когда они по тем или иным причинам недоступны для исследователя. Иногда по воспоминаниям удается установить обстановку, в которой появились отдельные документы, и причины их возникновения. Серьезного внимания заслуживают документы личного происхождения — письма, дневники и пр., которые могут быть включены в воспоминания полностью или частично [42]. Ознакомление с их содержанием представляет иногда немалый интерес: подобного рода документы, как правило, хранятся в личных фондах авторов воспоминаний и для исследователей обычно недоступны.

В мемуарах участников Великой Отечественной войны нередко используются воспоминания третьих лиц. Исследователь не может отрицать ценность рассказов третьих лиц лишь на том основании, что мемуарист при передаче мог исказить эти рассказы. Чтобы показать наше отношение к данному вопросу, остановимся на некоторых примерах.

П. Вершигора в своих воспоминаниях воспроизводит по памяти и своим беглым записям рассказ Г. Линькова о делах его отряда, в частности о взрыве кинотеатра в Микашевичах [43]. После выхода в свет воспоминаний самого Г. Линькова стало очевидным, что при передаче рассказа Г. Линькова в воспоминаниях П. Вершигоры были допущены неточности [44]. В данном случае свидетельство мемуариста не может быть использовано.

Но бывает и так, когда переданные в воспоминаниях рассказы третьих лиц помогают уточнить факты и даже объяснить их [45].

Следовательно, к рассказам третьих лиц, включаемым в воспоминания, нельзя подходить механически. Только тщательный источниковедческий анализ в каждом отдельном случае может решить вопрос о том, насколько те или иные свидетельства могут быть достоверными.

Итак, основная цель критического анализа воспоминаний состоит в выявлении полноты и достоверности сообщаемых сведений и авторской интерпретации событий. В результате такого анализа обычно удается установить, насколько возможно использование данных воспоминаний как исторических источников.

Одним из основных методов критического анализа воспоминаний является сравнительный анализ их текста с другими имеющимися документами и воспоминаниями, касающимися описываемых событий. Сравнительный анализ позволяет определить, какое влияние на полноту и достоверность воспоминаний оказывают недостатки, свойственные памяти, идентичность того, что сохранилось в памяти участника событий, с теми знаниями о событиях, которые могут быть известны по другим источникам, выявить то новое, что они вносят в имеющиеся уже представления о событиях, то есть раскрыть всю важность для исторического исследования данного исторического свидетельства. Это позволяет заключить, с одной стороны, в какой степени данные воспоминания дополняют имеющиеся уже источники и что они вносят нового по сравнению с ними. С другой стороны, сравнительный анализ помогает обнаружить, насколько можно доверять данному свидетельству, то есть обосновать право его использования как исторического источника.

В настоящее время, когда значительно расширилась источниковедческая база по истории советского общества, когда выходят в свет многочисленные публикации документов, возможности для сравнительного анализа стали еще более широкими.

---

[42] См., например, книги: А. Ф. Федоров. Указ. соч., стр. 352—355, 372—378, 469—474; В. Андреев. Народная война. Л. 1952, стр. 196, 236, 237; М. И. Наумов. Указ. соч., стр. 288, 375—380, и другие воспоминания.

[43] П. П. Вершигора. Указ. соч., стр. 175—182.

[44] Г. Линьков. Указ. соч., стр. 351—360.

[45] С. А. Ковпак. Указ соч., стр. 11—12; П. П. Вершигора. Указ. соч., стр. 65—68.

Сравнительный анализ должен производиться по довольно большому кругу вопросов и охватывать все содержание воспоминаний. Чтобы получить представление о том, насколько необходим такой критический, всесторонний анализ, остановимся на воспоминаниях М. А. Сиринова «Рождение ЦСУ» [46].

М. А. Сиринов приводит любопытные сведения о том, какие предпринимались попытки использовать Центральный статистический комитет (ЦСК) для налаживания государственной статистики в молодой Советской республике. Он рассказывает о состоянии ЦСК после Октябрьской революции, о своих встречах с народным комиссаром по внутренним делам Г. И. Петровским, об обстановке, в которой происходил первый съезд статистиков, и о некоторых других вопросах.

Но ряд утверждений М. А. Сиринова, прежде всего об организации ЦСУ, не достоверен. М. А. Сиринов утверждает, что будто П. И. Попов, возглавлявший Отдел переписи и статистики ВСНХ, выступил с проектом, согласно которому вся статистика республики должна была быть подчинена ВСНХ. Этот проект П. И. Попов якобы предложил съезду статистиков (июнь 1918 г.), и съезд его принял. Однако, как утверждает автор, только после его выступления на заседании Совнаркома с предложением об организации центральной государственной статистики, эта идея будто бы была одобрена В. И. Лениным, который предложил создать комиссию для образования единой государственной статистики с подчинением ее центральным советским органам [47].

Документы же свидетельствуют о другом. Так, еще 27 апреля 1918 г. «Исполнительная комиссия статистических съездов об организации и объединении статистических работ» приняла постановление о необходимости организации государственной статистики и о вынесении на съезд статистиков соответствующего проекта Отдела переписи и статистики ВСНХ [48]. Это значит, что еще за два месяца до приезда М. А. Сиринова в Москву уже имелся проект положения о создании государственной статистики. Съезд статистиков отклонил проект, представленный Центральным статистическим комитетом, и принял проект Положения о государственной статистике, разработанный Отделом переписи и статистики ВСНХ [49]. Данный проект приложен к протоколу шестого пленарного заседания съезда статистиков от 14 июня 1918 г. [50] и полностью соответствует утвержденному позднее Совнаркомом Положению о государственной статистике [51].

Следовательно, никакого особого «весеенховского» проекта о сосредоточении государственной статистики в ВСНХ, как излагает М. А. Сиринов, съезд не рассматривал. Съездом был принят проект, впоследствии утвержденный Совнаркомом. Более того, из воспоминаний П. И. Попова следует, что он несколько раз беседовал с В. И. Лениным о создании единой государственной статистики и именно В. И. Ленин подсказал мысль о месте государственной статистики в системе государственных учреждений [52].

Таким образом, сопоставление воспоминаний М. А. Сиринова с документальными материалами и свидетельствами других лиц позволяет установить, что в мемуарах М. А. Сиринова наряду с интересными сообщениями наблюдаются серьезные погрешности в изложении фактов.

---

[46] «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 91—95.

[47] Там же, стр. 93—95.

[48] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС) СССР, ф. 1562, оп. 3, д. 43, л.1.

[49] Там же, д. 6а, л. 1.

[50] Там же, лл. 3—13.

[51] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1918 г., № 55, стр. 611.

[52] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 2, стр. 297—299.

Одной из важных задач анализа воспоминаний является изучение различных их вариантов. Как известно, многие воспоминания неоднократно переиздавались. При этом авторы нередко вводили дополнения, часто весьма существенные, иногда подвергали свой труд значительной переработке. Естественно, исследователь не может пройти мимо имеющихся переизданий и должен их тщательно изучить для того, чтобы определить причины, повлиявшие на содержание последующих редакций, а также установить то новое и ценное, что каждый раз вносил автор в свои воспоминания.

К числу обстоятельств, вызывавших нередко появление новых вариантов воспоминаний, можно отнести более зрелую точку зрения автора на события [53], влияние появившихся позднее воспоминаний других лиц и публикаций документов о тех же событиях, которые позволили мемуаристам дополнить издаваемые воспоминания [54]. На воспоминания накладывает отпечаток и ряд факторов, которые не зависят от самого автора.

Мемуары связаны с исторической обстановкой и представлениями эпохи, в которую они написаны; поэтому развитие общественно-политической мысли, расширение знаний в области истории и т. д. оказывают воздействие на автора воспоминаний, вызывают появление определенных наслоений, изменений в оценке событий, в характеристике людей и их действий во время событий и пр.

Серьезный отпечаток на мемуарную литературу наложило, например, распространение культа личности. Под влиянием культа личности в некоторых мемуарах допускалось искажение фактов и событий истории советского общества, умалялась роль масс в строительстве социализма и в борьбе за свободу и независимость советской Родины в годы войны.

После XX съезда КПСС были решительно преодолены последствия культа личности, идеологическая работа партии поднята на новую, невиданную высоту. В связи с рядом мероприятий, осуществленных партией после XX съезда КПСС, значительно возрос выпуск вновь написанных мемуаров. Были также переизданы воспоминания, являвшиеся библиографической редкостью.

Многие воспоминания, особенно мемуары участников Великой Отечественной войны, чрезвычайно популярны среди читателей и неоднократно переиздавались массовыми тиражами. Например, воспоминания П. Вершигоры «Люди с чистой совестью» выдержали 32 издания, много раз переиздавались книги Г. Линькова «Война в тылу врага», И. Козлова «В крымском подполье», А. Федорова «Подпольный обком действует», Г. Пенежко «Записки советского офицера», Д. Медведева «Сильные духом» и др.

Огромный спрос на мемуарную литературу свидетельствует о ее большом воспитательном значении и о том, что широкий круг читателей знакомится с великим подвигом советского народа в годы тяжких испытаний и славных побед в Великую Отечественную войну по воспоминаниям самих участников борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Естественно, что массовый спрос на мемуарную литературу должен был повлечь и соответствующие требования к форме изложения воспоминаний, к тому, чтобы они были написаны живо, интересно, увлекательно. Следует сказать, что сама жизнь, героическая борьба нашего народа давала достаточно материала для того, чтобы ярко и образно раскрыть все величие советских людей. Об этом хорошо сказал Д. Медведев в предисловии к книге «Сильные духом»: «Как в книге «Это было под Ровно»,

---

[53] См., например, издания 1948 и 1951 гг. книги П. П. Вершигоры «Люди с чистой совестью».

[54] См., например, Д. Медведев. Это было под Ровно. М. 1948; его же. Сильные духом.

так и теперь, в событиях, о которых я пишу, нет вымысла. Мне не пришлось к нему прибегать, ибо жизнь, прожитая отрядом, так богата и разнообразна, что она ярче фантазии. В то же время эта жизнь не представляет собой ничего исключительного, из ряда вон выходящего» [55].

Однако в ряде случаев при переиздании воспоминаний обнаруживаются и отрицательные явления, на которых нельзя не остановиться. Отдельные писатели при обработке воспоминаний все больше начали вводить беллетризацию [56]; при этом имеются прямые попытки оправдать подобную практику беллетризации воспоминаний [57].

Следует отметить, что при переизданиях отдельные мемуары чрезвычайно увеличиваются в объеме, при этом в ряде случаев не столько за счет привлечения новых фактов, сколько путем введения большего числа диалогов. Так, книга Я. Иосселиани «Записки подводника», изданная в 1952 г., имела 184 страницы. В 1959 г. вышли в свет две его книги — «Огонь в океане» и «В битвах под водой». Обе они по содержанию мало чем отличаются от «Записок подводника», но в книге «Огонь в океане» уже 472 страницы, а в книге «В битвах под водой» — 271 страница. Расширение объема книг произошло преимущественно за счет увеличения диалогов, беллетризации текста. Об этом свидетельствует и сам автор. В книге «Огонь в океане» мы читаем: «Некоторые события и факты, о которых рассказывается в предлагаемой читателю книге, прежде были использованы автором в его произведении «Записки подводника», также построенном на автобиографическом материале, Однако в книге «Огонь в океане» они изложены по-новому, развернуто, в художественно обобщенной форме, рамки повествования значительно расширены» [58]. Книгу «В битвах под водой» автор рассматривает как попытку «в живой литературной форме рассказать о боевых буднях советских подводников» [59].

Такую же примерно эволюцию претерпела книга П. К. Игнатова «Жизнь простого человека» [60]. В ней на 322 страницах живо и эмоционально излагается жизненный путь, пройденный рабочим-революционером, повествуется о событиях Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, в которых участвовал автор, и довоенного периода. Далее П. К. Игнатов рассказывает, как росли, воспитывались и мужали его дети, совершившие беспримерный подвиг в Великой Отечественной войне и удостоенные высокого звания Героя Советского Союза.

В 1957 г. вышло второе издание этой книги объемом в 747 страниц. «Последние годы,— пишет автор,— я отдал переработке книги «Жизнь простого человека». В предлагаемом вниманию читателей новом издании ее не только переосмыслены и переписаны многие отдельные сцены и эпизоды, но книга значительно пополнена новыми материалами» [61].

На самом деле значительное увеличение объема книги П. Игнатова произошло преимущественно за счет включения диалога и повествовательных моментов. Введение диалога там, где идет речь о событиях 40—50-летней давности, вряд ли правомерно. В результате беллетризации был увеличен листаж другой книги того же автора — «Записки партизана» (М. 1959). Более того, при переиздании автор изменил композицию этой книги.

---

[55] Д. Медведев. Сильные духом, стр. 3.

[56] Процесс беллетризации и его последствия хорошо выявлены в книге М. Новиковой «Мемуары и жизнь». Симферополь. 1957, стр. 101—115.

[57] См. К. Лапин. Судья, а не прокурор... «Литературная газета», 4 июня 1960 года.

[58] Я. Иосселиани. Огонь в океане, стр. 473.

[59] Я. Иосселиани. В битвах под водой, стр. 4.

[60] П. К. Игнатов. Жизнь простого человека. М. 1948.

[61] П. К. Игнатов. Жизнь простого человека. Изд. 2-е, стр. 3.

Разумеется, никто не будет возражать против доработки, дополнений и изменений при переиздании воспоминаний. К тому же можно только приветствовать придание воспоминаниям занимательной формы изложения. Но когда увеличение объема книги происходит главным образом за счет ее беллетризации, тогда особенно возрастает опасность сочетания подлинных сообщений о событиях с вымыслом. В таком случае воспоминания в очень небольшой степени могут быть использованы как исторический источник.

Иногда издающаяся мемуарная литература претерпевает не вызываемое необходимостью вмешательство третьих лиц в содержание воспоминаний. Такие явления порой имеют место при публикации посмертных изданий. При публикации воспоминаний о В. И. Ленине были отмечены отдельные случаи подобного произвольного обращения с текстом воспоминаний, о чем говорилось в нашей печати[62]. В качестве примера подобного вмешательства третьих лиц при издании мемуарной литературы остановимся на воспоминаниях Н. И. Подвойского.

В 1956 г. в журнале «Исторический архив» были опубликованы воспоминания Н. И. Подвойского «В. И. Ленин в 1917 году»[63]. В предисловии к этой публикации указывалось, что воспоминания извлечены из документальных материалов фонда Н. И. Подвойского, хранящегося в Центральном государственном архиве Советской Армии СССР, из личного архива членов его семьи. «Учитывая, что часть стенографических записей не была автором окончательно подготовлена к печати,— сказано в предисловии,— отдельные места (повторения и неясности) опущены»[64]. Таким образом, если судить по предисловию, перед нами текст в том виде, в каком он готовился к печати самим Н. И. Подвойским.

Воспоминания Н. И. Подвойского под тем же названием были опубликованы также в серии «Библиотека «Огонька»[65], в журнале «Октябрь»[66] и вышли отдельным изданием под названием «Год 1917»[67]. Последнее издание, претерпев основательную редакторскую правку, представляет собой перепечатку из журнала «Октябрь».

В предисловии от издательства указывается, что автором книги «Год 1917» является Н. И. Подвойский. Далее читаем: «В книге собраны журнальные, газетные статьи и брошюры автора, опубликованные в 1918—1933 годах, а также неопубликованные рукописи, дополненные посмертно обработанными заметками, блокнотными записями и стенограммами выступлений Н. И. Подвойского»[68]. Итак, если судить по предисловию, перед нами сборник, составленный из изданных и неопубликованных воспоминаний Н. И. Подвойского. В действительности это разделенная на главы книга, в которой с первой до последней страницы идет последовательное повествование. Примечания к тексту отсутствуют, поэтому нельзя определить, что за материалы опубликованы в этой книге. Очевидно, мы имеем дело с литературной обработкой воспоминаний, неизвестно кем произведенной.

При сравнении текста воспоминаний Н. И. Подвойского «В. И. Ленин в 1917 году» с текстом издания «Год 1917» в последнем обнаруживаются, во-первых, произвольные купюры. Так, полностью исключена вступительная часть к воспоминаниям «В. И. Ленин в 1917 го-

---

[62] Рецензия В. В. Пентковской на книгу «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». «Вопросы истории», 1957, № 1.

[63] «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 111—132.

[64] Там же, стр. 111.

[65] Н. И. Подвойский. В. И. Ленин в 1917 году. «Библиотека «Огонька». 1957, № 39—40.

[66] Журнал «Октябрь», 1957, №№ 4, 5.

[67] Н. И. Подвойский. Год 1917.

[68] Там же, стр. 3.

ду», причем неизвестно кем — самим Н. И. Подвойским или составителем — сделан ряд сокращений в самом тексте воспоминаний [69].

Во-вторых, в посмертном издании в некоторых местах наблюдается редактирование вплоть до изменения текста воспоминаний, которое, на наш взгляд, не улучшает, а, напротив, его ухудшает. Сравним для примера текст «В. И. Ленин в 1917 году» и «Год 1917»:

«В. И. Ленин в 1917 году»	**«Год 1917»**
«Организаторы встречи объявляют, что будет говорить Владимир Ильич» (стр. 115). «Но вам хотят, — говорит Ленин, — подсунуть другого царя — капитал. Не выйдет. Не капиталистам должны принадлежать фабрики и заводы, а вам, не помещикам земля, а крестьянам» (стр. 115).	«Организаторы встречи дают знак, что Владимир Ильич будет говорить» (стр. 9). «А теперь вам хотят подсунуть другого царя — капитал, — продолжал он. — Но не капиталистам должны принадлежать фабрики и заводы, а вам, не помещикам земля, а крестьянам» (стр. 9).
«Броневик двинулся в путь. Это было шествие стальных колонн. Народ высыпал на улицу, выглядывал в окна, мимо которых проходило шествие, несмотря на то, что был уже второй час ночи. Там, где было скопление народа, броневик останавливался, и Владимир Ильич говорил несколько коротких энергичных фраз» (стр. 116).	«Броневик двинулся в путь. Народ, услышав, что гудит вся площадь, еще более высыпал на улицу. С подоконников свисали люди, несмотря на то, что был второй час ночи. В местах наибольшего скопления броневик останавливался, и Владимир Ильич говорил несколько коротких энергичных фраз» (стр. 11).

Число таких примеров можно было бы увеличить. Они говорят о том, что перед нами произвольное редактирование текста.

В-третьих, в ряде случаев в воспоминания Н. И. Подвойского включен новый текст, причем неизвестно, кто сделал эти добавления: сам ли автор или составители и редакторы. Вставки встречаются в издании «Год 1917» неоднократно [70], и все это составители не нашли нужным оговорить в примечаниях.

О том, насколько составители произвольно обращаются с текстом воспоминаний Н. И. Подвойского, свидетельствует факт введения в само повествование рассказов третьих лиц. Так, в текст книги «Год 1917» и в публикацию в журнале «Октябрь» включены воспоминания Г. Чудновского о его пребывании в Зимнем дворце в качестве парламентера [71]. В публикации, напечатанной в «Историческом архиве», этого нет.

Н. И. Подвойский хорошо знал воспоминания Г. И. Чудновского. Они впервые были опубликованы в газете «Правда» 21 ноября 1917 г. под названием «В Зимнем дворце перед сдачей», а затем приведены в примечаниях к статье Н. И. Подвойского «Военная организация ЦК РСДРП и Военно-Революционный комитет» [72]. Сам Н. И. Подвойский не позволил себе ввести эти воспоминания в текст.

В сборнике «Великая Октябрьская социалистическая революция»

---

[69] Ср., например, журнал «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 115, 116, 117, 119, 120 и др. со стр. 9, 10, 11, 13 и др. книги Н. И. Подвойского «Год 1917».

[70] Н. И. Подвойский. Год 1917, стр. 9, 13, 14 и др.

[71] Там же, стр. 137—139. Воспоминания Г. И. Чудновского были опубликованы по экземпляру, хранящемуся в Институте марксизма-ленинизма, в журнале «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 221—223.

[72] «Красная летопись», 1923, № 8, стр. 25—27.

приводятся воспоминания Н. И. Подвойского [73], при этом в примечаниях от редакции указано, что текст печатается по журналу «Октябрь» и «сверен по авторским рукописям, хранящимся в Архиве ИМЛ» [74]. В этом тексте воспоминания Г. И. Чудновского отсутствуют, а приводится лишь короткое сообщение о том, что произошло в Зимнем дворце с парламентерами [75]. Следовательно, и этот факт подводит нас к заключению, что воспоминания Г. И. Чудновского были введены в книгу «Год 1917» составителями.

Или возьмем другой факт. При переиздании книг П. Е. Дыбенко «Из недр царского флота к Великому Октябрю» и «Революционные балтийцы» издатели допустили в посмертном издании произвольную композицию, сокращения текста и даже его изменения.

Произвольное редактирование и вторжение в авторский текст воспоминаний нельзя терпеть. Особенно недопустимо произвольное изменение текста воспоминаний, публикуемых посмертно. Подобные, пускай единичные случаи нужно осудить, так как они создают преграды для использования воспоминаний как исторических источников и не ограждают мемуарную литературу от вмешательства редакторов, составителей и издательств.

По нашему мнению, обязанность редакторов и издательств состоит в том, чтобы оградить читателей и исследователей от появления недоброкачественных мемуаров и от воспоминаний лиц, которые, в сущности, ничего не могут сказать и которые поэтому нередко занимаются домыслами. При публикации мемуарной литературы издательства должны донести до читателей в максимально целостном виде свидетельства участников событий, снабдить публикуемые мемуары научно-справочным аппаратом в соответствии с общепринятыми нормами издания источников, не допускать произвольного вторжения третьих лиц в авторский текст. При издании воспоминаний следует прежде всего учитывать специфику этой литературы и бережно ее сохранять.

Мы рассмотрели некоторые вопросы, касающиеся характеристики советской мемуаристики как исторических источников. Подведем некоторые итоги.

В настоящее время уже имеется довольно значительный фонд мемуаров по отдельным периодам и вопросам истории советского общества. Но историки в своих исследованиях привлекают эту мемуарную литературу еще мало. Такое положение объясняется не только некоторой недооценкой нашими исследователями мемуаров и недоверием к ним как историческим источникам, но и слабой изученностью вопросов использования воспоминаний как источников, их критического анализа. Ряд специфических особенностей мемуаров справедливо настораживает историков: возможные погрешности и искажения фактов вследствие недостатков памяти, неизбежная субъективность при изложении событий и пр. Поэтому всесторонняя разработка вопросов критического анализа мемуаров является важным условием для использования их историками в исследованиях по истории советского общества.

Как известно, имеющиеся мемуары по истории советского общества неравномерно освещают различные периоды истории нашей страны. Больше всего издано воспоминаний участников Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Мемуаров, посвященных социалистическому строительству, значительно меньше; вместе с тем важность этих воспоминаний очевидна. Активные участники строительства социализма и борьбы за постепенный переход к коммунизму способны ярко донести до потомства пафос великой стройки, рассказать о том, как преодолевались огромные трудности и лишения в ходе побед-

[73] «Великая Октябрьская социалистическая революция», стр. 274—295.
[74] Там же, стр. 295.
[75] Там же, стр. 291—292.

ного шествия к социализму. Во время социалистического строительства рождался массовый героизм, закалялись характер и воля советских людей, выковывалось социалистическое сознание. Рассказать обо всем этом могут рядовые рабочие и колхозники, руководители строек и колхозов, партийные и советские работники, активно участвовавшие в строительстве социалистического общества.

Следует больше внимания уделять делу создания советской мемуаристики, пополнения мемуарного фонда, что необходимо как для исторической науки, так и для воспитания советской молодежи. Введение в научный оборот новых мемуаров значительно обогатит историческую науку, расширит возможности для изучения истории советского общества, даст исследователям своеобразные источники, характеризующие борьбу советских людей, их думы и чаяния.

Наконец, следует констатировать, что в деле издания мемуарной литературы имеет место ряд ненормальных явлений, которые приводят к обесценению многих воспоминаний как исторических источников. Историческая общественность должна потребовать повышения ответственности издательств, редакторов и составителей за качество изданий, добиваться повышения научного уровня публикации мемуаров. Широкая публикация воспоминаний, улучшение их качества, устранение отдельных недостатков в этом деле должны способствовать развитию исторической науки, воспитанию советских людей в духе высоких идеалов коммунизма и беззаветной преданности своей социалистической Родине.

ПОДЪЕМ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧЕГО КЛАССА БССР В ГОДЫ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК (1933—1941 гг.)

Р. Т. Шлопак

Изучение истории создания национальных рабочих кадров союзных республик, в частности рабочего класса БССР и его борьбы за победу социализма, имеет большое теоретическое и практическое значение [1]. Одним из актуальных вопросов данной проблемы является вопрос о подъеме культурно-технического уровня рабочего класса Белоруссии в годы второй и третьей довоенных пятилеток. В исторической литературе он разработан слабо. Первая попытка в этом направлении сделана в работе А. И. Жовнерчика и И. В. Миронова «Рабочий класс Белоруссии в борьбе за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства», охватывающей годы второй пятилетки (1933—1937 гг.) [2]. Освещая борьбу рабочего класса Белоруссии за освоение новой техники, авторы на примере отдельных предприятий выявляют некоторые формы технической учебы рабочих. Однако многих существенных сторон данной темы, например, таких, как ликвидация неграмотности и малограмотности рабочего класса, рост его технических знаний, формирование новой, народной инженерно-технической интеллигенции и ее роль в подъеме культурно-технического уровня рабочих и др., они даже не касаются. В самом общем плане эта тема отражена в других трудах по истории Белоруссии [3]. В монографии О. В. Козловой [4] процесс повышения культурно-технического уровня национальных отрядов советского рабочего класса, в том числе белорусского, к сожалению, не был рассмотрен.

В данной статье делается попытка осветить процесс ликвидации неграмотности и малограмотности среди рабочих Белоруссии, показать подъем их общеобразовательного и культурного уровня, подготовку технически грамотных рабочих кадров, рост национальных кадров инженерно-технической интеллигенции в период 1933—1941 годов.

★

Дореволюционная Белоруссия была аграрной окраиной царской России. Промышленной продукции на душу населения здесь произво-

---

[1] Актуальность данной проблемы справедливо подчеркивается многими авторами. См. Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг, А. В. Митрофанова. Об изучении истории советского рабочего класса («Вопросы истории», 1959, № 12); А. А. Матюгин. Некоторые вопросы изучения истории советского рабочего класса («Вопросы истории», 1960, № 6) и др.

[2] А. Жаўнерчык, І. Міронаў. Рабочы клас Беларусі ў барацьбе за завяршэнне сацыялістычнай рэканструкцыі народнай гаспадаркі. Мінск. 1959.

[3] «Гісторыя Беларускай ССР». Том. II. Выд. АН БССР. 1958; С. Н. Малинин, Я. Г. Раков. Рост материального и культурного уровня трудящихся БССР. Изд. АН БССР. 1939.

[4] О. В. Козлова. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М. 1959.

дилось в 3,9 раза меньше, чем по стране в целом [5]. В крае преобладали мелкие предприятия по переработке продуктов сельского и лесного хозяйства. На тысяче таких предприятий было занято 31,5 тыс. рабочих [6].

Только Октябрьская революция открыла широкие возможности для ликвидации доставшегося в наследство от царской России фактического неравенства в хозяйственном, политическом и культурном развитии белорусского народа. Уже в довоенный период Советская Белоруссия при братской помощи русского и других народов Советского Союза стала одной из передовых индустриально развитых республик. Доля промышленного производства в народном хозяйстве республики достигла в 1940 г. 80% против 25% в 1913 году [7]. Такое бурное развитие социалистической промышленности свидетельствовало о неоспоримых преимуществах социалистического строя, в короткие сроки обеспечившего расцвет белорусского национального государства в составе СССР.

В годы довоенных пятилеток резко выросли кадры белорусского рабочего класса. Количество промышленных рабочих в республике за это время увеличилось в 6 раз и достигло в 1940 г. 277 тыс. человек или в 9 раз больше, чем в 1913 году [8]. Численность рабочих промышленности в целом по стране за 1913—1940 гг. увеличилась в 3,2 раза [9]. Таким образом, рабочий класс БССР в своей основной массе был крайне молодым по стажу работы. Старые кадры в его составе не превышали 10%. Малочисленность ядра кадровых рабочих, преобладание в крупной промышленности малоквалифицированных рабочих, в основном выходцев из деревни, являлись характерными чертами процесса формирования белорусского социалистического рабочего класса.

Наряду со строительством новых заводов и фабрик рабочим БССР, как и всему советскому рабочему классу, предстояло освоить построенные предприятия, овладеть новой техникой и резко повысить производительность труда. В огромной степени возрастала потребность в квалифицированных рабочих и инженерно-технических работниках. Между тем таких кадров не хватало, и их приходилось готовить уже в ходе налаживания работы вновь построенных предприятий. Особенно остро встали эти задачи в промышленности Белоруссии. В 1931—1932 гг. численность рабочих выросла здесь почти в 3 раза. За это время на производство пришло 125,8 тыс. человек, или 4/5 всех новых рабочих пополнений первой пятилетки [10]. Обучить навыкам индустриального труда основную массу промышленных рабочих БССР — такая задача встала со всей остротой к началу второй пятилетки.

Обеспечение промышленности квалифицированными кадрами и успешное освоение новой техники в значительной мере зависело от ликвидации неграмотности и малограмотности новых пополнений рабочего класса, поднятия общеобразовательного уровня всех рабочих, повышения их сознательности. В свое время В. И. Ленин подчеркивал, что «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке» [11].

---

[5] Подсчитано по справочникам: «Социалистическое строительство». Статистический ежегодник. М. 1936; «Народное хозяйство БССР». Статистический сборник. М. 1957; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства БССР». Минск. 1933; «Промышленность БССР. Итоги и перспективы. К X-летию БССР». Минск. 1928. Все данные в статье приводятся по сравнимой территории в границах до 17 сентября 1939 года.

[6] См. журнал «Большэвік Беларусі». 1932, № 11—12, стр. 57.

[7] С. Н. Малинин. Развитие промышленности БССР. Минск. 1948, стр. 129.

[8] «Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР на начало Великой Отечественной войны». Издание СНК БССР. 1943, стр. 5.

[9] «Вопросы труда в СССР». М. 1958, стр. 20.

[10] «Эканоміка-статыстычны даведнік». Минск. 1931. Отд. II. табл. 3; «Социалистическое строительство БССР за годы второй пятилетки». Минск. 1939, табл. 5.

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 55.

Неграмотность населения дореволюционной Белоруссии достигала 82% [12]. После Октябрьской революции на основе ленинского декрета в республике, как и во всей стране, проводилась большая работа по ликвидации неграмотности населения и развитию народного образования. К началу второй пятилетки число учащихся в общеобразовательных школах (включая рабфаки) увеличилось в 3,3 раза и достигло 867 тысяч [13]. К этому времени более 800 тыс. человек взрослого населения ликвидировали свою неграмотность [14]. Несмотря на это, в начале второй пятилетки среди рабочих неграмотные составляли 4,7% и малограмотные — 15,2%. Много неграмотных работало в сезонных отраслях промышленности — торфодобывающей, стройматериалов и др. Здесь грамотность среди рабочих едва достигала 70% [15]. Наибольшее количество неграмотных насчитывалось среди рабочих старших возрастов. В бумажной промышленности, например, неграмотные среди молодежи до 23 лет составляли 5,9%, а среди рабочих старше 40 лет—26% [16].

Чтобы ускорить процесс ликвидации неграмотности и малограмотности среди рабочего класса, как и всех трудящихся, СНК БССР постановлением от 4 августа 1932 г. ввел с 1932—1933 гг. всеобщее обязательное обучение малограмотных в возрасте от 16 до 50 лет. На предприятиях создавались новые школы для неграмотных и малограмотных. В школах и различных кружках по ликвидации безграмотности в республике работали в 1932—1933 учебном году 7,4 тыс. учителей и 6,1 тыс. культармейцев (врачи, инженеры и техники, работники государственных учреждений, комсомольцы и т. д.). Они обучали свыше 334 тыс. человек [17]. Работу повсеместно возглавляли партийные организации. В нее активно включились профсоюзные и комсомольские организации. Так, на Могилевской фабрике искусственного волокна имени Куйбышева в 1933 г. партийная и профсоюзная организации выявили среди рабочих 121 неграмотного и 199 малограмотных. Коммунисты организовали в цехах 28 групп, в которых занималось 233 человека. В Витебске в 1933—1934 учебном году работало 80 школ для неграмотных и малограмотных (52 школы на белорусском, 20 на еврейском, 6 на польском и 2 на русском языках) [18]. На обувной фабрике учительница М. Петрова за два года обучила грамоте 90 рабочих [19]. Старый, кадровый рабочий Минской электростанции В. Скуратович на протяжении многих лет обучал неграмотных. Благодаря его стараниям на электростанции не осталось ни одного неграмотного. Как лучший ударник-культармеец он завоевал первую премию на Всесоюзном конкурсе по ликвидации неграмотности и малограмотности [20].

Коммунисты швейной фабрики «Октябрь» (Минск) организовали в производственных бригадах шефство грамотных работниц над неграмотными. Обучение работниц, имеющих детей, проводилось на дому. В Гомеле занятия велись в две смены в соответствии с рабочими сменами предприятий. Школы посещали 73% всех неграмотных рабочих. Среди них развернулось соревнование, лучшие учащиеся премировались [21].

Дело обучения широких масс трудящихся было сопряжено с серь-

---

[12] См. И. С. Кравченко, И. Е. Марченко. Белорусская ССР. М. 1959, стр. 16.

[13] См. «Культурное строительство БССР». Минск. 1940, табл. 2

[14] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (ЦГАОР БССР), ф. 258, оп. 1, д. 116, л. 57.

[15] Там же, ф. 265, оп. 1. д. 3502, лл. 63—64.

[16] Там же, д. 3340, лл. 27, 69.

[17] Там же, ф. 258, оп. 1, д. 116, л. 22.

[18] Там же, ф. 265, оп. 1, д. 3696, лл. 38—42.

[19] Там же, д. 3697, л. 19.

[20] Там же, д. 3696, л. 18.

[21] Там же, д. 3502, лл. 78—82.

езными трудностями (не хватало учебников и учебных пособий, помещений, мебели, занятия часто проводились в столовых, в цехах). Но это не останавливало рабочих в их стремлении к знаниям.

Исходя из Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» от 16 января 1936 г., правительство и ЦК КП(б) Белоруссии поставили задачу — в течение 1936—1937 гг. завершить ликвидацию неграмотности среди взрослого населения республики в возрасте до 50 лет. На эти цели профсоюзы БССР ассигновали свыше 2 млн. рублей [22]. Темпы работы по ликбезу усиливались.

В течение двух последних лет второй пятилетки было обучено 15,3 тыс. неграмотных и 37,3 тыс. малограмотных рабочих. Всего же за годы второй пятилетки более 25 тыс. рабочих БССР ликвидировали свою неграмотность и около 70 тыс. малограмотность [23]. К началу третьей пятилетки работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди рабочего класса республики в основном завершилась [24].

Наряду с ликвидацией неграмотности и малограмотности рабочих вставала задача дальнейшего повышения их общеобразовательного уровня.

В начале второй пятилетки среди грамотных рабочих незначительная часть имела образование выше 4-х классов начальной школы. Например, из всех рабочих бумажной промышленности БССР только 22,4% имели образование выше начального, в том числе выше семилетнего менее 4% [25]. Коммунистическая партия и Советское государство постоянно заботились о расширении общего среднего и неполного среднего образования. В годы второй пятилетки унифицировалась система народного образования. Общеобразовательные школы — начальные, семилетние и средние — перешли в 1934 г. на единые учебные планы и программы. В этом же году в городах и рабочих поселках республики было введено всеобщее обязательное семилетнее обучение. Быстро развивалось среднее образование. Если количество учащихся в начальных классах за 1933—1940 гг. почти не изменилось, то в 5—7-х классах оно возросло в 2,2 раза, а в старших классах средней школы — более чем в 100 раз. Дети рабочих среди учащихся старших классов городских школ составили около 40% [26].

По нашим подсчетам, в период 1933—1941 гг. среднюю и неполную среднюю школу в республике окончило более 450 тыс. человек. Количество учащихся в общеобразовательной школе в расчете на 1 тыс. человек населения выросло со 159 человек в 1932—1933 учебном году до 200 человек в 1939—1940 учебном году, в том числе в 5—10-х классах — соответственно с 31 человека до 74 человек [27]. Характерно, что в общеобразовательной школе в Германии на 1 тыс. человек населения в 1937 г. обучалось 128 человек, или в 1,5 раза меньше, чем в Белорусии [28].

Советское государство постоянно увеличивало расходы на народное образование. Например, только в период второй пятилетки на просвещение в БССР было затрачено 1 489 млн. руб., или в 4,8 раза боль-

---

[22] Там же, д. 4137, л. 13.

[23] Там же, д. 4397, л. 34; Партийный архив ЦК КП Белоруссии, ф. 4, оп. 2, д. 146, л. 161.

[24] Грамотность всего населения БССР в 1939 г. достигла 78,9%. См. «Культурное строительство СССР». Госпланиздат. 1940, стр. 7.

[25] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 3340, лл. 69,71.

[26] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР и СС), ф. 1562, оп. 238, д. 22, л. 13.

[27] Подсчитано по справочникам: «Культурное строительство БССР», табл. 3; «Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР на начало Великой Отечественной войны», табл. 38.

[28] Подсчитано по справочнику «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich». Berlin, 1938, S. 599.

ше, чем в первую пятилетку. Затраты на народное образование в расчете на одного жителя республики выросли с 29 руб. в 1933 г. до 99 руб. в 1938 г., против 60 копеек в 1913 году[29]. В течение 1933—1941 гг. в республике было открыто свыше 700 средних и около 800 семилетних школ. Создавалась широкая база для дальнейшего развития народного образования.

Большое значение придавалось развитию школ рабочей молодежи. В июле 1932 г. СНК БССР реорганизовал вечерние школы рабочей молодежи в политехническо-производственные школы первой ступени (начальные) и школы повышенного типа, которые были переданы в ведение и на содержание предприятий. Процесс повышения грамотности рабочих соединялся таким образом с подготовкой квалифицированных кадров для промышленности.

Постановлением «О перестройке школ для взрослых» от 4 сентября 1934 г. правительство БССР установило с 1934—1935 учебного года единую школу с 3-летним сроком обучения в объеме 4-х классов[30]. Свыше 10% учебного времени в таких школах отводилось на техническую подготовку. К преподаванию привлекались инженеры и техники предприятий. Учащиеся повышали также политическую грамотность. Такая подготовка давала хорошую основу для дальнейшего обучения рабочих в рабфаках, средней общеобразовательной и специальной школах.

Принятые меры обеспечили постоянный рост численности учащихся в школах взрослых. Например, только в 8 крупнейших городах БССР в 1936 г. было создано 70 средних и неполных средних рабочих школ, в которых обучалось 16 тыс. человек без отрыва от производства. Непосредственно при заводах и фабриках было открыто 36 таких школ[31]. Более благоприятные условия для повышения общеобразовательного и культурного уровня, овладения знаниями науки и техники создавались для трудящихся в связи с переходом в 30-е годы на сокращенный 7-часовой рабочий день.

С развитием техники советские рабочие уже не удовлетворялись начальной подготовкой, а стремились к среднему и высшему образованию.

В годы второй и третьей пятилеток около 30 тыс. рабочих Белоруссии получили среднее и неполное среднее образование в рабочих школах и на рабфаках. Численность учащихся в этих учебных заведениях достигла в 1939 г. 28,8 тыс. человек против 10,9 тыс. человек в 1933 году[32]. По данным выборочного обследования органами ЦСУ, из всех обучавшихся рабочих БССР в начале третьей пятилетки училось в начальной школе 61,8%, в неполной средней, средней школе и на рабфаках—32%, в техникумах, вузах и на курсах подготовки специалистов—2,6%[33]. Свыше трети всех обучавшихся промышленных рабочих, таким образом, получали неполное среднее, среднее и высшее образование в вечерних и заочных учебных заведениях.

На службе культурного и политического образования и воспитания рабочего класса и всех трудящихся в нашей стране находятся печать, радио, кино, театр, сеть культурно-просветительных учреждений (библиотеки, клубы, избы-читальни, музеи и т. д.).

В годы Советской власти в Белоруссии широкое развитие получило книгопечатание. На каждого жителя республики в 1938 г. выпускалось почти 3 книги против одной на 22 человека населения в 1913

---

[29] «Культурное строительство СССР», стр. 12.
[30] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 3805, л. 1.
[31] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 146, л. 336.
[32] Подсчитано по справочнику «Культурное строительство БССР», табл. 23.
[33] ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 193, д. 75, л. 2.

году [34]. Более четырех пятых всех книг издавалось на родном языке. До революции книги на белорусском языке не печатались.

Во всех городах и рабочих поселках, на крупных предприятиях были созданы массовые библиотеки. Ежегодно пополнялся их книжный фонд, росло количество читателей. Большую работу по продвижению книги в рабочие массы проводили профсоюзные библиотеки. Число их превысило тысячу с фондом в 1,1 млн. книг. Посещали библиотеки более 100 тыс. постоянных читателей. Рабочие проявляли живой интерес к книге. По данным обследований ЦСУ, в 1937 г. свыше 35% рабочих регулярно читали политическую, художественную и иную литературу [35].

Комсомольские организации заводов и фабрик организовали массовые походы за «литературный минимум», то есть за прочтение каждым рабочим определенного числа книг. На многих предприятиях возникли литературные кружки и группы рабочих авторов. Их произведения печатались в заводских многотиражках и стенных газетах. Все это вызывало у рабочих интерес к книге, расширяло их культурный кругозор.

С ростом численности и грамотности рабочего класса поднималась роль газет как коллективного агитатора и организатора масс. В Белоруссии до войны выходило 9 республиканских газет на белорусском, русском, еврейском, польском и литовском языках тиражом около 350 тыс. экземпляров и 6 журналов тиражом свыше 30 тыс. экземпляров. Кроме того, трудящиеся республики ежедневно получали около 200 тыс. экземпляров союзных газет [36]. Возросла роль фабрично-заводских многотиражных газет, которые ярко отражали повседневную жизнь рабочих коллективов, поднимали вопросы производства, технической учебы, быта рабочих [37]. По данным выборочного обследования ЦСУ, в 1937 г. около 80% индустриальных рабочих БССР и взрослых членов их семей регулярно читали газеты [38].

В городах и рабочих поселках Белоруссии накануне Великой Отечественной войны насчитывалось 453 рабочих клуба и свыше 2 тыс. красных уголков. Они играли серьезную роль в подъеме культурного уровня рабочих. Клубы и красные уголки организовывали культурный отдых рабочих и членов их семей, устраивали лекции и доклады на политические и естественнонаучные темы, вели пропаганду технических знаний, создавали художественную самодеятельность. В начале второй пятилетки на предприятиях республики постоянно действовало свыше 600 коллективов и кружков художественной самодеятельности, в которые было вовлечено более 8 тыс. человек. В годы третьей пятилетки их численность удвоилась [39]. В художественной самодеятельности развивались творческие способности и таланты рабочих, расширялся их культурный кругозор, повышалась политическая сознательность. Массовым средством просвещения и воспитания трудящихся стали радио и кино.

Рост культурно-технического уровня рабочего класса БССР в период второй и третьей довоенных пятилеток выразился в массовой подготовке квалифицированных рабочих кадров, в овладении ими техническими знаниями и новой техникой, в повышении производственной квалификации. На необходимость ускоренной подготовки промышленных кадров было обращено внимание в решениях XVII съезда партии. «Решающим условием осуществления технической реконструкции,

---

[34] «Культурное строительство БССР», табл. 28. 29.

[35] ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 193, д. 73, лл. 15—17.

[36] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 146, лл. 180—181; д. 206, л. 104. В БССР в 1939 г. выходила одна газета на 6 душ населения.

[37] На предприятиях, стройках и на транспорте БССР в 1937 г. издавалось 96 многотиражных газет тиражом 103,4 тыс. экземпляров. Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 118, л. 81.

[38] ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 193, д. 73, лл. 15—17.

[39] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 4184, л. 136.

освоения техники и выполнения заданий по производительности труда,— говорилось в резолюции съезда,— является подготовка квалифицированных рабочих, техников и инженеров, разрешение проблемы создания собственной пролетарской производственно-технической интеллигенции» [40].

Важной формой технической подготовки рабочих в тот период оставались школы ФЗУ и другие профессионально-технические школы. ЦИК и СНК СССР в постановлении «О школах фабрично-заводского ученичества» (15 сентября 1933 г.) наметили программу перестройки работы этих школ в соответствии с новыми задачами. В связи с необходимостью ускорить подготовку кадров срок обучения в школах ФЗУ сокращался с 2-х лет до 6 месяцев, а по наиболее сложным специальностям — до года. На непосредственную учебу у станка отводилось 80% учебного времени. Школы ФЗУ становились составной частью предприятий [41].

В течение 1933—1939 гг. школы ФЗУ Белоруссии подготовили свыше 30 тыс. рабочих различных профессий. Однако система подготовки с отрывом от производства далеко не удовлетворяла потребность промышленности в технически грамотных кадрах.

В результате быстрого притока новых пополнений на производство резко снизился к началу второй пятилетки удельный вес квалифицированных рабочих в промышленности. Поэтому был взят курс на ускоренную подготовку рабочих кадров без отрыва от работы. Особое значение приобретала подготовка рабочих для обслуживания новых типов сложных станков и машин. Совет Труда и Обороны СНК СССР принял постановление о введении с 1933 г. обязательного обучения техническому минимуму рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки и механизмы. Программа техминимума предусматривала усвоение рабочим конструкции и принципа действия машины и рабочего инструмента, режима работы обслуживаемой аппаратуры, механизмов, агрегатов и технологического процесса, умение пользоваться измерительными приборами и читать чертежи. Время обучения устанавливалось до 6 месяцев. На теоретическую подготовку отводилось примерно 60—100 часов, кроме того, рабочие проходили производственный инструктаж непосредственно у станка [42].

Существовавшие тогда в промышленности производственно-политехнические курсы и рабочие технические школы были преобразованы в 1933 г. в производственно-технические курсы I ступени со сроком обучения 5 месяцев, которые готовили новых рабочих низшей квалификации (до 3-го разряда), и производственно-технические курсы II ступени со сроком обучения до 10 месяцев, которые подготавливали рабочих средней и высшей квалификации.

Громадная роль в борьбе за овладение новой техникой и подъем технической грамотности принадлежала инициативе самих рабочих. Ярким проявлением этой инициативы стало изотовское движение. Его участники сочетали ударную работу с овладением техникой и обучением передовым методам труда молодых рабочих. Движение изотовцев в республике возникло в августе 1933 г. по почину рабочих Минского железнодорожного узла А. М. Вендта, А. К. Немировича и других и распространилось среди железнодорожников, машиностроителей, в стекольной, деревообрабатывающей и других отраслях промышленности [43]. Изотов-

---

[40] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. III. М. 1954, стр. 211—212.

[41] «Правда», 18 сентября 1933 г. Впоследствии в связи с ростом новой техники сроки обучения в ФЗУ по особо сложным специальностям были продлены до 1,5—2 лет.

[42] А. Ф. Разанаў. Аўладаем тэхнікай. Мінск. 1933, стр. 22, 35—38.

[43] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 19, д. 252, л. 2. Движение получило название по имени его инициатора Н. Изотова, забойщика шахты Горловка-I (Донбасс).

ское движение переросло затем в соревнование за овладение техникой, принявшее форму общественного социалистического технического экзамена (соцтехэкзамен).

По всей Белоруссии, как и по стране в целом, развернулся поистине массовый поход за овладение техническими знаниями. Оживилась работа заводских и фабричных ячеек общества «За овладение техникой». По инициативе комсомольцев Калининской ткацкой фабрики имени Ворошилова в ноябре 1933 г. ЦИК СССР утвердил значок «ЗОТ» («За овладение техникой»), которым отмечались ударники технической учебы [44].

Первых успехов в подъеме технической грамотности рабочих и овладении техникой многие предприятия республики добились осенью 1933 г. во Всебелорусском производственном походе рабочих промышленности за досрочное выполнение плана первого года второй пятилетки, а затем в производственном походе имени XVII съезда партии [45].

За время производственного похода на предприятиях республики были организованы сотни новых кружков по изучению техминимума. На Могилевской фабрике искусственного волокна имени Куйбышева учебой было охвачено около 1 600 человек, или 27% всех рабочих. На Краснознаменной швейной фабрике «Октябрь» (Минск) в 18 кружках обучалось 315 человек. Рабочие изучали машины и станки, технологический процесс, техническое нормирование и техпромфинплан. В результате развертывания соцсоревнования и технической учебы фабрика стала одним из передовых швейных предприятий страны [46]. На минском кожевенном заводе «Большевик» по предложению коммунистов было решено помочь всем рабочим освоить новые нормы выработки. С этой целью были подобраны общественные технические инструкторы из инженерно-технических работников и наиболее грамотных высококвалифицированных рабочих и бригадиров, которым поручили это важное дело [47]. К концу 1933 г. техучебой было охвачено 447 человек, или 62% всех рабочих завода. Сто семнадцать человек сдали соцтехэкзамен. Техническая учеба сыграла решающую роль в досрочном выполнении заводом годового плана. В честь XVII съезда партии коллектив завода дал сверхплановой продукции на 148 тыс. рублей. Первый хромовый цех за успешное освоение нового сорта хрома получил всесоюзную премию за качество [48]. Опыт завода затем был распространен на предприятиях Минска, Гомеля, Витебска и других городов республики.

28 января 1934 г. Центральный совет профсоюзов Белоруссии и Центральное правление профсоюза машиностроителей вместе с Белорусским радиокомитетом и партийной организацией минского машиностроительного завода организовали непосредственно в механическом цехе показательный техэкзамен, который передавался по радио. Перед началом экзамена директор завода В. В. Дробышевский рассказал об опыте организации технической учебы. Затем комиссия приняла экзамен по техминимуму у группы молодых рабочих. Глубокие знания техники показал молодой рабочий слесарь Н. И. Логунов. Ему, а также другим товарищам, отлично выдержавшим экзамен, комиссия повысила тарифные разряды. Под аплодисменты переполненного цеха член комиссии начальник механосборочного цеха С. Г. Скрипко вручил первым в машиностроении БССР отличникам технической учебы значки «За овладение

---

[44] «Правда», 19 ноября 1933 года.

[45] Республиканский производственный поход по инициативе минских машиностроителей был объявлен Всебелорусским слетом ударников качества и овладения техникой, состоявшимся 4—5 ноября 1933 года.

[46] «Большэвік Беларусі», 1934, № 6, стр. 41.

[47] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 19, д. 179, лл. 107, 145.

[48] Там же, оп. 20, д. 193, л. 86.

техникой»[49]. Передачу техэкзамена по радио слушали тысячи рабочих многих белорусских предприятий. Радиотехэкзамены состоялись и на других предприятиях. Они мобилизовали широкие массы на борьбу за овладение техникой.

Около $^2/_3$ всех рабочих и работниц Минского завода имени Ворошилова было втянуто в техническую учебу. Кружки комплектовались по бригадам в зависимости от уровня знаний рабочих. Была налажена техническая консультация в порядке индивидуального прикрепления инженерно-технических работников к бригадам и отдельным рабочим[50]. Передовые бригады К. Ланевского, С. Давидюка и других уже в марте 1934 г. успешно сдали техэкзамены. Ворошиловцы положили начало движению зотовцев — отличников технической учебы[51].

Партийная организация «Гомсельмаша» созвала общезаводскую конференцию по освоению производства новых машин (льномолотилки, картофелесортировки и т. д.). Рабочие предложили внести изучение новых машин в программу обязательного техминимума. Коллектив завода по инициативе коммунистов начал поход за овладение техникой[52].

Вслед за машиностроителями в зотовский поход включились деревообделочники, швейники, кожевники и т. д. Профсоюзные организации в начале 1934 г. провели по предприятиям, а также в городах отраслевые конференции зотовцев с широким участием рабочих, инженерно-технических работников, партийного и профсоюзного актива. Конференции обсудили ход технической учебы и сдачи техминимума.

Центральный Комитет КП(б) Белоруссии принял решение созвать в мае 1934 г. республиканскую конференцию значкистов «ЗОТ» легкой, а в декабре — тяжелой промышленности. Между рабочими различных городов республики развернулось соревнование за право проводить конференцию в своем городе. На предприятиях рабочие оспаривали право быть делегатами конференции. Делегатами выбирали отличников учебы, которые имели лучшие показатели в труде. Подготовка и проведение конференций зотовцев внесли большое оживление в организацию технической учебы, подтягивали отстающие предприятия. В результате в легкой промышленности БССР за январь—апрель 1934 г. количество рабочих, обучавшихся техминимуму, удвоилось, а число отличников-значкистов «ЗОТ» увеличилось с 80 человек до 2,3 тыс. человек[53]. Наибольшего охвата рабочих техучебой и лучших показателей в сдаче техэкзаменов и выполнении производственных планов добились коллективы предприятий Витебска, где в мае 1934 г. и была созвана конференция отличников техучебы легкой промышленности.

В мае 1934 г. состоялся Пленум ЦК КП(б) Белоруссии. В постановлении «О работе промышленности БССР за 4 месяца 1934 г.» Пленум отметил некоторые успехи технической учебы рабочих в результате зотовского движения и предложил партийным организациям развить эту новую форму соцсоревнования, добиваться сплошной технической грамотности целых бригад, цехов, предприятий. Лучших рабочих-зотовцев рекомендовалось выдвигать на должности бригадиров, мастеров, начальников цехов и директоров предприятий[54].

Борьба за освоение новой техники с еще бо́льшим размахом велась во второй половине 1934 года. Коллектив гомельского машиностроитель-

---

[49] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 3801, л. 18.

[50] ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 20, д. 193, лл. 85, 87.

[51] «Большэвік Беларусі», 1934, № 6, стр. 41—47. Зотовское движение — соревнование за отличную сдачу гостехэкзаменов и право носить значок «ЗОТ» — явилось борьбой за высокое техническое мастерство, за успешное овладение техникой.

[52] Партархив ЦК КПБ, ф. 108, оп. 3, д. 85, лл. 18—20.

[53] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 4271, л. 10; д. 3454, л. 38.

[54] См. «Большэвік Беларусі», 1934, № 11, стр. 82.

ного завода впервые в Советском Союзе в 1934 г. освоил производство станка для автотракторной промышленности. Завод досрочно выполнил годовой план. Решающую роль в этих достижениях сыграла техническая учеба: к концу года 82% всех рабочих прошли техническую подготовку и сдали техэкзамен [55].

Энтузиастами технической учебы пролетарцев были отец и сын Бобылевы, бригадир А. Васильев, Г. Кричевцов и др. А. А. Бобылев 40 лет работал на заводе кузнецом. Большинство кузнецов завода были его учениками. Сын его Леонид, отлично сдав техэкзамен, подготовил трех фрезеровщиков [56]. Пример в учебе и работе показывали комсомольцы завода. Почти все члены комсомольско-молодежной бригады В. Городецкого являлись значкистами «ЗОТ». Они систематически перевыполняли задания на сборке насосов.

По-большевистски развернула техническую учебу рабочих партийная организация «Гомсельмаша». Партийные группы наладили шефство кадровых рабочих над молодыми. Основная масса рабочих обучалась в кружках техминимума. Окончившие кружки поступали на производственно-технические курсы, сами учили других. Например, токарь инструментального цеха коммунист Петр Нестерович после отличной сдачи техэкзамена стал инструктором Центрального института труда и подготовил к концу года 20 токарей. Его ученики И. Курако, В. Скибнев и другие получили 5-й тарифный разряд. В высшие разряды после сдачи технических экзаменов были переведены 95 рабочих завода, 8 выдвинуты бригадирами и 2 — сменными мастерами [57]. Таким образом, непрерывно повышался технический уровень и квалификация рабочих.

Следует отметить, что ведущее место в овладении техникой среди рабочих республики занимали металлисты. К началу 1935 г. 41% рабочих машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий сдали техэкзамены, в то время как по всей промышленности БССР этот показатель не превышал 28% [58].

В борьбе за овладение техникой в Витебске в 1934 г. возникло движение за социалистические бригады сплошной технической грамотности. Оно родилось на швейной фабрике «Знамя индустриализации» по инициативе бригадиров хозрасчетных бригад В. Мельниковой, А. Якушевой и других. В итоге соревнования из 104 хозрасчетных бригад фабрики 49 удостоились высокого звания социалистических, фабрика впервые перевыполнила производственный план, снизив брак до 0,5% [59]. Сотни таких бригад к концу года появились на многих предприятиях республики. В движении бригад сплошной технической грамотности сочеталось соревнование за план с соревнованием за овладение техникой и подъем технической грамотности рабочих. Оно явилось показателем не только стремления рабочих овладеть техникой, но и их патриотической заботы о подъеме производства и экономии государственных средств.

Мероприятия по подъему технической грамотности рабочего класса особенно активно поддерживала рабочая молодежь.

Техническая учеба рабочих была неразрывно связана с их ударной работой. Проходя техническую подготовку, рабочие, как правило, становились ударниками производства. Так, по данным 132 предприятий крупной промышленности БССР на 1 января 1935 г., из 27 тыс. обучавшихся рабочих 25,1 тыс. человек были ударниками [60].

---

[55] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 3726, лл. 99—102.
[56] Там же, ф. 267, оп. 1, д. 5, лл. 17—23.
[57] Там же, д. 5, л. 40.
[58] Там же, д. 7, л. 36.
[59] Там же, ф. 265, оп. 1, д. 3454, лл. 34—35.
[60] Там же, д. 3853, л. 2.

В подготовке квалифицированных, технически грамотных рабочих кадров в республике имелись большие трудности. Многие предприятия переживали пусковой период. Рабочие не имели опыта работы на производстве. В отличие от рабочего класса старых промышленных районов (Москва, Ленинград, Урал, Донбасс) большинство рабочих Белоруссии получали технические знания, а многие и обучались грамоте только в процессе производства. Для организации технической подготовки новых десятков тысяч рабочих нередко не хватало инженерно-технических сил. Известные помехи также создавало отсутствие четких программ технической подготовки на ряде предприятий, отрыв теоретической учебы от практической работы, чрезмерное сокращение сроков учебы. Однако эти трудности и недостатки постепенно преодолевались при помощи рабочих других союзных республик.

В 1935 г. борьба за овладение техникой охватила новые слои рабочего класса БССР, стала еще более массовой. Зотовское движение за отличную учебу и движение за социалистические бригады переросло в соревнование за предприятия сплошной технической грамотности. Развертывать такое соревнование призвала первая Всебелорусская конференция отличников технической учебы тяжелой промышленности, состоявшаяся 29 ноября — 1 декабря 1934 г. в Гомеле. Совет профсоюзов Белоруссии объявил всебелорусский конкурс на предприятие, цех, бригаду сплошной технической грамотности. Это начинание одобрил и поддержал Центральный Комитет КП(б) Белоруссии [61]. В соревнование включились десятки тысяч рабочих БССР. По данным 150 крупнейших предприятий республики, насчитывавших около 60 тыс. производственных рабочих, к 25 июля 1935 г. гостехэкзамены сдали 47,7 тыс., или 80% всех производственных рабочих. Предприятиями сплошной технической грамотности стали 40 заводов и фабрик. Первым из них был Минский завод имени Ворошилова. На 75 предприятиях техническое обучение прошли 80% рабочих. Более половины выдержавших экзамен показали отличные знания техники [62].

В ходе массового соревнования за овладение новой техникой поднимался уровень квалификации промышленных рабочих. Например, средний тарифный разряд рабочих в швейной промышленности увеличился с 2,8 в конце 1932 г. до 3,9 в 1935 году. Количество малоквалифицированных рабочих (1—3 разряды) за это время уменьшилось с 80 до 45%, а число рабочих высокой квалификации (6—8 разряды) выросло с 4,6 до 26% [63].

Рост технической грамотности рабочего класса обеспечил быстрый подъем промышленности. В 1935 г. новые предприятия, пущенные в первую и в начале второй пятилетки, в основном освоили производственные мощности. Промышленность республики в этом году добилась успешного выполнения плана. В ходе освоения новой техники рабочий класс БССР внес известный вклад в борьбу за техническую независимость страны. Машиностроительные заводы освоили производство десятков машин и станков, ранее ввозившихся из-за границы. Коллектив Минского завода имени Ворошилова, например, стал производить сушильные барабаны для цементных предприятий, сверлильные и продольно-строгальные станки и другие машины. Новый продольно-строгальный станок, созданный на заводе в январе 1935 г. (впервые в СССР) под руководством инженера Я. Волчка, по признанию американского инженера Д. Фефера, был удобнее заграничных. Этот буржуазный специалист заявил корреспонденту газеты «Рабочий»: «Я восхищен энтузиазмом рабочих завода и их отношением к работе» [64].

---

[61] Там же, ф. 267, оп. 1, д. 5, 100.
[62] Там же, ф. 265, оп. 1, д. 4031, лл. 65—69, 114.
[63] Там же, д. 3453, л. 31; д. 3740, л. 19.
[64] Газета «Рабочий», Минск, 15 января 1935 года.

Новый этап в борьбе за повышение технического уровня рабочего класса БССР связан с зарождением и развитием стахановского движения. На Всесоюзном совещании стахановцев Н. С. Хрущев подчеркнул, что в стахановском движении «рабочие Советской страны дают новое доказательство своего культурного и политического роста» [65]. Движение новаторов производства вместе с дальнейшим культурно-техническим ростом рабочих открывало новые горизонты более высокой производительности труда.

Декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б) наряду с необходимостью пополнения знаний стахановцев выдвинул лозунг «сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда» [66]. В течение трех-четырех лет предполагалось охватить технической учебой поголовно всех рабочих промышленности и транспорта. Пленум потребовал наряду с существующими программами по техминимуму установить повышенный техминимум II ступени, а для лучших стахановцев организовать без отрыва от производства курсы мастеров социалистического труда. Дальнейшая учеба должна была строиться с учетом опыта и достижений новаторов производства.

На основе решений Центрального Комитета партии Пленум ЦК КП(б) Белоруссии (январь 1936 г.) вынес решение охватить техминимумом первой и второй ступени всех производственных рабочих [67]. Техническая подготовка рабочих БССР поднималась на новый, более высокий уровень. На курсах повышенного техминимума и в стахановских школах, кроме практических вопросов, изучались теоретические предметы — математика, физика, химия. Широкое распространение получило шефство стахановцев над рабочими. В стахановских школах и на курсах мастеров социалистического труда со сроком обучения 2—3 года рабочие получали квалификацию мастера.

Техническое обучение рабочих, как и все образование трудящихся, в условиях социализма в отличие от капиталистических стран проводится бесплатно за счет государства. Например, на подготовку кадров, в том числе и на техническую учебу, рабочих и работниц Витебской чулочно-трикотажной фабрики в 1937—1938 гг. было израсходовано около 1,7 млн. рублей [68]. Около 20% всех рабочих и работниц фабрики обучались на курсах техминимума II ступени, в стахановских школах и на курсах мастеров социалистического труда. Две группы рабочих с семиклассным образованием занимались по программе техникума [69].

В Минске, Витебске и других городах БССР для новаторов производства были организованы отраслевые учебные комбинаты. Так, в Минском учебном комбинате металлистов без отрыва от производства занимались 11 групп мастеров социалистического труда, 2 подготовительные группы для поступления в техникум, одна группа по подготовке во втузы и 2 группы по повышению квалификации и технического уровня мастеров-практиков. В качестве преподавателей наряду с инженерами и техниками привлекались стахановцы [70]. Эти мероприятия резко изменяли соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих на заводах и фабриках. Например, на Минском кожевенном заводе все рабочие прошли техническую подготовку в основ-

---

[65] «Первое Всесоюзное совещание стахановцев». Стенографический отчет. Партиздат ЦК ВКП(б). 1935, стр. 229.

[66] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. III, стр. 271.

[67] См. «Большэвік Беларусі», 1936, № 1, стр. 88.

[68] ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 53, д. 831, л. 35.

[69] Там же, оп. 52, д. 734, лл. 50—60; оп. 53, д. 831, лл. 104—116.

[70] «Рабочий», 11 июня 1936 года.

ном в процессе производства. В начале третьей пятилетки количество квалифицированных рабочих на заводе достигло 73,5% против 20,8% в начале второй пятилетки [71].

Новые формы технического обучения рабочих (стахановские курсы и школы, курсы мастеров социалистического труда и др.) приобретали особенно важное значение в связи с развитием новых форм стахановского движения — движение за выполнение третьей пятилетки по производительности труда в 4 года, многостаночное обслуживание, совмещение профессий и т. д. В промышленности БССР в 1940 г. стахановцы составили более половины всех рабочих [72].

О размахе технической учебы среди рабочих крупной промышленности БССР в довоенные годы говорят следующие данные [73] (на конец года в процентах ко всем рабочим):

Показатели	1933 г. (на 1/VII)	1935 г.	1937 г.	1940 г.
Всего рабочих прошло техническое обучение	15,0	56,0	87,4	95,0
В том числе:				
а) в кружках техминимума I ступени	1,7	54,0	82,7	84,5
б) на курсах повышенного техминимума (стахановских) II ступени	—	1,2	13,0	22,0
в) в стахановских школах и на курсах мастеров социалистического труда	—	—	2,1	5,3

Таблица показывает, что в годы второй и третьей пятилеток технической учебой с отрывом и в процессе производства были охвачены в основном все индустриальные рабочие. Значительная часть из них — свыше 27% — прошла обучение в стахановских школах и на курсах мастеров социалистического труда. В росте числа обучающихся в стахановских школах и на курсах мастеров социалистического труда отражалось горячее стремление рабочих овладеть новыми высотами технических знаний, повысить свой культурный уровень.

Расширению технического кругозора рабочих способствовала также производственно-техническая пропаганда. Партийные и профсоюзные организации предприятий организовывали чтение тематических лекций, выпуск специальных техлистовок с фотографиями отличников учебы и рассказом об их опыте работы [74]. В университетах выходного дня стахановцев, организованных в Минске и других крупных городах республики, передовики производства вместе с членами своих семей слушали лекции по истории партии, литературе, музыке, искусству, технике, смотрели концерты артистов и рабочей самодеятельности [75].

Рабочие, вовлеченные в техучебу, показывали образцы социалистического отношения к труду. Так, свыше трети рабочих Витебской чулочно-трикотажной фабрики, сдавших в течение 1937 г. гостехэкзамены, стали стахановцами. Отличницы учебы стахановской школы значительно перевыполняли нормы выработки, например, А. Ф. Юрьева — на 87%, В. О. Солопаева — на 68%, С. Г. Шалаева — на 43%, В. Н.

[71] Государственный архив Минской области (ГАМО), ф. 1219, оп. 1, д. 1, л. 5.
[72] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 206, л. 471.
[73] Подсчитано на основании архивных документов. См. ЦГАОР БССР, ф. 551, оп. 1, д. 16; ф. 267, оп. 1, д. 5; ф. 265, оп. 1, д. 4418; Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 5, д. 2110; ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 238, д. 18 и др.
[74] ЦГАОР БССР, ф. 267, оп. 1, д. 7, л. 51.
[75] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 21, д. 422, л. 105.

Шпаковская—на 39% и т. д.[76]. Поднялась заработная плата работниц. Техучеба открывала им дорогу к овладению навыками инженерно-технического труда. Многие работницы после окончания стахановской школы выдвигались бригадирами, помощниками мастеров, шли учиться дальше. Например, инициатор стахановского движения в швейно-кетельном цехе М. Валенкович, окончив стахановскую школу, в 1938 г. поступила в Московскую промышленную академию[77].

Поднятие культурно-технического уровня рабочего класса, развитие социалистического соревнования и особенно стахановского движения, рост техники обеспечили резкий подъем производительности труда. За 1933—1940 гг. выпуск промышленной продукции в республике увеличился в 2,3 раза, что происходило в основном за счет роста производительности труда рабочих. Если в 1934 г. доля прироста промышленной продукции за счет увеличения производительности труда составила только 12,6% и за счет роста численности рабочих — 87,4%, а в 1935—1937 гг. соответственно—77,5% и 22,5%, то за 1938—1940 гг. увеличение промышленной продукции шло только за счет роста производительности труда[78]. Производительность труда рабочих в промышленности БССР в 1940 г. превысила уровень 1913 г. в 3,2 раза, а в химической промышленности — в 7,2 раза, в машиностроении — в 7 раз и т. д.[79]. Быстрые темпы роста производительности труда явились результатом победы новых, социалистических производственных отношений, совершенствования средств производства, неуклонного подъема культурно-технического уровня рабочих масс.

Большую бескорыстную помощь в овладении техникой и в подъеме технической грамотности рабочие БССР получали из братских республик и прежде всего от русского рабочего класса. Многие квалифицированные рабочие республики были подготовлены на заводах Москвы, Ленинграда, Донбасса и т. д. В крупнейших промышленных центрах страны белорусские рабочие и инженерно-технические работники знакомились с опытом освоения техники. Рабочие Москвы, Ленинграда и других городов приезжали в Белоруссию, чтобы оказать помощь в освоении новых заводов и фабрик. Многие из них оставались здесь жить и работать. Так, из г. Вольска приехал помогать осваивать Кричевский цементный завод знатный рабочий с 30-летним стажем И. И. Панчурин. Он обучил здесь цементному делу десятки рабочих[80].

Рядом с потомственным белорусским стеклодувом В. Амером на Гомельском стеклозаводе трудился украинский стекловар Д. Скаженник (с Константиновского завода). Под его руководством вчерашние крестьяне И. Садовников, Б. Пархимович, В. Быков, В. Климов и многие другие стали мастерами машинной варки стекла. Крупнейшие стеклозаводы Советского Союза — Константиновский, Гусь-Хрустальный и Бело-Бычковский — подготовили для этого завода 700 рабочих[81]. Так укреплялись союз и дружба национальных отрядов советского рабочего класса в процессе строительства социализма.

Показателем роста технического уровня рабочего класса было также развитие в республике рабочего изобретательства и рационализаторства. А. М. Горький справедливо назвал рабочих — изобретателей и рационализаторов революционерами техники. Их творческие искания открывали большие возможности для роста производства и экономии миллионных средств. В Белоруссии перед войной насчитывалось около

---

[76] ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 52, д. 734, лл. 55—56.
[77] Там же, оп. 53, д. 831, л. 109.
[78] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 206, л. 35.
[79] См. «Социалистическое народное хозяйство БССР». Минск. 1949, стр. 129.
[80] «Рабочий», 6—7 ноября 1933 года.
[81] Там же, 7 октября 1933 года.

7 тыс. изобретателей и рационализаторов [82]. Многие из них сделали серьезные технические усовершенствования и изобретения. Например, стахановец Могилевского кожевенного завода Д. Л. Колесников (как лучший изобретатель и производственник в 1940 г. награжден орденом Ленина, ныне заслуженный изобретатель Белорусской ССР) создал машину для обработки кож, которая заменила труд 30 рабочих [83].

По нашим подсчетам, только за годы второй пятилетки рабочие и инженерно-технические работники республики внесли более 50 тыс. рационализаторских предложений и изобретений, которые способствовали росту производства и улучшению условий труда рабочих. Внедрение третьей части этих предложений дало народному хозяйству более 20 млн. рублей экономии [84].

Техническое перевооружение и развитие промышленности республики вызвали качественные изменения промышленных кадров. Постоянно возрастал удельный вес новых станочных и машинных профессий рабочих. Например, в торфодобывающей промышленности БССР в 1941 г. среди подготовленных рабочих кадров пятую часть составляли рабочие сложных профессий — машинисты, скрепери́сты, водители уборочных машин, шоферы, трактористы, а также командиры производства низшего звена — десятники, бригадиры и т. д. [85]. Резкое возрастание удельного веса квалифицированных рабочих происходило и в других отраслях промышленности БССР. Уже в довоенные годы многие рабочие стали подниматься до уровня инженерно-технических работников.

Система технической подготовки рабочих кадров была коренным образом изменена накануне войны. Дальнейший рост промышленности требовал постоянного притока на фабрики и заводы, на стройки и на транспорт высококвалифицированных рабочих. В условиях ликвидации безработицы в городе и нищеты в деревне, прекращения неорганизованного притока рабочей силы в промышленность партия выдвинула задачу планомерной подготовки новых рабочих из молодежи и создания трудовых резервов в общегосударственном масштабе. Образование Государственных трудовых резервов (1940 г.) обеспечивало плановое расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы. В республике накануне войны начала создаваться широкая сеть школ трудовых резервов — ФЗО и ремесленных училищ [86]. Однако эта работа была прервана в связи с фашистской оккупацией.

С подъемом культурно-технического уровня рабочего класса были тесно связаны формирование и рост кадров инженерно-технической интеллигенции в республике. Партия и правительство в годы второй пятилетки приняли ряд мер к расширению высшего и среднего технического образования и улучшению качества подготовки инженеров и техников. Численность учащихся в высшей и средней специальной школе республики за 1933—1940 гг. увеличилась в 2 раза. В расчете на 1 тыс. человек населения в 1938—1939 учебном году в Белоруссии обучалось в высшей школе 3,1 человека и в средних специальных учебных заведениях—6,4 человека [87]. Развивалось вечернее обучение и другие формы подготовки специалистов без отрыва от производства. Рабочие и их

---

[82] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 146, л. 46.

[83] ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 4184, лл. 97—98.

[84] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 146, л. 46; ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 4031, лл. 32—38; ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 19, д. 288, лл. 17—18. По нашим подсчетам, в 1933—1934 гг. было внесено по 14 и в 1935—1936 гг.— по 20 предложений в расчете на каждые 100 рабочих крупной промышленности БССР.

[85] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 38, д. 131, л. 2.

[86] Уже в 1941 г. школы ФЗО дали промышленности БССР первые 10 тыс. молодых квалифицированных рабочих, то есть в 2 раза больше, чем до этого выпускали школы ФЗУ. См. «Весці АН БССР». Серия общественных наук. 1957, № 3, стр. 119.

[87] «Культурное строительство БССР», табл. 16.

дети среди учащихся индустриальных вузов составляли 60%. Индустриальные вузы и техникумы республики выпустили за 1933—1940 гг. 2,3 тыс. инженеров и 8,3 тыс. техников. Среди выпускников 60% составляли белорусы[88]. В республике формировались национальные кадры инженерно-технической интеллигенции. Если первая пятилетка была периодом бурного роста численности рабочего класса БССР, то годы второй и третьей пятилеток стали периодом быстрого подъема технического уровня рабочих и ускоренного роста инженерно-технических кадров. Во второй пятилетке численность инженерно-технических работников в промышленности удвоилась и достигла в начале 1938 г. 10,4 тыс. человек. В начале 1939 г. на 100 рабочих уже приходилось 7 инженерно-технических работников против 4,1 чел. в 1932 году[89].

За 1933—1940 гг. значительно улучшился качественный состав инженерно-технических работников промышленности БССР. В начале второй пятилетки почти $^2/_3$ из них не имели высшего и среднего технического образования. По данным 268 предприятий, в 1933 г. не имели высшего и среднего образования 77% директоров и их заместителей, 73,5% начальников цехов, смен и производственных участков и 93% мастеров и десятников[90]. Это может дать представление о тех трудностях, которые приходилось преодолевать при решении задачи подъема технического уровня рабочих масс.

Осознавая эти трудности и стремясь быстрее их преодолеть, сотни и тысячи передовых рабочих (в основном молодежь) пошли в вузы и техникумы или прямо на заводах у станка овладевали наукой и техникой, приобретали среднее и высшее специальное образование и продолжали с новой энергией строить социалистическую промышленность. Ничего подобного не может быть в условиях капитализма. Буржуазия дает технические знания рабочим в той мере, в которой это обеспечивает ей максимальную прибыль. Мастер Могилевской фабрики искусственного волокна А. Баженков, вспоминая прядильню Мытищинской фабрики, рассказывал, что до революции «об учебе и повышении квалификации и мечтать не приходилось. Технический процесс являлся секретным. Много лет мои руки делали одни и те же движения. Знал только одно: работаю на хозяина. По-иному у нас, на социалистической фабрике. Каждый рабочий знакомится со всем процессом производства шелка. Сегодня человек приходит разнорабочим, изучает технику, а завтра он уже прядильщик, бригадир, мастер. Я вырос на фабрике до мастера. Теперь обучаю других. Мои ученики: Коновалов стал сменным инженером, Борисов — старшим рабочим»[91]. Социализм открыл советскому рабочему путь к овладению наукой и техникой.

В результате пополнения промышленных кадров специалистами — выпускниками вузов и техникумов, а также переподготовки практиков накануне войны более половины инженерно-технических работников промышленности БССР уже имели высшее и среднее техническое образование[92]. Укрепилось низовое звено командных кадров предприятий. Доля белорусов в составе инженерно-технических работников республики достигла почти 60%[93]. В создании национальных кадров инженерно-технической интеллигенции в республике отражалось торжество ленинских идей, практическое решение национального вопроса.

---

[88] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 118, л. 1; ЦГАОР БССР, ф. 551, оп. 1, д. 16, л. 15.

[89] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 193, л. 57; ЦГАОР БССР, ф. 42, оп. 2, д. 120, лл. 65—66.

[90] ЦГАОР БССР, ф. 551, оп. 1, д. 16. л. 53.

[91] См. «Бойцы за высокую технику». Минск. 1934, стр. 36.

[92] ЦГАОР БССР, ф. 42, оп. 4, д. 120, л. 65; Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 148, л. 39.

[93] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 146, л. 41.

Изучение процесса подъема культурно-технического уровня рабочего класса БССР позволяет сделать некоторые выводы.

Белорусский рабочий класс в период второй пятилетки завершил ликвидацию неграмотности и малограмотности в своих рядах, а к началу войны стал в основном технически грамотным. Начался процесс подъема культурно-технического уровня промышленных рабочих до уровня работников инженерно-технического труда. В сознание широких рабочих масс глубоко внедрилась марксистско-ленинская идеология, в их быт прочно входила новая, социалистическая культура. Все это было крупнейшим завоеванием культурной революции.

Рабочие массы ликвидировали общую и техническую неграмотность и малограмотность в процессе напряженной трудовой деятельности, в ходе освоения новых заводов и фабрик и новой техники одновременно с овладением навыками индустриального труда. В короткий исторический срок технической учебой были охвачены в основном все слои рабочего класса.

Вместе с подъемом культурно-технического уровня рабочих масс в годы довоенных пятилеток в республике выросли национальные кадры народной технической интеллигенции.

Создание национальных кадров рабочих и инженерно-технической интеллигенции позволило быстро освоить новую технику и завершить техническое перевооружение народного хозяйства республики.

Важнейшими результатами культурно-технического роста рабочего класса были трудовой подъем масс, широкое развитие социалистического соревнования, рождение нового движения новаторов производства, резкий подъем производительности труда, повышение жизненного уровня масс. В этом сказалось преимущество социалистической системы перед капиталистической. Неуклонный подъем культурно-технического уровня рабочего класса БССР, как и других союзных республик, подтверждает закономерность и единство процесса формирования и роста многонационального советского рабочего класса.

Руководимый Коммунистической партией, рабочий класс БССР повышал свой культурно-технический уровень с помощью всего советского народа и прежде всего русского рабочего класса. Поднятие белорусского рабочего класса до уровня рабочего класса основных промышленных центров страны явилось ярким свидетельством победы ленинской национальной политики в СССР.

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВРЕМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

М. А. Ильин

В сентябре текущего года советская общественность широко отметила 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси Андрея Рублева. Выставки в Третьяковской галерее, Московском Кремле, Историческом музее, а также экспозиция в Музее имени Рублева и специальная научная сессия в Академии художеств СССР позволили еще глубже оценить творчество прославленного мастера. Прогрессивные круги за рубежом также отметили эту знаменательную дату, зафиксированную в постановлении Всемирного Совета Мира.

Андрей Рублев жил в эпоху, когда закладывались основы общерусской художественной культуры. Летописи и другие источники неоднократно упоминают имя Рублева, а также его друга и сотоварища по искусству Даниила Черного, называя их «живописцы мужие изрядны вельми всех превосходящи, в добродетели совершени»[1]. Произведения А. Рублева высоко ценились в XV—XVI веках, их собирал известный деятель начала XVI в. игумен Иосиф Волоцкий[2], их жертвовали в монастыри «на помин души» как величайшие ценности[3]. Стоглавый собор в Москве в 1551 г. предписал писать иконы «с древних переводов, како греческие иконописцы писали и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы»[4].

Но глубокое изучение творчества великого живописца Древней Руси началось лишь в советское время. В 1918—1919 гг. была закончена реставрация знаменитой иконы «Троица», написанной художником для собора Троице-Сергиева монастыря. Тогда же Г. О. Чириков под дровами в сарае Успенского собора «на городке» в Звенигороде обнаружил три иконы, известные ныне под названием «Звенигородского чина»[5]. И. Э. Грабарь и руководимые им художники-реставраторы в 1922 г. обнаружили в селе Васильевском часть икон, написанных Андреем Рублевым и Даниилом Черным в 1408 г. для владимирского Успенского собора. Последовавшая их расчистка, как и расчистка фресок владимирского собора, вместе с реставрацией во время Великой Отечественной войны икон Троицкого иконостаса в Загорске приподняли завесу над неизвестными до этого художественными творениями.

Изучение найденных произведений Андрея Рублева, привлекающих всеобщее внимание своими живописными свойствами, позволило установить, что, несмотря на церковно-религиозное содержание, в них отразились вера в светлое будущее родины, подъем национального самосознания, внимание к человеческой личности, что было обусловлено самоотверженной борьбой за освобождение Руси от татаро-монгольского

---

[1] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VI, стр. 136—138.

[2] Н. Казакова. Сведения об иконах Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI веке. «Труды» Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XV, М-Л. 1958, стр. 310.

[3] Там же, стр. 310—311.

[4] «Стоглав». СПб. 1863, стр. 128.

[5] И. Грабарь. Андрей Рублев. «Вопросы реставрации». Т. I. М. 1926, стр. 95.

ига, за единство русской земли. Сквозь богословскую средневековую символику рублевской «Троицы» пробивается несравненно более сильная и глубокая идея человеческой любви и дружбы, к которой так стремились русские люди в дни тяжелых испытаний того времени. В. Н. Лазарев справедливо отмечает, что, поскольку эта мечта была необычайно чистой, благородной и высокочеловечной, она приобрела в руках гениального художника исключительно глубокое и широкое выражение[6]. Н. А. Демина видит в звенигородском «Спасе» А. Рублева образ человека сильного и деятельного, имеющего достаточно душевных сил и энергии, чтобы отдать себя делу поддержки всех нуждающихся в его помощи. Индивидуальная героика былого времени, отчетливо проявлявшая себя в искусстве эпохи феодальной раздробленности, уступила место героике самопожертвования, стойкости и целеустремленности— столь необходимых качеств и свойств в эпоху напряженной борьбы за национальную самостоятельность и государственное единство[7].

Известно, что Андрей Рублев неоднократно выполнял заказы звенигородского князя Юрия Дмитриевича, покрывал фресками возведенные на его средства храмы, писал для них иконы. Время создания звенигородских храмов не отмечено летописями. По-видимому, этот факт можно объяснить тем, что постройка их была связана с именем крамольного, с точки зрения московской великокняжеской власти, князя Юрия[8]. Однако желание точнее определить годы сооружения названных памятников давно волновало исследователей. Установление хотя бы приблизительных дат их постройки давало возможность яснее представить себе как общую эволюцию московской архитектуры начала XV в., так и обусловленность отдельных ее форм. Несмотря на известное внимание, проявленное к фактам, дающим основания так или иначе датировать храмы Звенигорода и Троице-Сергиева монастыря, многое в этом вопросе осталось еще неясным или было неправильно истолковано. Поэтому представляется необходимым еще раз рассмотреть имеющиеся известия и точнее обосновать время постройки названных храмов.

★

В литературе установилось мнение, что звенигородский собор был построен в 1399—1400 гг., после удачного похода на Волгу князя Юрия Дмитриевича, откуда он возвратился «с великою победою и с многою корыстью»[9]. Считают, что на добытую «корысть» он и выстроил храм в связи со своей женитьбой в 1400 году[10]. Никаких других данных в пользу названной датировки храма не приводилось. Рассмотрим ее обоснованность.

Поход на Волгу, в котором участвовал князь Юрий Звенигородский, имел место в 1395 году. Его организатором был московский великий князь Василий Дмитриевич. Именно он «собра рати многы посла брата своего Юрья Дмитреевича, а с ним воевод и старейших бояр и силу многу»[11]. Естественно, что «многая корысть» досталась Москве, а не Звенигороду, и, следовательно, независимо от датировки похода на Волгу, не она явилась основой для строительной деятельности кня-

---

[6] В. Лазарев. Андрей Рублев. М. 1960, стр. 16.

[7] Н. Демина. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей у Андрея Рублева и художников его круга. ТОДРЛ. Т. XII, стр. 319.

[8] Б. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 12. М.-Л. 1949, стр. 127.

[9] ПСРЛ. Т. XXV, стр. 226.

[10] Б. Огнев. Успенский собор в Звенигороде на городке. МИА, № 44. М. 1955, стр. 21, прим. I. Автор, последний по времени, повторяет обычные в литературе высказывания по этому вопросу.

[11] ПСРЛ. Т. XXV, стр. 226. По другим источникам, поход имел место в 1399 г. ПСРЛ. Т. XXIV, стр. 167.

зя Юрия. Помимо этого, нет никаких оснований считать, что именно после удачного похода в связи с женитьбой князь Юрий начинает обстраивать свой подмосковный город. Летопись прямо указывает, что князь Юрий женился «на Москве» [12], где он, надо думать, жил в это время постоянно, как и большинство подобных князей, близких к великому князю. Об этом свидетельствует не только венчание князя Юрия в Москве, но и другие аналогичные факты. Так, серпуховский князь Владимир Андреевич тоже проживал в Московском Кремле. После ссоры с великим князем он уезжает «с сыном своим Иваном и с бояры старейшими в свой град Серпохов» [13]. В Москве у него был не простой двор с обычными постройками, а каменный терем, расписанный внутри в своей парадной части Феофаном Греком [14]. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что и князь Юрий Дмитриевич имел такие же здания в Москве. Помимо этого, следует помнить, что основным его уделом был не столько небольшой подмосковный Звенигород, сколько Галич, поддерживавший его во время последующей борьбы за великокняжеский престол.

Почему же исследователи использовали столь шаткие доводы для датировки звенигородского собора? Ответом, по-видимому, может служить лишь последующая деятельность князя Юрия. Ведь он противопоставил себя великому князю, он поднял знамя междоусобной брани, он так или иначе нарушил собирание земли Русской, проводившееся так упорно и последовательно Москвой. Поэтому-то все его строительство, начатое, как думают исследователи, при первой же возможности, рассматривалось как своего рода фронда строительству московского князя. Такая возможность появилась, по мнению тех же исследователей, именно в то время, когда звенигородский князь мог предположительно обладать средствами, когда он не вел войны против московского князя и был в состоянии строить храмы для украшения своего удела.

Распространенную в литературе точку зрения, при всей ее малой убедительности, можно было бы принять, если бы заказчик принадлежал к кругу средних удельных князей, которые так или иначе возводили в своих уделах храмы и другие постройки. Здесь можно напомнить, например, завершение в 1380 г. Троицкого собора в Серпухове (предположительно, деревянного) князем Владимиром Андреевичем, соратником Дмитрия Донского. В серпуховских монастырях он также вел интенсивное строительство храмов и оборонительных укреплений.

Патрональные храмы удельных центров, как правило, посвящались по традиции наиболее чтимым местным праздникам. В более ранней практике имелись случаи, когда главный храм удельного города посвящался святому, имя которого носил князь-строитель. Но ведь звенигородский князь Юрий не принадлежал к обычной среде удельных князей того времени. Он был одним из важнейших деятелей Московского великого княжества. На рубеже XIV—XV вв., в годы предполагаемого строительства звенигородских храмов, он являлся наследником великого князя, несмотря на наличие у последнего мужского потомства. Подобное положение Юрия Дмитриевича было закреплено духовной грамотой его отца, где говорилось: «А по грехом отимет бог сына моего, князя Василия, а хто будет под тем сын мой ино тому сыну моему княж Васильев удел» [15]. Именно по своему положению Юрий должен был жить в Москве, где и состоялась его свадьба. Благодаря занимаемому им положению он был послан на Волгу во главе московской рати, как позд-

---

[12] ПСРЛ. Т. XXIV, стр. 167.

[13] ПСРЛ. Т. XXV, стр. 218.

[14] В. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. «Византийский временник». Т. VII, стр. 245, 249.

[15] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (ДДГ). М.-Л. 1950, стр. 35.

нее великий князь Василий Темный посылал своего сына Ивана в такого же рода военные походы. Поэтому вести какое-либо строительство в Звенигороде ему не было смысла. Скорее всего можно было бы ожидать подобного в основном его уделе — Галиче. Однако известно, что в эти годы, как и позднее, там не было построено ничего, равного звенигородским зданиям. Следовательно, есть все основания сомневаться в существующей датировке звенигородского собора 1399—1400 годами.

Когда же появилась необходимость построить храмы в Звенигороде и в Троице-Сергиевом монастыре? По-видимому, тогда, когда существенно изменилось положение князя Юрия. К сожалению, летописи почти ничего не сообщают о его деятельности вплоть до начала вызванной им в 1425 г. феодальной войны. Как уже говорилось, это молчание источников, видимо, объясняется позднейшей их редакцией, когда имя звенигородского князя не только будило самые неприятные воспоминания, но и стало одиозным. Все так или иначе связанное с деятельностью звенигородского князя, видимо, специально изымалось из летописей. Однако сохранились все же некоторые документы, позволяющие в известной мере по-новому ответить на поставленный вопрос.

Общее положение Юрия Дмитриевича, как наследника великокняжеского престола, оставалось до середины 10-х годов XV в., видимо, неизменным, несмотря на то, что у великого князя имелись сыновья. Так, в 1395 г. у него родился сын Юрий, умерший пять лет спустя, другой сын также скончался, будучи совсем молодым, в 1417 году. В 1415 г. у Василия Дмитриевича родился еще один сын, названный Василием (будущий великий князь Василий Темный). В летописях рождение этого сына выделено подробным рассказом, внесенным, как явствует из текста, позднее, с целью подчеркнуть его последующую роль и деятельность как великого князя Московского. В начале 1417 г., надо думать, еще весной, взаимоотношения князя Юрия со своим братом оставались более или менее нормальными, так как его бояре Глеб Семенович, Семен Жадовский и Михаил Россохин совместно с устюжанами и вятичами «ходиша войною» в Двинскую землю и Заволочье[16]. В июле того же года в Москве умер князь Иван, сын великого князя Василия Дмитриевича, являвшийся нижегородским князем. По-видимому, эта смерть вызвала какое-то выступление князя Юрия, так как великий князь тут же составил новую духовную грамоту, где старая система наследования «по отечеству» была изменена. В грамоте говорилось: «А сына своего князя Василия благословляю своею вотчиною великим княжением, чем мя благословил мой отец»[17], то есть великое княжение в случае смерти великого князя должно было перейти к его малолетнему сыну. Конечно, лишение прав наследования было ударом для князя Юрия. Он не мог смириться с происшедшим. Перед ним стала отчетливо вырисовываться неотвратимость борьбы за великокняжеский престол после смерти старшего брата. Вместе с тем Юрий понимал, что захватить московский престол будет нелегко. Ясно, что к предстоящей борьбе необходимо было подготовиться, заручиться сторонниками. Надо было привлечь к себе внимание, заставить поверить различных людей в свои способности рачительного, умелого хозяина, военачальника и правителя, способного возглавить разросшееся и укреплявшееся Московское великое княжество. Последнее было особенно важно. Ведь Москва стала знаменем собирания земли Русской, центром, где ковалось оружие против исконного врага — татаро-монголов, которые уже понесли поражение от московского князя в битве на Куликовом поле. Это знаменательное событие убедительнейшим образом свидетельствовало о силе объединявшегося народа.

---

[16] ПСРЛ. Т. XXV, стр. 243.
[17] ДДГ, стр. 58.

Одной из форм умелой организационной деятельности являлось широкое строительство ценимых народом каменных храмов и оборонительных укреплений. Надо думать, что Юрий Звенигородский начал строительство каменных храмов именно после 1417 г. и вел его вплоть до 1425 г., когда он покинул Звенигород, к которому в силу своих притязаний на московский великокняжеский престол он потерял всякий интерес. До этого времени, как говорилось выше, обстраивать монументальными зданиями свой удел, в котором он считал себя временным князем, не было особого смысла. Теперь же, чтобы показать свои способности и возможности, Юрий решил противопоставить сооружение на его средства новых храмов отсутствию строительства таковых в Москве. Именно поэтому он возводит храмы под Москвою, а не в Галиче — своем уделе, так как именно в Москве и ее округе следовало заручиться поддержкой и союзниками.

В своей звенигородской резиденции — «на городке» — он строит белокаменный храм и посвящает его Успению богоматери, то есть именно тому празднику, в честь которого был сооружен главный московский собор. В этом посвящении звенигородского храма недвусмысленно сказывались притязания князя Юрия. Социальный и, добавим, политический характер задуманного звенигородским князем сооружения был хорошо обрисован Н. И. Бруновым [18]. Вместе с тем украшение Звенигорода храмом свидетельствовало о возможной будущей деятельности князя Юрия на великокняжеском престоле. Ведь его заботами Москва могла быть украшена не менее привлекательными сооружениями. Чтобы усилить значение воздвигнутого им собора, Юрий приглашает для его росписи и создания иконостаса виднейшего художника своего времени Андрея Рублева и его товарищей. Восточные столбы храма до сих пор хранят остатки росписи рублевского круга. Известный «Звенигородский чин» также может быть отнесен к этому времени [19], так как сопоставление друг с другом и анализ произведений А. Рублева позволяют утверждать, что «чин» был написан им после создания росписей и икон для иконостаса владимирского Успенского собора, то есть после 1408 г., и до работ художника в Троице-Сергиевом монастыре. «Звенигородский чин» по мастерству исполнения, по своим высоким художественным качествам примыкает к знаменитой «Троице», которую В. Н. Лазарев относит к началу десятых годов XV века. Если взять изображение одних лишь ангелов, то станет очевидным, что икона архангела Михаила из Звенигорода, как и остальные иконы «чина», не могла быть исполнена до фресок на северной стене владимирского собора, датированных 1408 годом. Следовательно, предлагаемой новой дате постройки собора «на городке» не противоречат и факты художественного плана. Приведенные соображения исторического и художественного порядка заставляют предложить более позднюю дату для звенигородского собора «на городке». Он, скорее всего, построен в период между 1417 и 1422 гг., как это будет показано ниже.

★

Со времени выхода в свет статьи Н. И. Брунова [20] собор Саввино-Сторожевского монастыря стал датироваться 1405 годом. К сожалению, эта датировка зиждется на весьма непрочном основании. А. С. Ува-

---

[18] Н. Брунов. О хорах в древнерусском зодчестве. «Труды» секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания РАНИОН. Вып. II. М. 1928, стр. 93 и сл.

[19] Вопрос о принадлежности его собору Саввино-Сторожевского монастыря (мнение В. Г. Брюсовой) я оставляю открытым.

[20] Н. Брунов. Собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода. «Труды» Этнографо-Археологического музея МГУ. М. 1926, стр. 16—23.

ров, ссылаясь на мнение братьев Холмогоровых[21], предположил, что монастырский собор мог быть возведен примерно в это время, поскольку сохранилась дарственная грамота монастырю Юрия Звенигородского от 1404 г., в которой говорится: «Аз дал Пречистой в дом на сторожи отцу своему игумену Савве села свои»[22]. Догадка А. С. Уварова была поддержана Н. И. Бруновым, хотя в дарственной грамоте ни слова не сказано о постройке каменного храма. Н. И. Брунов привел дополнительные данные, по его мнению, подкреплявшие предположение А. С. Уварова. Н. И. Брунов, во-первых, сослался на известия, что монастырский храм появился еще при жизни игумена Саввы, умершего в 1407 году. Во-вторых, он указал, что в ризнице Троице-Сергиева монастыря сохранилось кадило 1405 г., верхняя часть которого воспроизводит венчающую часть каменного храма своего времени, в частности, по его мнению, монастырского собора в Звенигороде (?). Аналогичное кадило имелось и в Саввинском монастыре (нижняя часть была заменена новой в 1632 г.). Исходя из такого совпадения, Н. И. Брунов сделал вывод, что кадило Саввинского монастыря, неизвестно когда выполненное, послужило образцом для кадила Троице-Сергиева монастыря. Игумен последнего Никон якобы заказал себе такое же кадило, поскольку он тоже собирался выстроить у себя в монастыре каменный собор. «Отсюда вероятно,— заключает автор,— что Саввинский собор выстроен в 1404—5 гг.»[23].

Разберемся в обоснованности всех этих доказательств. Историки относят основание звенигородского монастыря примерно к 1398—1399 гг., то есть опять-таки ко времени известного удачного похода на Болгары князя Юрия. В 1404 г. монастырь уже существовал, о чем свидетельствует упомянутая выше грамота. Из нее явствует, что храм в нем также имелся, вернее всего деревянный, что было обычным для каждого новооснованного монастыря[24]. Даже в случае если сразу задумывалось каменное здание монастырского собора, сперва строилась деревянная церковь. Игумен Савва, как известно, был канонизирован лишь в 1547 г., а его жития составлены как по поручению митрополита Макария (1549 г.), так и бывшим игуменом Хутынского монастыря Маркелом Безбородым (1550 г.)[25]. Обращает на себя внимание типичное для XVI в. изложение истории основания монастыря и постройки в нем храма. «Посем некий христолюбивый князь прииде к блаженному отцу Савве и умоли его, да воздвигнет храм на месте том (злато довольно святому на создание дав) и абие святый прошение княже исполняя, воздвиг же храм Пречистыя Богоматери честного и славного ее Рождества и обитель состави пречудну зело и велику...»[26]. Из приведенного отрывка видно, что здесь идет речь о постройке храма вообще, а не каменного. «Христолюбивый князь» Юрий даже не назван. Видимо, еще в XVI в., в свете событий конца 40-х годов этого столетия, упоминание его имени могло вызвать нежелательные ассоциации.

Аргументация Н. И. Брунова о последовательности изготовления упомянутых выше кадил не выдерживает критики, поскольку нет никакого основания считать, что монастырский каменный собор Звенигорода

---

[21] В. и Т. Холмогоровы. Город Звенигород. М, 1884, стр. 6.

[22] А. Уваров. Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Древности. «Труды» Комиссии по сохранению памятников Московского археологического общества. Т. III. М. 1909, стр. VII.

[23] Н. Брунов. Собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода, стр. 19—20.

[24] О первоначальной постройке деревянной церкви игуменом Саввой говорил 16 сентября с. г. академик М. Н. Тихомиров в своем докладе на сессии в Академии художеств СССР, посвященной творчеству Андрея Рублева.

[25] Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М. 1903, стр. 100—101, 131—133, 186; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, стр. 248—264.

[26] «Минеи четьи Дмитрия Ростовского». М. 1897, стр. 64—65.

построен в 1404—1405 годах. Помимо этого, ни один источник не сообщает о факте заказа кадила игуменом Никоном по образцу саввинского. По-видимому, известная натяжка с датировкой памятника произошла также потому, что собор «на городке» относился к 1399 году. Таким образом, получалась искусственная, но довольно стройная картина. Князь Юрий осуществляет удачный поход в 1399 г. и, реализуя полученную «корысть», строит в своей резиденции «на городке» в 1399—1400 гг. каменный собор, а затем к 1405 г. каменный же храм в основанном им монастыре, поскольку он «злато довольно... на создание дав». Как мы знаем, было дано не злато, а села, эксплуатация которых должна была служить хозяйственному процветанию монастыря, храм же (деревянный) уже в нем имелся.

К какому же времени следует отнести белокаменный монастырский собор? Логически рассуждая, следует согласиться, что сперва был построен собор «на городке», а затем в монастыре. Выше были приведены соображения, позволившие отнести дату собора «на городке» ко времени между 1417—1422 годами. Поскольку постройка подобного рода храмов занимала два-три года, а Юрий Звенигородский вряд ли вел строительство обоих зданий одновременно, собор Саввино-Сторожевского монастыря следует отнести к двадцатым годам XV века. Близость его архитектурных форм к формам собора Троице-Сергиева монастыря и действительное пожертвование «злата» на постройку последнего тем же Юрием Звенигородским заставляют думать, что обе постройки осуществлялись одной артелью строителей. Дата Троицкого собора, как известно, локализуется 1422—1423 гг., следовательно, собор Саввино-Сторожевского монастыря выстроен либо в 1420—1422 гг.[27], либо после окончания Троицкого собора, в 1423—1425 годах. Обе предполагаемые даты могут быть обоснованы. В первом случае, построив собор «на городке», князь Юрий тут же переводит зодчих в монастырь, где они и сооружают каменный храм. Тем самым он стремится усилить впечатление о своей состоятельности, заботливости, способности быстро и хорошо вести крупное для того времени строительство. Оно характеризует его умелым хозяином своего дела. Иными словами, и здесь легко прослеживается политическая подоплека его действий — подготовка почвы для борьбы за великокняжеский престол. Во втором случае мы имеем еще более тонкий «ход». Звенигородский князь жертвует средства на постройку храма во владениях московского князя, в монастыре, который должен был бы привлечь внимание последнего, но, видимо, по неизвестным нам причинам не привлек. Осуществив постройку собора над гробом своего крестного отца, на что он имел моральное право, князь Юрий перевел затем строителей к себе в Звенигород, где они и возвели собор в монастыре «на сторожах». И в этом случае в глазах современников звенигородский князь должен был выглядеть еще более положительным политическим деятелем, заботящимся о прославлении общерусского новоявленного святого, не жалеющим средств на постройку храма в чужих владениях, а не только рачительным, но ограниченным своим уделом князем. Как увидим ниже, время с 1423 по 1425 г. является наиболее вероятным для постройки собора Саввино-Сторожевского монастыря.

★

Дата постройки каменного собора Троице-Сергиева монастыря — 1422—1423 гг.— не вызывает в настоящее время сомнений[28]. Храм

[27] Принимая 1417—1420 гг. как время постройки собора в Звенигороде «на городке».

[28] Ее называли еще в дореволюционные годы. См., например, «Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода». М. 1904, стр. 12; Ю. Олсуфьев. Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1927, стр. 43;

был воздвигнут в связи с канонизацией основателя монастыря Сергия Радонежского, состоявшейся 5 июля 1422 года. Отделка собора вместе с иконостасом и росписью была завершена при жизни игумена Никона, умершего в 1429 году.

Ранние редакции жития Сергия сообщают, что князь звенигородский Юрий Дмитриевич, «хвалим достойно и просвещения сподобленный» от Сергия, дал Троице-Сергиеву монастырю значительные средства «к строению» [29]. Позднее имя князя исчезает, а строительство храма приписывается одному лишь Никону. О какой-либо помощи со стороны московских властей также не упоминается. Все эти обстоятельства имеют определенное значение для предлагаемой новой датировки звенигородских храмов. Ведь канонизация Сергия была одним из важных государственных актов, призванным подчеркнуть роль Москвы в объединении Руси. Казалось, что московский великий князь Василий Дмитриевич, ревностно проводивший политику своего отца Дмитрия Донского, должен был принять участие в сооружении собора над гробом столь ценимого всеми подвижника и политического деятеля. Однако средства на постройку собора поступили от лица, оказавшегося три года спустя во главе феодальной оппозиции. Создается впечатление, что этот шаг был сделан князем Юрием не столько в память Сергия, сколько с целью досадить Москве и показать себя в роли истинного наследника великокняжеского престола, заботящегося об общерусском, московском деле. Приведенные выше хвалебные эпитеты, адресованные Юрию Звенигородскому как заказчику, финансировавшему постройку, так или иначе говорят о его честолюбии. Тем самым косвенно подтверждается активность звенигородского князя, начавшаяся именно после официального лишения его прав наследования великокняжеского престола. Уже ко времени составления жития вокруг Юрия Звенигородского группировались лица, в том числе и духовенство, высоко расценивавшие его деятельность и способности. Следует вспомнить, что позднее часть монахов Троице-Сергиева монастыря оказалась среди противников Василия Темного, приняв участие в его ослеплении [30].

Однако в истории постройки Троицкого собора имеется неясное место. Дело в том, что кадило, выполненное в 1405 г. по заказу Никона, имеет верхнюю часть в виде первоначального завершения собора. Совершенно невозможно считать, что верх кадила просто изображает распространенный тип раннемосковского храма. Такого рода случаев древнерусское искусство не знает, тем более выраженного столь конкретно. Кадило, нет сомнения, было сделано с определенной целью и в связи с не менее определенными обстоятельствами. Поэтому можно предположить, что закладка собора произошла около 1405 г., в связи с чем было изготовлено кадило [31]. Затем по неизвестным пока причинам дальнейшее строительство либо задержалось, либо выстроенное или почти законченное здание погибло. Так, в 1407 г. строителей могли перевести

В. Балдин. Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. «Архитектурное наследство», 1956, № 6, стр. 22, прим. 7. В 1446 г. этот храм упоминается уже как каменный. ПСРЛ. Т. XXV, стр. 265.

[29] В. Балдин. Указ. соч., стр. 22.

[30] А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 82.

[31] Возможно также, что верх кадила был выполнен заново после окончания собора в 1422 году. Это предположение может основываться на следующем: гладкие участки металла в верхней и нижней части кадила обработаны различным способом. Декоративные обрамления верхней части и деталей кадила в виде своего рода «веревочки» по сравнению с декоративными членениями нижней части хотя и обнаруживают тождество рисунка, но разнятся своим рельефом. Вверху «веревочка» плоская, внизу же хорошо прочеканены все ее извивы. Если высказанные предположения подтвердятся, то следует считать, что первоначально кадило имело иное завершение и было сделано для деревянной церкви, существовавшей до постройки каменного собора.

на постройку Вознесенского монастыря в Московском Кремле. В 1408 г. последовало нашествие Едигея. Москва была сожжена. Пострадал и Троице-Сергиев монастырь. Возможно, что именно в это время было уничтожено то, что было построено в 1405—1406 годах. Потребовались долгие годы, чтобы восстановить хозяйство, наладить строительную деятельность. Принимая во внимание сложившуюся после 1417 г. политическую обстановку и предполагаемый характер действий Юрия Звенигородского в области постройки храмов, можно думать, что около этого времени он жертвует средства либо на возобновление прерванного строительства, либо на строительство совершенно нового собора. Последний был закончен, как мы знаем, в 1422—1423 годах. В подобной затяжке постройки монастырского храма нет ничего необыкновенного. Можно напомнить, что примерно в эти же годы имели место подобные факты. Так, в 1405 г. в московском Симоновом монастыре был освящен каменный собор, заложенный за 26 лет до того [32].

Высказанное предположение о постройке собора Троице-Сергиева монастыря получает известное подтверждение в тексте пространного жития Сергия. Его автор Пахомий Серб прибыл в Россию до 1438 года [33]. Свою работу над житием Сергия он начал не ранее 1440 г., когда из Новгорода переселился в Троице-Сергиев монастырь [34]. Сопоставление пространной (первой) редакции жития Сергия с краткой (второй), а также привлечение фактов исторического порядка позволило В. П. Зубову сузить установленные В. О. Ключевским годы написания жития (с 1438—1443 до 1442—1443 гг.) [35]. Следует напомнить, что в 1442 г. Дмитрий Шемяка примирился с великим князем Василием Васильевичем у гроба Сергия, а в 1446 г. там же последний был ослеплен во время вспыхнувшей с новой силой междоусобной феодальной войны. Таким образом, первая редакция жития Сергия, по мнению исследователей, была составлена Пахомием в промежуток времени в один год. Можно ли предполагать, что Пахомий, воспользовавшись новой политической ситуацией, ввел в свой труд хвалебные слова, оттенявшие роль князя Юрия в строительстве собора? Подобное маловероятно, тем более, что он изъял из жития Сергия все антимосковские эпизоды [36]. Однако как же объяснить «хвалу» князю Юрию и подробности изложения истории церковного собора, на котором был канонизирован новый московский святой?

В. П. Зубов попытался более точно определить манеру языка Епифания и Пахомия. Более того, он убедительно показал, каким путем должен идти исследователь, извлекая из жития, написанного Пахомием, куски текста Епифания [37]. Пользуясь этим приемом, можно считать, что эпизод, излагающий действия собора 1422 г., принадлежит Епифанию. Последнее не противоречит принятой в науке дате его смерти (между 1418 и 1422 годами). Внимательное чтение текста жития убеждает, что никакого особого возвеличения князя Юрия в нем нет. Подробно (чего не мог сделать Пахомий) описывается собор, на котором был канонизирован Сергий. «Стекошася державнии князи и священии собора; иже великодержавный бе и хвалим достойно и просвещения сподобленный от святого, христолюбивое чадо его, князь Георгий» [38], то есть на собор прибыли удельные («державнии») князья и высшее ду-

---

[32] ПСРЛ. Т. XXIV, стр. 170.

[33] Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М. 1892 (1916), отд. 2, стр. 189.

[34] «История русской литературы». Т. II. Ч. I М.-Л. 1946, стр. 239.

[35] В. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. ТОДРЛ. Т. IX. М.-Л. 1953, стр. 155; В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 116—118.

[36] «История русской литературы». Т. II. Ч. I, стр. 239,

[37] В. Зубов. Указ. соч., стр. 151 и сл.

[38] Там же, стр. 156.

ховенство. Здесь был великий князь Василий Дмитриевич («великодержавный»), надо думать, весьма недовольный деятельностью брата, столь ловко использовавшего свое положение крестника Сергия, и князь Юрий, на средства которого велось строительство храма. Последнее отмечено известной «хвалой», поскольку в это время, то есть в 1422 г., не было оснований не поминать князя Юрия. По-видимому, в 1442—1443 гг., когда Пахомий создавал свою первую редакцию, место, где был упомянут звенигородский князь, было изложено следующим образом: «в них же бе и хвалим достойно князь Георгий»[39]. Пахомий опустил упоминание «великодержавного», то есть князя Василия Дмитриевича, к тому же не названного в первой редакции жития по имени. Видимо, поэтому исследователи стали относить этот эпитет к князю Юрию, что не могло соответствовать истине, поскольку князь Юрий был великим князем лишь в 1432—1434 годах. Сокращения Пахомия объясняются в данном случае не столько политическими соображениями (князь Юрий назван по имени, и его деятельность отмечена), сколько обычным для него стремлением (в данном случае неудачным) сократить длинное житие Сергия, чтобы сделать его пригодным для церковной службы[40]. Поскольку звенигородский князь «помыслиша воздвигнути церковь каменну»[41], дав на это средства, дату закладки собора следует отодвинуть на несколько лет раньше, а 1422 г. считать годом его завершения вчерне. По-видимому, окончание собора специально приурочивали ко времени канонизации основателя монастыря.

Изложенное позволяет наметить следующую хронологию «звенигородских» памятников. Вскоре после 1417 г. осуществляется постройка собора Успения «на городке» в Звенигороде. Затем начинается строительство монастырского Троицкого собора, которое заканчивается в 1422 году. После этого, между 1423 и 1425 гг., возводится собор Саввино-Сторожевского монастыря, в связи с чем делается кадило, напоминающее кадило Никона. Все три памятника являются не столько благочестивым деянием князя Юрия[42], сколько проявлением его умелой политической деятельности на пути к захвату московского великокняжеского престола. Предлагаемая датировка соборов, в особенности храмов Звенигорода, уточняет время создания известных звенигородских икон Андрея Рублева и связанных с его именем фрагментов росписей, высокие художественные свойства которых столь близки к прославленной «Троице».

---

[39] Там же.
[40] «История русской литературы» Т. II. Ч. 1, стр. 239.
[41] В. Балдин. Указ. соч., стр. 22, прим. 7.
[42] Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 127.

БОРЬБА РУМЫНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ РЕАКЦИИ И ФАШИЗМА В 1935—1937 ГОДАХ

А. А. Языкова

Десятилетие, предшествовавшее второй мировой войне в Румынии, как и в ряде других европейских стран, характеризовалось значительным усилением экономических и политических противоречий, принявших особенно острые формы под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 годов.

Политическое положение в Румынии этого периода характеризуется, с одной стороны, стремлением правящей верхушки к установлению фашистской диктатуры и, с другой стороны, выступлениями народных масс под руководством Коммунистической партии против фашизма, наступления реакции и угрозы войны. Изучение истории антифашистского движения в Румынии и его уроков имеет большое актуальное значение.

В исторической литературе народно-демократической Румынии в послевоенные годы появились труды, посвященные исследованию указанной темы. Подробная история деятельности антифашистских и антивоенных организаций в 30-е годы, созданных и руководимых КПР, содержится в серии работ участника борьбы против фашизма академика П. Константинеску-Яшь [1]. Серьезное внимание вопросам антифашистской борьбы румынского народа уделено в коллективном труде Института истории партии при ЦК РРП [2], а также в работе академика М. Роллера [3]. О борьбе различных слоев румынского общества против наступления фашизма рассказывают книги Т. Каранфила, Т. Джорджеску и Л. Фодора [4]. Отдельные вопросы этой борьбы раскрыты в статьях и сообщениях румынских историков, опубликованных в последние годы в теоретическом органе ЦК РРП «Lupta de clasă», в румынском историко-партийном журнале «Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lîngă C. C. al P. M. R.» и в историческом журнале «Studii». В советской исторической литературе специальных исследований по истории антифашистского движения в Румынии нет.

Настоящая статья является попыткой осветить один из важных этапов борьбы румынского народа против опасности фашизма и войны (1935—1937 гг.) [5] на основе изучения антифашистской демократической

---

[1] P. Constantinescu-Jaşi. Organizaţii de massă legale conduse de Partidul comunist din Romînia în anii 1932—1938. Bucureşti. 1952.

[2] «Lupta P.C.R. împotriva fascizării ţării, pentru realizarea unităţii muncitoreşti şi crearea Frontului Popular antifascist (1934 — Februarie 1938)». Bucureşti. 1956.

[3] M. Roller. Scrieri istorice şi social-politice (între primul şi al doilea război mondial). Bucureşti. 1957.

[4] T. Caranfil. Din luptele studenţimii democrate. Bucureşti. 1956. T. Georgescu, L. Fodor. Răscoala ţăranilor din valea Gimeşului (1934). Bucureşti. 1960.

[5] Борьба народных масс против военной и фашистской опасности началась в Румынии еще в конце 20-х — начале 30-х годов, когда по инициативе КПР в стране были созданы демократические организации: «Рабоче-крестьянский блок» (1925—1933 гг.), «Комитет действия против войны» (1932—1933 гг.), «Национальный антифашистский комитет» (1933—1934 гг.), «Лига труда» (1934 г.), «Общество друзей СССР» (1934 г.)

прессы, нелегальных коммунистических изданий, хранящихся в архиве Института истории партии при ЦК РРП, опубликованных документов КПР, а также работ румынских историков.

Кризис 1929—1933 гг. охватил важнейшие отрасли румынской промышленности и переплелся с глубочайшим аграрным кризисом. В годы, последовавшие за кризисом, экономическое положение Румынии продолжало оставаться тяжелым. Характерным для тех лет было однобокое, обусловленное военной конъюнктурой развитие отраслей тяжелой промышленности и военного производства — металлургии, машиностроения, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, получавших крупные государственные заказы и субсидии.

Милитаризация экономики страны вела к дальнейшему ухудшению положения трудящихся. Согласно официальным статистическим данным, стоимость жизни возросла с 1934 по 1938 г. на 20% [6]. В годы депрессии сельское хозяйство по-прежнему не выходило из состояния хронического кризиса. Положение основных масс крестьянства еще более ухудшилось. В то же время помещичье-кулацкая верхушка наживалась на государственных субсидиях, экспортных премиях и т. д. [7].

Обострение классовых противоречий в стране выразилось в подъеме антифашистской, антиимпериалистической борьбы трудящихся масс. Правящие круги буржуазно-помещичьей Румынии в страхе перед дальнейшим усилением рабочего и демократического движения переходили ко все более реакционным, фашистским методам в управлении страной.

Усиливалось наступление реакции. В начале 1933 г. в дни январско-февральских выступлений румынских железнодорожников и нефтяников [8] в ряде крупнейших индустриальных центров Румынии было введено осадное положение, существовавшее вплоть до установления фашистской диктатуры. Убийство премьер-министра И. Г. Дуки (декабрь 1933 г.) членами фашистской террористической организации «Железная гвардия» [9] было использовано пришедшим после этого к власти правительством Г. Татареску (1934—1937 гг.) в качестве провокационного предлога для дальнейшего усиления репрессий против находившейся на нелегальном положении Коммунистической партии и созданных ею антифашистских демократических организаций. Правительственным указом от 24 ноября 1934 г. была запрещена деятельность всех антифашистских организаций, арестованы их руководители, конфисковано имущество, закрыты прогрессивные газеты и журналы.

В обстановке усиления реакции развертывалось фашистское движение. В декабре 1934 г. на базе организации «Железная гвардия», кото-

---

и др. После запрещения их в ноябре 1934 г. были образованы по инициативе КПР новые массовые антифашистские организации, что явилось отражением еще более высокого подъема борьбы демократических сил Румынии (1935—1937 гг.), продолжавшегося вплоть до установления в начале 1938 г. монархо-фашистской диктатуры.

[6] «Breviarul statistic al Romîniei». Vol. II. Bucureşti. 1939, p. 408.

[7] См. «Parlamentul romînesc», 6 марта 1937 г., p. 56; «Independenţa economică», 1938, № 4—6, p. 42.

[8] «Бои железнодорожников и нефтяников,— указывал Киву Стойка,— явились в международном плане, после установления фашизма в Германии, первым открытым выступлением, первой антифашистской манифестацией сознательного европейского пролетариата» (Chivu Stoica. Eroicele lupte ale muncitorilor ceferişti şi petrolişti din 1933. Bucureşti. 1953, p. 6).

[9] «Железная гвардия» — созданная еще в 20-х годах фашистская террористическая организация, провозглашавшая своей основной задачей борьбу против коммунизма. Масштабы ее деятельности значительно расширились после прихода к власти Гитлера, оказавшего руководству «Железной гвардии» в середине 30-х годов существенную моральную и материальную помощь. См. «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry». Series D (1937—1945). Vol. V, p. 280; Easterman. King Carol, Hitler and Lupescu. London. 1942, p 99.

рую власти вынуждены были после убийства Дуки официально запретить, была образована легальная фашистская партия с демагогическим названием «Все для отечества», пользовавшаяся полной политической свободой, а также фактическим правом формирования вооруженных полувоенных отрядов [10]. В середине 30-х годов в стране были созданы либо реорганизованы и другие фашистские партии: «национал-христианская» партия Гоги-Кузы, «Румынский фронт» А. Вайды-Воевода и др.

Монополистические круги Румынии, возглавлявшиеся Каролем II, стремившиеся к установлению диктаторского режима, не препятствовали террористической и подрывной деятельности фашистских группировок. Эта политика Кароля II встречала поддержку реакционного руководства так называемых «исторических» — национал-либеральной и национал-царанистской — партий. Его главной опорой в среде национал-либеральной партии была выдвинувшаяся после 1934 г. группа «молодых либералов» (во главе с Г. Татареску), тесно связанная с монополиями в тяжелой и военной отраслях промышленности и с иностранным капиталом. Реакционная политика Кароля II встречала одобрение также и руководства национал-царанистов, где короля поддерживали такие крупнейшие промышленники и финансисты, как А. Вайда-Воевод, А. Калинеску, Ю. Маниу и др.

В области внешней политики румынские монополисты проводили антисоветский курс, шли на сближение с гитлеровской Германией.

Таким образом, угроза фашизма и войны становилась для Румынии в середине 30-х годов все более очевидной. Об этом вновь и вновь напоминала румынскому народу работавшая в подполье Коммунистическая партия. Она призывала трудящихся к усилению борьбы против опасности фашизма [11].

Разгром демократических организаций в ноябре 1934 г. не остановил подъема антифашистской борьбы в стране. Учитывая опыт прошлых лет, Коммунистическая партия в 1935—1936 гг. выдвинула на первый план задачи мобилизации трудящихся на борьбу против фашизма и войны, за экономические и политические права.

1935 год ознаменовался значительным подъемом борьбы румынского пролетариата. В феврале 1935 г. в ответ на попытку предпринимателей провести новое снижение заработной платы рабочие-металлурги завода «Хауг» в Бухаресте объявили забастовку, поддержанную по призыву Компартии рабочими других предприятий Бухареста и увенчавшуюся частичным успехом [12]. В том же месяце вспыхнула всеобщая стачка 2 тыс. металлургов и горняков Анины. В марте 1935 г. забастовали 4 200 рабочих текстильной фабрики «Бухуш» [13]. Их поддержали рабочие соседних текстильных предприятий. Текстильщики Бухареста организовали митинг солидарности с бастовавшими [14]. В первомайские дни 1935 г. состоялись антифашистские выступления румынского пролетариата в крупных городах и в провинции [15]. Август 1935 г. был отмечен сопро-

---

[10] См. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3706, л. 589.

[11] Основные задачи борьбы против наступления фашизма и реакции были поставлены еще в решениях V съезда КПР (1931 г.), наметившего пути и перспективы революционной борьбы румынских трудящихся (см. «Documente din istoria P.C.R. 1929—1933», Bucureşti, 1956, pp. 250—406). Важнейшими документами, характеризовавшими антифашистскую борьбу КПР в 1934 г., были: февральский манифест солидарности с австрийским пролетариатом, призывавший румынский народ к борьбе против фашизма; манифест ЦК КПР в связи с проведением антивоенного дня 1 августа 1934 г.; манифест против запрещения в ноябре 1934 г. массовых антифашистских организаций (см. «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937». Bucureşti. 1957).

[12] См. «Lupta P.C.R. împotriva fascizării ţării...», p. 39.

[13] См. «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937», p. 238.

[14] «Scînteia», 15 апреля 1935 года.

[15] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3720, л. 50.

вождавшейся демонстрациями забастовкой трудящихся г. Единец, носившей ярко выраженный политический характер, а сентябрь — забастовками рабочих нефтеочистительных заводов «Орион» и «Униря»[16].

Борьба румынского пролетариата находила все больший отклик среди крестьянства. Одним из наиболее ярких проявлений пролетарско-крестьянской солидарности явилась помощь крестьян-бедняков бастовавшим текстильщикам фабрики «Бухуш» в марте 1935 года. Крестьяне-бедняки из окрестностей Бухуша ежедневно привозили бастовавшим продукты; они собрали для рабочих свыше 100 тыс. лей деньгами[17]. Стремясь направить разрозненные крестьянские выступления (особенно усилившиеся в 1935—1936 гг. в связи с массовыми голодовками) в русло организованной борьбы, Коммунистическая партия разъясняла крестьянам их задачи в обстановке усиления милитаризации и фашизации страны. В вышедшем в январе 1934 г. первом номере коммунистической газеты «Noi vrem pămînt» («Мы хотим земли») говорилось, что коммунисты являют собой единственную партию, выступающую за бесплатную передачу земли крестьянам[18]. Тогда же КПР обратилась с воззванием к голодавшим крестьянам, призывая их к активным антиправительственным выступлениям[19]. Разъясняя крестьянам, что налоги нужны буржуазно-помещичьему правительству для подготовки войны, уплаты экспортных премий помещикам и обеспечения еще бо́льших прибылей капиталистам, Коммунистическая партия призывала: «Ни одного баня налогов государству капиталистов и помещиков!»[20].

Организованные местными ячейками КПР, а зачастую и стихийные выступления румынского крестьянства против уплаты налогов приняли в 1935—1936 гг. характер повседневной борьбы, они сопровождались серьезными столкновениями крестьян с жандармами и правительственными агентами. Так, в начале 1935 г. крестьяне сел Дэнэшть, Бэлчешть и Быршковяну (уезды Долж и Романац), вооруженные топорами, выступили против сборщиков налогов и жандармов[21]. «Не существует ни одного уезда, где бы крестьяне по меньшей мере в двух-трех селах не выгнали бы сборщиков налогов»[22],— отмечала коммунистическая газета.

В ряде районов борьба крестьян против налогового гнета перерастала в широкую антифеодальную борьбу, сопровождаясь ростом антифашистских настроений в среде крестьянства, все более решительно выступавшего против демагогической агитации фашистов-железногвардейцев и кузистов — членов фашистской «национал-христианской» партии. Об этом же свидетельствуют и случаи массового отказа крестьянской молодежи от прохождения допризывного обучения. Говоря о мотивах этого отказа, один молодой крестьянин из села Богданово (Добруджа) заявил: «Мы спрашиваем, для чего, в чью пользу мы должны проходить допризывное обучение? Для себя? Нет. Мы, молодые коммунисты села Богданово, отказались делать это... Допризывное обучение мы проходим, чтобы стать пушечным мясом в империалистической войне против Советского Союза..»[23].

Революционные настроения проникали также в среду румынских

---

[16] Там же, л. 48; Arhiva Centrală a Institutului de istorie a Partidului de pe lîngă C.C. al P.M.R. «Scînteia Prahovei», 1935, № 9.

[17] Arhiva Centrală... «Noi vrem pămînt», 1935, № 2; Архив Музея революции СССР, 27041/86, Г 765—116с.

[18] Архив Музея революции СССР, 11125/4, Г 765—116с.

[19] «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937», pp. 54—55.

[20] Arhiva Centrală... «Noi vrem pămînt», 1935, № 1.

[21] Там же.

[22] Там же. «Noi vrem pămînt», 1935, № 2.

[23] Arhiva Centrală... «Brazda», 1935, № 1.

солдат, в большинстве своем пришедших в армию из деревни [24]. Все более активно включались в антифашистскую борьбу и трудящиеся угнетенных буржуазно-помещичьей верхушкой национальностей — украинцы, венгры, болгары и др. В середине 30-х годов и в среде части мелкой буржуазии произошли выступления, носившие антифашистский и антиправительственный характер (демонстрации учителей г. Крайовы в защиту своих прав, забастовки и манифестации ремесленников г. Турну-Северина и др.) [25].

Перед Коммунистической партией — главным организатором и идейным руководителем антифашистского движения — встала задача объединения всех демократических сил, создания новых массовых организаций взамен распущенных властями в ноябре 1934 г., задача создания Народного антифашистского фронта, способного преградить путь наступлению фашизма. В решении ЦК КПР, принятом в феврале 1935 г., указывалось на необходимость применения более гибких организационных форм, говорилось о возможности единых выступлений коммунистов и рядовых членов буржуазных политических партий, например, национал-царанистской, «руководители которой входят в число проповедников фашизма в Румынии, но массы которой не хотят ни фашистского террора, ни фашистской диктатуры» [26]. В качестве основного условия для успешного создания Народного фронта КПР, как и ранее, выдвигала тактику единого фронта рабочих организаций. Против этого выступали правые лидеры румынской социал-демократии, отвергавшие на протяжении 1933—1936 гг. неоднократные предложения КПР о единстве действий [27].

В начале 1935 г. в Бухаресте были образованы гражданские комитеты, в которые входили наряду с представителями рабочего класса и прогрессивные слои трудовой интеллигенции. Эти комитеты поддерживали связь с Коммунистической партией. В тяжелых условиях террора они вели борьбу против фашизма и политических репрессий, за экономические и социальные права трудящихся. Их основным недостатком была территориальная ограниченность: они имелись лишь в столице и только здесь вели активную деятельность [28]. Антифашистские организации основывались также и в форме демократических (культурных, молодежных, спортивных, женских и др.) обществ. Значительную антивоенную и антифашистскую работу осуществляла «Ассоциация защиты матерей и детей», действовавшая с января 1935 года. Борьбу против идеологии фашизма и национализма проводила созданная в феврале 1935 г. массовая организация «Лига борьбы против предрассудков и суеверий», которая имела свой печатный орган — журнал «Горизонт» [29]. В целях борьбы против влияния фашистской идеологии в среде молодежи и студенчества осенью 1935 г. был основан Демократический студенческий фронт, ячейки которого существовали во всех университетах страны [30]. Особенностью нового этапа антифашистской борьбы, руководимой КПР,

---

[24] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3720, л. 190; «Cazarma», март 1935 года.

[25] «Scînteia», 15 апреля, 27 июля 1935 года.

[26] «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937», p. 217.

[27] КПР обращалась к социал-демократическому руководству с предложением о создании рабочего единства в марте 1933 г., в августе и октябре 1934 г., в марте и ноябре 1935 г. и т. д., а также проводила в этом направлении большую разъяснительную работу в среде низовых социал-демократических организаций. Рамки настоящей статьи не позволяют осветить данную сторону деятельности КПР более подробно (см. об этом «Lupta P.C.R. împotriva fascizării țării...»).

[28] См. P. Constantinescu-Jași. Organizații de massă legale conduse de P.C.R. în anii 1932—1938, p. 5.

[29] См. P. Constantinescu-Jași. Liga contra prejudecăților. București. 1949.

[30] T. Caranfil. Despre Frontul Studențesc Democratic — organizație de lupta antifascistă a studențimii din Romînia. «Analele...», 1956, № 5, p. 143.

было более глубокое проникновение демократических организаций в различные социальные слои населения, усиление внимания их к насущным нуждам и запросам трудящихся.

Наиболее влиятельной антифашистской организацией этого периода являлся «Блок защиты демократических свобод» («Демократический блок»), созданный по инициативе КПР в мае 1935 года. В состав руководства «Демократического блока» наряду с представителями прогрессивной румынской интеллигенции входили также и представители рабочих-антифашистов. Председателем его ЦК был избран виднейший антифашистский деятель, профессор П. Константинеску-Яшь. Программа «Блока» предусматривала прежде всего борьбу за демократизацию общественной жизни и политические свободы. Свою деятельность «Блок» начал с протеста против реакционных действий правительства, закрывшего в 1934—1935 гг. 38 местных и центральных демократических газет и журналов. Летом 1935 г. «Блок» приступил к организации в столице и в провинции местных комитетов действия. Они были созданы в Бухаресте, Клуже, Кишиневе, Турну-Северине, Плоешти, Галаце, Брашове и других крупных центрах страны. Наиболее многочисленными были секции «Блока» в долине Прахова и Трансильвании (уезды Мехединц и Хунедоара), а также в Молдавии[31]. Представители «Блока» работали среди рядовых членов национал-царанистской партии, призывая их к совместной борьбе против фашизма.

В июле — августе 1935 г. состоялся VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, который нацелил коммунистические партии на неустанную борьбу за создание Народного фронта, против наступления фашизма и угрозы войны.

Опираясь на решения конгресса, Коммунистическая партия Румынии усилила борьбу за единство действий трудящихся, постоянно указывая на необходимость создания Народного антифашистского фронта и его основы — единого рабочего фронта. После очередного отказа правых социал-демократических лидеров установить с коммунистами единство действий в борьбе против фашизма КПР обратилась с таким призывом непосредственно к рабочим — социал-демократам. Предложения коммунистов нашли широкий отклик в низовых социал-демократических организациях, многие из которых заявили о своем желании создать с местными организациями КПР единый фронт борьбы[32].

Учитывая необходимость привлечения к антифашистской борьбе рядовых членов национал-царанистской партии, коммунисты в конце 1935— начале 1936 г. стали осуществлять непосредственное сотрудничество с ее низовыми организациями[33].

Руководство национал-царанистов под давлением крестьянских низовых организаций согласилось на проведение 14 ноября 1935 г. в Бухаресте массовой крестьянской демонстрации. Лидеры национал-царанистов рассчитывали использовать борьбу крестьянских масс против национал-либерального правительства для сформирования национал-царанистского кабинета. В целях укрепления единства трудящихся КПР обратилась к руководству СДП с призывом совместно поднять пролетарские массы столицы на демонстрацию под антифашистскими лозунгами, а также организовать в этот день всеобщую часовую забастовку. По инициативе КПР и антифашистских организаций в начале ноября в Бухаресте было созвано многолюдное собрание представителей трудящихся, провозгласившее лозунги борьбы против фашизма, за объеди-

---

[31] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 32, оп. 1, д. 6123, лл. 24, 25, 31, 103; P. Constantinescu-Jaşi. Organizaţii de massă legale conduse de P.C.R. în anii 1932—1938, p. 79.

[32] «Rasa», № 2, 4 августа 1935 г.; «Valul», № 1, 21 октября 1935 года.

[33] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 32, оп. 1, д. 6114, лл. 229—230.

нение всех демократических сил. Собрание решительно высказалось за проведение демонстрации 14 ноября, которая должна была явиться мощным выступлением трудящихся за установление Народного фронта. Напуганное этим, национал-царанистское руководство в лице Михалаке, Маниу и других пошло на сговор с королем о запрещении демонстрации 14 ноября, получив от последнего туманное обещание призвать национал-царанистов к власти [34]. Предательское поведение национал-царанистских лидеров сорвало массовое выступление румынских трудящихся.

Однако это не остановило борьбы народных масс за создание Народного фронта. Успехи Народного фронта во Франции и в Испании, широко пропагандировавшиеся коммунистической и антифашистской прессой [35], воодушевляли трудящихся Румынии.

На повестке дня стоял вопрос непосредственного организационного оформления Народного фронта. В сентябре 1935 г. по инициативе КПР начались переговоры об установлении единства действий между массовыми демократическими организациями трудящихся Румынии — «Демократическим блоком», «Фронтом земледельцев» и «Мадос» [36].

В ноябре 1935 г. на собрании крестьян в г. Дева (Трансильвания), на котором присутствовало несколько тысяч человек, было оформлено соглашение, заключенное несколько ранее между «Фронтом земледельцев» и «Мадос». Совместная программа, выработанная собранием, предусматривала борьбу против опасности войны, за землю и демократические права, за равноправие угнетенных национальностей [37].

Следующим этапом в борьбе за создание Народного фронта было заключение 29 ноября 1935 г. соглашения между «Демократическим блоком» и левосоциалистической группой К. Поповича [38]. 6 декабря 1935 г. в г. Дева прибыла делегация, в состав которой входили П. Константинеску-Яшь, прогрессивный журналист Скарлат Каллимаки, делегаты рабочих-железнодорожников и нефтяников Аврамеску и Попеску, делегат бессарабских крестьян Г. Дариа и др. Совместно с представителями «Фронта земледельцев» и «Мадос» они направились в горные районы, где на многочисленном народном собрании было заключено соглашение о единстве действий этих организаций [39]. Демократические организации предложили региональному руководству национал-царанистской партии Трансильвании (КПР удалось к этому времени установить контакт с некоторыми местными трансильванскими национал-царанистскими группировками) присоединиться к их единому фронту. В ответ руководители национал-царанистов предложили этим организациям вступить в национал-царанистскую партию, что, по существу, означало отказ от единства действий, так как заведомо было ясно, что условие национал-царанистов не будет принято [40].

Между тем в начале 1936 г. состоялся ряд новых крупных выступлений румынских трудящихся против фашизма. 23 января свыше 400 де-

---

[34] См. «Torţa», 8 ноября 1935 г.; «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937», pp. 323—324; Arhiva Centrală... «Memorii lui Argetoianu» № 7, ff. 416—417.

[35] См. «Cuvîntul liber», 9 февраля 1936 г.; Arhiva Centrală... «Lupta de clasă», 1936, № 1, f. 25.

[36] «Фронт земледельцев» — организация трудящегося крестьянства, созданная в январе 1933 г. в Трансильвании и насчитывавшая в 1935 г. в своих рядах около 300 тыс. членов. В течение долгих лет бессменным председателем его был известный политический деятель Румынии П. Гроза. «Мадос» (Magyar dolgozok szövetsege) — Союз трудящихся венгров — был создан весной 1934 г. из левого крыла оппозиции Венгерской партии (партия венгерской буржуазии Трансильвании).

[37] Gh. Micle. Frontul plugarilor şi clasa muncitoare. Bucureşti. 1945, p. 6; «Cîmpul», 1935, № 2.

[38] См. Gh. Micle. Указ. соч., стр. 7. Группа К. Поповича в феврале 1933 г. откололась от СДП ввиду несогласия с тактикой ее оппортунистического руководства.

[39] Gh. Micle. Указ. соч., стр. 8; «Inainte» (Bacău), 1935, № 5.

[40] «Lupta P.C.R. împotriva fascizării tării...», p. 51.

мократически настроенных студентов провели в Бухаресте собрание и демонстрацию под лозунгами: «Долой фашизм!», «Да здравствует Демократический студенческий фронт!» [41]. 26 января в Кишиневе состоялась молодежная демонстрация под лозунгами: «Да здравствует Народный фронт, да здравствует единство всех сил демократии, против фашизма!» [42]. В те же дни всю страну охватила новая волна забастовок, проходивших под политическими и антифашистскими лозунгами. В результате правильно организованных и согласованных действий забастовки рабочих в Бухаресте, Клуже, Тыргу-Муреше, Араде, Яссах, Галаце, Сату-Маре и других местах окончились частичным или полным удовлетворением требований забастовщиков [43]. Выступления румынских трудящихся, проводившиеся в условиях полицейского террора и осадного положения, отражали рост демократических настроений. Об этом же говорил проведенный в феврале — марте 1936 г. редакцией демократической газеты «Свободное слово» опрос рабочих, крестьян и интеллигенции об их отношении к фашизму и войне [44].

Созданный по инициативе КПР, поддержанный борьбой трудящихся масс, единый фронт демократических организаций стал в отдельных районах страны решающей политической силой. Об этом красноречиво свидетельствовали результаты частичных выборов в парламент, состоявшиеся в двух уездах (Хунедоара и Мехединц) в феврале 1936 года. Несмотря на сопротивление реакции и вооруженные провокации, итоги выборов явились внушительной манифестацией масс в защиту демократии, свободы, социальной справедливости, мира. В уезде Хунедоара за кандидата Народного фронта голосовали 32 тыс. человек (50% всех избирателей), в то время как правящая национал-либеральная партия получила, несмотря на предпринятые ею террор и фальсификации, 25 тыс. голосов, а фашистская партия гого-кузистов, вооруженные отряды которой непосредственно вмешивались в избирательную кампанию,— всего 7 тыс. голосов. В уездах Хунедоара и Мехединц были избраны кандидаты Народного фронта [45]. «Успех демократических сил на этих выборах,— говорил Г. Георгиу-Деж,— показал правильность точки зрения нашей партии, считавшей, что в Румынии существуют объективные условия для создания широкого антифашистского Народного фронта...» [46].

Победа демократических сил на выборах в уездах Хунедоара и Мехединц явилась наглядной демонстрацией возможностей и перспектив развития движения Народного фронта, доказательством того, что только немедленное образование широкого Народного фронта по всей стране сможет привести к победе над фашизмом. Важнейшим результатом выборов был значительный рост числа сторонников создания Народного фронта в рядах национал-царанистской, радикал-царанистской, социал-демократической партий и массовых организаций трудящихся (рабочие профсоюзы, союзы ремесленников и др.) [47].

22 апреля 1936 г. в Бухаресте состоялось пленарное заседание руководства «Демократического блока», в котором приняли участие представители 14 левых организаций, проголосовавшие за резолюцию о немедленном создании общерумынского Народного фронта на основе программы, предложенной антифашистскими организациями [48].

---

[41] См. T. Caranfill. Despre Frontul Studenţesc Democratic..., «Analele...», 1956, № 5, p. 144.

[42] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 32, оп. 1, д. 6123, лл. 35, 43.

[43] См. «Cuvîntul liber», 2 мая 1936 года.

[44] «Cuvîntul liber», 22 февраля, 7 марта 1936 года.

[45] См. «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937», p. 359; «Vîltoarea», № 6, 8 марта 1936 г.; «Blocul», № 6, 8 февраля 1936 г.; «Înainte» (Bacău). 1936, № 9.

[46] Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи. Т. I. Госполитиздат. 1956, стр. 15.

[47] См. там же, стр. 15—16; ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3725, л. 40.

[48] См. «Lupta P.C.R. împotriva fascizării ţării...», pp. 57—58.

Проводимую антифашистскими демократическими организациями деятельность вынуждено было из демагогических соображений поддержать и реакционное руководство национал-царанистской партии, стремившееся сохранить таким образом массовую базу своей партии и нанести удар национал-либеральному правительству. В этих целях национал-царанистское руководство, проводившее двойную игру, под давлением растущего недовольства народных масс вынуждено было одобрить ряд антифашистских и демократических действий своих организаций [49] и объявить, в частности, о проведении 31 мая массовых демонстраций и собраний в Бухаресте и других крупных центрах страны.

Несмотря на попытки национал-царанистских лидеров придать этим выступлениям ограниченный характер [50], Коммунистической партии и руководимым ею организациям удалось превратить демонстрации 31 мая в массовые антифашистские манифестации. Наиболее внушительной была антифашистская демонстрация в Бухаресте, где свыше 120 тыс. крестьян почти из всех уездов Валахии, объединившись с рабочими предприятий столицы и ее предместий, демонстрировали под лозунгами: «Долой цензуру и осадное положение!», «Долой паразитизм!», «Долой фашизм!», «Долой тех, кто убивал нас в 1907 г.!» [51]. В тот же день демонстрации состоялись в Яссах, Сороках, Фокшанах, Кишиневе и других городах, где они также носили массовый характер (в Яссах, например, в демонстрации участвовало свыше 100 тыс. человек) [52].

Напуганное общим подъемом демократической борьбы в стране, правительство обрушило на его руководителей и сторонников кровавые репрессии. В феврале — марте 1936 г. был проведен судебный процесс против руководителя «Демократического блока» П. Константинеску-Яшь, которому предъявили обвинения в подрывной антигосударственной деятельности и нарушении закона (антирабочего) Мырзеску-Миронеску [53].

В 1935—1936 гг. состоялись также судебные процессы по обвинению в антифашистской деятельности профессора Клужского университета Бугнариу, 19 антифашистов Крайовы, 106 буковинских антифашистов, 27 антифашистов Бухареста, обвинявшихся в принадлежности к «Демократическому блоку», и многих других. В одном лишь военном суде в Яссах в 1936 г. было проведено около 60 процессов, рассматривавших обвинительные заключения по делам 600 антифашистов [54].

Осужденные за антифашистскую деятельность, политические заключенные не прекращали борьбу. Находясь в фашистской тюрьме, Г. Георгиу-Деж, И. Пинтилие, Б. Брайнер и другие вели большую работу по воспитанию молодых товарищей. Известны также случаи поддержки заключенными-антифашистами, посредством организации ими различных форм коллективного протеста, рабочих забастовок [55].

Коммунистическая партия организовывала помощь томившимся в тюрьмах антифашистам и боролась за их освобождение. «Бороться за освобождение всех борцов-антифашистов — значит бороться против самого фашизма»,— указывала в эти дни нелегальная коммунистическая газета «Scînteia» [56]. В 1935 г. КПР создала легальный «Комитет борьбы за освобождение заключенных-антифашистов», значительную работу проводили организации «Красной помощи» и «Рабочей помощи», перед которыми стояли задачи оказания как можно более широкой материаль-

---

[49] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3705, лл. 66, 70—71.
[50] См. Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 125, оп. 19, д. 9, п. 15, л. 61.
[51] См. «Dimineata», 3 июня 1936 года.
[52] См. там же; ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3705, л. 145.
[53] См. Архив Музея революции СССР, 30148/222, Б 765—15 Г, л. 11.
[54] См. Е. Берман. 14 лет в застенках и тюрьмах Румынии. М. 1937, стр. 6.
[55] См. «Arena», № 5, 16 мая 1936 года.
[56] См. «Scînteia», 30 июня 1935 года.

ной и юридической помощи заключенным-антифашистам и их семьям [57]. Работа, проводившаяся этими организациями, была важнейшей частью общей борьбы румынского народа против наступления фашизма и реакции.

В конце 1936 — начале 1937 г. произошло усиление реакционного политического курса румынских правящих кругов. В начале 1937 г. важнейшие государственные посты заняли наиболее реакционные политические деятели — открытые сторонники профашистского курса Кароля II. Были проведены политические демонстрации фашистских партий (крупнейшей из которых была организованная в феврале 1937 г. «Железной гвардией» манифестация в связи с похоронами двух фашистов, убитых в Испании). В обстановке консолидации реакционных сил Кароль II поставил вопрос об установлении в стране своей личной диктатуры [58].

В условиях наступления реакции Коммунистическая партия испытывала огромные трудности в руководстве борьбой народных масс. Тем не менее даже и в эти дни, когда не только КПР, но и большинство созданных ею организаций подвергалось суровым преследованиям и было запрещено, Коммунистическая партия сохраняла свои позиции активного борца против фашизма и войны.

В июле 1936 г. в Бухаресте состоялось созванное по инициативе КПР собрание сторонников мира, избравших Национальный комитет мира [59]. Летом и осенью 1936 г., когда в результате военно-фашистского мятежа в Испании угроза войны нависла над всем человечеством, в рядах борцов за демократию выступили также передовые представители интеллигенции Румынии [60]. Сыны румынского народа приняли непосредственное участие в защите республиканской Испании. Свыше 600 румынских добровольцев, нелегально перейдя границу, сражались в эти тяжелые дни на стороне героического испанского народа. Они понимали, что, борясь против реакции и фашизма в Испании, они отстаивали дело демократии во всем мире, в том числе и в Румынии. «Румынские рабочие, румынский народ! — говорилось в манифесте одной из румынских артиллерийских групп, опубликованном в издававшейся на испанском фронте газете «Luptătorul» («Борец»).— Борьба героического испанского народа..., доказавшая, что только объединенными силами и хорошей организацией можно успешно бороться против фашизма, должна послужить нам примером. Мы не позволим, чтобы румынский фашизм поработил наш народ, предоставив Гитлеру зерно и нефть...» [61].

В условиях развернувшегося в 1937 г. наступления реакции КПР предприняла ряд новых попыток создания коалиции антифашистских сил. Однако руководство национал-царанистской и радикал-царанистской партий по-прежнему саботировало практические действия, направленные на создание Народного фронта [62].

В начале 1937 г. КПР провела значительную работу по достижению единства демократических сил на коммунальных и уездных выборах. Действия Компартии натолкнулись теперь на еще более активное сопротивление правых лидеров социал-демократов, решительно отвергавших самую идею Народного фронта. Идя по пути раскола единства трудящихся, правые социал-демократические лидеры препятствовали созданию ши-

---

[57] См. Arhiva Centrală... «Buletinul C. C. Ajutorului Rosu», martie 1935.

[58] Там же. «Memorii lui Argetoianu», 1937, № 55, f. 2348.

[59] ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 32, оп. 1, д. 6123, л. 4.

[60] G. Bogza. Anii împotrivirii. Reportage, pamflete, articole. 1934—1939. Bucureşti, 1953; Z. Stancu. Insemnările şi amintirile unui ziarist. Bucureşti, 1956; «Universul», 17 января 1937 года.

[61] См. Arhiva Centrală... dos. 2793, 22/36.

[62] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 32, оп. 1, д. 6123; Arhiva Centrală... «Lupta de clasă», 1936, № 1, f. 27.

рокой коалиции демократических сил[63]. Тем не менее Коммунистической партии и руководимым ею демократическим организациям удалось добиться избрания своих кандидатов на выборах в Бухаресте, Кишиневе, Яссах, в уездах Орхей, Дымбовица, Романац, Долж[64].

Перед лицом угрозы фашизма КПР стремилась использовать любые легальные средства для борьбы с ним. В целях проведения разъяснительной работы в низовых национал-царанистских организациях руководство КПР летом 1937 г. предоставило ряду коммунистов право, оставаясь в Коммунистической партии, вступать одновременно и в национал-царанистскую партию[65]. Тем самым Коммунистическая партия расширяла поле своей легальной деятельности. Это было тогда тем более ценно, что в 1937 г. руководимый КПР «Демократический блок» вынужден был перейти, по существу, на нелегальное положение; полицейским преследованиям подвергались также и другие антифашистские организации («Демократический студенческий фронт», «Красный школьник» и др.).

Решающие бои между силами демократии и реакции развернулись в конце 1937 г. в период подготовки и проведения очередных выборов в румынский парламент.

Коммунистическая партия вновь призвала в эти дни все демократические силы страны объединиться в широком Народном фронте. В ноябре 1937 г. КПР опубликовала воззвание «Ко всем, кто стремится к миру, демократии и прогрессу, к румынскому народу и национальным меньшинствам»[66], которое могло бы стать платформой Народного фронта в том случае, если бы он был создан. Для осуществления практических шагов по созданию Народного фронта в конце ноября 1937 г. по инициативе КПР была образована новая легальная организация «Демократический союз», проводившая в предвыборной кампании большую работу по пропаганде демократических идей и сплочению левых организаций[67]. Предложения «Демократического союза» об установлении единства действий были в эти дни приняты социалистической группой К. Поповича и рядом низовых национал-царанистских организаций.

Однако лидер национал-царанистов Ю. Маниу пошел на новое предательство, заключив в конце ноября 1937 г. предвыборное соглашение[68] с фашистским главарем К. Кодряну, с которым в течение длительного времени вел за спиной рядовых членов своей партии переговоры[69]. Серьезную поддержку силам реакции оказало тогда и правое руководство социал-демократической партии, возобновившее непосредственно накануне выборов злобную клеветническую кампанию против КПР[70].

В сложной политической обстановке КПР, проведя большую работу по сплочению демократических сил, допустила в то же время ряд ошибок. Главная из них, по словам Г. Георгиу-Деж, заключалась в том, что КПР в те дни «не всегда и недостаточно четко отличала реакционных лидеров «исторических» партий от масс, идущих за этими партиями», что помешало «вовлечь эти массы в Народный фронт вопреки воле и через голову их руководителей». Другая ошибка КПР в период избирательной кампании заключалась в недооценке фашистской опасности «Железной гвардии»[71].

В результате демократические силы страны оказались на выборах

---

[63] «Dimineața», 12 апреля 1937 г.; «Universul», 25 апреля 1937 года.
[64] См. АВП СССР, ф. 56 (обзоры прессы 1937 г.), л. 141.
[65] См. ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 34, оп. 1, д. 3817, лл. 301, 843, 1043.
[66] «Documente din istoria P.C.R. 1934—1937», pp. 494—507.
[67] Подробнее об этом см. P. Constantinescu-Jași. Uniunea Democratică «Studii», 1952, № 2.
[68] См. «Universul», 27 ноября 1937 года.
[69] См. «Romînia nouă» (Sibiu), 10 сентября 1944 года.
[70] См. «Lumea nouă», 12 декабря 1937 года.
[71] См. Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи. Т. I, стр. 16, 18.

разобщенными. Не было единства и в среде буржуазных партий, ни одна из которых, в том числе и правящая национал-либеральная партия, не смогла получить даже обусловленного мажоритарной системой большинства голосов (40%) [72]. Воспользовавшись этим, Кароль II после выборов призвал к власти правительство не собравшей на выборах и 10% голосов фашистской «национал-христианской» партии под председательством ее лидера О. Гоги. Это явилось последним шагом к установлению в стране в феврале 1938 г. монархо-фашистской диктатуры.

Установление фашизма в Румынии, в течение ряда лет подготовлявшееся реакционной помещичье-капиталистической верхушкой, было облегчено предательской, антинародной политикой руководства буржуазных партий, в результате которой созданный в 1936—1937 гг. в отдельных уездах страны Демократический фронт борьбы не охватил большинства румынского народа. «Если нашей партии все же не удалось практически выполнить этой задачи в более широком масштабе, то это объясняется прежде всего тем, что другие партии, в том числе так называемые «исторические», систематически отклоняли выдвигаемые предложения... Представители этих партий открыто выступили против идеи Народного фронта, изображая ее как «маневр» коммунистов...» [73],— указывал Г. Георгиу-Деж. В то же самое время руководство буржуазных партий поддерживало фашистское движение, предполагая в случае необходимости использовать его ударные отряды в борьбе против демократических сил.

Коммунистическая партия, в течение 20 лет работавшая в условиях подполья, не имела возможности проводить в массах достаточную разъяснительную работу по разоблачению демагогии фашистских организаций и буржуазных партий [74]. Партия не смогла своевременно установить единства действий с большинством низовых социал-демократических организаций, завоевать на сторону демократического движения большинство крестьянства, находившегося под влиянием национал-царанистов. Вследствие этих обстоятельств борьба КПР в период усилившегося наступления реакции в 1936—1937 гг. не увенчалась успехом.

Тем не менее в середине 30-х годов Коммунистическая партия Румынии была единственной политической партией страны, правильно указавшей на надвигавшуюся опасность фашизма и войны и возглавившей борьбу народных масс против сил реакции. Несмотря на слабые стороны антифашистского движения в стране в эти годы, борьба КПР за создание Народного фронта сыграла большую роль в консолидации демократических сил, развернувших в дальнейшем широкую борьбу против фашизма, за выход Румынии из второй мировой войны, за победу народно-демократической революции.

---

[72] См. «Curentul», 1 января 1938 года.
[73] Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи. Т. I, стр. 16.
[74] Там же.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

20 октября с. г. состоялось общее собрание Отделения исторических наук АН СССР, посвященное итогам XI Международного конгресса исторических наук в Стокгольме.

Общее собрание открылось вступительным словом академика-секретаря Отделения действительного члена АН СССР Е. М. Жукова, после чего был заслушан доклад руководителя советской делегации на конгрессе, председателя Национального комитета историков Советского Союза члена-корреспондента АН СССР А. А. Губера.

Докладчик рассказал о работе конгресса. Конгресс, подчеркнул он, показал растущее влияние идей марксизма-ленинизма в зарубежной исторической науке. Вместе с тем конгресс показал, что советские историки пока еще недостаточно изучают своих идеологических противников и, в частности, слабо знакомятся с философскими основами современной буржуазной историографии.

Выступая в прениях, академик Е. М. Жуков отметил, что конгресс продемонстрировал возросшую роль исследователей стран социалистического лагеря, в частности советских историков, в развитии мировой исторической науки. Усиление роли марксистско-ленинской исторической науки проходит в условиях острой идеологической борьбы с буржуазной идеалистической историографией.

Многие буржуазные историки, отметил оратор, в настоящее время находятся в состоянии сомнений и колебаний, и задача историков-марксистов заключается в том, чтобы, не ослабляя борьбы против буржуазной идеологии, помочь им в восприятии идей марксизма-ленинизма, достижений советской исторической науки.

Далее Е. М. Жуков подробно рассказал о той дискуссии, которая развернулась на конгрессе по вопросам периодизации всемирной истории и теории исторического процесса.

Отметив успехи в развитии советской исторической науки, которые были ярко продемонстрированы на конгрессе, и положительные итоги работы советской делегации на нем, оратор остановился и на ряде наших недочетов. Это прежде всего недостаточное внимание со стороны советских историков к вопросам философии истории. Наши ученые еще мало уделяют внимания ознакомлению с конкретными философскими школами, влияющими на буржуазную историографию, недооценивают степень влияния католических историков на мировоззрение ученых капиталистических стран.

На конгрессе, сказал Е. М. Жуков, выявился идейный разброд в лагере историков капиталистических стран. Буржуазная историческая наука переживает глубокий кризис, который особенно ярко проявляется на фоне растущего авторитета советской исторической науки.

Затем выступил академик Б. А. Рыбаков. Он остановился на работе в Стокгольме славянской комиссии. Б. А. Рыбаков отметил, что в комиссии развернулась острая идеологическая борьба. По окончании работы славянской комиссии было создано новое бюро, куда вошел и представитель Советского Союза. В заключение Б. А. Рыбаков сказал, что уже сейчас советские историки должны развернуть подготовку к XII Международному конгрессу исторических наук с тем, чтобы на конгрессе были широко представлены доклады, посвященные наиболее актуальным вопросам исторической науки.

Академик М. Н. Тихомиров в своем выступлении охарактеризовал общую картину положения в славянской комиссии. Он сказал, что в комиссии еще преобладают лица, выдающие себя за славистов, но в действительности ничего общего не

имеющие с наукой. В то же время в ней не представлены должным образом ученые-слависты из славянских стран. Он отметил, что первостепенная задача советских историков заключается в пропаганде достижений нашей науки, марксистско-ленинской методологии. Для этого, в частности, необходимо широко издавать труды советских ученых на иностранных языках.

Академик И. И. Минц подытожил деятельность советской делегации на Стокгольмском конгрессе. Он остановился на вопросе об усилении идеологической борьбы против фальсификаторов истории. Далее акад. И. И. Минц высказал пожелание, чтобы на XII Международном конгрессе исторических наук были широко представлены ученые всех союзных республик СССР.

Доктор исторических наук С. Л. Тихвинский посвятил свое выступление вопросам, связанным с историей стран Востока, Африки и Латинской Америки. Оратор отметил, что, как и на предыдущих конгрессах исторических наук, в центре внимания буржуазных ученых были вопросы истории Европы; истории же народов Азии и Латинской Америки было уделено незначительное место, а история народов Африки совершенно выпала из сферы научных интересов участников конгресса. В этом узком «европеизме», сказал оратор, и заключается один из основных недостатков организации и работы конгресса. В целом же, сказал С. Л. Тихвинский, конгресс явился научным форумом, на котором представители передовой марксистско-ленинской исторической науки продемонстрировали свои достижения и подвергли критике реакционные буржуазные теории и взгляды. Говоря о задачах советских ученых в связи с предстоящей подготовкой к XII Международному конгрессу исторических наук, С. Л. Тихвинский предложил поставить вопрос о том, чтобы историки Азии, Африки, Латинской Америки были шире представлены на конгрессе. Важно также, сказал он, включить в программу работы конгресса вопросы истории стран Востока, Африки и Латинской Америки, и прежде всего истории национально-освободительного движения.

Доктор исторических наук В. М. Лавровский выступил с некоторыми замечаниями о работе комиссии по экономической истории. Он сказал, что участникам советской делегации в этой комиссии пришлось неоднократно вступать в споры с буржуазными учеными, отстаивая марксистско-ленинскую методологию.

Выступая с анализом работы конгресса и развернувшейся там идеологической борьбы, доктор исторических наук В. Г. Трухановский затронул работу пятой секции конгресса, где обсуждались вопросы истории национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы народов.

Далее оратор остановился на обсуждении истории рабочего движения в комиссии по социальным движениям. Буржуазные ученые говорили на конгрессе о том, что если в двадцатых годах марксизм-ленинизм владел умами рабочих, то теперь он будто бы уступает место идее «государства социального благоденствия». Выступая с отповедью проповедникам этой «теории», советские ученые на основе исторических фактов показали все возрастающее влияние на трудящихся всего мира великих идей марксизма-ленинизма. В. Г. Трухановский отметил, что буржуазные газеты подробно писали о конгрессе, но давали о нем одностороннюю информацию.

Общим собранием Отделения исторических наук было принято решение о работе советской делегации на XI Международном конгрессе исторических наук.

В решении отмечается, что советскими учеными-историками на конгрессе была проделана большая положительная работа.

XI Международный конгресс исторических наук явился ареной острой идеологической борьбы. Выступления делегатов Советского Союза и других социалистических стран способствовали распространению достижений марксистско-ленинской исторической науки, разъяснению основных положений исторического материализма широкой аудитории историков из различных стран.

В выступлениях членов советской делегации и делегаций других социалистических стран на конгрессе были подвергнуты острой критике буржуазные идеалистические концепции в области исторической науки и вскрыта их научная несостоятельность. Конгресс, подчеркивается в решении, показал значительный рост влияния марксизма-ленинизма в исторической науке капиталистических стран.

Общее собрание обратило внимание советских историков на необходимость критики философских основ современной буржуазной историографии. Оно призвало исто-

риков всех специальностей повседневно давать надлежащий отпор антимарксистским выступлениям реакционных историков Запада.

Общее собрание отметило необходимость заблаговременной всесторонней подготовки к XII Международному конгрессу исторических наук. При составлении программы будущего конгресса необходимо добиваться перед Бюро МКИ включения в нее большего числа докладов и сообщений советских историков, особенно по актуальной научной тематике, настаивать на расширении тематики по истории народов Азии и Африки, стремиться к улучшению деятельности международных исторических комиссий. Общее собрание призвало историков, работающих в учреждениях, входящих в Отделение исторических наук, расширять установленные на XI Международном конгрессе исторических наук связи с прогрессивными историками капиталистических стран.

В заключение общего собрания Отделения исторических наук академик Н. М. Дружинин зачитал письмо, обращенное к Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. В письме говорится:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Общее собрание Отделения исторических наук Академии наук СССР, объединяющее историков-ученых Академии наук, горячо поздравляет Вас, дорогой Никита Сергеевич, с большими и важными успехами, достигнутыми Вами на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Выражая волю партии и советского народа, Вы развернули там многообразную и плодотворную деятельность в интересах счастья и прогрессивного развития всего человечества.

Ваша страстная и неутомимая борьба за мир, за мирное сосуществование стран с различными социально-политическими системами, за полное и всеобщее разоружение, за немедленную ликвидацию колониализма завоевала Вам чувства глубокой благодарности всех честных людей. Ваша изумительная способность ярко и просто разъяснять высокие гуманистические принципы нашей передовой марксистско-ленинской идеологии оказывает сильнейшее влияние на самые широкие массы людей на нашей планете.

Мы, историки, специализирующиеся на изучении больших событий прошлого, легко различаем и в современности явления, имеющие непреходящее историческое значение.

Мы не сомневаемся, что Ваша деятельность на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН войдет в анналы истории как ценнейший вклад в дело борьбы за мир, как смелый и дальновидный акт, достойный выдающегося государственного деятеля ленинского типа. Гордые тем, что во главе Советского правительства стоит человек, так хорошо понимающий основные нужды и требования нашей эпохи, мы от всего сердца желаем Вам доброго здоровья и сохранения на долгие годы Вашей несокрушимой энергии в целях быстрейшего разрешения гигантской исторической задачи, поставленной в порядок дня,— освобождения человечества от войн и связанных с ними бедствий и разрушений».

Письмо было единодушно принято всеми присутствовавшими на собрании.

Г. П. Шурбованый

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В этом году состоялись две научные конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Первая из них, организованная Отделением исторических наук и Сибирским отделением АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, работала с 10 по 19 марта. В пленарном заседании конференции, проходившем в Новосибирске, участвовало около 600 человек. Кроме ученых, среди них были работники партийных, советских и армейских организаций, центральной и местной печати, издательств, сотрудники архивов, музеев и библиотек, ветераны революционного движения, преподаватели высших учебных заведений и школ.

Пленарное заседание открыл председатель президиума Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев.

Доклад «Основные проблемы развития исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока» сделал академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР Е. М. Жуков. Решения XXI съезда партии, постановление ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях, сказал он, требуют, чтобы исторические исследования служили делу коммунистического строительства, помогая воспитывать советских людей в духе марксизма-ленинизма. Докладчик подчеркнул, что глубина и действенность партийной пропаганды зависят от того, в какой мере она опирается на результаты научных исследований в области политэкономии, философии, истории. В свою очередь, и общественные науки не должны развиваться в отрыве от практики коммунистического строительства и идеологической работы, не могут быть в стороне от запросов партийной пропаганды.

Первоочередной обязанностью нашей исторической науки, указал Е. М. Жуков, является исследование разнообразных проблем истории советского общества. В частности, нужны капитальные труды, излагающие основы международной политики СССР, показывающие этапы борьбы Советского Союза за мир, за разоружение. Докладчик остановился на значении изучения и обобщения опыта национального строительства в СССР. Движение к коммунизму сопровождается процессами дальнейшего сближения наций. Настало время подумать о точном научном определении понятия «социалистическая нация».

Необходимо усилить исследование новейшего периода всеобщей истории, уделяя главное внимание развитию международного рабочего и коммунистического движения, истории национально-освободительной борьбы, истории формирования и укрепления мировой социалистической системы.

Однако концентрация основных сил на изучении истории советского общества и новейшей истории, подчеркнул Е. М. Жуков, не означает отказа от исследований более ранних периодов. Следует только избегать распыления сил и средств на малозначительные, частные темы, не откликающиеся на запросы современности.

У историков Сибири и Дальнего Востока, отметил докладчик, нет каких-либо особых, принципиально отличных задач, ибо история революционной борьбы, социалистического и коммунистического строительства в этих районах является неотъемлемой частью истории всей страны. Речь может идти только о своеобразном материале исторических исследований. Необходимо раскрыть общие и специфические черты социалистического и коммунистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке, изучить и разъяснить политику партии, направленную на преимущественное развитие восточных районов в настоящее время.

Главное внимание требуется сосредоточить на разработке важнейших проблем современности, таких, как развитие социалистических наций в конкретных условиях Сибири и Дальнего Востока, создание новых городов и целых промышленных районов и связанное с этим повышение роли рабочего класса в жизни общества, опыт освоения целинных и залежных земель и последовавшие за этим преобразования. Угол зрения в этих исследованиях должен быть не узкокраеведческим, а общеисторическим. Только тогда по-настоящему заиграет всеми красками яркая история Сибири и Дальнего Востока, будет понятен великий пафос освоения неисчислимых богатств восточных районов, их значение для судеб нашей Родины в целом.

Следует также организовать изучение новейшей истории сопредельных стран. В частности, необходимо раскрыть империалистическую политику США и Японии, не один раз посягавших в самых различных формах на целостность территории СССР. Надо дать читателю богатейший материал, разоблачающий клеветнические измышления буржуазной пропаганды о якобы неполноправном положении нерусских народов Сибири и Дальнего Востока.

При изучении дооктябрьского периода истории особое внимание должно быть уделено выявлению общности исторических судеб русского народа и нерусского населения Сибири и Дальнего Востока, страдавших от одного общего врага — царизма — и объединявшихся в борьбе против него. Важной задачей советской исторической нау-

ки является показ прогрессивного характера присоединения Сибири и Дальнего Востока к России.

С докладом «300 лет сибирской археологии и ее сегодняшний день» выступил доктор исторических наук А. П. Окладников. Он отметил, что начало археологического изучения Сибири относится еще к XVII веку. Однако вплоть до Октября археология здесь, по существу, находилась в зачаточном состоянии. Археологические исследования были делом отдельных энтузиастов и проводились лишь в немногих местах. В советское время их масштабы неизмеримо расширились, охватив районы Заполярья, Якутии, Дальнего Востока. Подведя некоторые общие итоги этой работы, докладчик остановился на ближайших задачах археологических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке. По мнению А. П. Окладникова, прежде всего необходимо заполнить пробелы на археологической карте. Нужно организовать комплексные работы (с участием археологов, этнографов, лингвистов) по изучению истории формирования этнических групп Сибири и Дальнего Востока, исследовать проблемы топонимики и этнонимики. Большие задачи стоят перед археологической наукой в Сибири и на Дальнем Востоке в тех ее разделах, которые взаимодействуют с естественными науками: геологией, ботаникой, зоологией, минералогией, химией, физикой. Докладчик считает, что нужен научно-организационный центр этих исследований при Сибирском отделении АН СССР.

Доктор исторических наук Л. П. Потапов прочел доклад «Задачи этнографического изучения народов Сибири в связи с решениями XXI съезда КПСС». Из крупных научных тем, относящихся к этнографическому изучению народов СССР, докладчик выделил проблему национальной культуры и быта социалистических наций и народностей и тесно связанный с ней вопрос изучения процесса развития социалистических наций и народностей СССР в период построения коммунистического общества.

По мнению докладчика, в процессе развития социалистических наций и народностей СССР определились по крайней мере две закономерности. Первая заключается в том, что этот процесс идет на основе общего развития экономики и культуры всех народов Советского Союза. Вторая закономерность выражается в постепенном сближении социалистических наций и народностей СССР в области экономики, культуры и языка.

Из частных проблем Л. П. Потапов останавливается на изучении современных форм семьи и религиозно-бытовых пережитков у народов Сибири.

С докладом на тему «Разработка вопросов истории Сибири за рубежом» выступил доктор исторических наук В. И. Шунков. Он назвал ряд работ по этой теме, вышедших за рубежом, и дал характеристику некоторым из них. Труды наших друзей в странах народной демократии и прогрессивных ученых капиталистических стран способствуют научной разработке ряда вопросов. Однако многие историки капиталистических стран в своих работах искажают (и зачастую сознательно) подлинную историю Сибири. Например, часть зарубежных авторов изображает сложный и своеобразный процесс присоединения Сибири к России как грубое насилие и завоевание. Еще более фальсифицируется история гражданской войны и иностранной военной интервенции. Советские историки-сибиреведы должны противопоставить им подлинно научные, марксистские труды, показать научную несостоятельность и политическую тенденциозность работ реакционных буржуазных авторов, искажающих прошлое нашей страны.

Участники пленарного заседания заслушали также доклад председателя Постоянной комиссии по общественным наукам при Сибирском отделении АН СССР доктора философских наук И. И. Матвеенкова «О перспективном плане развития общественных наук в Сибирском отделении АН СССР на 1960—1975 годы». В настоящее время, сказал он, научные исследования в области общественных наук в Сибири ведут 9 научно-исследовательских институтов и отделов, в которых занято 238 научных сотрудников. Кроме того, научная работа ведется на кафедрах общественных наук 83 сибирских вузов.

Созданная в январе 1959 г. Постоянная комиссия по общественным наукам при Сибирском отделении АН СССР провела значительную работу по координации научной деятельности сибиреведов, издала «Тематику научно-исследовательских работ в Сибири и на Дальнем Востоке на 1959—1965 годы». В области исторических наук По-

стоянная комиссия наметила три главных проблемы: «История социалистического и коммунистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке», «История культуры народов Сибири и Дальнего Востока с древнейших времен до советской эпохи», «История сопредельных стран зарубежного Востока». Создаются творческие группы научных работников для исследования важнейших вопросов. Большую роль призваны сыграть научные советы по проблемам. Докладчик ознакомил собравшихся с планом развертывания в системе Сибирского отделения АН СССР научно-исследовательских институтов общественных наук на предстоящее пятнадцатилетие.

Выступивший в прениях доктор исторических наук В. И. Дулов (Иркутск) остановился на некоторых вопросах, затронутых в докладах. Он считает, что установившаяся в нашей исторической литературе точка зрения о том, что инициатива присоединения Сибири принадлежит Строгановым, вряд ли научно обоснована. Вернее полагать, что в лице Ермака мы имеем не наемника Строгановых, а выдающегося народного вождя, который отражал чаяния и коренные интересы русского народа, давно уже знавшего дорогу через Уральский хребет. Оратор подчеркнул необходимость исследования истории сибирской политической ссылки, истории ленских событий. По его мнению, назрела необходимость создать хороший популярный очерк истории края.

Директор Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР З. В. Гоголев сообщил, что после Октябрьской революции в Якутии издано более 300 научно-исследовательских трудов. Вышли из печати два тома «Истории Якутской АССР», подготовлен к изданию третий том, посвященный советскому периоду. В опубликованных работах освещается прогрессивное значение вхождения Якутии в состав России, проводится четкое разграничение между отношениями русского народа и царской колониальной администрации к народам Якутии. Перед историками стоит задача решить проблему происхождения древнейшего населения северо-востока СССР, этногенеза народностей этого района. Загадочным остается появление на северо-востоке СССР тюркоязычного населения.

Секретарь Хакасского областного комитета КПСС Д. И. Нагрузов рассказал об огромных успехах хакасского народа, достигнутых в развитии экономики и культуры за годы Советской власти. В. Е. Чаплик (Новосибирск) поделился опытом работы кафедры марксизма-ленинизма медицинского института по обобщению деятельности бригад коммунистического труда в Новосибирске. З. Г. Карпенко (Кемерово) остановилась на деятельности историков Кузбасса, в частности на подготовке «Истории Кузнецкого металлургического комбината». А. И. Крушанов (Владивосток), И. Г. Болознев (Сахалин), Р. С. Васильевский (Магадан) в своих выступлениях остановились на значении изучения истории Дальнего Востока, особенно советского периода.

Пленарное заседание одобрило деятельность Постоянной комиссии по общественным наукам в области планирования и координации научной работы, согласилось с выдвинутыми Сибирским отделением главными проблемами исторических исследований. Выражая мнение научной общественности Сибири и Дальнего Востока, а также Москвы, Ленинграда и других городов страны, конференция высказалась за создание в Новосибирске в системе Сибирского отделения АН СССР комплексного Научно-исследовательского института общественных наук, а в дальнейшем самостоятельных институтов истории, философии, языка и литературы. Конференция считает целесообразным иметь в составе Сибирского отделения академиков и членов-корреспондентов по общественным наукам. Пленарное заседание поддержало предложение о подготовке многотомной истории Сибири и Дальнего Востока, а также о втором издании Сибирской советской энциклопедии.

Секционные заседания конференции проходили в Томске и в Иркутске. В Томске работала секция истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока советского периода. Она состояла из двух подсекций: истории социалистического строительства и истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. В работе подсекции истории социалистического строительства участвовало около 100 человек. Было заслушано и обсуждено 15 докладов и 42 сообщения.

Докладчики и выступавшие в прениях выдвинули и подвергли широкому обсуждению следующие вопросы: формирование рабочего класса Сибири как составной

части советского рабочего класса, социальный состав сибирского крестьянства, его изменения в период восстановления народного хозяйства и др.

В. С. Флеров, А. В. Гагарин, В. А. Золотарев (Томск), В. Е. Чаплик (Новосибирск), В. Т. Агалаков (Иркутск) и другие говорили о задачах исследования проблемы создания и деятельности органов Советской власти в крае. Развернувшаяся в подсекции дискуссия по проблеме «История советского строительства» помогла выяснить ряд спорных вопросов, определяющих специфику создания и деятельности революционных комитетов в Сибири и на Дальнем Востоке. Обсуждение показало, что изучением периода восстановления народного хозяйства занимается большая группа историков, а исследованию вопросов деятельности советских органов в последующее время, особенно после XX съезда КПСС, все еще уделяется мало внимания.

Б. М. Митупов (Улан-Удэ), Т. И. Галкина (Омск) и другие посвятили свои выступления многогранной деятельности местных партийных организаций.

С докладом «Из истории борьбы КПСС за формирование и подготовку постоянных квалифицированных рабочих кадров на востоке страны (1929—1932 гг.)» выступил В. В. Савостенко. Докладчик показал формы деятельности партийных организаций по борьбе с текучестью рабочей силы, по подготовке квалифицированных рабочих кадров, по повышению материального благосостояния и культурно-бытового обслуживания рабочего класса.

И. Ф. Лившиц (Томск) в докладе «Роль рабочих в коллективизации сельского хозяйства Сибири (1929—1932 гг.)» рассказал о развертывании шефской работы, о деятельности рабочих-двадцатипятитысячников, значении внедрения опыта социалистического хозяйствования для укрепления колхозов.

Вопросам руководящей роли рабочего класса, качественных и количественных изменений в его составе посвятили свои доклады и выступления А. С. Московский (Новосибирск), Г. Л. Санжиев (Улан-Удэ), Н. И. Шинкарюк (Томск), Н. П. Липатов и А. В. Митрофанова (Москва) и др.

На задачах изучения коллективизации сельского хозяйства в Сибири и на Дальнем Востоке, на некоторых спорных вопросах по этой теме остановились в своих выступлениях П. К. Коряковцев (Новосибирск), И. М. Костин (Кемерово), И. С. Степичев (Иркутск), В. А. Демидов (Горно-Алтайск).

Оживленное обсуждение вызвал доклад Ю. А. Васильева (Тюмень) «Партийные организации Западной Сибири во главе социалистического соревнования тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны». Выступления Е. В. Заруцкой (Барнаул), Н. А. Феропонтова (Новосибирск), А. В. Митрофановой (Москва), Р. Л. Яворского (Сталинск), М. Р. Акулова (Новосибирск), В. Т. Анискова (Барнаул) показали, что многие вопросы истории Сибири и Дальнего Востока периода 1941—1945 гг., многогранной деятельности партийных организаций края еще требуют изучения и не нашли отражения в исторической литературе.

В дискуссии о закономерностях и особенностях перехода ранее отсталых народов к социализму приняли участие Б. Х. Хомхолов и Г. Л. Санжиев (Улан-Удэ), З. В. Гоголев (Якутск), В. А. Зибарев (Томск), Б. С. Санжиев (Иркутск), В. А. Демидов (Горно-Алтайск) и др.

Вопросы культурного строительства явились темой докладов и сообщений Л. Л. Корнилова и А. А. Елфимова (Томск), Г. И. Кузнецовой и В. Л. Соскина (Новосибирск). Работа подсекции показала, что историки Сибири и Дальнего Востока все еще мало уделяют внимания вопросам культурного строительства, развитию науки, ее содружеству с производством.

Члены подсекции выслушали также доклад В. М. Аржанова (Ленинград) «Деятельность Коммунистической партии по обеспечению безопасности дальневосточных границ СССР (1932—1945 гг.)», сообщения М. А. Богданова (Ишим) о разгроме кулацко-эсеровского мятежа в Западной Сибири в 1921 г., Е. А. Кривошеевой (Кемерово) и Г. Е. Рейхберга (Москва) об автономной индустриальной колонии «Кузбасс», А. А. Худякова (Барнаул) об особенностях восстановления сельского хозяйства в Сибири (1920—1925 гг.).

А. И. Житников (Барнаул) рассказал об опыте изучения движения бригад коммунистического труда в Алтайском крае, проанализировал новые формы соцсоревнования. А. С. Дружинин (Кемерово) остановился на формах социалистического

соревнования в Кузбассе в годы первой пятилетки. Т. В. Саломатова рассказала о работе Красноярского краевого музея по изучению истории новых населенных пунктов, возникших в крае.

С докладами по этнографии советского периода выступили И. С. Гурвич, Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова, И. М. Таксами (Москва), Г. И. Пелих (Томск).

В подсекции истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны было заслушано 12 докладов и ряд сообщений. Их главной темой явилось рассмотрение тактики большевиков в период борьбы за установление Советской власти в Сибири.

Доктор исторических наук И. М. Разгон (Томск) сделал доклад о состоянии и задачах изучения борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке.

По мнению докладчика, вопросы установления Советской власти в отдельных районах Сибири, особенностей классовой борьбы в крае изучены недостаточно. В ряде работ местные события рассматриваются в отрыве от общесибирских и всероссийских процессов. И. М. Разгон считает ошибочным мнение о том, что накануне Октября Сибирь была колонией. Докладчик остановился также на тактике сибирских большевиков накануне Октябрьской революции.

М. М. Шорников (Новосибирск) осветил вопрос о руководстве Центрального Комитета большевистской партии борьбой трудящихся Сибири за победу социалистической революции.

С докладом «Состояние и задачи изучения истории рабочего движения в Сибири в 1917 году» выступил Д. М. Зольников (Томск). Деятельность большевиков Алтая в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции явилась темой доклада Д. В. Клушина (Барнаул).

Вопросы партийного и советского строительства в Сибири и на Дальнем Востоке в период 1917—1922 гг. были освещены в докладах А. И. Крушанова (Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР), Л. И. Беликовой (Владивосток), Б. М. Шерешевского (Чита). М. Е. Плотникова, М. И. Чугунов (Томск), А. Г. Солодянкин (Иркутск), В. А. Кадепкин (Кемерово), М. Д. Машин (Челябинск), Г. Е. Рейхберг, Л. М. Папин, Л. М. Спирин (Москва) и другие осветили важнейшие события гражданской войны и деятельность большевиков Сибири по организации разгрома белогвардейских армий. Темой выступлений П. Т. Хаптаева (Улан-Удэ), К. Г. Чаптыкова (Абакан), С. Я. Пахаева (Горно-Алтайск) явилась история борьбы за победу Советской власти в национальных районах Сибири.

С интересом были выслушаны воспоминания и критические замечания старых большевиков по докладам и выступлениям участников конференции, а также по опубликованным работам историков.

Обсуждение вопросов истории социалистической революции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке показало, что ряд важных проблем еще слабо разработан и нуждается в дальнейшем исследовании. К их числу относятся деятельность Дальневосточного краевого и областных комитетов РКП(б) в 1918—1919 гг., роль партийных организаций в партизанском движении. До сих пор не изучена история сибирского крестьянства, не исследована борьба большевиков Сибири за укрепление союза рабочих и крестьян в период подготовки и проведения социалистической революции и в годы гражданской войны.

В Иркутске работала секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Пленарное заседание секции открыл заместитель председателя президиума Сибирского отделения Академии наук СССР академик С. А. Христианович. С докладами выступили секретарь Иркутского областного комитета КПСС Б. Е. Щербина («Развитие производительных сил Иркутской области»), доктора исторических наук А. П. Окладников («Археология и проблемы культурного наследства народов Сибири»), В. И. Шунков («Основные проблемы изучения истории Сибири XVII—XIX вв.») и М. Г. Левин («Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями»).

На подсекции истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода было заслушано около 30 докладов и сообщений. Сделанный на пленарном заседании доклад

В. И. Шункова явился введением к работе подсекции. Докладчик дал развернутый обзор сибирской историографии более чем за 200-летний период ее существования. Особенно подробно В. И. Шунков остановился на итогах работы советских историков.

Оживленная полемика развернулась вокруг доклада З. Я. Бояршиновой (Томск) «О начале присоединения Сибири к Русскому государству», которая возражала против датирования начала этого процесса временем похода казачьей дружины Ермака. З. Я. Бояршинова считает начальным этапом присоединения сибирских земель к России конец XV — первую половину XVI в., когда в результате походов русских левобережная часть Нижнего Приобья была присоединена к Русскому государству. На этом этапе, по мнению З. Я. Бояршиновой, и началось освоение русскими людьми Зауралья.

С. О. Шмидт (Москва) согласился с З. Я. Бояршиновой. Ее взгляды также поддержал и Ф. Г. Сафронов (Якутск).

С большим вниманием был заслушан доклад профессора Н. В. Устюгова, раскрывшего связь двух направлений русской колонизации в Южном Зауралье — правительственной и вольной крестьянской. Основная задача правительственной колонизации заключалась в обеспечении безопасности границ. Вольная же крестьянская колонизация диктовалась стремлением крестьян уйти из-под гнета крепостной неволи, от тяжести государственных повинностей, а также от малоземелья на широкие просторы южных и восточных районов страны. В результате этого русская колонизация обеспечила как хозяйственное освоение новых районов, сопровождавшееся развитием производительных сил края, так и организацию обороны внешних границ.

Близкими по тематике был доклад З. Г. Карпенко (Кемерово), а также сообщения М. М. Громыко (Новосибирск), Т. И. Агаповой (Нальчик) и М. К. Одинцовой (Иркутск), осветивших некоторые вопросы первоначального накопления капитала в Сибири. Торговле старой Сибири посвятили свои выступления А. Н. Копылов (Москва) и О. И. Кашик (Иркутск). В подсекции были заслушаны сообщения Н. Д. Овсянниковой и С. Ф. Хроленок (Иркутск) о развитии золотопромышленности Восточной Сибири. О роли железных дорог в развитии производительных сил края говорили А. А. Мухин (Иркутск), В. Ф. Борзунов (Москва) и И. Т. Белимов (Новосибирск).

С интересным докладом выступил В. Г. Тюкавкин (Иркутск). Он рассказал о влиянии переселения на развитие капиталистических отношений в Восточной Сибири в 1906—1917 годах. Докладчик отметил, что переселение вело к увеличению бедняцкой прослойки в сибирской деревне и способствовало дальнейшему классовому расслоению крестьянства. Переселение оказывало большое влияние на увеличение рынка наемной рабочей силы в крае, что имело огромное значение для развития капиталистической промышленности и роста кулацких хозяйств. В свою очередь, резкое обострение классовых противоречий в восточносибирской деревне имело огромные политические последствия. Масса разоренных переселенцев вместе с бедняками-старожилами активно выступила на защиту Советской власти в годы гражданской войны. Истории сибирской деревни были посвящены также сообщения Л. Г. Сухотиной (Томск), В. А. Степынина (Красноярск), А. А. Андрущенко (Москва) и Т. П. Прудниковой (Новосибирск).

О политической ссылке в Сибири рассказали в своих выступлениях С. Ф. Коваль (Иркутск) и Г. П. Шатрова (Томск). На отдельных вопросах большой проблемы «Революция 1905 года и Сибирь» остановились Г. А. Терюшков (Иркутск), В. М. Вишневский (Владивосток), Г. П. Марина и М. И. Матвеев (Томск). Истории народов Сибири посвятили свои доклады и сообщения Ф. А. Кудрявцев (Иркутск), В. Г. Карцев (Абакан), Г. М. Румянцев (Улан-Удэ).

С большим вниманием конференция заслушала доклад профессора В. Н. Шерстобоева (Иркутск) «Об историческом районировании Сибири», поставившего много новых и интересных проблем. Однако их решение докладчиком, по мнению ряда участников секции, не может быть признано бесспорным.

Начало работы секции археологов, этнографов и антропологов было положено еще на пленарном заседании иркутской секции докладами А. П. Окладникова (Ленинград) и М. Г. Левина (Москва). Профессор М. Г. Левин подробно осветил итоги и наметил очередные задачи антропологического изучения Сибири в соответствии с этногенетическими исследованиями. Положения его доклада легли в основу ряда рекомен-

даций конференции. На подсекции было заслушано свыше 35 докладов и сообщений. Особый интерес вызвали доклады А. П. Дульзона (Томск) — «Дорусское население Западной Сибири», М. М. Герасимова (Москва) — «Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди памятников палеолита Сибири», М. П. Грязнова (Москва) — «Археологические исследования на Оби», Н. Н. Дикова (Анадырь) — «Древняя культура континентальной Чукотки», А. Н. Липского (Абакан) — «Новое в изучении афанасьевской эпохи на Енисее», В. Н. Чернецова (Москва) — «Древнейшие периоды истории народов уральской (финно-угро-самоедской) общности» и др.

Следует отметить удачную группировку докладов и сообщений по областям: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток. Это помогло участникам конференции лучше увидеть состояние научного изучения вполне определенного комплекса проблем и создало возможность обсуждения каждой группы докладов в целом.

Вопросы древнейшей истории — верхнего палеолита и неолита — составили основу многих докладов и сообщений. Несколько сообщений было посвящено эпохе бронзы и средневековой археологии.

На заседаниях подсекции проходили горячие споры и оживленные дискуссии, особенно по вопросам палеолита и неолита в Восточной Сибири и этногенеза в Западной Сибири. Острая полемика развернулась вокруг периодизации «китойской культуры». Ряд вопросов (например, верхнего палеолита Сибири и этногенеза народностей Западной Сибири) получил на конференции детальное и всестороннее освещение.

Следует подчеркнуть, что конференция историков, работавшая в Новосибирске, Томске и Иркутске, бесспорно, сыграла положительную роль в научной разработке ряда важнейших проблем из истории края.

Конференция оказалась полезной и в методическом отношении, поскольку во многих докладах были раскрыты новейшие методы и приемы исторического исследования. Важно отметить, что выявление пробелов, а также определение основных линий дальнейшего развития науки по проблемам истории Сибири и Дальнего Востока дают возможность создать единый план научных исследований в области археологии, этнографии и антропологии этого обширного края.

Другая конференция по истории, археологии и этнографии состоялась 21—25 июня во Владивостоке. Она была приурочена к 100-летию города. На конференцию прибыли ученые Москвы, Ленинграда, Томска, Иркутска, Хабаровска, Благовещенска, Улан-Удэ, Магадана, Петропавловска-на-Камчатке, Комсомольска-на-Амуре, Южно-Сахалинска и Уссурийска. В работе конференции приняли участие сотрудники партийных и государственных архивов Дальнего Востока, краеведческих музеев, преподаватели истории средних школ, студенты Дальневосточного государственного университета, ветераны революционного движения, представители партийных и комсомольских организаций Приморья. Всего на конференции присутствовало до 500 человек.

Участники конференции ознакомились с выставкой книг по истории Дальнего Востока, изданных за 100 лет (1860—1960 гг.), осмотрели археологическую и этнографическую выставки, побывали на месте археологических раскопок на полуострове Песчаном.

На двух пленарных и трех секционных заседаниях было заслушано свыше 60 докладов и сообщений по вопросам истории, археологии и этнографии. Кроме того, свои замечания по докладам прислали профессора И. М. Разгон (Томск) и В. И. Дулов (Иркутск), доцент Ф. М. Аржанов (Ленинград) и др.

От президиума Дальневосточного филиала АН СССР с докладом «О состоянии, задачах и перспективах развития исторической науки на Дальнем Востоке» выступил кандидат исторических наук А. И. Крушанов. Содоклад «Задачи этнографического изучения народов Дальнего Востока» сделал доктор исторических наук Б. О. Долгих. Докладчики подвели итоги работы за последние четыре года и наметили основные задачи в текущем семилетии в области истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Они отметили, что в послевоенный период достигнуты значительные успехи в исследовании древней, средневековой и новой истории Сибири и Дальнего Востока, чего нельзя сказать в отношении изучения истории социалистического и коммунистического строительства в крае. Единственным обобщающим исследованием по этому важнейшему периоду является коллективный труд «Народы Сибири» (М.-Л. 1956). Анализируя вы-

шедшие книги по истории Дальнего Востока, докладчики отметили несомненный рост местных научных кадров, что позволяет объединить силы для создания крупных монографий. Особое внимание в докладах было уделено задаче дальнейшего повышения теоретического и научного уровня исследований в области истории строительства социализма и коммунизма на Дальнем Востоке, работе с местными кадрами в филиале АН СССР и на кафедрах истории.

О 100-летии Владивостока и перспективах его развития рассказал секретарь городского комитета партии кандидат исторических наук Д. П. Белых. Он отметил большой и славный путь развития города за минувшие сто лет, остановился на реконструкции города-порта, которая проводится ныне по инициативе Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева.

Большой интерес вызвал доклад А. П. Окладникова «Возникновение земледелия на Дальнем Востоке». Докладчик обосновал гипотезу о наличии земледелия у древнейшего аборигенного населения края около 5—3 тыс. лет тому назад. Эти выводы он сделал по материалам, полученным при археологических раскопках в пос. Тетюхе, у пос. Кировского и с. Екатериновки в Приморье, а также на основе китайских и корейских источников.

Конференция обсудила план коллективного труда «История Советского Дальнего Востока» и одобрила предложенный проект.

На секции «История социалистического и коммунистического строительства» основное внимание было уделено обсуждению проблем индустриализации и коллективизации на Дальнем Востоке, национального и культурного строительства. И. Н. Гончаренко (Владивосток) рассказал о борьбе партийных организаций Приморья за укрепление своих рядов в восстановительный период (1922—1925 гг.). А. К. Немцева (Владивосток) посвятила свой доклад деятельности коммунистов Дальнего Востока по руководству промышленностью в восстановительный период. О развитии сельского хозяйства в этот период и кооперативном строительстве на Дальнем Востоке говорили Н. П. Шишко (Владивосток) и Б. В. Иванов (Томск). О трудовом героизме дальневосточников в годы Великой Отечественной войны сделали доклады А. А. Вострикова (Владивосток) и А. Н. Рыжков (Южно-Сахалинск), показавшие напряженную работу трудящихся в глубоком тылу по обеспечению фронта всем необходимым. Отдельные вопросы развития промышленности, возникновения бригад коммунистического труда, работы совнархозов осветили К. Ф. Пономарев, В. И. Лебедев, В. В. Колотев (Владивосток). О развитии социалистической культуры в 1923—1960 гг. рассказали В. В. Степенев и Т. И. Яковлева (Владивосток), Э. Г. Бенсман (Хабаровск).

Впервые на Дальнем Востоке на научной конференции выступили с докладами архивисты, которые рассказали о неопубликованных документах по истории социалистического и коммунистического строительства, хранящихся в архивах и музеях. Они подчеркивали в своих выступлениях, что авторы-дальневосточники, не говоря уже о москвичах и ленинградцах, допускают серьезную ошибку, не обращая должного внимания на изучение документов местных архивов.

Секция наметила план публикации источников по истории рабочего класса, колхозного крестьянства, национальному и культурному строительству.

На секции «История Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Дальнем Востоке» были заслушаны доклады о тактике партийных организаций в тот период, о роли рабочего класса в революционном движении, а также по отдельным вопросам истории Дальневосточной республики. И. И. Глущенко и Г. С. Куцый (Владивосток) в своих выступлениях привели интересные данные о рабочем движении в 1917—1920 годах. Привлек внимание доклад Г. Е. Рейхберга (Москва) о событиях 4—5 апреля 1918 г. во Владивостоке. Проанализировав иностранные и советские источники, докладчик разоблачил буржуазных фальсификаторов истории, отрицающих активную роль США в подготовке интервенции против Советской России. М. И. Старков (Благовещенск) сделал доклад о разложении амурского крестьянства и возникновении на Амуре социально-экономических предпосылок социалистической революции. Этапы строительства вооруженных сил на Дальнем Востоке изложил Б. А. Сушков (Владивосток). На вопросах партийной тактики в период колчаковщины остановились А. И. Крушанов (Владивосток), Л. М. Папин (Москва),

Н. А. Авдеева (Хабаровск), Б. И. Мухачев (Томск) и Л. И. Беликова (Владивосток). Они охарактеризовали этапы и особенности классовой борьбы в период существования ДВР, а также остановились на работе большевиков по разложению войск интервентов и белогвардейцев.

На секции развернулась острая дискуссия по вопросу партийной тактики на Дальнем Востоке в 1917—1922 гг., процесса советизации и характера борьбы в отдельных областях.

Секция истории, археологии и этнографии досоветского периода занималась проблемой происхождения и формирования населения Дальнего Востока в древний и средневековый периоды и в эпоху капитализма. Вопросы происхождения родо-племенных связей и названий у мохэ и их связь с этнонимами XVII—XX вв. изложили в своих докладах Э. В. Шавкунов и Ю. А. Сём (Владивосток). Новые данные о материальной и духовной культуре орочей привел В. Г. Ларькин (Владивосток), обобщивший результаты экспедиционных исследований прошлых лет. Об особенностях формирования рабочего класса на Дальнем Востоке доложили С. Ф. Хроленок (Иркутск) и И. П. Трофимов (Владивосток). Их доклады были дополнены В. Ф. Борзуновым (Москва), рассказавшим об экономическом значении железных дорог Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в., Н. К. Кольцовой (Владивосток), сообщившей о пополнении рядов пролетариата за счет беднейшей части дальневосточного крестьянства, и Н. А. Навиндовским (Владивосток), рассмотревшим этапы создания пролетариата в угольной промышленности Дальнего Востока.

Предметом специального обсуждения послужили доклады В. М. Вишневского и Н. Г. Ефименко (Владивосток), А. С. Черных (Хабаровск) о революционных событиях 1905—1907 гг. на Дальнем Востоке.

На объединенных заседаниях секций с воспоминаниями о борьбе за власть Советов выступили тепло встреченные участниками конференции М. И. Губельман, В. А. Бородавкин, Я. К. Кокушкин, Н. К. Ильюхов, А. С. Аллилуев и др.

Конференция избрала Научный совет по проблеме истории Советского Дальнего Востока, образовала творческие группы, создала авторский коллектив для подготовки «Истории Советского Дальнего Востока» и приняла рекомендации по перспективам развития исторической науки в крае.

Нет сомнения в том, что научные конференции по истории, археологии и этнографии окажут положительное влияние на работу историков Сибири и Дальнего Востока, будут способствовать дальнейшему объединению усилий творческих работников на создание капитальных исследований по истории этого обширного края.

М. Р. Акулов, А. И. Крушанов, С. В. Шостакович

Обзоры и рецензии

«История гражданской войны в СССР». Т. IV. Редакционная комиссия тома: С. Ф. Найда, Г. Д. Обичкин, А. А. Стручков, Н. И. Шатагин, С. Н. Шишкин. Госполитиздат. 1959. 444 стр. Тираж 40 000 экз. Цена 25 руб.

За последние годы советские историки проделали большую работу по изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Если в 1953—1957 гг. по истории этих героических событий в жизни советского народа центральными, республиканскими и местными издательствами, по неполным данным, было выпущено в свет около 130 крупных работ, то в 1958—1959 гг. было издано свыше 130 книг, то есть примерно столько же, сколько за предшествующие пять лет [1], а также опубликовано большое количество брошюр, статей, защищен ряд диссертаций.

Положительную роль в разработке истории гражданской войны сыграли ознакомление широкой научной общественности с макетом IV тома «Истории гражданской войны в СССР» и выступления в печати членов авторской группы с изложением некоторых результатов исследовательской работы коллектива научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС по ряду важных вопросов истории гражданской войны [2].

Если в подготовке III тома «Истории гражданской войны в СССР» принимали активное участие широкие круги советских историков и общественности, то IV том по праву можно назвать также плодом коллективного труда. При подготовке к печати книга широко обсуждалась в научных учреждениях и учебных заведениях страны, на собраниях ветеранов революции и участников гражданской войны.

Это позволило авторскому коллективу более глубоко и точно осветить важнейшие события и помогло создать научный труд, в основном отвечающий современным требованиям исторической науки.

Выход в свет очередного, IV тома «Истории гражданской войны в СССР» [3], подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, является важным событием на историческом фронте.

Авторский коллектив тома обобщил все основные исследования советских историков. Вместе с тем в книге на основе большого количества ранее не публиковавшихся документов и материалов значительно полнее, глубже, а в ряде случаев более точно раскрыт ряд важнейших вопросов истории гражданской войны.

Естественно, что решения всех проблем книга не дает. Многие вопросы требуют дальнейшей углубленной разработки. Так, советским военным историкам предстоит более обстоятельно исследовать важнейшие операции гражданской войны, развитие советского военного искусства, партийно-политическую работу в армии и на флоте, боевой путь отдельных частей и соединений, героизм советских воинов, партизанское движение в тылу врага.

Рецензируемый том охватывает события с марта 1919 по февраль 1920 года. Он посвящен периоду решающих побед Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции.

В книге дан обстоятельный анализ международного и внутреннего положения страны, расстановки и соотношения классовых сил, охарактеризована героическая борьба рабочих и трудящихся крестьян под руководством Коммунистической партии против иностранных интервентов и белогвардейцев, убедительно показано все величие бессмертного подвига народа и армии, совершенного в этот период.

В томе более глубоко, чем в ранее вышедших трудах, показана военная политика и военная деятельность партии и ее ЦК во главе с В. И. Лениным, роль ЦК РКП(б) в

---

[1] Среди них можно назвать: Г. В. Кузьмин. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Военно-политический очерк. М. 1958; Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.). М. 1958; В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на Севере России (1918—1920 гг.). М. 1958; Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М. 1957, и др.

[2] См. «Коммунист», 1956, № 12; «Вопросы истории», 1956, № 7.

[3] В составлении и подготовке тома участие принимали: Г. Г. Алахвердов, П. А. Голуб, В. С. Кириллов, П. С. Кольцов, Н. Ф. Кузьмин, А. И. Мельчин, С. Ф. Найда, Д. В. Ознобишин, Ю. П. Петров, М. В. Рыбаков, Л. М. Спирин, Н. И. Шатагин, С. Н. Шишкин (руководитель авторской группы), А. Э. Экштейн.

разработке стратегических планов войны, в строительстве Красной Армии и Флота, в оснащении и обеспечении войск. По ряду военных вопросов пересмотрены устаревшие взгляды и оценки, получившие распространение в период культа личности.

Подробное освещение деятельности ЦК РКП(б), Совета Обороны, ВЦИК, СНК, местных партийных и советских организаций, органов военного ведомства позволило авторам показать руководящую роль Коммунистической партии и Советского государства по организации разгрома многочисленных врагов Советской власти.

В томе приводится очень много имен активных участников событий того времени — руководящих партийных, советских и военных работников, рабочих, крестьян и рядовых бойцов Красной Армии. Читатель встретит здесь имена таких выдающихся полководцев и командиров Красной Армии, вышедших из народа, как М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, В. К. Блюхер, В. И. Чапаев, Г. И. Котовский, Н. А. Щорс, С. Г. Лазо, С. С. Вострецов, А. Я. Пархоменко, Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько, С. К. Тимошенко, О. И. Городовиков, И. Р. Апанасенко, Д. П. Жлоба, И. Э. Якир и многие другие, а также офицеров и генералов бывшей царской армии, перешедших на сторону Красной Армии и честно, преданно служивших народу: С. С. Каменева, Д. М. Карбышева, Б. М. Шапошникова, А. П. Николаева, А. И. Егорова, М. Н. Тухачевского, В. И. Шорина и других.

В ряде трудов советских историков была в основном освещена организующая роль империалистов Антанты и в особенности США в подготовке и развязывании гражданской войны в СССР[4]. Однако авторам IV тома на основе новых документов и материалов удалось более глубоко раскрыть ряд вопросов, связанных с военной интервенцией империалистов Антанты. В частности, в нем убедительно показана активная роль империалистов США в подготовке и развязывании интервенции и гражданской войны. Приведенные в томе многочисленные документы и факты убедительно разоблачают буржуазных фальсификаторов истории и показывают подлинное лицо американских империалистов, рядившихся в тогу «спасителей России». Убедительно показана в книге и роль империалистов Англии, Франции, Японии и других участников интервенции.

При написании книги авторы использовали широкий круг источников: труды В. И. Ленина, решения съездов партии, документы ЦК РКП(б) (протоколы пленумов, заседаний Политбюро и Оргбюро), постановления Советского правительства, документы Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, периодическую печать, а также иностранные источники, мемуары и т. д. Большая часть этих документов, в частности документы о деятельности ЦК РКП(б) по руководству вооруженной борьбой народа и мобилизацией всех сил страны на разгром врага, а также о деятельности Совета Обороны, введены в научный оборот впервые. Книга написана простым, доступным для широкого круга читателей языком и богато иллюстрирована.

В данной рецензии невозможно остановиться на всех проблемах, рассматриваемых в книге. Мы коснемся подробнее лишь некоторых из них, на наш взгляд, наиболее важных.

В 1958 и 1959 гг. издан ряд работ, посвященных борьбе трудящихся масс за Советскую власть, где показана роль рабочего класса в этой борьбе[5]. Четвертый том вно-

---

[4] А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М. 1954; В. Корионов. Американский империализм — злейший враг народов. М. 1952; А. В. Гулыга. Американские империалисты — злейшие враги советского народа. М. 1951; С. Григорцевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.). М. 1957; Г. Е. Мымрин. Англо-американская интервенция на севере и ее разгром (1918—1920 гг.). Архангельск. 1953; В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на севере России (1918—1920 гг.). М. 1958, и др.

[5] См. Ю. А. Поляков. Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 г. М. 1958; Б. Л. Беляев. Люди и события Приморья (из истории борьбы за власть Советов в Приморье в 1917—1922 гг.). М. 1959; «Борьба за победу Советской власти в Грузии». Документы и материалы (1917—1921 гг.). Тбилиси. 1958; М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток. 1918—1922 гг.

сит новый вклад в освещение этой темы. В нем достаточно полно показана роль рабочего класса в обороне Советского государства, в строительстве и усилении Красной Армии и Флота, в развитии экономики и культуры, в борьбе с разрухой и голодом. «Всякий раз,— говорил В. И. Ленин,— когда перед Советской властью в необыкновенно трудном деле строительства социализма встают трудности, Советская власть знает только одно средство борьбы с ними: обращение к рабочим, каждый и каждый раз к более и более широким слоям рабочих» [6]. Рабочий класс являлся опорой партии и Советской власти в деле воспитания рядового и командного состава вооруженных сил страны. Из среды рабочего класса вышли тысячи командиров и политработников, сыгравших важную роль в разгроме интервентов и белогвардейцев. Рабочие были боевым авангардом Красной Армии и Флота.

Читатель найдет в томе большой и интересный материал о героических подвигах рабочих на трудовом фронте. Несмотря на огромные трудности и лишения, они обеспечивали производство для Красной Армии вооружения, боеприпасов, снаряжения и обмундирования, а когда фронт подходил вплотную к заводам и фабрикам, брали в руки оружие и вместе с частями Красной Армии вступали в бой.

В томе раскрыта огромная роль коммунистов Петрограда, которую они сыграли в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Так, на призыв ЦК партии послать лучших коммунистов на помощь Восточному фронту Петроградская партийная организация приняла решение мобилизовать на фронт пятую часть своих членов, в том числе значительную группу руководящих партийных и советских работников. С подъемом и воодушевлением проходила мобилизация коммунистов на Восточный фронт на Обуховском заводе, фабрике «Скороход», в Невском и других районах города (стр. 76).

В. И. Ленин внимательно следил за тем, как проходили партийные мобилизации. Он указывал Петроградской организации на необходимость поддержать подъем, который наблюдался среди трудящихся, и продолжать мобилизацию среди партийных работников. «Еще и еще,— писал В. И. Ленин,— надо «грабить Питер», т. е. брать из него людей, ибо иначе не спасти ни Питера, ни России. Разные отрасли управления и культурно-просветительной работы в Питере можно и должно ослабить на 3 месяца в десятеро. Тогда спасем и Россию и Питер. Других рабочих уровня питерцев у нас нет» [7].

Столь же обстоятельно показаны героические военные и трудовые усилия рабочих Москвы и центральных районов страны, направленные на разгром внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

В трудах советских историков недостаточно полно исследован вопрос о роли трудового крестьянства как боевого союзника рабочего класса, о его трудовых и военных усилиях в период гражданской войны и интервенции. С выходом в свет III и IV томов «Истории гражданской войны в СССР» этот пробел в значительной степени ликвидируется.

Для укрепления союза рабочего класса с крестьянством необходимым условием являлось достижение соглашения со средним крестьянством. «Теперь самым главным вопросом, который стоит перед партией коммунистов,— подчеркивал В. И. Ленин,—...является вопрос о крестьянах-середняках» [8]. В книге на основе новых документов обстоятельно показано, как партия и правительство боролись за привлечение среднего крестьянства на сторону Советской власти, за его союз с рабочим классом.

Большое значение для этого имели, как правильно подчеркивается в книге, решения VIII съезда партии, который определил новый курс по отношению к среднему крестьянству, заключавшийся в переходе от политики нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. В конкретно-исторических условиях рассматриваемого времени среднее крестьянство составляло огромное большинство населения страны. В его сознании определился перелом в пользу Советской власти. Союз со средним крестьянством складывался в острой борьбе против эсеров и меньшевиков, а в национальных районах и против националистических партий.

М. 1958; А. И Зевелев. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент. 1959; П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале 1918—1919 гг. Челябинск. 1958; К. Малышев. Борьба за Советы в Киргизии и Туркестане (из истории разгрома интервенции и контрреволюции в 1917—1922 гг.). Фрунзе. 1958. и др.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 380.

[7] В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М 1957, стр. 115.

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр 222.

Большую роль в укреплении союза с трудовым крестьянством сыграли рабочие, которых партия и правительство посылали в эти годы в деревню. Только на руководящую работу в продорганы в 1919 г. было направлено более 800 рабочих, из них около 600 коммунистов и сочувствующих. Не меньше трети общего числа работников уездных продовольственных комитетов составляли рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов — цвет пролетариата России. В продовольственных же отрядах было до 29 тыс. рабочих (стр. 33).

Рабочие, входившие в продовольственные отряды, помогали трудовому крестьянству в борьбе с кулачеством, в создании и укреплении местных органов Советской власти и тем самым оказывали сильное влияние на трудовое крестьянство и укрепляли его доверие к рабочему классу.

В томе показано, что поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти начался не одновременно по всей стране и произошел не сразу. Он зависел от местных условий и от конкретных особенностей классовой борьбы в том или ином районе.

В томе приводится малоизвестный материал из выступления В. И. Ленина на закрытом заседании VIII съезда партии, в котором он отмечал, что Центральный Комитет партии постоянно руководил военным ведомством, что вопросы военного строительства обсуждались буквально на каждом заседании ЦК. По всем вопросам принимались решения, которые неуклонно проводились в жизнь. Важнейшие военные вопросы являлись предметом обсуждения пленумов и Политбюро ЦК (стр. 44).

Авторы показывают огромную организаторскую и идеологическую работу, проведенную Коммунистической партией, центральными и местными партийными и советскими органами, по мобилизации всех сил советского народа на разгром врага. Под лозунгами партии «Все для фронта!», «Все для победы!» трудящиеся массы нашей страны сознательно шли на неисчислимые жертвы ради победы, все отдавали для ее достижения.

Освещая героическую работу партийных и советских органов, авторы вместе с тем показали трудности и недостатки в их деятельности, пути и методы, которыми преодолевались эти трудности. Так, например, авторы показывают серьезные ошибки, допущенные местными органами Советской власти в Донской области зимой 1918—1919 г. (стр. 74).

Особенно обстоятельно изложена деятельность партии и ее ЦК в самые трудные периоды борьбы. Так, весной 1919 г. над Советской республикой нависла грозная опасность в связи с началом первого похода Антанты. Для разгрома врага надо было мобилизовать все силы и средства и направить их прежде всего против Колчака, нанесившего главный удар. Коммунистическая партия успешно решила эту задачу. В апреле 1919 г. ЦК партии систематически занимался вопросом оказания помощи Восточному фронту. Только во второй половине апреля Политбюро шесть раз обсуждало вопросы и конкретные мероприятия об оказании помощи частям Красной Армии, сражавшимся против Колчака[9]. Боевой программой для всей страны явились «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», написанные В. И. Лениным и утвержденные 11 апреля Оргбюро ЦК РКП(б). «Победы Колчака на Восточном фронте,— указывалось в «Тезисах»,— создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»[10]. 13 апреля пленум ЦК принял ряд важных решений по организации обороны страны и укреплению Красной Армии (стр. 75—76).

29 апреля на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК партии снова был обсужден вопрос о военном положении Советской республики. ЦК РКП(б) обратился с письмом к местным партийным организациям и потребовал всемерно усилить и ускорить помощь Восточному фронту (стр. 83).

ЦК РКП(б) постоянно помогал местным партийным организациям в решении стоявших перед ними задач. ЦК партии проводил большую организационно-политическую работу на местах по выполнению принятых директив. «В эти тяжелые дни войны не менее половины членов ЦК находились на фронтах и в различных районах страны, организуя работу в массах» (стр. 82). Например, для обеспечения выполнения решения Политбюро и Оргбюро ЦК партии от 29 апреля о своевременной отправке на Восточный фронт пополнений в губернии были направлены представители ЦК партии: в Иваново-Вознесенскую — А. В. Луначарский, в Тверскую — Д. И. Курский, в Тамбовскую —

---

[9] См. Л. М. Спирин. Указ. соч., стр. 112.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 251.

В. Н. Подбельский, в Нижегородскую — Н. А. Семашко, в Калужскую — Е. М. Ярославский, в Рязанскую — В. И. Невский, во Владимирскую — Н. В. Крыленко и т. д. (стр. 84). Уполномоченные ЦК партии сыграли большую роль в проведении военной мобилизации на местах, в укреплении связи партии с широкими массами трудящихся, помогли губернским и уездным комитетам партии развернуть и улучшить партийно-политическую работу (стр. 84).

В книге показана огромная роль местных Советов как государственных органов диктатуры пролетариата в организации работы по обеспечению фронта продовольствием и снаряжением, оказанию помощи семьям мобилизованных, а также в подавлении контрреволюционных выступлений в тылу (стр. 85).

В томе показано неразрывное единство Красной Армии и народа. Рабочие и трудящиеся крестьяне оказывали ей всяческую помощь, поддерживали с воинскими частями постоянную связь. Авторы приводят конкретные примеры этой связи.

Большая работа партийных организаций, местных Советов, профсоюзов и комсомола обеспечила успешное проведение мобилизации трудящихся в Красную Армию. Всего (вместе с партийными, профсоюзными и комсомольскими призывами) с марта по июль 1919 г. в Красную Армию вступило более 877 тыс. человек. Из них только в течение апреля — июня на Восточный фронт прибыло 107 618 человек (стр. 86—87). Укрепляя Восточный фронт, Коммунистическая партия уделяла особое внимание расстановке партийных сил в частях и соединениях.

Так же подробно в книге освещена руководящая роль партии, ее ЦК во главе с В. И. Лениным, местных партийных организаций в разгроме армий Деникина и Юденича.

Авторы показывают, как В. И. Ленин лично занимался проверкой выполнения решений Центрального Комитета партии и Советского правительства по обеспечению и ведению боевых действий Красной Армии на фронтах гражданской войны и настойчиво добивался устранения имевшихся в этом деле недостатков. В. И. Ленин глубоко изучал положение на фронтах и постоянно был в курсе боевых действий советских войск.

В книге приведено свыше 50 документов Центрального Комитета (постановлений пленумов ЦК, Политбюро и Оргбюро, писем и директив ЦК местным партийным организациям) и более 80 телеграмм, писем, записок, распоряжений В. И. Ленина командованию Красной Армии, руководителям центральных и местных партийных и советских организаций по вопросам обороны страны в период первого и второго походов Антанты. Многие из этих документов публикуются впервые.

В томе подробно освещается борьба нашей партии с эсерами, меньшевиками, анархистами, выступившими заодно с белогвардейцами и интервентами, контрреволюционные действия которых, как правильно отмечают авторы, представляли серьезную опасность для страны. Эти действия подрывали порядок и дисциплину в тылу, срывали снабжение фронта (стр. 87—88). Меньшевики и эсеры, указывал В. И. Ленин, являются последними «идейными» защитниками капитализма. Поэтому не случаен тот факт, что «...Колчаки и Деникины, русские и все иностранные капиталисты идут под прикрытием меньшевиков и эсеров, под их знаменем, под их флагом, повторяя их лозунги...» [11].

Большое внимание в рецензируемом томе уделено развитию партизанского движения и борьбе трудящихся под руководством Коммунистической партии в тылу врага, дана оценка роли и места этого движения в общей борьбе.

Более подробно и глубоко, нежели в ранее вышедших работах, освещены в книге военные события на фронтах гражданской войны. Так, при описании военных событий, связанных с разгромом первого похода Антанты, авторы не ограничиваются показом боевых действий Красной Армии только на Восточном фронте, где интервентами и белогвардейцами наносился главный удар, а освещают боевые действия и на других фронтах: на Западном и Южном, на Севере и в Туркестане (стр. 149—192). Авторы совершенно правильно после Восточного фронта полно освещают боевые действия на Западном фронте и особенно под Петроградом, где наносился вспомогательный удар с целью отвлечения наших сил с главного, Восточного фронта.

Известно, что в ранее изданных трудах военные события на других фронтах освещались слишком бегло, а порою и совершенно не освещались. Кроме того, при описании боевых действий на Восточном фронте основное внимание, как известно, уделялось показу действий только Южной группы и роли М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева и

[11] Там же, стр. 527.

В. И. Чапаева. Действия же Северной группы Восточного фронта (командующий В. И. Шорин), как правило, замалчивались.

Авторы IV тома исправляют эти недостатки. На основе новых документов они более обстоятельно изложили план первого похода Антанты и показали противоречия, имевшиеся по этому вопросу среди представителей Антанты и высшего командования колчаковской армии.

В томе приводится материал о совещании колчаковского командования, состоявшемся в феврале 1919 г. в Челябинске, на котором обсуждался план похода (стр. 52). Из документов видно, что Колчак даже и не стремился соединиться с Деникиным. Он не хотел ни с кем делить лавры победы, считая, что «кто первый войдет в Москву, тот будет господином положения».

Не хотел соединения с Колчаком и Деникин. Так, когда Врангель в апреле 1919 г. настаивал на сосредоточении главных сил «Добровольческой» армии на царицынском направлении, чтобы, прикрывшись с севера и запада рекой Северный Донец, всеми силами «Добровольческой» армии решительно выдвинуться к Царицыну и установить на Волге единый фронт с наступающими армиями Колчака, Деникин отклонил этот план как авантюристический и продолжал переброску основных сил «Добровольческой» армии в Донецкий бассейн (стр. 180).

В книге рассказывается не только о боевых действиях 25-й Чапаевской дивизии, как это имело место в литературе, вышедшей в 30-х и 40-х годах, но и о боевых действиях других соединений и частей Восточного фронта, в частности 21, 24, 26, 27, 28, 30, 31 и 56-й дивизий. Это имеет важное значение, так как раньше разгром армии Колчака освещался зачастую однобоко.

Авторы рецензируемого тома исправляют эти недостатки и освещают военные события на Восточном фронте в соответствии с фактическим ходом борьбы.

В IV томе вносится ясность и в вопрос периодизации первого и второго походов Антанты. До последнего времени многие историки считали, что второй поход Антанты начался осенью 1919 г., и таким образом искусственно создавали некоторый разрыв между первым и вторым походами. В действительности же никакого перерыва между первым и вторым походами Антанты не существовало. И авторы совершенно правильно датируют начало второго похода не с осени, а с лета 1919 г., то есть с начала наступления армий Деникина на Москву.

Как только империалисты Антанты увидели, что главные силы Колчака потерпели поражение, они сразу же сделали главную ставку на Деникина и перенесли свои усилия на юг. Авторы правильно подчеркивают мысль о том, что в 1919 г. действовали, по существу, одни и те же силы, с одними и теми же целями и что в ходе борьбы лишь переносились основные усилия и удары с одного направления на другое.

Освещение боевых действий Красной Армии в период разгрома второго похода Антанты авторы также тесно увязывают с положением на всех фронтах. Например, в книге уделяется должное внимание боевым действиям на Восточном фронте в этот период, тогда как в ранее изданных работах, посвященных второму походу Антанты, о них или совсем не говорилось, или упоминалось только мимоходом, так как считалось, что Колчак был уже снят со счета.

На основе партийных документов и высказываний В. И. Ленина в томе показано, что план борьбы с Деникиным (главный удар на Дон и Кубань) был принят Центральным Комитетом партии как основной стратегический план борьбы с контрреволюцией на юге. Этот вопрос неправильно освещался в работах, вышедших до XX съезда КПСС. В томе показано, как ЦК партии и В. И. Ленину пришлось вести борьбу против Троцкого за этот план. Троцкий, будучи не согласен с планом контрнаступления, одобренным ЦК партии, не только не принимал мер к его реализации, но и саботировал его. Центральный Комитет партии осудил позицию Троцкого и дал указания твердо проводить принятый план.

Авторы впервые приводят в книге решения сентябрьского Пленума ЦК партии и Политбюро ЦК от 15 октября, 6 и 14 ноября 1919 г. по вопросам борьбы с Деникиным. Опубликование этих партийных документов позволяет более полно и глубоко понять роль ЦК партии и лично В. И. Ленина в руководстве боевыми операциями Красной Армии на протяжении всей гражданской войны. Основой советского военного строительства всегда были и сейчас остаются ленинские партийные принципы руководства вооруженными силами, четко сформулированные в постановлении ЦК РКП(б) «О политике военного ведомства» от 25 декабря 1918 г.: «...политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и

под его непосредственным контролем»[12]. Решения октябрьского Пленума ЦК КПСС (1957 г.) с новой силой подтвердили незыблемость этих принципов.

До недавнего времени существенные недостатки имели место в освещении контрнаступления советских войск против Деникина осенью 1919 года. События излагались однобоко, главным образом описывались боевые действия Первой Конной армии, а о действиях общевойсковых армий говорилось очень мало. Почти совсем не раскрывались боевые действия войск Юго-Восточного фронта, и все успехи в разгроме армий Деникина приписывались только Южному фронту. Подобное освещение событий было необъективно и противоречило действительному положению дел. В IV томе такой односторонний подход устранен.

Однако, как отмечается в статье Д. Кукина, В. Селунской, Н. Шатагина «О научной разработке истории КПСС» («Коммунист», № 16, 1960 г.), в некоторых работах, вышедших в последние годы, все еще неясно излагается вопрос о плане борьбы с Деникиным во время осеннего контрнаступления войск Южного фронта (октябрь — ноябрь 1919 г.) (стр. 278 — 279).

Авторы не изложили такой важный вопрос, как принятие VIII съездом РКП(б) военного раздела программы нашей партии. В этом разделе программы дано глубокое теоретическое и практическое обоснование военной политики партии на весь переходный период и указаны конкретные пути и основные лозунги по организации вооруженных сил Советского государства, соответствующие главным историческим этапам борьбы за социализм.

В военном разделе программы РКП(б), принятой VIII съездом, как известно, содержится требование замены постоянной армии всенародной социалистической милицией. Это требование остается программным для советского народа и сегодня, и оно, безусловно, будет осуществлено нашей партией, как только будет ликвидирована угроза вооруженного нападения империалистов на нашу страну. «Мы стоим за то,— говорил Н. С. Хрущев в феврале 1958 г.,— чтобы в конечном счете ликвидировать армии, перейти на милицейскую систему, то есть иметь в стране не вооруженные силы, а милицейские силы, предназначенные для поддержания внутреннего порядка в стране»[13].

[12] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза». М. 1958, стр. 47.

[13] «Правда», 16 февраля 1958 года.

В томе следовало бы более подробно осветить вопрос о партийно-политической работе в Красной Армии на решающих фронтах и в дни генеральных боев, а также среди населения в прифронтовых районах. Коммунистическая партия придавала партийно-политической работе в армии и на флоте исключительно большое значение на всех этапах строительства наших вооруженных сил.

В 1919 г. на основе решений VIII съезда партии и последующих постановлений ЦК партии политическая работа в армии и на флоте получила широкий размах и приняла устойчивые организационные формы.

К концу 1919 г. численность Красной Армии достигла 3 млн. человек. Поднять на борьбу такие широкие массы трудящихся, сплотить их в крепкие воинские части и соединения, добиться победы над объединенными силами интервентов и белогвардейцев в период первого и второго походов Антанты — это было очень трудной задачей. Необходимо было привести в движение все силы Коммунистической партии и рабочего класса, пустить в ход все средства политической пропаганды и агитации как среди воинов армии и флота, так и тружеников тыла. Вот почему РКП(б) на укрепление партийно-политического аппарата и развертывание его работы постоянно направляла лучших своих сынов. Партийно-политической работой в Красной Армии в годы гражданской войны занимались А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, С. И. Гусев, Ф. Э. Дзержинский, А. А. Жданов, М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, Е. М. Ярославский и другие. Партийно-политический аппарат Красной Армии и Флота сыграл исключительно большую роль в обеспечении победы над врагом.

В книге следовало бы обстоятельнее осветить борьбу Коммунистической партии и Советского правительства за мир.

Коммунистическая партия и Советское правительство неуклонно и последовательно проводили ленинскую миролюбивую внешнюю политику. Советское правительство в 1919 г., как и в 1918 г., неоднократно предлагало мир державам Антанты: «...12 января, 17 января, 4 февраля 1919 г. и проект договора с Буллитом 12 марта 1919 г.; 7 мая 1919 г. через Нансена»[14].

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 169.

VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. одобрил внешнюю политику Советского правительства и принял решение неуклонно и твердо проводить ее и в дальнейшем. Мирное предложение VII Всероссийского съезда Советов было разослано 10 декабря 1919 г. представителям стран Антанты. Но правительства Англии, Франции, США и Италии отказались рассматривать это предложение [15].

Правительства стран Антанты под различными предлогами не шли навстречу мирным предложениям Советского правительства. Отвечая на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News» 5 октября 1919 г., В. И. Ленин говорил: «Наша политика мира — прежняя, т. е. мы приняли мирное предложение г. Буллита. Мы никогда не изменяли наших мирных условий..., которые сформулированы вместе с г. Буллитом» [16].

На вопрос корреспондента английской газеты «Daily Express» о том, каковы наши цели в связи с прекращением военных действий со стороны союзников, В. И. Ленин ответил: «Наши цели, как уже сказано, мирное экономическое строительство» [17].

Широкое освещение в рецензируемом томе мирной политики Советского государства помогло бы читателю лучше уяснить и глубже понять не только минувшие, но и современные международные события.

Авторскому коллективу следовало бы уделить больше внимания вопросу о развитии советского военного искусства, особенно стратегии и тактики. Между тем читатель не найдет в книге глубокого анализа действий войск в той или иной операции и выводов по развитию военного искусства. Боевые действия Красной Армии в 1919 г., как известно, были очень напряженными и решительными. Они проходили на различных театрах войны и в неодинаковых условиях. Операции носили большой размах. Войска Красной Армии в борьбе с интервентами и белогвардейцами наряду с проявлением массового героизма и мужества постоянно оттачивали свое военное мастерство. В тяжелых боях совершенствовались старые и зарождались новые формы и способы вооруженной борьбы, развивалось военное искусство армии нового типа. Эти вопросы, к сожалению, освещены авторами слабо.

В рецензируемом труде имеют место и другие недостатки. Так, при показе героизма частей и соединений Красной Армии, советских воинов и тружеников тыла авторы иногда ограничиваются только общими заявлениями о героизме, не раскрывая перед читателями существа этого героизма. Например, на стр. 132 они пишут: «В боях под Челябинском отличились многие советские части. Кроме 236-го и 241-го полков, геройски сражались 237-й Минский полк 27-й дивизии, 228-й Карельский и 232-й полки 26-й дивизии».

Более подробно и полно следовало бы показать в томе боевые действия интернациональных частей в составе Красной Армии в период разгрома первого и второго походов Антанты.

В томе имеются и неудачные формулировки. Например, авторы пишут: «Колчаковское правительство было создано в расчете на всероссийскую власть» (стр. 58), «коммунистов направляли во все звенья фронта» (стр. 92) и т. д.

Однако отдельные недостатки тома не могут умалить его большого политического и научного значения. Выход в свет IV тома встречен с большим интересом научной общественностью и широкими кругами читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

А. С. Северный

---

[15] См. там же, стр. 506.
[16] Там же, стр. 32.
[17] Там же, стр. 344.

«Хрестоматия по новейшей истории». Т. I. 1917—1939. Документы и материалы. Под редакцией Б. Г. Гафурова, Л. И. Зубока, И. М. Майского, А. С. Перевертайло, В. Г. Трухановского. Соцэкгиз. М. 1960. 926 стр. Тираж 55 000. Цена 14 руб. 45 коп.

Выход в свет хрестоматии по новейшей истории следует рассматривать как важное событие в советской исторической науке, как новый вклад в осуществление исторических решений XX и XXI съездов КПСС, открывших широкие возможности для развития всех отраслей советской науки. Рецензируемый том положил начало изданию трехтомной серии документов по новейшей истории.

Новейшая история является одним из наиболее сложных разделов всеобщей истории. Курс новейшей истории ежегодно увеличивается за счет большого количества новых фактов и событий внутриполитической жизни отдельных государств, международных отношений и мирового коммунистического и рабочего движения. Глубокое и всестороннее изучение истории новейшего времени осложняется отсутствием документов, первоисточников. Если по новой истории преподаватель и студент имеют в своем распоряжении немало солидных исследований, различные учебники [1] и сборники документов [2], то по новейшей истории круг учебных пособий и публикаций документов до недавнего времени был крайне ограничен. Основным пособием, которым долгие годы пользовались работники вузов, были лекции Высшей партийной школы при ЦК КПСС [3], которые, безусловно, сыграли свою положительную роль, но не могли заменить ни исследований, ни солидных учебных пособий. Появление в 1957—1959 гг. ряда учебных пособий по новейшей истории [4] выдвинуло задачу публикации полноценных сборников документов по новейшей истории, которые дали бы возможность в процессе чтения лекционных курсов и главным образом на практических занятиях знакомить студентов с первоисточниками, облегчить им написание курсовых и дипломных работ по важнейшим проблемам новейшей истории. Издание в 1957 г. Высшей партийной школой небольшого сборника документов по международным отношениям и внешней политике СССР [5] за период с 1871 по 1957 г., конечно, не могло удовлетворить предъявляемых жизнью серьезных требований. Вот почему следует приветствовать издание хрестоматии по новейшей истории.

Первый том рецензируемой хрестоматии характерен разнообразием привлеченных источников. В нем широко использованы произведения В. И. Ленина, труды выдающихся деятелей КПСС и братских коммунистических и рабочих партий, важнейшие документы Коминтерна и ряда компартий, коммунистическая печать. Наряду с этим в хрестоматии приведены официальные правительственные публикации, выдержки из парламентских дебатов и др. Многие из этих документов впервые публикуются в русском переводе. Следует отметить, что в хрестоматии даны переводы важнейших программных документов большинства буржуазных политических партий капиталистических стран (республиканской и демократической партий США, французской партии радикал-социалистов), реформистских профсоюзных центров, таких, например, как АФТ — КПП и др.

Документы и материалы хрестоматии дают возможность судить о коммунистическом и рабочем движении, борьбе трудящихся колониальных и зависимых стран, о характере экономики той или иной зарубежной страны (см. таблицы на стр. 900—901), ее внутренней и внешней политики, о взаимоотношении классов и партий и ряде других проблем.

Редакторы и составители хрестоматии поступили правильно, объединив материалы по истории Запада и истории Востока в одной книге. Синхронный метод расположения материала не вызывает никаких возражений. Но отбор наиболее важных документов по истории 55 государств, а также ма-

[1] Например, «Новая история». Учебник для вузов. Ч. I. М. 1953; ч. II. М. 1958; ч. III. М. 1960.

[2] «Хрестоматия по новой истории». Ч. I. М. 1958.

[3] «Новейшая история». Курс лекций, прочитанный в ВПШ при ЦК ВКП(б). Под ред. проф. Л. И. Зубока. М. 1946.

[4] «Новейшая история». Учебное пособие. Ч. I. Изд. Института истории АН СССР. М. 1959; «Новейшая история стран Запада». Под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. М. 1959; «Новейшая история. 1917—1939 гг.». Ч. I. М. 1958; ч. II (1917—1959 гг.). М. 1959.

[5] «Международные отношения и внешняя политика СССР». 1871—1957 гг. Сборник документов. М. 1957.

териалов о всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции (глава I), истории международного коммунистического и рабочего движения (глава II), международных отношений (глава III) оказался очень сложной задачей, которая в ряде случаев решена неудачно.

Принцип отбора материалов по истории стран Востока оставляет желать много лучшего. Некоторые страны представлены в хрестоматии одним-двумя документами, что, естественно, не может помочь в изучении их истории. По истории Кореи приведено пять документов, относящихся к 1919, 1931—1933, 1934, 1935 и 1937 годам. Однако содержание этих документов никак не может иллюстрировать главные события, происходившие в стране (см. стр. 682—691). Примерно то же следует сказать о семи документах по истории Вьетнама (см. стр. 707—714). По истории Таиланда, Непала, Филиппин, Саудовской Аравии, Йемена, а также Алжира, Туниса, Марокко и других африканских стран приведено по одному документу, зачастую в форме кратких извлечений (выдержки из конституций, договоров с великими державами, мандатов, утвержденных Лигой наций, и т. д.). Вполне понятно, что эти случайные документы не дают возможности ознакомить читателя с историей каждой страны. Возможно, при первом издании хрестоматии не следовало бы задаваться целью охватить все страны мира (это позволило бы более широко дать документы по основным странам) или же несколько сократить более доступный документальный материал по ряду стран. Этот недочет, на наш взгляд, следует исправить при подготовке к изданию II и III томов хрестоматии.

Несмотря на отмеченный недостаток, рецензируемый том хрестоматии содержит интересный материал. В первой главе, где приводятся документы и материалы о всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, перед читателем ясно и четко встает образ великого Ленина, его выдающаяся роль в развитии революционного движения.

Документы второй главы по истории международного рабочего движения дают не только представление о руководящей роли В. И. Ленина в создании Коминтерна, об основных этапах развития Коминтерна, но и ясное представление о «желтом», реформистском Интернационале, восстановленном после первой мировой войны, и о так называемом $2^1/_2$ центристском Интернационале. Эти документы показывают, что именно II Интернационал и связанные с ним реформистские деятели, руководившие различными пролетарскими организациями, несут прямую ответственность за срыв создания единого фронта рабочего класса в национальном и международном масштабах.

Было бы небезынтересным именно в этой главе уточнить периодизацию. Если бесспорными рубежами в подразделении процесса исторического развития являются революции или мировые войны, то более сложным в этом отношении является определение внутренней периодизации.

В этом отношении обращает на себя внимание периодизация, данная болгарскими историками в вышедшей в 1959 г. работе по истории международного рабочего движения[6]. Они подразделяют его историю за 1917—1939 гг. на следующие периоды: 1917—1918 гг.; 1919—1923 гг. (в последнем особо выделяются революционные события 1920—1921 гг.); 1924—1928; 1929—1934; 1935—1939 годы. Расположение документов и материалов в таком плане облегчило бы, на наш взгляд, их использование в практической работе.

Не было бы излишним привести в этой главе хотя бы один-два документа об анархо-синдикалистском движении.

Наконец, говоря о документах второй главы, нельзя пройти мимо одной фактической неточности. Во вводном замечании к документу «Отношение к социалистическим течениям и к Бернской конференции» (стр. 86) говорится, что Бернская конференция социалистов «прошла под знаком взаимных упреков в виновности в войне представителей разных государств». Не в этом суть. Главное заключается в другом. Бернская конференция, как и две последующие международные конференции социалистов (в Люцерне и Женеве), прошла под флагом взаимного «отпущения грехов», взаимной амнистии и создания единого международного фронта правых социал-демократов. Такое замечание способствовало бы более глубокому и правильному пониманию приводимых ниже документов о деятельности правых лидеров социал-демократических партий и руководства II Интернационала.

Документы и материалы третьей главы хрестоматии освещают историю междуна-

[6] «Материали по история на международното работническо и комунистическо движение». Издателство Българската комунистическа партия. София. 1959.

родных отношений в период между двумя мировыми войнами. Приведенные в ней документы раскрывают последовательный характер борьбы Советского государства за мирное сосуществование, за разоружение, за обеспечение коллективной безопасности, против фашизма и войны. Именно в настоящее время, когда реакционные историки, экономисты и публицисты Запада пытаются всеми средствами реабилитировать буржуазные правительства тех лет и представить их поборниками мира, публикация документов, которые разоблачают антинародную сущность политики правящих кругов Запада и показывают их ответственность за подготовку и развязывание второй мировой войны, приобретает особую актуальность. Такой характер имеют англо-германское морское соглашение, нота Самюэля Хора на имя Риббентропа, соглашение между французским министром иностранных дел Лавалем и английским министром иностранных дел Хором о разделе Абиссинии, «антикоминтерновский» пакт с секретным приложением к нему, мюнхенское соглашение 1938 г., англо-германская и франко-германская декларации, материалы об англо-германских переговорах и многие другие. Ценность документов и материалов этой главы значительно повышается за счет обстоятельных комментариев к большинству документов, что дает возможность в ряде случаев свободно пользоваться документами, не прибегая к учебнику или к учебному пособию. К сожалению, в этой очень хорошо составленной главе текст некоторых документов дается по старым изданиям, хотя есть новые. Так, Локарнские соглашения приводятся по изданию 1925 г., хотя есть более полное, научное издание 1959 года [7].

Три первые главы посвящены важнейшим международным проблемам, и каждая из них, на наш взгляд, требует своего небольшого введения. Во введении к первой главе следовало бы сформулировать отличительные черты Великой Октябрьской социалистической революции.

Введение ко второй главе должно было очень кратко рассказать о сущности наступившего нового этапа в международном рабочем движении — 1917—1939 гг., которое существенным образом отличается от рабочего движения предшествовавших лет.

Наконец, во введении к третьей главе следовало бы кратко охарактеризовать основные черты международных отношений новейшего времени и показать их отличие от международных отношений нового времени. Не следует, конечно, при этом повторять и подменять учебник, но такие небольшие замечания облегчили бы пользование хрестоматией.

Четвертая и пятая главы содержат документальный материал по внутренней истории стран. Четвертая глава открывается документами по истории Германии. За ней следуют материалы по истории Англии и ее доминионов, Франции, Италии и Испании. Вызывает возражение дальнейшее расположение материала по странам. Это прежде всего относится к Венгрии и к Соединенным Штатам Америки, материалы по истории которых приведены в самом конце хрестоматии.

Изложение новейшей истории в лекционных курсах и в учебных пособиях начинается с истории Германии, одной из самых крупных империалистических держав, потерпевшей поражение в первой мировой войне, страны, в которой раньше, чем в других, развернулась под непосредственным влиянием Октябрьской революции мощная волна революционного движения, оказавшего большое воздействие на соседние страны. С этой точки зрения революционные события в Венгрии, и в частности провозглашение Венгерской Советской республики в марте 1919 г., должны быть освещены значительно раньше соответствующих событий в Польше, Чехословакии, Болгарии и Австрии, тем более что помещенные в хрестоматии документы и материалы по указанным странам датируются маем, июнем и августом 1919 года.

Однако недостатки в расположении материала в рецензируемом томе ни в какой мере не преуменьшают значения приведенных документов и материалов. Большим достоинством IV главы является умелый подбор документов и материалов, рассказывающих о героической деятельности коммунистических и рабочих партий в период между двумя мировыми войнами. Если деятельность коммунистических партий Германии, Франции и некоторых других стран довольно подробно освещалась в монографической и периодической литературе, на основе которой читатель имел возможность знакомиться с разнообразным кругом источников, то деятельность пролетарских революционных организаций таких стран, как Австралия, Канада, Южно-Африканский Союз, почти не находила отражения в на-

[7] «Локарнская конференция 1925 г.». Документы. М. 1959.

шей литературе. В связи с этим заслуживает одобрения включение в хрестоматию документов о коммунистических партиях не только крупных, но и малых стран. Значительная часть документов о последней группе стран публикуется в русском переводе впервые.

В хрестоматии приводятся и новые документы, содержащие последнюю оценку важных вопросов пролетарского революционного движения, в частности Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Наряду с документами, характеризующими деятельность коммунистических партий, IV глава содержит большой и разнообразный материал, разоблачающий правых лидеров социал-демократии разных стран, их тактику после 1917 г. и особенно накануне второй мировой войны.

Привлечет особое внимание читателя, на наш взгляд, раздел, посвященный Соединенным Штатам Америки. Приведенные здесь документы дают довольно полное представление о внутренней истории США. Многие из них впервые публикуются на русском языке. Интересны материалы, характеризующие позицию США в период Парижской мирной конференции 1919 г., сепаратный мирный договор с Германией, политические платформы двух основных буржуазных партий, извлечения из материалов судебного процесса Сакко и Ванцетти, отрывки из книг о положении негров в Соединенных Штатах, поправки к конституции США, принятые в 1919—1933 гг., и, наконец, большая группа документов, хорошо иллюстрирующая «новый курс» Франклина Рузвельта.

Подбирая документы по истории Соединенных Штатов, редакторы и составители исходили, очевидно, из того, что вопросы внешней политики с достаточной полнотой освещены в разделе «Международные отношения». В силу этого они сделали упор на внутреннюю политику, уделив мало внимания вопросам внешней политики США в период между двумя войнами, особенно в 30-е годы.

История стран Латинской Америки представлена в хрестоматии самостоятельным разделом. Это можно только приветствовать. Отсутствие публикаций документов и материалов по истории этих стран затрудняло разработку лекционных курсов и проведение спецсеминаров. До второй мировой войны курс истории стран Латинской Америки разрабатывался кафедрами истории колониальных и зависимых стран. Когда же последние преобразовались в кафедры истории стран Востока, то история Латинской Америки выпала из курса новейшей истории. Вполне естественно, что после ознакомления с соответствующим разделом хрестоматии возникает вопрос: в какой степени настоящая хрестоматия способствует ликвидации трудностей, существовавших и еще существующих при изучении истории этих стран в вузах? Нам представляется, что документы, приведенные в хрестоматии (стр. 547—587), не облегчают изучения истории стран Латинской Америки. Подбор документов в этом разделе представляется нам совершенно случайным. Из 21 латиноамериканской страны составители хрестоматии сочли возможным выбрать документы по истории всего лишь шести из них, не объяснив при этом, почему выбраны именно эти, а не другие страны. Кроме того, составители не всегда придерживаются логической последовательности в изложении материала. Так, вначале даются документы о Гаити, Мексике, Бразилии, Кубе, затем на странице 569 излагается 6-летний план Мексики, и здесь же составители снова возвращаются к Бразилии и, наконец, снова к Мексике.

В истории развития стран Латинской Америки есть много общего, хотя бы то, что все они являлись долгие годы объектом колониальной экспансии Соединенных Штатов и других империалистических государств. Однако каждая из стран Латинской Америки имеет свою специфику. Документы и материалы, составившие специальный раздел хрестоматии, должны были в какой-то степени отразить процесс исторического развития каждой страны.

Удачной частью раздела является общий обзор положения и деятельности коммунистических партий этих стран. Он окажет большую помощь как преподавателям, так и студентам.

В V главе, посвященной истории стран Востока на первом этапе общего кризиса капитализма, содержится много интересных, малоизвестных документов. Большое место в этой главе отведено документам по истории Китая, в частности по истории китайской революции. Менее удачно подобраны документы по Индии. Здесь интерес представляют программные материалы Индийского Национального конгресса, документы об основных политических партиях страны, о состоянии профсоюзного и крестьянского движения и т. д. По непонятным причинам остался совершенно не освещенным во-

прос о Ганди и гандизме. В хрестоматии имеются выдержки из двух документов об отношении Ганди к крестьянству и рабочему классу, но нет ни одного документа, раскрывающего сущность гандизма. Этот пробел, на наш взгляд, можно ликвидировать в соответствующем разделе готовящегося к изданию III тома хрестоматии.

Хорошее впечатление оставляют разделы, посвященные Бирме и особенно Индонезии. На наш взгляд, следовало бы по всем странам расположить материал так, как это сделано в разделе «Индонезия». В нем читатель найдет сравнительные таблицы о забастовочном движении рабочего класса и борьбе трудящихся масс, о классовом составе населения, данные об экспорте и импорте и ряд других весьма интересных материалов.

Отмеченные нами недостатки в различных разделах объемистого труда ни в какой степени не снижают его достоинств. Это первый и в целом удачный опыт. Не может быть сомнения в том, что преподаватели и студенты будут широко пользоваться настоящей хрестоматией.

С. А. Могилевский

Заметки о книгах

Б. С. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ. *Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.* Краткий очерк. Госполитиздат. М. 1959. Тираж 50 000. 575 стр. Цена 12 руб.

В прошлом году вышла в свет книга Б. С. Тельпуховского «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.». Это очерк о героической борьбе советского народа и его вооруженных сил против злейшего врага всего прогрессивного человечества — германского фашизма.

В рецензируемом издании по сравнению со всеми ранее опубликованными работами по данной проблеме более полно и обстоятельно освещаются деятельность Коммунистической партии, работа тыла, ход войны, раскрывается закономерность нашей победы над врагом.

Исследуя вопрос о роли Коммунистической партии в мобилизации народа на разгром врага, автор привлек много свежего архивного материала. В частности, большой интерес представляют новые данные о работе московской, ленинградской, тульской и других партийных организаций и руководстве ими со стороны Центрального Комитета партии.

По решению ЦК ВКП(б) лучшие партийные силы были направлены в армию и на флот. Например, в 1942 г. 54% коммунистов находились в рядах вооруженных сил. Безграничная вера советского народа в свою родную Коммунистическую партию проявлялась в бурном росте ее рядов. Лучшие люди на фронте и в тылу шли в партию. В рецензируемой книге указывается, что за время войны в члены партии было принято 3 615 тыс. и в кандидаты — 5 319 тыс. человек.

Коммунистическая партия сумела добиться невиданного в истории единства тыла и фронта, обеспечила непрерывное возрастание в ходе войны сил социалистического государства. Б. С. Тельпуховский изложил причины временных неудач советских войск в начале войны, а также показал, как советский народ под руководством Коммунистической партии ликвидировал временные преимущества врага и создал предпосылки для перехода Советской Армии в контрнаступление.

В книге приводится много ярких примеров массового героизма советских людей на фронте. За время Великой Отечественной войны было награждено орденами и медалями свыше 7 млн. советских солдат, матросов, офицеров, генералов и адмиралов. Одиннадцать тысяч воинов были удостоены звания Героя Советского Союза, 65% среди них являются коммунистами.

Большую помощь советским войскам на фронте оказывала борьба сотен тысяч партизан в тылу врага. О силе и размахе партизанского движения говорят многие новые архивные материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, использованные в книге. Впервые в исторической литературе автор показывает громадное значение для развертывания партизанского движения постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу

вражеских войск», а также ряда других партийных решений, например, утвержденного 27 июня 1942 г. Центральным Комитетом партии оперативного плана удара по коммуникациям и узлам противника в пограничных областях СССР, оккупированных врагом (стр. 98, 267).

Подвиги защитников Родины на фронте сочетались с трудовым героизмом рабочих, колхозников и интеллигенции в тылу. В книге приводится много интересных обобщающих данных о работе промышленности на отдельных этапах войны.

Серьезное внимание автор уделяет вопросам стратегического планирования хода войны Ставкой Верховного Главнокомандования.

С полным основанием автор утверждает, что Ставка разработала общий оперативно-стратегический план на 1943 г., предусматривавший разгром главных сил немецко-фашистских войск в районе Курского выступа, изгнание в течение лета и осени вражеских войск за линию Смоленска, реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра, а также ликвидацию таманского плацдарма немцев (стр. 247). Победа под Курском, Орлом и Белгородом, отмечается в книге, положила начало осуществлению летней кампании 1943 года.

Стратегический план Ставки на 1944 г., исходивший из общеполитических задач, сводился к следующему: очистить от немецко-фашистских оккупантов всю советскую землю и восстановить государственные границы СССР по всей линии от Черного моря до Баренцова; начать освобождение народов порабощенных стран; перенести войну на территорию фашистской Германии (стр. 317, 349).

В книге отмечается (стр. 440), что «стратегический замысел Ставки Верховного Главнокомандования по завершению войны в Европе заключался в том, чтобы одновременно нанести ряд ударов на фронте от Балтийского моря до Карпат». Эти удары привели к безоговорочной капитуляции фашистской Германии 8 мая 1945 года.

Что касается дальневосточного театра военных действий, то здесь планом предусматривалось: «Возможно быстрее уничтожить последний очаг второй мировой войны, обеспечить безопасность наших дальневосточных границ и установить мир во всем мире...» (стр. 526). В разгроме империалистической Японии важную роль сыграла Народно-освободительная армия Китая. Плечом к плечу против японских милитаристов сражались Советские Вооруженные Силы и войска Монгольской Народной Республики. Это боевое содружество нашло яркое отражение в книге.

Таким образом, Советское Верховное Главнокомандование в ходе войны заранее планировало способы и методы достижения стратегических целей не только на период проведения отдельных операций, но и на более длительный срок — в рамках военных кампаний.

В книге подчеркивается, что создание антигитлеровской коалиции явилось величайшей победой советской внешней политики. Вместе с тем автор правильно подчеркивает, что военные действия англо-американских вооруженных сил на различных театрах второй мировой войны носили второстепенный характер.

Бок о бок с Советской Армией, вынесшей на своих плечах основную тяжесть борьбы против немецко-фашистских оккупантов, сражались чехословацкие и польские корпуса, югославские и албанские партизанские войска, затем к общей борьбе присоединились румынские и болгарские дивизии.

Большое место в книге занимает освещение национально-освободительного движения сил Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах. Автор подчеркивает, что это движение было закономерным явлением внутреннего развития стран, подвергшихся оккупации.

Книга не лишена недостатков. Трудно согласиться с целесообразностью включения автором в третий, завершающий период войны (глава II) разгрома империалистической Японии. Великая Отечественная война велась советским народом против фашистского блока, в который входила также империалистическая Япония. Однако действия происходили на двух различных театрах войны — в Европе и на Дальнем Востоке. Борьба советского народа против империалистической Японии оказывала огромное влияние на расширение национально-освободительного движения в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, оккупированных японскими милитаристами. Таким образом, имеются веские основания считать битву Советского Союза против империалистической Японии не частью третьего периода Великой Отечественной войны, а ее самостоятельным, особым, четвертым периодом.

Есть в книге и другие спорные моменты. Например, автор пишет, что «главная цель

немецкого наступления летом 1942 г. состояла в том, чтобы разгромить войска Советской Армии к югу от Орла, захватить важные в экономическом отношении районы Донбасса, Дона и Кубани и затем развивать наступление дальше на юг, в сторону Кавказа, для захвата нефтяных районов в пределах Кавказа и путей через Кавказ» (стр. 115). Между тем нет никаких оснований подчеркивать, что наступление в сторону Кавказа служило главной целью врага на летний период 1942 года. В директиве германского верховного командования от 5 апреля 1942 г. указывалось на необходимость проводить летние операции этого года, придерживаясь первоначальных принципов «восточного похода». Это означало, что в 1942 г., как и в 1941 г., после захвата Сталинграда предусматривалось основное наступление не на Кавказ, а на Москву, где находилась главная группировка Советской Армии. В связи с этим и главные силы войск противника по-прежнему были сосредоточены в центре фронта и нацелены на Москву. В летней кампании 1942 г. наступление основной ударной группировки врага планировалось и проводилось на сталинградском, а не на кавказском направлении. Все это говорит о том, что наступление на Кавказ носило вспомогательный характер. Более правильно этот вопрос изложен Б. С. Тельпуховским в учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма», где говорится, что «гитлеровцы рассчитывали закрепиться на Юге и затем перейти в наступление в северо-восточном направлении».

В ряде мест книги встречаются неточности. Например, на стр. 65 автор пишет, что к концу октября немецко-фашистские войска были остановлены восточнее Алексина. В действительности же линия фронта проходила западнее Алексина. На стр. 71 сказано, что гитлеровские танковые части были разгромлены усилиями 1-го кавалерийского корпуса. Во-первых, это был 1-й гвардейский кавалерийский корпус (ранее он являлся 2-м кавалерийским); во-вторых, не упоминается, что он имел танковую и стрелковую дивизии, танковую бригаду и два танковых батальона. По существу это была оперативная группа войск. Знакомство читателя с составом кавалерийского корпуса позволило бы понять, почему именно он сумел разгромить 17-ю танковую дивизию 2-й танковой армии врага.

На стр. 237 указывается, что в состав правого крыла Брянского фронта (по состоянию на 12 июля 1943 г.) были включены 11-я армия и 4-я танковая армия. В действительности 12 июля 1943 г. на правом крыле Брянского фронта в наступление перешла 61-я армия под командованием генерала П. А. Белова. 11-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского была введена в сражение 20 июля, а 4-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта танковых войск В. М. Баданова — 26 июля. Обе армии вводились в сражение в полосе действия 11-й гвардейской армии Западного фронта и были включены в состав Брянского фронта лишь 30 июля, после завершения Болховской наступательной операции.

Но эти отдельные погрешности не изменяют положительной оценки рецензируемой книги.

В. А. Секистов

П. П. АНДРЕЕВ. *Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.— 1945 г.)*. М. 1959, 180 стр. Тираж 80 000. Цена 1 руб. 90 коп.; А. А. ЗЕМСКОВ, В. И. НЕЧИПУРЕНКО. *Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (июль 1941—1945 гг.)*. М. 1959. 112 стр. Тираж 19 000. Цена 1 руб. 65 коп.; Н. ШАТАГИН. *Партия в период Великой Отечественной войны*. М. 1959. 240 стр. Тираж 150 000. Цена 2 руб. 85 коп.

В годы Великой Отечественной войны, как никогда прежде, раскрылось величие советского народа, грудью вставшего на защиту своей любимой социалистической Родины. Борьбу народа за свободу и независимость Отчизны возглавила Коммунистическая партия.

В последнее время советские ученые проделали значительную работу по изучению истории КПСС периода Великой Отечественной войны. Появилось немало книг, специально посвященных этой теме.

В 1959 г. наряду с другими изданиями вышли в свет книги П. П. Андреева, Н. И. Шатагина и выступивших в соавторстве А. А. Земскова и В. И. Нечипуренко. Все три работы призваны служить пособием для изучающих историю КПСС. Каждая из них отвечает, хотя и не в равной степени, своему назначению. Использовав архивные источники, а также имеющуюся литературу, авторы этих сравнительно небольших по объему книг на конкретном материале сумели показать многогранную деятельность КПСС в годы войны по укреплению Советской Ар-

мии и руководству партизанским движением в тылу врага, по перестройке экономики страны на военный лад и мобилизации сил советского народа на разгром фашистских захватчиков. Много места отведено проблемам партийного строительства. Но, пожалуй, главным достоинством указанных книг является показ авторами того огромного внимания, которое уделяла партия развертыванию партийно-политической работы в массах в годы войны.

Не все вопросы освещены в книгах достаточно хорошо. Тем не менее в каждой из них дается правильная картина героической истории Коммунистической партии в период войны.

Великая Отечественная война коренным образом изменила обстановку в стране. Перед советским народом встали небывалой трудности задачи. Чтобы организовать их успешное решение, партия должна была перестроить формы, стиль и методы своей работы применительно к требованиям военного времени.

В рецензируемых книгах показано, как КПСС перераспределяла свои силы, изменяла структуру и методы работы своих организаций, чтобы охватить повседневным партийным влиянием все главнейшие участки работы в тылу и на фронте. Коренным мероприятием в этом отношении явилось укрепление армии партийными кадрами. По решению ЦК ВКП(б) на руководящую партийно-политическую работу в вооруженные силы было направлено около 50 тыс. опытных работников. Вместе с тем в первые месяцы войны по мобилизации и добровольно на фронт ушли сотни тысяч коммунистов. Из имевшихся в стране трех с лишним миллионов членов и кандидатов партии в рядах армии к концу 1941 г. находилось около 1 300 тыс. человек, или 42,4% всего состава партии (А. А. Земсков, В. И. Нечипуренко, стр. 30) [1].

Во главе Советских Вооруженных Сил был поставлен генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин. На руководящую военную работу были направлены К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Н. С. Хрущев, А. С. Щербаков и другие члены Центрального Комитета партии. Всего в армии и на флоте в первые дни войны находилась почти треть всех членов и кандидатов в члены ЦК (Н. Шатагин, стр. 36—37).

Серьезные изменения произошли и в тыловых парторганизациях. Здесь, как справедливо подчеркивают авторы, громадное внимание уделялось перестройке и улучшению деятельности первичных партийных организаций (см., например, П. П. Андреев, стр. 20). Особенно большая работа в этом отношении была проделана в первые месяцы войны. В связи с уходом на фронт многих коммунистов число первичных партийных организаций в тылу резко сократилось, во многих из них осталось всего по нескольку человек. Если, например, в начале войны в Москве насчитывалось 236 тыс. коммунистов, то к концу 1941 г.— 50 тысяч. Количество первичных организаций сократилось в столице за это время более чем в 2 раза, причем в половине из них насчитывалось не более чем по десяти человек (там же, стр. 21).

В столь сложной обстановке первостепенное значение приобретал вопрос правильной расстановки партийных сил. Партийные организации, показывают авторы, направляли коммунистов на решающие участки производства.

Партия существенно перестроила стиль и методы своей деятельности. При этом особое внимание было обращено на оперативность и четкость в работе. Партийным комитетам пришлось до минимума свести собрания и заседания; главное внимание было обращено на живое, практическое дело.

Раскрытие авторами трудностей, с которыми пришлось столкнуться партии в ходе войны, помогает показать все величие КПСС как вдохновляющей и организующей силы советского общества. В тяжелую пору, в неимоверно сложной обстановке партия не дрогнула, не растерялась. Она возглавила борьбу советского народа за свободу и независимость Родины, действуя как единая, монолитная организация.

В книгах нарисована яркая картина деятельности партии в массах. Политическая пропаганда и агитация на промышленных предприятиях и в колхозах, в воинских частях и среди населения оккупированных врагом районов, повышение идейно-теоретического уровня коммунистов, борьба Центрального Комитета партии за остроту и большевистскую боевитость идеологической работы в массах — таков далеко не полный круг вопросов, затронутых авторами в связи с изложением данной проблемы.

Руководствуясь указанием В. И. Ленина о том, что «осознание массами целей и при-

[1] При ссылках указываются лишь фамилии авторов без названия их работ.

чин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу»[2], Коммунистическая партия усилила партийно-политическую работу в массах во второй половине 1941 года. С этой целью в ряды агитаторов было выдвинуто большое число партийных и советских работников, представителей интеллигенции, тружеников города и деревни. Только в Москве и Московской области в то время насчитывалось свыше 125 тыс. агитаторов (А. А. Земсков, В. И. Нечипуренко, стр. 30). Партия разъясняла советским людям сущность и характер войны. Раскрывая великие преимущества советского социалистического строя, она укрепляла в массах уверенность в неизбежном торжестве нашего правого дела, в неминуемом крахе фашистской Германии. Небывало широкий размах получила политическая агитация среди личного состава армии и флота. В июне 1942 г. при ГлавПУРККА был создан Совет военно-политической пропаганды, который изучал, обобщал и распространял передовой опыт партийно-политической работы в войсках (П. П. Андреев, стр. 74).

На конкретно-историческом материале авторы показывают, что общее руководство политической пропагандой и агитацией среди тружеников тыла, воинов Советской Армии, среди населения оккупированных врагом районов осуществлял Центральный Комитет партии. Авторы отмечают, что на заключительном этапе войны потребовалось усилить идеологическую работу в массах. Это, в частности, диктовалось тем, что советскому народу еще предстояло преодолеть огромные трудности, связанные с задачей окончательного разгрома противника. Кроме того, к этому времени Советская Армия освободила от фашистской неволи десятки миллионов советских граждан, на которых сравнительно длительное время на оккупированной территории пыталась воздействовать фашистская пропаганда.

Развернутую программу улучшения повседневной политической пропаганды и агитации дал Центральный Комитет партии в постановлениях о состоянии и мерах улучшения политико-массовой и идеологической работы в Татарской и Башкирской партийных организациях, принятых в августе 1944 и в феврале 1945 года. ЦК ВКП(б) потребовал всю эту работу проводить в неразрывной связи с хозяйственно-политическими задачами, мобилизуя трудящихся на усиление помощи фронту. Авторы приводят также ряд других постановлений Центрального Комитета партии, принятых в то время с целью усиления идеологической работы.

П. П. Андреев показывает, как данные решения претворялись в жизнь. К сожалению, остальные авторы в этом вопросе ограничились пересказом содержания постановлений.

В период Великой Отечественной войны, как справедливо отмечают авторы, шел бурный рост партийных рядов. В книгах П. П. Андреева и Н. И. Шатагина приводятся интересные данные о том, как пополнялась тогда партия за счет лучших представителей советского народа. Если за последний предвоенный год по стране вступил в партию 233 071 человек, то за первые полтора года войны вступили кандидатами в члены партии 1 566 тыс. и в члены партии — 718 тыс. человек (П. П. Андреев, стр. 82). Только в 1943 г. было принято 1 787 735 чел. в кандидаты и 1 006 174 чел. в члены партии (Н. Шатагин, стр. 129).

Весьма показательно, что особенно быстро пополнялась партия в наиболее трудные для страны дни. Так, с января по июль 1942 г. армейские партийные организации приняли в свои ряды свыше 425 тыс. человек, и с июля по конец 1942 г., когда шли ожесточенные бои на подступах к Волге, в армейские партийные организации влилось свыше 640 тыс. человек. При этом наибольшее число — около 115 тыс.— вступивших в партию приходится на сентябрь, когда начались бои за Сталинград и положение на фронте особенно обострилось (там же, стр. 134).

Жаль, что в книгах не приведены итоговые сведения о росте партии в годы войны. Следовало бы также рассказать об улучшении социального состава нового пополнения ВКП(б). Как известно, среди лиц, вновь принятых в партию по стране с начала войны по март 1946 г., рабочие составляли 32,1%; за соответствующий же предвоенный период — 24,4%[3].

Небывало бурный рост рядов партии составляет характерную особенность истории КПСС в период войны. Однако столь важный вопрос не нашел освещения в работе А. А. Земскова и В. И. Нечипуренко, что является упущением, которое никак нельзя оправдать малыми размерами книги.

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 115.

[3] Журнал «Партийное строительство», 1946, № 4, стр. 28.

Перестройка деятельности партийных организаций в начале войны, усиление политической пропаганды и агитации в массах, а также укрепление своих собственных рядов — эти и многие другие мероприятия в конечном итоге преследовали одну общую цель: мобилизацию советского народа на разгром фашистской Германии. Авторы показывают, что Коммунистическая партия и Советское правительство в первые же дни войны разработали всестороннюю программу мобилизации всех сил страны на отпор врагу. Эта программа была сформулирована в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня, а затем была изложена и развита в речи председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

В рецензируемых книгах раскрыта огромная организаторская роль партии по перестройке экономики страны, и прежде всего промышленности, на военный лад. Обеспечение предприятий рабочей силой, обучение вновь пришедших на производство, перебазирование на Восток заводов и фабрик из прифронтовых и угрожаемых районов, строительство новых предприятий, укрепление и расширение топливно-энергетической базы — таковы основные проблемы, которые пришлось решать советскому народу в первый период Великой Отечественной войны.

Н. И. Шатагин и П. П. Андреев на конкретном материале показали, как партия возглавила борьбу рабочего класса и колхозного крестьянства за быстрейшую перестройку экономики страны применительно к нуждам фронта. Что касается книги А. А. Земскова и В. И. Нечипуренко, то в ней одни вопросы (изыскание и подготовка рабочей силы, эвакуация промышленности) изложены сравнительно полно, другие (строительство новых предприятий, решение топливно-энергетической проблемы) даже не упоминаются. А упомянуть о них стоило, ибо перестройка промышленности на обслуживание нужд фронта составляла главную задачу советского тыла в первый период войны.

Н. И. Шатагин и П. П. Андреев затрагивают вопрос о сроках создания слаженного военного хозяйства в нашей стране. Первый утверждает, что этот процесс завершился к концу 1942 — началу 1943 года (стр. 105). Второй в одном случае говорит, что слаженное военное хозяйство удалось создать к концу 1942 г. (стр. 82), в другом — что «могучее, хорошо слаженное и быстро растущее военное хозяйство» было создано в 1943 году (стр. 125). Однако с такими утверждениями трудно согласиться. И не потому, что авторы допускают некоторую противоречивость в определении сроков создания слаженного военного хозяйства. Дело в том, что при подобной датировке остается неясным, почему перестройка промышленности на военный лад закончилась в нашей стране летом 1942 г., а слаженное военное хозяйство было создано лишь в конце 1942 или даже в 1943 году. Возникает вопрос: почему перестройка промышленности на военный лад не привела одновременно к созданию слаженного военного хозяйства и какие проблемы надо было решить, чтобы добиться последнего? Более того, отнесение срока создания слаженного военного хозяйства на конец 1942 и начало 1943 г. мешает правильному пониманию предпосылок грандиозного наступления Советской Армии, предпринятого осенью 1942 г., завершившегося разгромом врага под Сталинградом.

В каждой из рассматриваемых работ говорится о том, как росла и развивалась экономика Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны, что помогает лучше раскрыть неоспоримые преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической. В военное время советский народ под руководством партии развернул на Востоке грандиозное строительство. За три года в общей сложности было построено 2 250 крупных предприятий, среди них такие гиганты, как Челябинский металлургический и Южноуральский трубопрокатный заводы, металлургический завод имени И. В. Сталина в Узбекистане, заводы ферросплавов в Кузнецке и Актюбинске, Уральский турбозавод, Алтайский тракторный и др. заводы (П. П. Андреев, стр. 140). Важно отметить, и это подчеркивается в рецензируемых работах, что советская индустрия в военный период росла не только в количественном, но и в качественном отношении. За два года войны, начиная с середины 1942 г., общая производительность труда в промышленности выросла на 40%, в том числе в танковой — на 43%, в авиационной — на 47% и в промышленности боеприпасов — на 57% (А. А. Земсков, В. И. Нечипуренко, стр. 81).

Как указывают авторы, новое промышленное строительство и крутой рост производительности труда позволили нашему народу начиная с 1942 г. из месяца в месяц, из года

в год увеличивать объем необходимой для фронта продукции. Причем Советский Союз по количеству производимой боевой техники оставил позади себя как Германию, так и Англию и Соединенные Штаты Америки.

Грандиозные успехи СССР в борьбе с фашистскими захватчиками явились следствием ряда факторов. Важнейшие среди них — героический труд советских людей в тылу и их массовый героизм на фронте. Авторы рассказывают о том, как народы нашей многонациональной Родины во главе с Коммунистической партией поднялись на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, на защиту своей свободы и независимости.

Как уже отмечалось, рецензируемые книги служат пособием для преподавателей и студентов, а также для самостоятельно изучающих историю Коммунистической партии в годы войны. В подобных книгах, сочетающих в себе популярную форму изложения со строго научной подачей материала, должны быть тщательно проверены приводимые факты, тщательно отточены формулировки. Тем не менее авторы рассматриваемых нами работ все же допустили ряд ошибок и неточностей.

Так, неточно утверждение Н. И. Шатагина, что всюду, куда вступала Красная Армия, народные массы «свергали ненавистные антинародные правительства и устанавливали режим народной демократии» (стр. 210). Во-первых, не во всех странах, куда вступали советские войска, власть переходила в руки народа. Во-вторых, такое освещение процесса установления режима народной демократии в известной мере упрощенно.

Не во всем можно согласиться и с П. П. Андреевым. На стр. 43 своей книги он, например, пишет, что «войска Юго-Западного фронта разгромили слуцко-ливенскую группировку на калининском направлении». Прежде всего войска этого фронта никогда не действовали на калининском направлении. В указанное же время (декабрь 1941 г.) они были развернуты на линии Ряжск — Ефремов — Елец — Касторная — Изюм. Непонятно также, что это за «слуцко-ливенская группировка» войск противника, которая оказалась на калининском направлении. Слуцк находится в Белоруссии, южнее Минска, а Ливны — в Орловской области.

На стр. 73 сказано, что фашисты, прорвав советскую оборону, «в середине июня вышли к большой излучине Дона», тогда как в действительности это произошло в середине июля 1942 года. В число районов, оккупированных врагом летом и осенью 1942 г., П. П. Андреев почему-то включил и Украину (стр. 76).

В книге П. П. Андреева имеются также другие ошибки и неточности. На стр. 58 Волчанское месторождение угля на Урале названо Волконским; на стр. 120 вместо «продовольственные нормы» написано «производственные», что искажает смысл фразы. Читая страницы 144 и 145, можно подумать, что во время войны существовали Рязанский, Курский, Куйбышевский, Башкирский, Новосибирский и Омский крайкомы, а не обкомы партии. Кроме того, у читателя может создаться впечатление, будто во время войны в Челябинске было построено по крайней мере два крупных металлургических предприятия, хотя в действительности было построено одно (стр. 111—112, 140—141).

Немало ошибок и неточностей допущено в книге А. А. Земскова и В. И. Нечипуренко. Лишь недоумение может вызвать их утверждение, что «посевные площади в стране расширились с 62,6 млн. га в 1940 г. до 66,3 млн. га в 1942 г.» (стр. 29). На самом деле в результате оккупации врагом значительной части территории СССР к этому времени посевные площади в стране сократились на 47% [4]. Приводимые же авторами цифры относятся не ко всей стране, а лишь к восточным, неоккупированным районам. На стр. 57 сказано, что «количество выработанных трудодней на одного трудоспособного колхозника в 1942 г. в сравнении с предвоенным 1940 г. увеличилось в полтора раза». А двумя строками ниже говорится, что оно поднялось за это время на 29%. А. А. Земсков и В. И. Нечипуренко пишут, что в результате летне-осеннего наступления 1943 г. «Советская Армия с ожесточенными боями продвинулась на запад от 500 до 1 300 км» (стр. 63). Между тем это расстояние наши войска прошли за время с ноября 1942 г. по ноябрь 1943 года. Авторы переименовали город Сахалин в Сахалин (стр. 95), а Киев они почему-то считают столицей Левобережной Украины (стр. 63). Не в ладах с географией находится и утверждение авторов, что войска Ленинградского фронта «разгромили вражеские войска на Карельском перешейке и 29 июня освободили Петрозаводск» (стр. 76). К сожалению, в книге А. А. Земскова и

[4] «История Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1960, стр. 540.

В. И. Нечипуренко есть много других, более мелких неточностей и противоречий.

Инициатива ряда издательств, начавших публикование научно-популярных книг по истории Коммунистической партии Советского Союза, заслуживает всяческого одобрения. Она содействует решению задач, которые были выдвинуты в постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

А. Ф. Васильев

Д. И. КОВАЛЕВСКИЙ. *Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945.* М. 1959. Тираж 35 000. 168 стр. Цена 4 руб. 40 коп.

Книга Д. И. Ковалевского — первая попытка создать пособие для учителя по истории Великой Отечественной войны. Она невелика по объему. На основе систематизации уже опубликованных материалов и привлечения новых архивных документов автор сумел в научно-популярной форме изложить историю войны. При этом он учел специфику пособия. В книге широко раскрыт героизм советской молодежи на фронте и в тылу.

На большом фактическом материале в книге показана многогранная деятельность Коммунистической партии — вдохновителя и организатора побед советского народа в годы войны.

Большое место в книге занимает освещение героизма советских людей — рабочих, крестьян, интеллигенции. Представляют интерес страницы, посвященные работе тыла в первый, самый трудный период войны. Вместе с тем автор рассказывает и о трудовых подвигах советских людей, которые они совершили в борьбе за дальнейшее укрепление военно-экономической мощи социалистической Родины в последующие годы войны.

В книге в основном правильно освещена обстановка, сложившаяся в нашей стране к началу войны, и самый ход военных действий. Приводится много интересных фактов, раскрывающих подготовку фашистской Германией агрессии против СССР, разоблачающих неблаговидную роль американских, английских и французских монополий, с чьей помощью накануне войны возродился германский милитаризм. Автор показывает причины неудач наших войск в начальный период войны.

Ряд страниц посвящен оборонительным и наступательным боям советских войск под Москвой, героической обороне Сталинграда.

К сожалению, дальнейший ход военных действий освещен весьма схематично. Слабо показано контрнаступление советских войск под Сталинградом и на Курской дуге. А казалось бы, именно об этих операциях следовало сказать более подробно, так как именно их успешное проведение привело к коренному перелому в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны. На наш взгляд, автору следовало подчеркнуть, что контрнаступление под Сталинградом—это первая крупная операция во второй мировой войне по окружению и уничтожению противника, успешно проведенная фактически при равенстве сил обеих сторон.

Операции советских войск в 1944 г. в книге фактически лишь перечислены. В пособии для учителя необходимо было хотя бы кратко охарактеризовать этот новый этап в военных действиях наших войск, когда Советская Армия вела только наступательные бои. Типичной формой ее операций стало окружение и уничтожение крупных группировок противника. В 1944 г. из 136 разбитых и выведенных из строя фашистских дивизий около 70 было окружено и уничтожено.

Некоторые операции автор освещает неточно. Так, он говорит (стр. 124) об окружении вражеской группировки на ближних подступах к Ленинграду. В действительности окружить противника здесь не удалось. Неправильно указана дата операции советских войск на Правобережной Украине. Автор утверждает (стр. 125), что она была осуществлена в феврале — марте 1944 года. На самом деле операция была проведена во второй половине декабря 1943 — 17 апреля 1944 года.

Вместе с тем надо отметить, что завершающий период Великой Отечественной войны в целом освещен автором удачно. Хорошо раскрыта обстановка, сложившаяся к началу 1945 г., подчеркнуто, что непрерывный рост могущества Советского Союза, укрепление Вооруженных Сил СССР позволили нашему командованию в отличие от предшествующего периода развернуть одновременное наступление на всем советско-германском фронте и завершить разгром гитлеровской Германии.

В первой главе книги ярко и убедительно рассказывается о подвигах наших пограничников. Но в последующих главах о

героизме советских бойцов и командиров, к сожалению, говорится мало. Не приводится, например, ни одного факта самоотверженной борьбы советских воинов в 1944—1945 гг., за исключением операции по разгрому Квантунской армии в Маньчжурии. А ведь такого рода материал имеет большое значение для воспитания молодежи в духе преданности и любви к Родине.

В заключение приведем несколько примеров небрежного редактирования книги. На стр. 11 говорится: «...вслед за мюнхенским соглашением в 1939 г. Чемберленом и Гитлером была подписана совместная англо-германская декларация, а несколько позднее, в декабре 1938 г., Боннэ и Риббентроп подписали франко-германскую декларацию». На стр. 18 имеется фраза: «Советские войска совместно с танковыми соединениями, при поддержке артиллерии и авиации преодолели сильную оперативную зону заграждений...». А разве танковые соединения, артиллерия и авиация не являются войсками? Неточные выражения встречаются на стр. 36, 38, 39 и других.

Все эти недочеты в известной мере снижают общее благоприятное впечатление о книге.

В. А. Мацуленко

А. М. САМСОНОВ. *Великая битва под Москвой. 1941—1942.* М. 1958. Тираж 20 000 экз. 224 стр. Цена 4 руб. 75 коп.

Среди немногочисленной литературы, посвященной героической обороне Москвы и разгрому гитлеровцев на подступах к столице зимой 1941/42 г., следует отметить книгу А. М. Самсонова. Она написана на основе как опубликованных материалов, так и архивных источников. Достоинством работы является прежде всего то, что автор сумел систематизировать и обобщить имеющиеся материалы по данной теме.

А. М. Самсонов начинает изложение с определения характера второй мировой войны. Затем освещает ход военных событий на советско-германском фронте с момента нападения гитлеровской Германии на СССР, характеризует обстановку, которая сложилась на Западном стратегическом направлении в результате смоленского сражения. К концу сентября 1941 г. здесь было сосредоточено около половины всех немецко-фашистских войск, находившихся на советско-германском фронте.

Центральное место в книге отведено трудовым и ратным подвигам советских людей в период боев за Москву. Автор уделяет много внимания героическим действиям советских летчиков и участию трудящихся столицы в отражении налетов фашистской авиации на Москву. При этом он подчеркивает, что проявленные москвичами в борьбе с немецкой авиацией смелость и находчивость сыграли большую роль в срыве замыслов противника. В книге приводится большое количество воспоминаний непосредственных участников героической обороны Москвы. Эти воспоминания хранятся в отделе рукописных фондов Института истории Академии наук СССР. Однако А. М. Самсонов иногда слишком увлекается этими материалами, перегружает ими небольшую по объему книгу, не давая критической оценки отдельным фактам, которые приводятся в воспоминаниях.

В книге рассказывается о деятельности Московской партийной организации по созданию дивизий народного ополчения, истребительных и рабочих батальонов, коммунистических дивизий, по перестройке промышленности на военный лад, по строительству оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к столице, по привлечению москвичей к осуществлению различного рода мероприятий, направленных на обеспечение обороны Москвы в период октябрьских и ноябрьских боев 1941 года. Следует, однако, внести поправку в вопрос о количестве дивизий московского ополчения. Дополнительное изучение материалов Партийного архива МК и МГК КПСС позволило установить, что в Москве к 6 июля 1941 г. было сформировано не 11, как об этом указывалось в отчете военного отдела МГК КПСС, а 12 дивизий народного ополчения. В их рядах насчитывалось не 106 тыс. человек, как полагали раньше, а около 160 тыс., включая 40 тыс. ополченцев Московской области [1].

Наибольший интерес представляют приведенные в книге данные и выводы автора о работе московской промышленности на нужды обороны в октябре — ноябре 1941 года. Если до войны удельный вес специальной продукции городской промышленности равнялся 9,8%, то в 1941 г. — уже 95%, районной промышленности — соответственно 10,3 и 91%, промысловой кооперации — 10 и 93% (стр. 155).

Автор подробно рассказывает о героиче-

[1] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 4, оп. 12, д. 12, кор. 164, л. 65.

ских делах московских железнодорожников, которые оказали большую помощь фронту.

Наиболее полно в книге освещен вопрос о контрнаступлении советских войск, начавшемся в декабре 1941 г., показано военно-политическое значение исторической победы советского народа и его вооруженных сил под Москвой. Автор критикует буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны, которые пытаются исказить и всячески преуменьшить действительное значение победы советского народа и его армии на подступах к Москве.

Говоря о героизме советских людей в битве за Москву, автор недостаточно полно и убедительно решает поставленную им задачу—показать ведущую роль партийных организаций в обеспечении нашей победы. Так, выдвинутый в книге тезис о том, что МК и МГК ВКП(б), райкомы партии и первичные парторганизации проводили огромную организаторскую, агитационную и политико-воспитательную работу среди трудящихся, обеспечивая решение задач по снабжению фронта и преодолению трудностей (стр. 156), не раскрыт на конкретном материале.

Успешной мобилизации москвичей для защиты столицы способствовала массово-политическая работа среди широких масс трудящихся Москвы. МГК ВКП(б) провел в сентябре 1941 г. специальный актив городской парторганизации, который обсудил вопрос о состоянии партийно-политической работы в столице. Между тем в книге освещение вопроса о массово-политической работе свелось лишь к упоминанию большого значения политической пропаганды и агитации среди населения столицы.

В книге не говорится о мерах, принятых Центральным Комитетом партии, для усиления партийно-политической работы и партийного влияния в частях действующей армии и о той роли, которую сыграли в этом деле местные партийные организации. В конце июня 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о мобилизации в армию коммунистов на должности политбойцов. Это постановление обязывало обкомы, крайкомы партии в трехдневный срок мобилизовать в армию от 500 до 1 500 коммунистов. Московская партийная организация только за первые пять месяцев войны послала на фронт более 100 тыс. коммунистов. Всего по стране за первый год войны было направлено в действующую армию по партийной, военной и комсомольской мобилизациям около 800 тыс. коммунистов и около 2 млн. комсомольцев. 16 июля 1941 г. был введен институт военных комиссаров, которому принадлежит большая заслуга в дальнейшем укреплении Советской Армии и повышении ее боеспособности в первый, наиболее трудный период войны.

Важнейшим средством политического воспитания советских воинов являлась политическая агитация. В 1941 г. в обстановке напряженных боев с гитлеровцами во всех частях и подразделениях по указанию ЦК партии были созданы группы агитаторов из числа передовых воинов. С лекциями и докладами на фронтах выступали видные деятели Коммунистической партии, члены ЦК.

Огромное значение для роста и укрепления армейских парторганизаций имели принятые в 1941 г. постановления ЦК об изменении условий приема в партию для фронтовиков. Большое значение для повышения боеспособности советских войск имела постоянная связь местных партийных организаций и коллективов предприятий, учреждений, колхозов с частями и соединениями действующей армии. Например, парторганизации районов и предприятий Москвы имели связь не только с дивизиями народного ополчения, но и с другими частями и соединениями, оборонявшими Москву. Трудящиеся Коминтерновского района шефствовали над танковой бригадой генерала Катукова, Кировский район держал связь с 18-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизией, предприятия и учреждения Красногвардейского района — с 222-й стрелковой дивизией и т. д.

К сожалению, эти важнейшие вопросы не нашли отражения в книге. В ней не показано также на конкретном материале значение героического труда советского народа в глубоком тылу для обороны столицы, не раскрыта роль парторганизаций областей, краев и республик в мобилизации трудящихся на защиту Москвы. Помощь всего советского народа защитникам столицы сыграла решающую роль в разгроме фашистских захватчиков. Автор ограничивается лишь общим указанием на то, что со всех концов страны шла помощь Москве.

Высказанные здесь некоторые критические замечания, мы надеемся, будут учтены автором рецензируемой книги в дальнейшей работе над историей великой битвы под Москвой в 1941 году.

В. П. Цыганков

А. В. КАРАСЕВ. *Ленинградцы в годы блокады (1941—1943 гг.).* М. 1959. 312 стр. Тираж 5 000. Цена 12 руб. 65 коп.

Бессмертны подвиги ленинградцев, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Вышедшая в издании Академии наук СССР книга А. В. Карасева воскрешает эту героическую эпопею.

Монография написана на основе широкого круга источников. Автор обстоятельно изучил не только ленинградские архивы. Им широко использованы также материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, архивов Министерства обороны СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ. Хорошее знание документов и личное участие в обороне города-героя позволили А. В. Карасеву не только воссоздать картину обороны Ленинграда, но и сделать важные выводы по ряду вопросов. Книга представляет серьезный познавательный интерес. Несомненно также ее большое воспитательное значение, особенно для молодого, подрастающего поколения.

В книге поставлены и в той или иной мере освещены все основные проблемы истории обороны города. Это прежде всего и отличает ее от других работ, посвященных блокированному Ленинграду, в которых рассматриваются лишь отдельные вопросы, такие, как продовольственный, вопрос о народном ополчении, о Ладожской «Дороге жизни», о роли Краснознаменного Балтийского флота в защите Ленинграда и т. д. [1].

Название книги как нельзя более полно выражает сущность ее содержания и замысел автора. В центре его внимания не отдельные герои, а все трехмиллионное население Ленинграда.

А. В. Карасев нашел наиболее целесообразную форму подачи материала. Известно, что жизнь Ленинграда, как и других городов-героев и прифронтовых городов, определялась событиями на фронте, нуждами обороны. В связи с этим автор сначала показывает военную необходимость того или иного мероприятия, а затем уже рассказывает о том, как оно осуществлялось в Ленинграде под руководством ЦК ВКП(б) и Ленинградской партийной организации. Такой подход позволил А. В. Карасеву на конкретных примерах раскрыть нерушимую связь фронта и тыла, единство советского народа и Коммунистической партии.

Одним из достоинств книги является глубокое исследование причин временных неудач советских войск на северо-западном направлении в первые месяцы войны.

Автор показывает, что гитлеровское командование при разработке плана нападения на Советский Союз учитывало исключительное военно-экономическое, стратегическое и политическое значение Ленинграда для нашей страны. Именно поэтому фашисты ставили целью захватить его до генерального наступления на Москву. Стремясь выполнить эту задачу, гитлеровцы бросили в наступление на Ленинград около трети своих войск, подтянутых к советской границе. Они пытались любой ценой овладеть этим крупнейшим индустриальным и военно-стратегическим центром, чтобы потом объединенными силами групп армий «Центр» и «Север» обрушиться на Москву, нанести сокрушительный удар Советским Вооруженным Силам, добиться поражения СССР еще до наступления зимы.

Этим и объясняется необычайная напористость наступавших на Ленинград 16-й и 18-й армий, 4-й танковой группы и 1-го воздушного флота врага. Создав гигантский ударный кулак на северо-западном направлении, фашисты к 3 июля вторглись в пределы Ленинградской области, а к 15-му вышли на рубеж реки Луга, то есть, в сущности, на подступы к Ленинграду. Таким образом, над городом Ленина менее чем через месяц после начала войны нависла непосредственная опасность.

Как указывает автор, одной из причин быстрого продвижения противника к Ленинграду послужили определенные просчеты советского военного командования, не принявшего надлежащих мер по укреплению дальних подступов к городу с юго-запада. Автор убедительно показывает это, используя документы Министерства Обороны СССР.

В книге ярко раскрыто величие подвига ленинградцев, войск Ленинградского и Волховского фронтов, моряков Балтфлота и партизан, обеспечивших перелом в ходе военных действий под Ленинградом.

В исключительно трудных условиях тех дней потребовались чрезвычайные меры и огромные усилия, чтобы остановить врага, отстоять город. Ленинградская партийная организация, городской и областной Советы депутатов трудящихся, профсоюзные и комсомольские организации проявили ис-

[1] Среди этих работ исключение составляет вышедшая в июле 1960 г. книга Ф. И. Сироты «Город-герой». Но она представляет собой краткий очерк, а не монографическое исследование.

ключительную оперативность, умение и находчивость в этот критический момент. В максимально короткий срок работа всех учреждений и предприятий была перестроена на военный лад, материальные ресурсы и людские резервы мобилизованы для оказания помощи фронту. Ленинградцы плечом к плечу с воинами Советской Армии встали на защиту родного города.

К 25 сентября наступление фашистов под Ленинградом и на всех других участках фронта было остановлено. Враг повсюду перешел к обороне. Это было одним из свидетельств провала гитлеровского стратегического плана молниеносной войны.

В книге обстоятельно освещается и второй этап борьбы за Ленинград—после блокирования его с суши. Враг пытался порвать связь города со страной, осуществлявшуюся через Ладожское озеро, и путем систематических артиллерийских обстрелов и налетов с воздуха заставить его защитников сдаться. «Фюрер решил,— заносчиво говорилось в сентябрьской директиве немецкого военно-морского штаба,—стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта... Предположено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей» (стр. 118—119). В октябре 1941 г. была издана новая директива верховного командования немецких вооруженных сил, подтверждавшая намерение гитлеровцев уничтожить Ленинград и истребить его население. Такую участь готовила ленинградцам фашистская клика. С пунктуальной точностью немецко-фашистские войска приступили к осуществлению этого чудовищного плана.

Руководимые Коммунистической партией, ленинградцы проявили в этих сложнейших условиях исключительное мужество, стойкость и веру в победу, умение ковать ее в боях и труде. Автор отмечает, что ленинградцы, главным образом женщины, изготовили на заводах, где осталась после эвакуации только четвертая часть оборудования, такое количество орудий и пулеметов для Ленинградского фронта, каким обладала вся царская армия в 1916 году. Жители истерзанного осадой города снабжали отдельными видами оружия не только Ленинградский фронт: они оказывали помощь Москве, где развернулось решающее сражение первого года войны. В Москву было переправлено воздушным путем свыше 1 тыс. артиллерийских орудий и минометов, огромное количество корпусов для снарядов и мин.

Большой вклад внесло также население Ленинграда в оборону родного города своим активным участием в его противовоздушной обороне. Кстати сказать, данный вопрос в военно-исторической литературе так широко освещается впервые. В Ленинграде не было человека, который бы не участвовал в МПВО. Мужественно борясь с последствиями обстрелов и бомбежек, ленинградцы не позволили врагу сжечь свой прекрасный город.

Раскрывая героизм и самоотверженность ленинградцев, автор вместе с тем показывает всенародную помощь блокированному городу. По Ладожской «Дороге жизни» в Ленинград доставлялось продовольствие, топливо, горючее, переправлялись боевая техника (в основном танки) и войска. Эта всенародная помощь в сочетании с тем, что сделали сами ленинградцы, и позволила нашим войскам прорвать блокаду, а затем и вовсе снять ее.

Бесспорной заслугой автора является освещение огромной работы, которую провели городская партийная организация и Ленинградский Совет по мобилизации всех сил и средств трудящихся для оказания помощи фронту, для превращения Ленинграда в военный лагерь, в подлинную крепость. Важную роль в решении этих задач сыграло правдивое, горячее слово пропагандиста и агитатора. Автор подробно останавливается на идеологической работе, которую вела Ленинградская партийная организация. Даже в самые тяжелые дни зимы 1941/42 г. ни на один день не прекращалась партийно-политическая работа среди трудящихся. В суровых условиях блокады в Ленинграде родилась новая форма организационно-политической работы — институт политорганизаторов. В зависимости от обстановки Ленинградский городской комитет партии менял формы политической пропаганды и агитации. Но содержание ее оставалось неизменным: мобилизация всех сил трудящихся, всех материальных ресурсов на защиту города, воспитание ненависти к врагу, готовности пожертвовать жизнью во имя победы.

Всему миру известны нечеловеческие страдания, которые пришлось испытать населению Ленинграда. Более 600 тыс. ленинградцев погибло от голода, холода, артиллерийских обстрелов и бомбежек. Автор по-

казал громадные усилия, которые были предприняты Центральным Комитетом партии, Советским правительством, Государственным Комитетом Обороны, Ленинградской партийной организацией и Ленинградским Советом совместно с комсомольскими и профсоюзными организациями для того, чтобы облегчить положение населения. Для этого были проведены экстренные радикальные меры. Несмотря на огромные трудности, удалось создать широкую сеть стационаров для больных дистрофией, организовать вывоз по Ладожскому озеру зимой 1941/42 г. и во время навигации 1942 г. сотен тысяч ленинградцев. Это позволило сохранить жизнь многим жителям города Ленина.

Обладая несомненными достоинствами, книга А. В. Карасева не лишена вместе с тем отдельных недостатков.

Самый существенный из них тот, что в книге приводится чрезвычайно мало имен ленинградцев, хотя ее название обязывало автора сделать это. В первой главе указаны лишь две фамилии. Причем в той части главы, где повествуется о перестройке промышленных предприятий для выпуска оборонной продукции, не упомянуто ни одного имени. Во второй главе — «Трудящиеся Ленинграда в период боев на дальних и ближних подступах к городу» — указываются имена лишь четырех рабочих. Тот же недостаток присущ и главам, посвященным доблестным делам ленинградцев в период блокады. Нельзя писать безликую историю о ратных и трудовых подвигах жителей блокированного Ленинграда, необходимо сохранить для потомков имена рабочих и работниц, столь мужественно боровшихся за победу над германским фашизмом.

Второй серьезный недостаток книги заключается в том, что автор не осветил авангардной роли рядовых коммунистов в труде и в бою (как до, так и во время блокады), роли первичных партийных организаций. Тема книги не обязывала к всестороннему рассмотрению этой проблемы, но все же кратко рассказать о ведущей роли коммунистов, в частности на заводах, где изготовлялись вооружение и боеприпасы, было необходимо. Автор же ограничился показом руководящей роли обкома и горкома партии. Даже работа райкомов, не говоря уже о первичных партийных организациях, не нашла отражения.

Трудности и лишения осажденного Ленинграда, города-фронта, показаны автором во многих случаях не в плане борьбы за их преодоление, а сами по себе, изолированно, оторванно от освещения борьбы населения с ними. Это не позволяет в полной мере представить героизм ленинградцев.

Следовало бы также более обстоятельно описать общую обстановку на советско-германском фронте в 1941—1943 гг., показать взаимосвязь и взаимозависимость событий на отдельных его участках. В частности, нужно было указать, что разгром немецко-фашистских войск под Москвой, а затем под Сталинградом значительно облегчил положение героических защитников Ленинграда, создал возможность для прорыва блокады, а затем и полного освобождения от нее. Одновременно надо было отметить, в какой мере оборона Ленинграда облегчила положение советских войск на Западном, Юго-Западном и Северном фронтах. Сковав третью часть немецко-фашистских сил, действовавших на советско-германском фронте, мужественные защитники Ленинграда внесли огромный вклад в общее дело обороны страны и разгрома гитлеровских захватчиков.

Недостаточно освещен и объяснен в книге такой важный вопрос: почему немецко-фашистское командование, зная, в каком тяжелом положении находился Ленинград в наиболее трудный период блокады (с ноября 1941 по март 1942 г.), не попыталось овладеть городом? Объясняется это не только огромными потерями врага в июле — сентябре в боях на подступах к Ленинграду, но и грандиозной битвой под Москвой, начавшейся в октябре 1941 г., когда гитлеровцы начали генеральное наступление для захвата столицы, и завершившейся их разгромом. Это не только лишило гитлеровское командование возможности перебросить резервы под Ленинград, но и вынудило его снять отсюда наиболее мобильные части, прежде всего 4-ю танковую группу, чтобы перебросить их на Центральный фронт.

Думается, что в исследовании монографического характера следовало бы дать обзор вышедшей за рубежом литературы. Это прежде всего относится к работам, написанным в Западной Германии битыми гитлеровскими генералами, а также американскими и английскими буржуазными историками, всячески фальсифицирующими историю Великой Отечественной войны, пытающимися принизить решающую роль СССР в разгроме фашистской Германии и ее союзников.

Имеющиеся в книге А. В. Карасева недостатки не могут, однако, умалить ее бесспорной ценности. Монография является значи-

тельным вкладом не только в историческую литературу о Ленинграде, но и в разработку истории Великой Отечественной войны в целом.

П. Н. Михрин

И. М. МАЙСКИЙ. *Воспоминания советского посла в Англии. Издательство Института международных отношений.* М. 1960. 143 стр. Цена 4 руб.

Отрадно, что в последние годы у нас стало издаваться больше мемуарной литературы. Вышли в свет воспоминания деятелей революции, мемуары участников гражданской и Великой Отечественной войн. Однако мемуарная литература, в которой освещается внешняя политика Советского государства, почти отсутствует.

Излишне доказывать ценность мемуарной литературы. В ней обычно живо передается колорит эпохи, ярко, хотя подчас и субъективно рисуется картина исторических событий, иногда сообщаются такие детали, которые отсутствуют в других источниках.

Западная буржуазная историография, используя эти особенности мемуарной литературы, наводнила книжный рынок многочисленными воспоминаниями дипломатов, стремясь при их помощи подкрепить свои реакционные, псевдонаучные концепции и оправдать антинародную, агрессивную внешнюю политику империалистических государств.

Одной из основных задач советской мемуарной литературы, в частности посвященной вопросам внешней политики и дипломатии, является активная пропаганда миролюбивой советской внешней политики, последовательно отстаивающей ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим устройством, а также разоблачение фальсификаций и реакционных взглядов, содержащихся в буржуазной мемуарной литературе.

В этом плане значительный интерес представляют рецензируемые мемуары И. М. Майского. Они посвящены переговорам между СССР и Англией о подписании нового торгового соглашения взамен аннулированного Англией англо-советского торгового соглашения 1930 года. Переговоры продолжались с октября 1932 по февраль 1934 г. и закончились 16 февраля 1934 г. подписанием временного торгового соглашения. Этот небольшой по объему документ имел большое значение, поскольку он заложил основу для развития торговли между государствами.

Хотя соглашение и носило название временного, оно, оправдывая известную английскую поговорку: «Ничто так не постоянно, как временное»,— выдержало испытание временем и существует уже более двадцати пяти лет. На основе его и ныне ведется англо-советская торговля, занимая одно из первых мест в торговле СССР с капиталистическими странами.

Картина переговоров в общих чертах была дана в ряде ранее изданных советских и английских источников и литературе[1]. Из опубликованных мемуаров И. М. Майского читатель впервые узнает подробные сведения о позиции сторон и их тактике в переговорах, о характере разногласий, существовавших между странами, о стремлении Советского правительства преодолеть их.

С самого начала переговоров, отмечается в книге, советская сторона заявила, что новый договор во всех своих основных чертах должен повторить англо-советское торговое соглашение 1930 года. Советское правительство последовательно придерживалось того мнения, что торговля СССР с любой страной мира должна проводиться на основе принципов полного равноправия, без какой-либо дискриминации. Английская сторона настаивала на том, чтобы из нового соглашения был исключен принцип наибольшего благоприятствования и чтобы Англии было предоставлено право одностороннего запрещения импорта советских товаров (стр. 30—33). Кроме того, английское правительство предлагало, чтобы половина всех товарных перевозок между Англией и СССР осуществлялась на британских судах и чтобы был установлен приблизительно равный платежный баланс в торговле между обеими странами (стр. 46—47). Принятие этих требований означало бы невозможность продолжения англо-советской торговли на взаимно равной основе. Поэтому советская сторона констатировала, что английские требования являются дискриминацией в отношении СССР, и в то же время указала, что Англия, отказывая Советскому Союзу в принципе наибольшего благоприятствования, применяла этот принцип ко всем без исключения

[1] См., например, А. Н. Красильников. Политика Англии в отношении СССР. 1929—1932 гг. Госполитиздат. 1959.

странам, в том числе к таким, которые, как и СССР, осуществляли монополию внешней торговли (Персия и др.). Советские представители категорически отвергли дискриминационные в отношении СССР требования. Однако по ряду вопросов советская сторона была готова пойти навстречу английской стороне, в частности, она была готова, принимая во внимание экономические затруднения Англии, рассмотреть вопрос о выравнивании платежного баланса. Вместе с тем советская сторона подняла вопрос об улучшении кредитных условий для размещения в Англии советских заказов.

Надеясь выторговать у СССР максимальное количество уступок, используя метод нажима, английская делегация выдвинула ряд вопросов, не имевших отношения к договору. К их числу относились: вопрос о «Торгсине» и снабжении английских дипломатов, претензии английской фирмы «Лена-Голдфилдс» к Советскому правительству, вопрос об освобождении арестованных в СССР за шпионаж и диверсии и осужденных советским судом английских инженеров фирмы «Метро-Виккерс». Английская сторона подняла также вопрос о долгах и претензиях английского правительства и английских подданных (стр. 62). В этих условиях советская дипломатия взяла последовательный курс на установление твердого водораздела между вопросами, относящимися к торговому соглашению, и вопросами, к нему не относящимися.

Советское правительство категорически отказалось даже обсуждать не относящиеся к соглашению вопросы и не допускало их объединения с вопросами торгового соглашения. Тактика советской дипломатии заключалась в том, чтобы, не отказываясь от разумных уступок английской стороне в некоторых вопросах, сконцентрировать внимание договаривающихся сторон на выработке текста торгового соглашения. Эта тактика была абсолютно справедлива, и к тому же она была понятна широким массам Англии и не могла не одобряться ими.

Советская дипломатия сумела нащупать, а затем и использовать расхождения в позициях министерства торговли Англии, которое было озабочено соблюдением коммерческих интересов страны, и министерства иностранных дел, которое стремилось затруднить и усложнить путь к заключению соглашения с СССР (стр. 76).

Английское правительство после справедливого осуждения советским судом инженеров «Метро-Виккерс» объявило торговую войну СССР, наложив эмбарго на советские товары и прервав переговоры о соглашении. Как и следовало ожидать, оно проиграло эту войну. Английские промышленники несли большие убытки, и Англия стала искать путей к возобновлению переговоров. Страницы воспоминаний, посвященные возобновлению переговоров, в которых на этой стадии большую роль играл М. М. Литвинов, читаются с большим интересом. Английская делегация вновь попыталась препятствовать переговорам, связав вопрос о торговом соглашении с выплатой Советским Союзом компенсации английской фирме «Лена-Голдфилдс». Позиция английского правительства в этом вопросе была весьма цинично охарактеризована руководителем английской делегации в период возобновления переговоров Хорасом Вилсоном в одной из бесед с представителями советской стороны. Х. Вилсон, проводивший политику пресловутых «посторонних вопросов» при ведении переговоров, заявил: «...Я прекрасно знаю, что бессмысленно и даже преступно задерживать подписание торгового соглашения, в котором заинтересованы тысячи английских промышленников, из-за претензии какой-то «Лена-Голдфилдс» (стр. 119). Однако он объяснял занятую им позицию «проволочек» имевшимися у него на этот счет инструкциями. Однако такая тактика ни к чему не привела. Советская дипломатия сумела отстоять все основные, принципиальные вопросы соглашения. Это соглашение подписанное после 15 месяцев трудных переговоров, газета «Правда» назвала «крупным достижением в политике обоих государств» [2].

Ход переговоров о соглашении и подписание его еще раз подтвердили ленинскую мысль о том, что «расхождения, которые у нас имеются с Англией, мы ни в коем случае не считаем непреодолимыми» [3]. Кроме того, переговоры еще раз доказали, что метод нажима и угроз не может дать результатов в отношении Советского Союза и что, наоборот, при трезвом подходе и взаимном учете интересов сторон всегда можно найти выход из трудного положения и разрешить спорные вопросы. Они свидетельствовали также о том, что Англия не в меньшей, а в большей степени, чем СССР, была заинтересована в развитии торговли

[2] «Правда», 17 февраля 1934 года.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 347.

с Советским Союзом, который является ее естественным и традиционным торговым контрагентом, крупным платежеспособным покупателем и продавцом качественных товаров, жизненно необходимых Англии.

Н. С. Хрущев в беседе с главным редактором газеты «Daily Express» Э. Пекерингом, касаясь вопроса о необходимости и значении нормализации отношений между Англией и СССР, подчеркнул, что: «интересы наших стран, интересы наших народов требуют сближения и дружбы между ними» [4]. Рецензируемые мемуары хорошо подтверждают на исторических фактах приведенную мысль, и в этом их ценность.

Взыскательный советский читатель, очевидно, не пройдет и мимо некоторых недостатков книги, которые дают повод для отдельных критических замечаний.

У прочитавшего книгу может создаться впечатление, что подписание англо-советского торгового соглашения явилось результатом лишь успешной деятельности советской дипломатии, и в первую очередь советской делегации. Конечно, мемуары — это не научное исследование, где автор должен всесторонне взвесить и проанализировать события. Но автору следовало бы отчетливее сказать, что подписание указанного соглашения явилось в первую очередь следствием возросшей мощи и авторитета Советского государства. Торговые переговоры совпали по времени с выполнением нашей страной первого пятилетнего плана и началом осуществления второй пятилетки, за годы которой СССР должен был превратиться и превратился в «технико-экономически независимую страну и в самое передовое в техническом отношении государство в Европе» [5]. Проводя мирную политику, Советское государство опиралось на свою возраставшую хозяйственную мощь и международный авторитет. Однако, к сожалению, в книге об этом почти ничего не сказано. Международное положение Англии и ее роль в капиталистическом мире описываются автором довольно подробно (главы «Историческая обстановка» и «Переход Англии от свободной торговли к протекционизму», стр. 7—27). На наш взгляд, с не меньшей подробностью следовало бы охарактеризовать и международное положение СССР. В этой же связи можно высказать и другое замечание автору: не рисуя общей картины, автор преимущественно описывает деятельность советской делегации. Хотя И. М. Майский в некоторых случаях ссылается на имевшиеся у него инструкции правительства, нам представляется, что руководящую роль Советского правительства следовало бы показать более отчетливо и выпукло. Описывая деятельность английской делегации на переговорах, автор характеризует Ренсимена, Вилсона, а также упоминает Колвила, Кольера. Однако в мемуарах весьма скупо сказано о советских дипломатах, которые действовали рука об руку с советским послом в Англии, помогали ему в переговорах.

Рецензируемая книга будет с интересом встречена советским читателем, которому она напомнит о далеких и в то же время близких нам и актуальных сегодня событиях из истории англо-советских отношений.

Выход в свет воспоминаний И. М. Майского, несомненно, положительное явление. В связи с этим хочется пожелать, чтобы наши издательства обратили серьезное внимание на расширение публикации мемуаров по вопросам внешней политики Советского государства.

В. И. Иванов

Л. И. НАРОЧНИЦКАЯ. *Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху».* М. Госполитиздат. 1960. 287 стр. Тираж 3 000. Цена 9 руб.

Советская историческая литература по проблемам внешней политики царской России в XIX в. пополнилась содержательной работой Л. И. Нарочницкой, освещающей позицию России в германском вопросе в период войн Пруссии 1864 и 1866 гг. за объединение Германии «сверху». На протяжении последнего столетия германская проблема была и продолжает оставаться одной из важнейших в международной политике, и изучение ее прошлого является актуальнейшей задачей исторической науки.

Германский вопрос 60-х годов XIX в. имеет свою сложную внешнеполитическую историю. Исследование этого вопроса не может ограничиться анализом социально-экономического развития Германии, вызывавшего необходимость ее объединения в буржуазно-национальное государство, или изучением истории борьбы за национальное единство, сопровождавшейся подъемом рабочего и буржуазно-демократического движения и складыванием в Германии в 60-х

[4] «Правда», 24 декабря 1957 года.

[5] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Госполитиздат. 1953, стр. 764.

годах революционной ситуации. Процесс образования Германской империи под главенством Пруссии не может быть изучен без выяснения отношения других европейских держав к вопросу объединения Германии.

Германской проблеме посвящена обширная литература. Однако книга Л. И. Нарочницкой — первая, по существу, работа в советской историографии, в которой специально исследуется отношение России к войнам Пруссии 1864—1866 годов[1]. При этом автор показывает не только позицию в германском вопросе «России Зимнего дворца» (Герцен) — правительственных кругов, выражавших интересы правящего класса, но и отношение к проблеме объединения Германии передовых, демократических сил России.

При разработке темы Л. И. Нарочницкая опирается на богатый архивный материал[2], опубликованные дипломатические документы (русские, немецкие, французские и английские публикации), обширную мемуарную литературу. Для освещения отношения различных классов и политических течений русского общества к буржуазно-национальным движениям на Западе и к войнам Пруссии автор привлек русскую прессу и публицистику.

В первых главах книги исследуются отношение царского правительства к объединению Германии, его позиция в шлезвиг-голштинском вопросе 1863—1864 гг. и австро-прусской войне 1866 года.

Политика России показана на широком международном фоне. Без этого нельзя было раскрыть тему книги. Именно изменение международного положения царской России после Крымской войны обусловило пассивность правительства Александра II в германском вопросе в 60-е годы XIX века. В это время Россия, вынужденная отказаться от поддержки «системы 1815 г.», заняла иную позицию в отношении Пруссии, нежели в довоенный период, содействуя бисмарковской политике объединения Германии «железом и кровью». При этом царское правительство по-прежнему, как и во времена Николая I, не желало образования единого германского государства в центре Европы, боялось усиления Германии на Балтике, предпочитая сохранение слабого своей раздробленностью Германского союза и австро-прусского «дуализма» в Германии. Л. И. Нарочницкая подтверждает это положение рядом русских дипломатических документов и показывает несостоятельность бытующего во французской буржуазной историографии мнения, будто царское правительство с самого начала желало успеха Бисмарку, руководствуясь «чувством благодарности» к Пруссии за полученную от нее поддержку во время польского восстания 1863 года.

Нейтралитет царского правительства в прусских войнах 60-х годов был обусловлен целым рядом причин, связанных как с внешне-, так и с внутриполитическим положением России после Крымской войны. Если в 1849—1850 гг. царизм, вмешавшись в дела Центральной Европы, не допустил объединения Германии вокруг Пруссии, то в 1864—1866 гг. он был уже не в силах охранять в Западной Европе статус-кво на основе «системы 1815 года». Поражение в Крымской войне и Парижский мир 1856 г. нанесли серьезный удар царизму, резко ослабив его международное влияние. Изнурительная война вызвала крайнее политическое напряжение внутри страны. Трудности положения, в которое попало царское правительство в годы революционной ситуации, внешнеполитическая изоляция, усилившаяся после польского восстания 1863 г., поиски путей для аннулирования наиболее тяжелых и позорных для России условий Парижского договора, необходимость проведения политики экспансии в Средней Азии, на Дальнем Востоке и на Кавказе в интересах русских помещиков и буржуазии — все это побуждало царское правительство к сохране-

---

[1] Этой темы касались Л. К. Роотс («Шлезвиг-голштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 гг.». Таллин. 1957), Ф. А. Ротштейн («Из истории прусско-германской империи». М. 1948), Л. М. Шнеерсон («Франко-прусская война 1870—1871 гг. и общественное мнение России». Минск. 1946. Кандидатская диссертация), О. Л. Геккер («Проблемы западноевропейской политики и внешней политики России середины XIX века в освещении Герцена». Тбилиси. 1950. Кандидатская диссертация) и др.

[2] С русскими дипломатическими документами Л. И. Нарочницкая в основном ознакомилась по архиву царского министра иностранных дел А. М. Горчакова, хранящемуся в Центральном государственном архиве древних актов. Документы этого фонда ЦГАДА являются копиями переписки А. М. Горчакова, многие подлинники которой с интересными замечаниями на полях царя, Горчакова, царских послов сосредоточены в фондах Архива внешней политики России. Было бы целесообразней, на наш взгляд, использовать документы из АВПР, более «живые» и более «красноречивые», чем соответствующие материалы ЦГАДА.

нию нейтралитета в прусских войнах за объединение Германии. Страх перед возможными революционными потрясениями заставлял царское правительство способствовать установлению гегемонии Пруссии в немецких делах во избежание объединения Германии революционным, демократическим путем. Л. И. Нарочницкая анализирует политику царского правительства во всех ее стадиях по отношению к проблеме объединения Германии.

Содержание монографии значительно шире ее названия. Наряду с политикой царской России в книге прослежена позиция западноевропейских держав в вопросе объединения Германии. Франция Наполеона III поощряла стремление Пруссии установить свою гегемонию в Германии, рассчитывая ослабить Австрию и, кроме того, получить компенсации на левом берегу Рейна путем соглашения с Пруссией (захват левобережных германских земель стал после аннексии Савойи и Ниццы очередной задачей бонапартизма в Европе). Англия, решительно выступая против притязаний Франции на гегемонию в Европе, способствовала образованию сильной Германии как противовеса Второй империи. И обе державы, так же как и царская Россия, смертельно боялись победы революционно-демократического движения в центре Европы, поощряя великодержавные замыслы Пруссии, лишь бы только не допустить объединения Германии «снизу».

Автор показывает, насколько был запутан клубок противоречий между европейскими державами. Эти противоречия облегчали Пруссии развязывание войн с Данией и Австрией. Бисмарк действовал наверняка, уверенный, что никто в Европе не будет в силах ему помешать. Проследив сложный комплекс международных европейских отношений в 60-х годах XIX в., в частности политику европейских держав в шлезвиг-голштинском вопросе, Л. И. Нарочницкая с полным основанием заключает: «Неправильно утверждать, что успех Пруссии был обусловлен одним лишь нейтралитетом царской России, как это писали французские авторы. В 1864—1865 гг. еще большее значение имел для Пруссии нейтралитет Франции и Англии» (стр. 75).

Этот вывод автора исключительно важен. Вопрос об отношении западных держав к объединению Германии фальсифицируется и французской и английской буржуазной историографией. История показала, что прусский путь объединения Германии принес народам Европы неисчислимые бедствия. Правящие круги Франции и Англии не хотят признавать того, что правительства их стран содействовали в свое время образованию милитаристской юнкерско-буржуазной Германии, возлагая на одну Россию ответственность за все те несчастья, которые обрушила впоследствии на Европу германская реакция. В основном французской буржуазной историографии свойственна идеализация политики Наполеона III в германском вопросе[3]. В Англии, особенно после первой мировой войны, также появился ряд книг, авторы которых оправдывали поведение английского правительства в период объединения Германии.

В действительности, и это показано в книге Л. И. Нарочницкой с убедительной полнотой, усилению реакционной прусской монархии способствовали и буржуазно-аристократическая Англия и бонапартистская Франция. Буржуазно-помещичьи круги России, царская дипломатия сознавали, какую опасность представляла для Европы усиливавшаяся Пруссия, и еще в 60-х годах предсказывали франко-прусскую войну. Архивные материалы, приводимые Л. И. Нарочницкой, говорят о том, что планы сближения с Францией, лежавшие в основе внешнеполитического курса правительства Александра II со времени окончания Крымской войны, царская Россия не оставляла даже после 1863 года. И эти планы не были беспочвенными. Сложность русско-французских отношений того периода заключалась в том, что интересы двух стран не только сталкивались, но и переплетались, особенно на Ближнем Востоке, в связи с укреплением там позиций Англии. (Это, к сожалению, не прослежено автором, сосредоточившим свое внимание на русско-французских противоречиях.) В рассматриваемый период царская дипломатия преследовала цель не только добиться содействия Наполеона III в отмене черноморских статей Парижского договора (что являлось ее главной задачей с 1856 г.), но и не позво-

[3] Любопытно, что после второй мировой войны, когда Франция приступила к залечиванию ран, нанесенных ей германским фашизмом, в Париже вышла книга консервативного историка Ж. Барду «Происхождение несчастий Европы. Содействие Англии и Франции установлению прусской гегемонии» (J. Bardoux. Les origines du malheur européen. L'aide anglo-française à la domination prussienne. Paris. 1948), направленность которой очевидна из ее названия.

лить Пруссии «нарушать «европейское равновесие» в свою пользу» (стр. 143), по возможности ограничить ее аннексии в Германии (стр. 124).

Любопытно сопоставить в связи с этим отношение царского правительства в 1856 и 1866 гг. к стремлению Наполеона III захватить германские земли на левом берегу Рейна. В июле 1856 г. А. М. Горчаков, заинтересованный в установлении прочного политического контакта с Францией, счел возможным довести до сведения Наполеона III, что при попытках Франции расширить границу до Рейна царское правительство останется верным союзу с Пруссией[4]. В августе же 1866 г., перед заключением мира Пруссии с Австрией, тот же Горчаков, пытаясь нащупать возможности сближения с Францией, предлагал Наполеону III следующую сделку: Россия не будет чинить препятствий его планам в отношении левого берега Рейна, если он пойдет навстречу ее интересам в деле пересмотра Парижского договора (стр. 114). Соглашаясь удовлетворить притязания Наполеона III в Германии, царское правительство рассчитывало умерить аппетиты Пруссии. Но непреклонное отношение Наполеона III к Парижскому договору исключало всякую возможность сближения России и Франции и толкало царизм на сближение с Пруссией, которая давала понять царскому правительству, что готова компенсировать его согласие на территориальные изменения Германии поддержкой в вопросе о Парижском договоре. Политическая близорукость Наполеона III, авантюризм его внешней политики, попустительство политике Бисмарка привели Вторую империю к катастрофе Седана.

В двух последних главах — об освещении германского вопроса 60-х годов XIX в. в русской помещичье-буржуазной и демократической печати — дана характеристика различных течений общественного мнения России. Это потребовало от автора трудоемкой работы по изучению материалов русской печати.

Внешнеполитический курс царского правительства диктовался интересами русских помещиков и буржуазии, и для выяснения отношения России к германской проблеме необходимо вскрыть эти интересы, нашедшие отражение на страницах органов помещичье-буржуазной печати.

Против взглядов, проповедовавшихся в области внешней политики различными группами русских помещиков и буржуазии, решительно выступали русские революционеры-демократы, выражавшие в своих идеях стремления и интересы народных масс России. Русские революционные демократы горячо желали объединения Германии «снизу», связывая воедино национальное движение немецкого народа с его социальным освобождением. Они резко осуждали прусскую политику объединения Германии «железом и кровью», беспощадно разоблачая великодержавные замыслы Пруссии.

Разнообразие материала, привлеченного автором, своеобразное решение темы делают книгу Л. И. Нарочницкой полезной и интересной для самого широкого круга читателей.

С. Д. Сказкин

[4] АВПР, ф. Канцелярии, 1856 г., д. 153, лл. 128—132.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Ленин В. И. *Сочинения.* Изд. 4-е. Т. 39. Тетради по империализму. М. Госполитиздат. 1960. XVI. 839 стр. 210 000 экз. 6 р. 50 к.

Ленин В. И. *Полное собрание Сочинений.* Изд. 5-е. Т. 10. Март — июнь 1905. М. Госполитиздат. 1960. XX. 578 стр. 225 000 экз. 6 р. 50 к.

Агеев М. В. *Победа колхозного строя в Мордовской АССР.* Саранск. Мордов. кн. изд. 1960. 414 стр. 2 000 экз. 13 р. 25 к.

Антонян. М. О. *Труженики тыла в Великой Отечественной войне.* М. Воениздат. 1960. 78 стр. 1 р. 20 к.

Батаков Н. и др. *Великий Устюг. (Историко-экономический очерк).* Вологда. Кн. изд. 1960. 136 стр. 4 000 экз. 3 руб.

Бахтадзе В. С. *Очерки по истории грузинской общественно-экономической мысли.* 60—90-е гг. XIX столетия. Тбилиси. Изд-во Тбилисского ун-та. 1960. 301 стр. 2 000 экз. 14 р. 40 к.

Бородавкин А. П. и Шатрова Г. П. *Декабрист Г. С. Батеньков.* Томск. Кн. изд-во. 1960. 91 стр. 5 000 экз. 1 р. 50 к.

Греков Б. Д. *Избранные труды.* Т. 3. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 526 стр. 2 500 экз. 29 р. 50 к. Разделы тома: социально-экономические процессы XI—XVII вв. Экономика и культура России XVIII—XIX вв. Историография.

Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Отв. ред. Е. И. Крупнов и К. Ф. Смирнов. Т. 2. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 309 стр. 1 300 экз. 22 р. 30 к.

Дунаевский А. *Олеко Дундич* (Докум. повесть). М. Воениздат. 1960. 144 стр. 3 р. 80 к.

Еналеев Ш. М. *Осуществление ленинской национальной политики в Татарии. 1929—1937 гг.* Казань. Изд-во Казан. ун-та. 1960. 106 стр. 2 000 экз. 3 р. 90 к.

Жибарев П. Б. *Ленин и электрификация Советской страны.* М. Соцэкгиз. 1960. 232 стр. 20 000 экз. 3 р. 15 к.

Иконников С. Н. *Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 215 стр. 3 000 экз. 8 р. 50 к.

Инал-ипа Ш. *Абхазы.* Историко-этнографические очерки. Сухуми. Абгиз. 1960. 447 стр. 2 000 экз. 10 р. 75 к.

Иркутская партийная организация в восстановительный период. 1920—1926 гг. Документы и материалы. Сост. Г. А. Вендрих и др. Предисл. И. А. Ворожева. Иркутск. Кн. изд. 1960. 314 стр. 2 000 экз. 7 р. 10 к.

История Азербайджана. В 3-х т. Под ред. И. А. Гусейнова и др. Т. 2. От присоединения Азербайджана к России до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Баку. Изд-во Акад. наук АзССР. 1960. 953 стр. 20 000 экз. 19 р. 10 к.

Карасев Л. В. *Шахтерская летопись.* Из истории шахты имени Ленина. Ростов н/Дону. Кн. изд-во. 1960. 156 стр. (История фабрик и заводов Дона). 5 000 экз. 4 р. 35 к.

Кистанов В. *Будущее Сибири.* Развитие хозяйства в семилетке. М. Госпланиздат. 1960. 111 стр. 20 000 экз. 2 р. 20 к.

Ключник А. *Белгород-Днестровский.* Одесса. Кн. изд-во. 1960. 147 стр. 8 000 экз. 2 руб. Очерк о прошлом и настоящем города.

К новому подъему партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте (Сборник статей). Под общей ред. З. С. Осипова. М. Воениздат. 1960. 375 стр. 6 р. 40 к.

Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции. Документы и материалы. Сост. У. А. Маргулис и др. Рязань. Кн. изд. 1960. 335 стр. 1 500 экз. 12 руб.

Кузнецов А. и Панюшкин Н. *Повесть о молодых подпольщиках.* Симферополь. Крымиздат. 1960. 318 стр. 50 000 экз. 7 р. 50 к. Документальное произведение о боевых делах комсомольцев и молодежи Симферопольской подпольной организации в годы Великой Отечественной войны.

Кутафьеф С. А. *Казахская ССР.* М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 129 стр. 6 000 экз. 2 р. 35 к.

Ломовская М. Т. *КПСС во главе движения новаторов в годы четвертой пятилетки. 1946—1950 гг.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 56 стр. 6 000 экз. 1 руб.

Лукина Л. и Лаврентьева Н. *Старая Рязань* (Ист. очерк). Рязань. Кн. изд. 1960. 22 стр. 3 000 экз. 30 коп.

Малюк В. и др. *Молодость старого завода.* Очерк истории Днепровского металлургического завода имени Дзержинского. Днепропетровск. Кн. изд. 1960. 233 стр. 10 000 экз. 5 р. 60 к.

Мегрелишвили Г. И. *Грузинская общественно-экономическая мысль второй половины XIX века и начала XX века.* Т. 1. Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1960. 537 стр. 3 000 экз. 10 р. 20 к.

Мокин В. *От Стохода до Крыма.* Симферополь. Крымиздат. 1960. 64 стр. 2 000 экз. 60 коп. Записки офицера — участника гражданской войны.

Новотный А. *За победу мира и социализма.* Отчетный доклад XI съезду Коммунистической партии Чехословакии о деятельности Центрального Комитета и главные задачи текущего момента. Вооруженные итогами XXI съезда КПСС, вперед, к завершению строительства социализма в нашей стране. М. Госполитиздат. 1960. 142 стр. 47 500 экз. 1 р. 80 к.

Омбыш-Кузнецов С. О. *Уходили в поход партизаны.* М. Изд-во ДОСААФ. 1960. 167 стр. 45 000 экз. 2 р. 40 к. О партизанском движении в Сибири в годы гражданской войны.

Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев. Кн. изд. 1960. 371 стр. 5 000 экз. 8 р. 20 к. Рассматривается период от возникновения первых марксистских кружков в Самаре до окончания гражданской войны включительно.

Пашуто В. Т. *Очерки истории СССР XII—XIII вв.* Пособие для учителей. М. Учпедгиз. 1960. 220 стр. 14 500 экз. 5 р. 70 к.

Поздняков О. А. *Ижорцы.* Краткий очерк истории Ижорского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени завода имени А. А. Жданова. Л. Лениздат. 1960. 311 стр. 5 000 экз. 5 руб.

Полянский Ф. Я. *Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 200 стр. 1 500 экз. 6 р. 70 к.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. Сост. М. Б. Давыдова и др. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отделение. 1960. 654 стр. 1 500 экз. 25 руб.

Свердлова К. Т. *Яков Михайлович Свердлов (Воспоминания).* 2-е, перераб. и доп. издание. М. «Молодая гвардия». 1960. 447 стр. 43 000 экз. 8 р. 75 к.

Сериков М. К. *Боевые годы.* Алма-Ата. Казгослитиздат. 1960. 200 стр. 20 000 экз. 4 р. 50 к.

Социалистическая Советская Республика Латвии в 1919 г. и иностранная интервенция. Документы и материалы. В 2-х т. Отв. ред. Я. П. Крастынь. Т. 2. *Борьба латышского народа против иностранной интервенции и местной контрреволюции в 1919 г.* Рига. Изд-во Акад. наук Латв. ССР. 1960. 544 стр. 1 000 экз. 12 р. 75 к.

Старушенко Г. Б. *Принцип самоопределения народов и наций во внешней*

политике Советского государства. Ист.-правовой очерк. М. Изд-во ИМО. 1960. 191 стр. 6 500 экз. 6 р. 75 к.

Тихомиров М. Н. *Присоединение Мерва к России.* М. Изд. вост. лит. 1960. 239 стр. 2 000 экз. 10 р. 50 к.

Трофимов П. и др. *Завод «Красная кузница».* Архангельск. Кн. изд-во. 1960. 96 стр. (История заводов). 3 000 экз. 90 коп.

Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Отв. ред. А. П. Смирнов. Т. 3. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 252 стр. 1 500 экз. 18 р. 60 к.

Фих Б. М. и др. *Гродно.* Исторический очерк. Минск. Госиздат БССР. 1960. 152 стр. 8 000 экз. 2 р. 80 к.

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии. 1857—1868.* М. Изд. вост. лит. 1960. 272 стр. 1 900 экз. 12 р.

Шкляр М. Е. *Борьба Компартии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в восстановительный период.* 1921—1925 гг. Минск. Госиздат БССР. 1960. 348 стр. 3 000 экз. 4 р. 20 к.

Энгельс Ф. *Развитие социализма от утопии к науке.* М. Госполитиздат. 1960. 80 стр. 42 500 экз. 1 руб.

Энгельгардт А. Н. *Из деревни.* 12 писем. 1872—1887. Вступит. статья Л. Л. Балашева. (6-е изд.) М. Сельхозгиз. 1960. 516 стр. 5 000 экз. 12 р. 25 к.

Ястржембский Л. и Шегал М. *Революционные памятные места Москвы.* Грав. А. Мищенко. М. «Сов. Россия». 1960. 238 стр. 10 000 экз. 7 р. 60 к.

Всеобщая история

Андрианов В. *Свободная Куба.* М. Соцэкгиз. 1960. 86 стр. 15 000 экз. 1 руб.

Антясов М. В. *Современный панамериканизм.* Происхождение и сущность доктрин панамериканской «солидарности». М. Изд-во ИМО. 1960. 328 стр. 2 250 экз. 12 р. 90 к.

Багмет Н. С. *Борьба корейского народа за построение социализма. 1945—1960 гг.* Киев. Изд-во Киевского ун-та. 1960. 227 стр. 3 000 экз. 7 р. 70 к.

Бакрадзе К. С. *Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии.* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1960. 530 стр. 5 000 экз. 15 р. 20 к.

Блейхер Г. *История полковника Анри.* Пер. с англ. Предисл. М. Круглова. М. Воениздат. 1960. 208 стр. 4 р. 30 к. Книга о деятельности гитлеровской разведки на оккупированной территории Франции в годы второй мировой войны.

Вартанов Г. А. *Национально-освободительное движение в странах Латинской Америки.* Л. 1960. 58 стр. 5 200 экз. 1 р. 20 к.

Гутнова Е. В. *Возникновение английского парламента.* Из истории английского общества и государства. XIII в. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 580 стр. 1 500 экз. 25 руб.

Дзелепи Э. *Конрад Аденауэр: легенда и действительность.* Пер. с. франц. Вступит. статья З. С. Шейниса. М. Изд. иностран. лит. 1960. 184 стр. 3 р. 60 к.

Кекконен У. К. *Финляндия и Советский Союз.* Статьи и речи. Пер. с фин. Вступит. статья А. И. Маркушевича. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 198 стр. 5 руб.

Кулиш В. М. *Второй фронт.* Операции в Зап. Европе в 1944—1945 гг. М. Воениздат. 1960. 476 стр. 18 руб.

Лившиц Г. М. *Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины.* Минск. Изд-во Белорус. ун-та. 1960. 208 стр. 1 500 экз. 9 р. 75 к.

Лисовенко Д. У. *Их хотели лишить Родины.* М. Воениздат. 1960. 299 стр. 5 р. 65 к. О борьбе за возвращение на Родину русских солдат, попавших во Францию в годы первой мировой войны.

Листов В. В. *По дорогам новой Кубы* (Очерки). М. Профиздат. 1960. 154 стр. 3 000 экз. 2 р. 20 к.

Майский И. М. *Монголия накануне революции.* Изд. 2-е, переработ. М. Изд. вост. лит. 1960. 310 стр. 2 700 экз. 15 руб.

Михайлов М. И. *Союз коммунистов— первая международная организация пролетариата.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 371 стр. 3 000 экз. 14 руб.

Нихамин В. П. *Международные проблемы современной Африки.* М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 52 стр. 14 000 экз. 75 коп.

Октябрьская революция и Германия. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 г. Доклады и дискуссии по теме «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию». Пер. с нем. М. Изд. иностр. лит. 1960. 555 стр. 14 р. 85 к.

Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810—1945 гг. Под ред. М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова. М. Соцэкгиз. 1960. 511 стр. 10 000 экз. 11 р. 65 к.

Поливин Г. *Это было в Бухенвальде.* Томск. Кн. изд. 1960. 57 стр. 35 000 экз. 2 р. 10 к. О подпольной борьбе узников гитлеровского концлагеря.

Рава Э. *Северная Африка на пути к независимости.* Пер. с итал. М. Соцэкгиз. 1960. 218 стр. 10 000 экз. 4 р. 20 к.

Разобьем оковы. Документы Августовской революции 1945 года во Вьетнаме. Пер. с франц. Ред. Н. В. Рудницкая. М. Изд. иностр. лит. 1960. 104 стр. 4 000 экз. 1 р. 40 к.

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921—1924 гг. Документы. Сост. Ц. Насанбалжир. Ред. Ц. Пунцагноров. Пер. с монгол. М. Изд. вост. лит. 1960. 211 стр. 1 200 экз. 8 руб.

Тарасов А. *В горах Италии.* Л. Лениздат. 1960. 208 стр. 15 000 экз. 4 р. 75 к. Записки участника освободительной борьбы итальянского народа против гитлеризма и фашизма.

Хроника международных событий. 1959 год. М. Изд-во ИМО. 1960. 196 стр. 10 000 экз. 3 руб.

Шоков А. Ф. *Скифское восстание на Боспоре.* Воронеж. Кн. изд. 1960. 44 стр. 3 000 экз. 65 коп. О восстании скифов-рабов на Боспоре в конце II в. до н. э.

Эмери Л. *Моя политическая жизнь.* Сокр. перевод с английского. Под ред. со вступительной статьей В. И. Попова. М.

Изд-во иностр. лит. 1960. 685 стр. 24 р. 20 к. Л. Эмери (1873—1955) — английский политический деятель, оратор и публицист.

Эпиграфика Востока. Сборник статей. Под ред. В. А. Крачковской. Т. 13. М. Изд. вост. лит. 1960. 150 стр. 1 100 экз. 10 руб.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вопросы истории КПСС» № 5. Передовая. К новому подъему историко-партийной науки; «Новые документы В. И. Ленина»; «Неизвестная статья Ф. Энгельса»; Морис Торез. В авангарде борьбы трудящихся масс (к 40-летию Французской коммунистической партии); С. А. Товмасян. О некоторых вопросах научного освещения истории Коммунистической партии Армении; И. П. Лейберов. В. И Ленин и Петроградская организация большевиков в период мировой войны (1914—1916 гг.); И. А. Штейман. Нелегальная деятельность Коммунистической партии Латвии в период буржуазной республики; Л. Н. Толкунов. Коммунистические партии ведут крестьян к социализму (из опыта кооперирования крестьянства в европейских странах народной демократии); Ф. Е. Шерстюк. Укрепление рабочего ядра КП(б)У в период индустриализации; Эрли Ольсен. Ленин в Копенгагене в 1910 году; М. Волин. Некоторые вопросы историографии партии (дооктябрьский период).

«Исторический архив» № 4. «К истории зарождения бригад коммунистического труда». Подг. В. И. Девятов; «Московский комсомол в годы Отечественной войны». Подг. Г. В. Юдин; «Письма Уллубия Буйнакского (к 70-летию со дня рождения)». Подг. Т. Булач, М. Бутаев. Ш. Магомедов; «Военно-революционные комитеты Московской губернии и оборона подступов к столице в 1919 г.». Подг. В. А. Дубовицкая, Ю. А. Поляков, М. Я. Ржезникова; «О деятельности Иркутского комитета РКП(б) в период колчаковщины». Подг. А. М. Гак, В. Н. Дворянов; «Подготовка большевиками транспорта оружия из-за границы в декабре 1906 г.». Подг. Д. А. Колесниченко; «О хозяйственном положении государственных крестьян окраин России (1855 г.)». Подг. Т. А. Конюхова; «Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве— авторе «Временника». Подг. Л. В. Черепнин; М. С. Селезнев. О некоторых вопросах советской археографии.

«Проблемы востоковедения» № 4. Ха Ан Чен. По Ленинскому пути; Нгуен Кхань Туан. Путь вьетнамской революции; А. М. Модель. Пятнадцать лет независимости Индонезии; Л. С. Гамаюнов и В. И. Павлов. Относительно уровня социально-экономического развития стран Востока до превращения их в колонии и полуколонии западноевропейских держав; Л. Н. Прибытковский. Из истории рабочего движения в Нигерии; С. Г. Лившиц. Из истории антиимпериалистического движения в Центральном и Южном Китае в 1900 г.; В. Б. Воронцов. Материалы о деятельности корейской буржуазной эмиграции в США и гоминьдановском Китае во время второй мировой войны; Е. Ф. Желоховцева. Материалы местных учреждений Северо-Восточного Китая XVII—XIX вв. в «Маньчжурском архиве».

«Вестник истории мировой культуры» № 4. А. Ф. Шульговский. Романтизм и позитивизм в Латинской Америке; Кр. И. Миятев. Наше культурное наследство (болгарского народа.— *Ред.);* М. В. Крюков. Иньская цивилизация и бассейн реки Хуанхэ; И. М. Фильштинский. Египетский историк Ал-Джабарти и его хроника; Р. В. Овчинников. Из истории русской индологии (новые данные о биографии Г. С. Лебедева.— *Ред.*); Б. Кришна Рой. Мировоззрение Свами Вивекананды.

«Военно-исторический журнал» № 9. М. Захаров. Кампания Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке (9 августа — 2 сентября 1945 года.— *Ред.);* Я. Теклу. В боях совместно с Советской Армией (о румынской армии в 1944—45 гг.— *Ред.*); В. Мернов. О содержании начального периода мировых войн; С. Рогулин, З. Слепенков. Характер использования минного оружия флотами Англии и США во второй мировой войне; С. Иовлев. В боях под Минском (воспоминания); М. Гус. «Тайна» миссии Гесса; Л. Лещинский. Американская доктрина «открытого неба» и гитлеровская «воздушная география» (Обзор документов).

«Советская этнография» № 4. Б. Н. Путилов. Об очередных задачах изучения истории русского фольклора; Р. Липец, М. Рабинович. К вопросу о времени сложения былин (Вооружение богатырей); В. А. Юзвенко. Из истории украинско-польских фольклористических связей конца XIX века.

«Советская археология» № 3. З. А. Абрамова. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы; Я. А. Федоров. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии; Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника); М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана; Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; Н. Д. Мец. Ярославские князья по нумизматическим данным; В. И. Сарианиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау; Л. В. Ванкина. Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР; П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища; И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода; Н. П. Лихачев. Печати Пскова; В. Л. Янин. Вислые печати Пскова.

«Научные доклады высшей школы. Исторические науки» № 3. В. И. Мухачев. Борьба рабочих бригад за коллективизацию уральской деревни в 1929—1931 гг.; М. И. Овчинникова. Роль тракторных колонн и машинно-тракторных станций в колхозном строительстве Северного Кавказа (1928—1929 гг.); А. Г. Долгополов. Ликвидация помещичьего землевладения в Орловской губернии в 1917—1918 гг.; С. В. Климова. Попытки помещичьего предпринимательства в России первой половины XIX века; Ю. Н. Егоров. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в.; Р. Ф. Михайлова. Вопрос о театральной монополии в 1856—1858 гг.; М. Г. Рабинович. О социальном составе новгородского войска X—XV вв.; А. Н. Соловьев. Из истории заключения франко-советского договора о ненападении 1932 г.; Т. М. Торицын. Борьба Коммунистической партии Великобритании за усиление движения английских трудящихся в защиту Советской России (1920—1922 гг.); С. М. Фалькович. Крестьянский вопрос в программе консервативного и умеренного течений польской эмиграции накануне восстания 1863 г.; Г. И. Кириллов. Интервенция Пруссии в Юго-Западную Германию в 1849 г. и оккупация Бадена и Пфальца; Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова. Научные труды и деятельность Е. А. Косминского (1886—1959); Е. В. Кузнецов. Крестьяне и горожане в войне Алой и Белой Розы 1469—1470 гг.

«Преподавание истории в школе» № 5. В. И. Бабкин. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.; В. Б. Кобрин. Укрепление Русского централизованного государства во второй половине XVI в.; Н. А. Смирнов. Ислам и его классовая сущность.

«Вестник Московского университета. Исторические науки» № 5. Л. Н. Еремин. Из истории политики США в отношении Юго-Восточной Азии в начале войны на Тихом океане; В. Я. Лаверычев. Антирабочие союзы капиталистов в 1917 г.; В. В. Самаркин. К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини; Л. М. Попова. Хроника Мартина Галла как источник по ранней истории Польши; В. И. Кузищин. Цицерон — домовладелец (К вопросу о концентрации имущества в Риме в конце Республики).

«Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы». Вып. 3. Д. И. Гольдберг. Октябрь и революционное движение в Японии в 1917—1922 годах; А. Д. Новичев. Население Османской империи в XV—XVI веках; Б. Г. Доронин. Архивные документы как источник по истории Великой крестьянской войны в Китае 1627—1646 годов.

«Известия АН Армянской ССР. Общественные науки» № 7—8 (армян. яз.). М. А. Адонц. Индустриальное развитие Советской Армении; А. Д. Папазян. Иноземное господство в Араратской области (XV в.); С. Т. Еремян «Цавдейское наместничество»; С. Г. Бархударян. Мемориальные памятники Армении; Б. Н. Аракелян. Основные черты материальной культуры древней Армении; Г. А. Тирацян. Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье.

«Известия АН Белорусской ССР. Серия общественных наук» № 2 (белор. яз.). А. Хацкевич. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский.

«Известия АН Белорусской ССР. Серия общественных наук» № 3 (белор. яз.). А. М. Пашкевич. Осуществление ленинских идей социалистической индустриализации в Белоруссии; М. Я. Завалеев. Изменения в численности и составе рабочего класса БССР в годы первой пятилетки; И. В. Палуян. Рабочее движение в Западной Белоруссии в 1929—1931 гг.; Г. Якуб. К вопросу о сельской общине в социально-политической литературе XIX столетия.

«Сообщения АН Грузинской ССР» № 5. Т. В. Барнавели. К вопросу даты надписи из Армазского монастыря.

«Сообщения АН Грузинской ССР» № 6. О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе. Материалы к археологии Батумского района.

«Вестник АН Казахской ССР» № 3 (каз. яз.). Т. Балакаев, А. Кусургашева. Краткий русско-казахский словник археологических терминов.

«Вестник АН Казахской ССР» № 4. П. И. Тугов. Осуществление ленинского декрета о рабочем контроле в промышленности Казахстана.

«Известия АН Латвийской ССР» № 6. И. Киртовский. Позиция латышской буржуазии в аграрном вопросе в период с 1905 по 1917 год; Я. Граудонис. Археологические раскопки в могильнике Аграриеши Аурского сельсовета (латв. яз.); И. Степране. Экономическое положение крестьян — хозяев Лифляндии в 30—40-х годах 19-го века (латв. яз.).

«Труды АН Литовской ССР. Серия А» (лит. яз.). А. Ю. Бернотайте. Стоянки каменного века у деревни Кашетос, Варенского района; Ю. М. Юргинис. Патриархальные рабы в Литве; В. Ю. Меркис. К вопросу о развитии промышленности в Литве в 1795—1861 гг.

«Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук» № 1. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. К истории архитектурного комплекса Хазрати-Бобо; В. А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир); Э. В. Сайко. Из опыта применения микроскопического метода исследования к изучению средневековой среднеазиатской керамики; А. М. Беленицкий. О коралловой подвеске из Пенджикента; Э. Гулямова. Шахматные фигуры с городища Хульбук; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Каменные базы колонн из Вахшской долины; А. Е. Маджи. К вопросу об очажках с территории Таджикистана; Е. Д. Салтовская. Вал и могильник у кишлака Ниязбек; А. М. Беленицкий. По поводу каменной гири из Пенджикента; Е. А. Давидович. О мерах веса позднесредневековой Бухары; Е. В. Зеймаль. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР; Б. Я. Ставиский. Из истории археологического изучения Пенджикента и его окрестностей.

«Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук» № 3. В. Г. Мелькумов. Ленинский призыв в партию в Туркменистане; Ю. С. Кузнецов. Из истории борьбы Коммунистической партии Туркменистана за ленинское единство своих рядов (разгром троцкистско-зиновьевской оппозиции).

«Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук» № 3. А. И. Ишанов. Роль Туркомиссии в укреплении советской государственности в Средней Азии (1919—1920 гг.); А. Р. Рахимов. Создание и деятельность продовольственных отрядов в Туркестанской АССР (1920—1921 гг.); Р. Н. Набиев. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII веках; М. Ю. Юлдашев. К вопросу о путях сообщения из Средней Азии в Россию в XVI—XVII веках.

«Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук». № 4. А. Х. Бабаходжаев. Из истории бухаро-афганских отношений (1920—1924 гг.); М. Г. Пикулин. К вопросу о национальной консолидации белуджей Пакистанского Белуджистана; Т. Кадырова. Восстание народов Согда в первой четверти VIII в. (к изучению движения согдийцев в 719—722 гг.); О. Д. Чехович. Оборона Самарканда в 1454 году.

«Историко-филологический сборник. Коми филиал АН СССР». Вып. 5. В. Н. Давыдов. Восстановление сельского хозяйства автономной области Коми в 1921—1925 гг.; Т. П. Раевская. Из истории земельных отношений на горных заводах пермского имения Абамелек-Лазаревых в 60—70-х годах XIX в.; Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды; Г. М. Буров. Из результатов археологической разведки 1957 г. на Верхней Вычегде.

«Средние века» XVII. (К семидесятилетию академика С. Д. Сказкина.) «Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказ-

кина»; «Труды академика С. Д. Сказкина за 1918—1960 гг.»; Е. А. Косминский. О некоторых характерных чертах английского феодализма; Н. А. Сидорова. Некоторые вопросы истории Франции и советская медиевистика; М. Н. Мейман. Развитие рабовладельческой формации и возникновение элементов феодализма в Западной Римской империи; Н. И. Конрад. «Восемь стансов об осени» Ду Фу; Л. А. Котельникова. О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX—XII вв.; Ю. Л. Бессмертный. О некоторых изменениях в социально-экономическом положении лотарингского крестьянства во второй половине XII в. и в XIII в.; А. Н. Чистозвонов. Аграрные отношения в Южной Голландии, Амстерланте и Хоойланте по материалам описей 1494 и 1514 гг.; Л. С. Чиколини. Социальная утопия Антонио Франческо Дони; М. М. Громыко. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в.; А. С. Самойло. Землевладение в пуританских колониях Новой Англии в XVII в.; Ю. М. Сапрыкин. Поземельная собственность в графстве Лимерик в середине XVII в.; В. М. Лавровский. Крупное поместье в Англии с XVI по XVIII в.; А. П. Каждан. Об одной южноитальянской грамоте XI в.; А. И. Данилов. Аграрная история западноевропейского средневековья в трудах советских медиевистов; М. Д. Бушмакин. Профессор Н. А. Осокин — первый казанский медиевист; Е. В. Гутнова. Т. Роджерс и возникновение историко-экономического направления в английской медиевистике второй половины XIX в. (60—90-е годы); Л. М. Баткин. Хроника Дино Компаньи или притча Данте Алигьери?; А. И. Неусыхин. Новые данные по источниковедению Салической Правды; «Из неизданной переписки русских медиевистов 40—50-х годов XIX в.». Публикация С. А. Асиновской.

«Ленин и Восток. Сборник статей. Институт востоковедения АН СССР. Институт китаеведения АН СССР». А. Н. Хейфец. Идеи Ленина — знамя освобождения народов Азии и Африки; А. Д. Литман. В. И. Ленин и проблемы идеологий Востока; Го Шао-тан, Н. П. Виноградов. В. И. Ленин и Китай; Г. Матвеева, П. Старицина. МНР на ленинском пути; В. М. Мазуров. В. И. Ленин и Корея; Ю. Н. Розалиев. В. И. Ленин и Турция; М. Н. Иванова. В. И. Ленин и Иран; Р. Т Ахрамович. В. И. Ленин и борьба Афганистана за независимость; Т. Ф. Девяткина, А. М. Дьяков. В. И. Ленин и Индия; А. А. Губер. В. И. Ленин и некоторые вопросы исторического развития Индонезии.

«Ученые записки Института востоковедения», т. XXV. В. В. Струве. Советское востоковедение за сорок лет; В. А. Ромодин. Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии; Б. Б. Пиотровский. Успехи советской археологии в изучении древнейшей истории Закавказья и Средней Азии; К. К. Курдоев. Развитие советского курдоведения; Р. Р. Орбели. Деятельность Кавказского кабинета Института востоковедения после 1917 г.; З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров. Китаеведение в Ленинграде за сорок лет; З. И. Горбачева. К истории тангутоведения в Ленинграде; И. И. Иориш. История Монголии в трудах ленинградских ориенталистов; В. Г. Эрман. Изучение древней Индии в Ленинграде; В. В. Струве. Значение шумерийского документа, изданного А. П. Рифтиным, для изучения эпохи правителей Лагаша — Лугальанды и Урукагины; Н. В. Пигулевская. Учение о докапиталистических формациях на Ближнем и Среднем Востоке в трудах ленинградских востоковедов; И. П. Петрушевский. Деревня и крестьяне средневекового Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов; В. И. Беляев. Арабистика в Ленинграде за сорок лет; А. Ф. Искандеров. Изучение истории арабских стран в Ленинграде; К. Б. Старкова. Семитология в СССР за сорок лет; А. Н. Кононов. Тюркология в Ленинграде (1917—1957); В. М. Штейн. Вклад народов Востока в историю мировой культуры.

«Ученые записки Института славяноведения» XX. Л. Б. Валев. Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны; И. В. Чуркина. Горная промышленность Словении в XVI в.; И. В. Созин. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства южной части Польши в 70—90-е годы XVIII в.; Е. А. Ефремов. Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии в X—XI вв.; Б. А. Цветкова. К вопросу о положении дервентджийского населения в болгарских землях в период турецкого господства; В. Д. Конобеев. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг.; В. И. Фрейдзон. Социально-политические взгляды Антуна и Степана

Радичей в 1900-х годах и возникновение хорватской крестьянской партии (1904—1905); В. Н. Кондратьева. Новые архивные материалы по истории Объединенной сербской Омладины.

«Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах. Академия общественных наук при ЦК КПСС». А. И. Картунова. О некоторых особенностях форм перехода к социализму в Китайской Народной Республике; В. Х. Ненов. О характере народно-демократической революции в Болгарии; Сабо Йожеф. Некоторые особенности строительства социализма и действие закона преимущественного роста производства средств производства в Венгрии.

«Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия историческая». Т. 3. В. Г. Щебеньков. К вопросу о присоединении к России Приамурского края; А. И. Крушанов. Некоторые вопросы социально-экономической истории Владивостока (1860—1916); А. И. Крушанов. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX — нач. XX в.; А. И. Крушанов. О развитии торгового мореплавания на русском Дальнем Востоке в последней четверти XIX — начале XX в.; В. М. Вишневский. Владивосток в период русско-японской войны (1904—1905 гг.); В. М. Вишневский. Революционная борьба во Владивостоке в 1905 — январе 1906 гг.; В. М. Вишневский. Революционное движение во Владивостоке в 1906—1907 гг.; А. И. Крушанов. Народное образование и культура Приморья в конце XIX — начале XX столетия; Н. А. Колотов. Первые мореходные училища во Владивостоке (конец XIX в.— до 1917 г.); А. И. Крушанов. Страницы революционной истории Приморья (1908 — март 1917 г.).

«Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. университета. Серия историко-филологическая». Вып. шестой. Н. Х. Тхамоков. Укрепление русско-кабардинских отношений в XVIII веке.

«Ученые записки Томского гос. университета» № 37. Труды кафедры истории КПСС. Вып. 1. Н. В. Блинов. Два направления в российской социал-демократии накануне I съезда РСДРП; Д. М. Зольников. Большевистская партия — организатор политических стачек во время борьбы с корниловщиной; И. Е. Попов. Партия большевиков — организатор трудящихся масс на разгром корниловщины — союза империализма, генералитета и социал-предателей; Д. М. Зольников. К вопросу о стачечном движении пролетариата осенью 1917 года; В. С. Флеров. Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918—1923 годах; М. П. Серебрякова, В. А. Зибарев. Первые мероприятия Советского государства по ликвидации экономической отсталости народностей Дальнего Востока в 1922—1926 годах; Т. Н. Петрова. Томичи — инициаторы лунинского движения в промышленности в годы Великой Отечественной войны, Е. П. Чечкина. Комсомольско-молодежные бригады в промышленности Новосибирска и Томска в годы Великой Отечественной войны; Э. Д. Павлова. Об участии комсомольцев и молодежи Новосибирской области в организации всенародной помощи фронту в годы Великой Отечественной войны.

«Ученые записки Хабаровского пединститута». Т. V. Кафедра марксизма-ленинизма. А. С. Черных. Революционное движение в дальневосточной деревне в годы первой русской революции (1905—1907 гг.); М. Ю. Свердлов. Из истории партийно-политической работы на Южном фронте в период борьбы с Деникиным (июль 1919 г.— январь 1920 г.); В. И. Менжулин. Чистка партии, проверка и обмен партийных документов в 1933—1936 годах; В. И. Менжулин. Мероприятия Коммунистической партии по совершенствованию государственного аппарата в 1934—1936 годах.

«Сборник статей Минской высшей партийной школы». Вып. 2. К. П. Горбулько. Союз рабочего класса и крестьянства — решающая сила завершения социалистической реконструкции сельского хозяйства БССР в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.); И. С. Росман. Начало социалистических преобразований в деревне западных областей БССР (сентябрь 1939 — июнь 1941 года).

Хроника научной жизни

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ

6—8 сентября в Москве проходила советско-английская конференция историков, в работе которой приняли участие виднейшие представители советской исторической науки и делегация английских ученых во главе с бывшим президентом Британской академии сэром Чарльзом Вебстером.

Конференция в Москве явилась ответом на первую советско-английскую конференцию историков, состоявшуюся в Лондоне осенью 1958 г. и положившую начало двусторонним встречам советских и английских ученых.

На конференции были заслушаны следующие доклады советских историков: «Распространение христианства на Руси в XI—XII вв.» (академик М. Н. Тихомиров), «Русские географические открытия в Северо-Восточной Азии в XVII—XVIII вв.» (член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов), «Политика Англии в Иране в начале XIX в.» (действительный член Академии наук Армянской ССР А. Р. Иоаннисян), «Революционная ситуация 1859—1861 гг. и падение крепостного права в России» (академик М. В. Нечкина), «Формирование и развитие антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны» (профессор Е. А. Болтин, доктор экономических наук Г. А. Деборин, кандидат исторических наук Г. З. Лекомцев).

Английские участники конференции прочитали доклады: «Ранняя история городов Европы» (член Британской академии, профессор Ф. Гриерсон), «Английский феодализм XV века» (профессор К. Б. Макфарлан), «Промышленная революция и политическая жизнь Англии» (профессор Х. Дж. Хабаккук), «Россия и Великобритания на Ближнем Востоке (первая половина XIX в.)» (доктор Дж. Х. Болсовер).

По докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли участие академики И. М. Майский и И. И. Минц, доктора исторических наук А. Ф. Миллер, А. Л. Нарочницкий, В. М. Лавровский, Е. В. Гутнова и другие советские ученые, а также члены английской делегации. Дискуссии позволили английским и советским историкам ознакомиться с точками зрения сторон на обсуждавшиеся проблемы.

Выступая на заключительном заседании конференции, председатель Национального комитета историков Советского Союза член-корреспондент АН СССР А. А. Губер и руководитель английской делегации Ч. Вебстер выразили удовлетворение результатами конференции, подчеркнув, что свободный и широкий обмен мнениями между советскими и английскими учеными по различным проблемам средневековой, новой и новейшей истории Англии и СССР послужит делу дальнейшего развития исторической науки и укрепления научных связей между двумя странами. От имени руководства британского Национального комитета Ч. Вебстер предложил созвать следующую советско-английскую историческую конференцию в Лондоне в 1962—1963 году. Точные сроки и тематику ее решено согласовать дополнительно.

Во время пребывания в СССР английские гости посетили Отделение исторических наук АН СССР, Национальный комитет историков Советского Союза, ознакомились с работой Института истории АН СССР. Гости были приняты в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, побывали в Доме дружбы с народами зарубежных стран, где состоялась их встреча с руководителями и активом Общества «СССР — Великобритания». Члены делегации совершили также поездку в Ленинград.

В. Г. Поляков

Хроникальные заметки

◆ В Институте истории АН СССР создана группа по изучению общественного движения в России во второй половине XIX века. Группа ставит своей задачей объединить историков различных научных и учебных заведений нашей страны, занимающихся вопросами общественного движения пореформенной России. На заседаниях группы предполагается постановка и обсуждение докладов по различным вопросам указанной проблематики; группа будет намечать темы для исследований. Предполагается проведение регулярных научных конференций. В 1961 г. будут проведены конференции на темы: «Проблемы революции и государства в идеологии революционного народничества»; «История русского общественного движения 2-й половины XIX века в современной зарубежной историографии».

◆ В Орехово-Зуевский краеведческий музей поступил интересный исторический документ: «Книга для доклада г. Савве Тимофеевичу Морозову». Первая запись в ней сделана 12 февраля 1896 г., последняя — 10 июня 1900 года. На левом развороте листа рукою одного из служащих фабричной конторы записаны просьбы и жалобы самого различного характера, на правом — резолюции Саввы Морозова. Документ отражает все, даже незначительные происшествия на текстильных фабриках и в казармах, что дает возможность познакомиться с истинным положением фабричных рабочих в то время. Приведем запись от 14 июля 1896 г.: «Не прикажете ли капитально ремонтировать старые казармы на новом заведении? Очень плохи стали 5—8 и 9. Балаганы даже опасны. Или только обезопасить казармы?» Резолюция: «Не ремонтировать, ограничиться самым малым ремонтом. Савва». А вот запись от 25 апреля 1900 г.: «Покорнейше просил бы сделать распоряжение вести постройку казармы для фабричных рабочих экстренно, ввиду большой недостачи в квартирах». Резолюция: «Нет. Савва».

◆ Коллектив сотрудников Томского областного государственного архива проводит работу по экспертизе ценности документальных материалов судебных фондов. При тщательном просмотре фонда Томского окружного суда за 1897—1916 гг. был отобран ряд документов, рассказывающих о революционных выступлениях крестьян и рабочих в Томске, Ново-Николаевске, Барнауле. Были обнаружены также документы, относящиеся к первой русской революции 1905 года.

◆ Участник гражданской войны, бывший политработник И. С. Лосев передал Центральному музею Советской Армии редкую книгу «За рабоче-крестьянское дело». В ней рассказывается о славных боевых делах начальника 18-й кавалерийской дивизии Петра Курышко, который погиб смертью храбрых в феврале 1921 года. Бойцы 18-й дивизии, впоследствии переименованной в Отдельную кавказскую кавалерийскую бригаду, уважали и горячо любили своего командира. Политотдел бригады в 1923 г. подготовил книгу «За рабоче-крестьянское дело», составленную из воспоминаний соратников П. Курышко. Напечатана она была в походной типографии тиражом в 400 экземпляров.

◆ Во время ремонта одной из комнат Владивостокского горкома КПСС был обнаружен номер газеты «Вестник Временного правительства Дальнего Востока Приморской земской управы» за 11 мая 1920 года. Материалы газеты показывают, в каких сложных условиях большевики Приморья вели борьбу за сохранение мира на Дальнем Востоке.

◆ Научные сотрудники Историко-краеведческого музея Молдавии закончили сбор материалов из истории села Фрумушика, Флорештского района. Здесь в 1901 г. голодные, обездоленные бессарабские крестьяне подняли восстание против произвола, чинимого помещиком Плешко. Стихийное выступление бедняков было жестоко подавлено царскими сатрапами. Чтобы сохранить в памяти детей и внуков героический подвиг их дедов и отцов в борьбе за землю и свободу, правление колхоза «Прогресс» решило создать музей истории родного села. Собранные экспонаты повествуют о бесправной в прошлом жизни фрумушикских крестьян, об их революционной борьбе в 1917—1918 годах. Документы рассказывают об оккупации Бессарабии, освещают период Великой Отечественной войны. В музее экспонируются также материалы, отражающие сегодняшний день села Фрумушика.

◆ Закончились исследования, организованные Академией наук СССР на участке, где семь веков назад разыгралось знаменитое Ледовое побоище, «на леду, на Чудском озере, на Узмени, у Воронея Камени», как отмечается в летописи. Научные изыскания последних лет позволили восстановить картину исторической битвы и определить само место, где были разгромлены захватчики. Ледовое побоище произошло у мыса Сиговец, в непосредственной близости от легендарного Вороньего камня, упоминаемого в летописи. Подводные и наземные обследования дали возможность обнаружить остатки древнего укрепления, находившегося у современного острова Вороньего. В этом году участники экспедиции прошли по древним путям сообщения частью пешком, а частью на лодках от озера Ильмень до Чудского озера. Произведенные розыски убеждают в том, что Александр Невский не случайно избрал место битвы. Оно являлось важным и сильно укрепленным звеном в системе обороны новгородско-псковских пограничных рубежей, где скрещивались главные в то время пути сообщения.

◆ Из Тувинской автономной области возвратилась археолого-этнографическая комплексная экспедиция Института этнографии Академии наук СССР имени

Н. Н. Миклухо-Маклая, руководимая доктором исторических наук Л. П. Потаповым. Под его руководством проводились раскопки в долине реки Кемчик. Археологи обнаружили ценнейшие памятники древней культуры коренного населения Тувы, относящиеся к эпохе гуннов (II век до нашей эры — I век нашей эры). Раскопаны редчайшие памятники древнетюркской письменности, представляющие большой научный интерес для ученых-востоковедов.

◆ Черной Русью в эпоху древнерусского государства называлась территория в бассейне реки Неман. Ее главным городом — Новогрудком (упоминаемым в летописях под названием Новогородок), расположенным в 150 км от Минска,— заинтересовались ленинградские археологи. В результате раскопок удалось обнаружить сохранившиеся там остатки жилых домов, в том числе остатки здания с фресками. Экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР доставила в Ленинград коллекцию домашней утвари, серебряных и бронзовых украшений XII—XIII вв., а также стеклянных сосудов восточного происхождения того же времени. Собранные материалы позволяют раскрыть еще одну малоизвестную страницу в истории нашей Родины.

◆ Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР на протяжении многих лет ведет систематическое археографическое обследование различных районов нашей страны. Собрание древних рукописей института пополняется ценными находками, расширяющими и углубляющими представление о древней русской письменности и культуре. Летом и осенью этого года экспедиции Пушкинского дома побывали в Карелии, на Верхней и Нижней Печоре, в Прибалтике, Западной Украине, Подмосковье и других местах. Поиски старинных рукописных книг, содержащих ценные сведения о прошлом нашего народа, проводились в Красноборске, Архангельской области. Аспиранту института А. М. Панченко удалось выявить двадцать шесть рукописей XVI—XIX веков. Многие из них представляют значительный научный интерес.

◆ В отделе рукописей и редких книг научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина хранятся ценные материалы по истории Пензы, собранные известным краеведом прошлого столетия Г. Мешковым. Большой интерес представляют две объемистые рукописи: «Краткие сведения о городе Пензе, составленные статским советником Мешковым, почетным членом императорского Казанского университета. Пенза. 1869 год» и «Пенза и ее основание в 1666 году. Копия с рукописи, современной основанию города», написанная в 1880 году.

◆ В Центральный музей Советской Армии за последнее время поступили тысячи новых экспонатов. Среди них немало материалов, полученных из стран народной демократии. Центральный музей Советской Армии, в свою очередь, посылает в страны народной демократии экспонаты, повествующие о боевых подвигах, жизни и учебе воинов Вооруженных Сил СССР.

◆ Фонд Государственного музея Аджарии постоянно пополняется новыми экспонатами. Недавно в музей была доставлена огромная железоплавильная печь — одна из пяти печей, найденных учеными при раскопках на Джиханджурско-Цецхлаурском участке в Кобулетском районе. Археологам удалось установить, что эти железоплавильные печи были сооружены в VIII—VI вв. до нашей эры. Таким образом, впервые в истории подтверждаются сообщения древнегреческих и латинских писателей Ксенофонта, Аполлония Родосского, Страбона и других о том, что халибы (одно из древнейших картвельских племен), жившие в то время в бассейне реки Чорохи, считаются изобретателями железа. В VI—I вв. до нашей эры они славились развитой металлургией.

◆ Летом нынешнего года Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник и Институт археологии Академии наук СССР проводили совместные разведочные археологические раскопки в древнем славянском городе — Городце. Раскопки подтвердили, что Городец был не только военной крепостью, но и ремесленно-торговым городом. Найденные предметы характеризуют быт, ремесло и торговлю древнерусского города XII—XV веков.

◆ Таджикская археологическая экспедиция обнаружила на Памире, близ горного кишлака Паскуф, на скале хорошо сохранившуюся надпись VIII века. Неизвестный автор рассказывает о строительстве в здешних местах оросительного канала. В письме на каменной скале указывается, что сооружение канала обошлось в 40 золотых таньга. По мнению ученых Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, письмо на скале свидетельствует о том, что древние жители Памира умели строить гидросооружения в условиях высокогорья.

Обзоры и рецензии

МЮНХЕНСКИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА СЛУЖБЕ БОННСКОЙ РЕВАНШИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

В Западной Германии снова поднимает голову милитаризм. Воссоздается и расширяется сеть организаций и учреждений, уничтоженных в результате разгрома фашистской Германии, которые в свое время участвовали в идеологической подготовке гитлеровской агрессии против Советского Союза и стран Восточной Европы [1].

Одновременно с этим происходит процесс восстановления и развития так называемого Ostforschung — составной части идеологии германского монополистического капитала, проводившего агрессивную политику «Drang nach Osten». Атмосфера реваншизма и антикоммунизма, характерная для современной западногерманской действительности, служит благодатной почвой для развертывания деятельности упомянутых учреждений.

Среди организаций, занимающихся «изучением» Восточной Европы, ведущую роль играет Мюнхенский институт (Osteuropa-Institut), созданный в 1952 году. По свидетельству официального органа ФРГ «Das Parlament», он был образован с целью «продолжить традицию старых, ставших жертвой войны, немецких исследовательских институтов на Востоке, и прежде всего институтов в Бреслау и Кенигсберге» [2].

Мюнхенский институт Восточной Европы ведет интенсивную работу по фальсификации истории Советского государства. Это направление имеет свое название — «Sowjetkunde» («советоведение»). Его задачи были сформулированы в выступлениях федерального министра внутренних дел Шредера и бывшего директора института Ганса Коха, призывавших западногерманских «советоведов» к «борьбе с коммунизмом в духовной сфере» [3].

Развивая широкую деятельность на этом «поприще», институт устанавливает и поддерживает тесные контакты с другими учреждениями Ostforschung, которых насчитывается около 50. Сотрудники института активно участвуют в ежегодных конференциях, созываемых западногерманским обществом по «изучению» Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde) — головной организацией Ostforschung. Его представители регулярно выступают со статьями, обзорами и рецензиями на страницах издаваемых этим обществом журналов: «Osteuropa» («Восточная Европа»), «Osteuropa-Recht» («Восточноевропейское право»), «Osteuropa-Wirtschaft» («Восточноевропейская экономика»), «Osteuropa-Naturwissenschaft» («Естествознание в Восточной Европе»). Мюнхенский институт направляет работу Евангелической академии (Evangelische Akademie), Института по под-

---

[1] См. W. Szeczinowski. Die Organisation der «Ostforschung» in Westdeutschland. „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft" (далее «Z. G.»), 1954, № 2, S. 288—309; F. H. Gentzen, I. Kalisch, G. Voigt, E. Woltgramm. Die «Ostforschung» — eine Stoßtrupp des deutschen Imperialismus. «Z. G.», 1958, № 6, S. 1181—1220; F. H. Gentzen. Die «Ostforschung» westdeutscher Historiker — eine Hetze gegen die Sowjetunion und Volkspolen. «Einheit», 1955, № 12, S. 1214—1222; «Überblick über die Organisation und die Rolle der imperialistischen «Ostforschung» im Bonner Staat». «Dokumentation der Zeit», 1958, № 180; G. Voigt. Methoden der «Ostforschung». «Z. G.», 1959, № 8, S. 1781—1803; В. Т. Пашуто. Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. «Вопросы истории», 1959, № 3; Б. Спиру. Западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма. «История СССР», 1960, № 1, и т. д.

[2] «Das Parlament», 13 августа 1958 года.

[3] См. Hans Koch. Sowjetkunde als Aufgabe. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1957. Bd. V, S. 43; «Dokumentation der Zeit», 1958, № 180, S. 45.

готовке учителей (Institut für Lehrerbildung) в Штраубинге[4], Лекционного восточного общества (Ostkolleg). Среди директоров последнего числится несколько активных сотрудников Мюнхенского института[5].

Ведущая роль Мюнхенского института в историографии Ostforschung проявляется также в том, что его сотрудники определяют деятельность Западногерманского общества историков (Verband deutscher Historiker) в «разработке» проблем истории СССР и стран народной демократии.

Представители института активно участвовали в травле делегации историков Германской Демократической Республики на съезде западногерманских историков в Трире в 1958 году[6]. Этот факт является свидетельством сугубо политической направленности Ostforschung и находится в вопиющем противоречии с его мнимой объективностью, о которой так любит говорить буржуазная пресса.

Еще более ярко политическую направленность всей деятельности Мюнхенского института Восточной Европы раскрывает его тесная связь с реакционной белоэмигрантской организацией — «Институтом по изучению истории и культуры СССР»,—созданной в 1950 г. в Мюнхене на средства американских монополистов. В это сборище белогвардейцев входят матерые предатели и изменники родины. Сотрудники Мюнхенского института Восточной Европы активно участвуют в конференциях и совещаниях, организуемых на американские деньги Институтом по «изучению» истории и культуры СССР[7].

Связи Мюнхенского института Восточной Европы не ограничиваются территорией Федеративной Республики Германии: они простираются далеко за ее пределы. Например, Кох был приглашен в Англию прочесть курс лекций для студентов Кембриджа, Оксфорда и Лондона[8]. Работа Мюнхенского института координируется также с американскими исследовательскими центрами по «изучению» Советского Союза при Гарвардском, Калифорнийском, Колумбийском и других университетах США.

Группирующиеся вокруг института специалисты по «советоведению» принадлежат к различным поколениям немецких историков. Представители старшего поколения вместе с белоэмигрантами[9] принимали активное участие в подготовке и осуществлении гитлеровской агрессии против Советского Союза и других стран Европы. Понятно, что сейчас они стремятся скрыть свою прежнюю преступную деятельность и пытаются выдать себя за «жертвы» фашистского режима. В этой связи показательно заявление одного из ведущих сотрудников Мюнхенского института, «специалиста» по советскому праву Р. Маураха, о том, что он в 1938 г. якобы подвергся преследованиям со стороны гестапо и был лишен права заниматься научной и педагогической деятельностью[10]. Здесь уместно вспомнить, что этот «подвергшийся преследованиям» профессор в 1939 г. выпустил профашистскую книжонку «Русский государственный совет» с предисловием гитлеровского «специалиста» по праву Фрейтаг-Лорингхофена. Книжка вышла в серии, издававшейся гитлеровским министром юстиции Гансом Франком[11].

Фашистское прошлое Коха, другого ведущего деятеля «советоведения», столь очевидно, что ни он сам, ни кто-либо другой не осмеливались оспаривать этот факт. В период господства гитлеровского режима Кох последовательно занимал посты директора Кенигсбергского (1934 г.), Бреславльского (1937 г.) и Венского (1940—1945 гг.) институтов по «изучению» Восточной Европы[12]. В 1940 г. он

---

[4] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1956, Bd. IV, S. 495—496.

[5] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1958. Bd. VI, S. 521; «Dokumentation der Zeit», 1958, № 180, S. 45.

[6] См. «24-й съезд западногерманского союза историков в Трире». «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр. 214—215.

[7] См. Ch. Vogt. Institut zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR in München eine antisowjetische Emigrantenagentur des Imperialismus. «Beiträge zur Zeitgeschichte», 1959, № 1, S. 52—53.

[8] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. VI, S. 520.

[9] До настоящего времени сотрудником института является известный своими антисоветскими писаниями белоэмигрант Ф. Степун.

[10] R. Maurach. Handbuch der Sowjetverfassung. München. 1955, S. 7.

[11] R. Maurach. Der russische Reichsrat. Schriften der Akademie für Deutsches Recht. Herausgegeben vom Präsidenten der Akademie für Deutsches Recht, Reichsminister Dr. Hans Frank. Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. v. Freytagh-Loringhoven Berlin. 1939; см. также G. Voigt. Das «Institut für deutsche Ostarbeit» in Krakau in September 1939. Berlin. 1959.

[12] См. W. Habel. Wer ist wer? Berlin 13. Aufl. 1958, S. 662.

получил пост директора Софийского института Восточной Европы. И там вновь его способности в области организации антисоветской пропаганды были использованы гитлеровцами. После нападения фашистской Германии на СССР Кох поставил на службу агрессорам свои многолетние связи с украинскими буржуазными националистами, которые он поддерживал еще с первой мировой войны. Вместе со своим соратником по Кенигсбергскому институту, матерым фашистским преступником, бывшим боннским министром Оберлендером, которого мировая общественность требует предать наказанию за преступления против человечества, Кох организовывал погромы и расстрелы мирных жителей во Львове. Для этого был использован батальон особого назначения «Нахтигаль», сформированный фашистами из украинских буржуазных националистов [13]. Кох принимал также активное участие в формировании власовских банд [14]. После разгрома фашистской Германии Кох нашел убежище в американской зоне оккупации, где скрывался под личиной пастора [15].

Однако вскоре Кох вновь очутился на политической арене. Его фашистское прошлое и многолетняя антисоветская деятельность были высоко оценены боннскими правящими кругами: он возглавил Мюнхенский институт и стал политическим советником Аденауэра. С этого времени, по откровенному признанию его сотрудников, «велением времени для Коха стала духовно-политическая борьба с мировым коммунизмом» [16].

Молодое поколение «советоведов» (Г. Нейбауер, О. Анвайлер и др.), хорошо усвоив реакционные традиции старшего поколения, принимает активное участие в фальсификации истории Советского Союза.

Сотрудники Мюнхенского института главным образом пишут книги по истории СССР, проникнутые антисоветским духом. Это специальная серия — Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts [17], коллективные труды типа «Настольная книга о Советском Союзе», так называемые биографии выдающихся деятелей СССР [18] и отдельные исторические работы [19]. С 1953 г. институт издает «Ежегодник по истории Восточной Европы» («Jahrbücher für Geschichte Osteuropas»), выходящий поквартально. Одновременно с публикацией своих трудов сотрудники института ведут широкую устную пропаганду: читают лекции, проводят семинары по самым разнообразным темам истории Советского государства в различных учебных заведениях ФРГ и в особенности в Мюнхенском университете, студенты которого специализируются по русской истории, русскому языку и т. п. [20]. Библиотека института по заданию «Союза немецкой высшей народной школы» и «Немецкого общества по изучению Восточной Европы» выпустила специальное пособие для преподавателей и лекторов, представляющее собой тенденциозно составленную библиографию, в которой, как правило, отсутствуют труды прогрессивных авторов [21].

О характере и сущности деятельности Мюнхенского института Восточной Европы лучше всего можно судить по его довольно обширной продукции, посвященной истории Советского Союза.

Обращаясь к далекому прошлому дореволюционной России, мюнхенские историки пытаются вопреки исторической истине представить русский народ якобы неспособным к самостоятельному творчеству. Этой цели, в частности, служит пропагандируемая ими норманнская теория, согласно которой древнерусское государство было якобы создано варягами. Наиболее ярко эта мысль проводится в «Настольной книге о Советском Союзе» (под редакцией Г. Коха), в статьях бывшего нацистского профессора М. Хэллмана («Ранний период истории славян» и «Основные черты славянского законодательства раннего средневековья») и в работе Рауха по истории русской государственности [22]. Авторы названных работ упор-

---

[13] См. «Новое время», 1959, № 35, стр. 12—13.

[14] «Wir warnen! Die deutschen Revanschepolitiker bedrohen den Frieden». Prag. 1959, S. 55.

[15] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1959, Bd. VII, S. 127.

[16] Там же, стр. 128.

[17] До настоящего времени вышло 14 томов.

[18] См. «Sowjetbuch». Hrsg. H. Koch. 1. Aufl. Köln. 1957, 2 Aufl. Köln. 1958; «5000 Sowjetkopfe». Köln. 1959.

[19] До настоящего времени вышло 4 книги

[20] «Dokumentation der Zeit», S. 43.

[21] См. «Ost und Südosteuropa im westlichen Schrifttum der Nachkriegszeit». München. 1956.

[22] M. Hellman. Slavische Frühzeit «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». 1959. Bd. VII, S. 202; «Grundfragen slavischen Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters». Там же. 1954. Bd. II, S. 387—404; «Sowjetbuch». 2 Aufl., S. 18; G. von Rauch. Rußland: Staatliche Einheit und na-

но продолжают оспаривать или вовсе игнорируют труды советских и иностранных ученых (Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, Г. Ловмяньского и др.), в которых убедительно доказана полная несостоятельность мифа о том, что государственность была навязана русскому народу извне. На большом фактическом материале в трудах советских историков показано, что у восточных славян государство возникло в результате внутреннего развития общества: разложения патриархальных отношений, появления частной собственности на землю и образования классов [23].

Пропагандируя норманнскую теорию, мюнхенские историки ставят под сомнение данные археологической науки, которые показывают всю несостоятельность этой теории. Специалист по истории средневековой России кельнский профессор Штекль на страницах мюнхенских ежегодников пишет, что «суждения археологии о явлениях надстройки... об этнической принадлежности, политической организации и национальном сознании являются темными и трудно понятными» [24].

Между тем археология (и это признают многие видные иностранные ученые) предоставляет исторической науке достаточный материал для изучения надстроечных явлений. По данным археологии можно судить о политическом устройстве, культуре, искусстве, этнической принадлежности больших и малых групп населения.

В своих работах мюнхенские историки проводят мысль, будто и все последующее развитие русской государственности также определялось влиянием иностранцев [25]. В «Настольной книге о Советском Союзе» говорится: «Русская империя, основанная чужеземцами, имела прежде всего варяжское (скандинавское) и ганзейское (немецкое) лицо» [26].

Подобное утверждение, основанное на упомянутой выше норманнской теории, не имеет ничего общего с исторической правдой. Объективное изучение истории России неизбежно приводит каждого непредубежденного исследователя к неоспоримому выводу, что характер государства в России определялся в первую очередь социально-экономическими условиями его существования и национальными особенностями русского народа, а вовсе не влиянием иностранцев, каким бы сильным подчас оно ни было.

Говоря о борьбе русского народа против иноземных (татарских, немецких и шведских) захватчиков в X—XV вв., мюнхенские историки заявляют, будто эта борьба не носила национально-освободительного характера. При этом они не останавливаются перед утверждением, что советские авторы (имеется в виду прежде всего работа В. Т. Пашуто [27]), характеризуя борьбу русского народа против иноземных захватчиков как национально-освободительную, якобы «впадают в национализм» и занимаются «смещением исторической перспективы» [28]. Особенно резким нападкам со стороны мюнхенских историков подвергается работа В. Т. Пашуто, в которой автор призывает ученых социалистического лагеря пристальнее заняться историей пруссов — народа, как известно, стертого с лица земли немецкими захватчиками [29]. Попытка деятелей Мюнхенского института оправдать это варварство показывает всякому непредубе-

---

tionale Vielfalt. Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts. München. 1953. Bd. V, S. 12.

[23] Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. «Избранные труды». Т. II. М. 1959, стр. 554—558; его же. Киевская Русь. М. 1953; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М. 1953; Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства. М. 1958; «Очерки истории СССР. III—IX вв.»; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa. 1957.

[24] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955. B. III, S. 9. Аналогичная характеристика — в более поздней статье («Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». 1958, Bd. VI, S. 214, 216—223 и др.).

[25] «Jahrbücher für Geschicnte Osteuropas», 1956, Bd. IV, S. 140.

[26] «Sowjetbuch», S. 19.

[27] В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость. М. 1956.

[28] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1958, B. VI, S. 479—480.

[29] В. Т. Пашуто. Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства. «Вопросы истории», 1958, № 8; см. замечание Штекля в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. VII. S. 482.

В книге бывшего фашистского архивариуса Е. Хассингера «Бранденбург—Пруссия, Швеция и Россия в 1700—1713 гг.», посвященной анализу международных отношений эпохи Северной войны, открыто берется под защиту агрессивная политика прусского короля Фридриха I. Такая защита агрессивных устремлений Прусского государства является одной из старых традиций германского Ostforschung. См. E. Hassinger. Brandenburg — Preußen, Schweden und Rußland 1700—1713. «Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts». Bd. 2. München. 1953.

жденному читателю, где в действительности следует искать «национализм».

В то же время мюнхенские историки всячески пытаются оправдать пресловутую политику «Drang nach Osten», затушевать ее разбойничью сущность, представить ее как «мирное явление», как «заселение немцами Востока», которое якобы способствовало процветанию стран Восточной Европы [30].

Другой характерной чертой трудов Мюнхенского института Восточной Европы является стремление к искаженному освещению революционных традиций русского народа, что находит свое выражение прежде всего в попытках представить освободительную борьбу крестьян и казаков под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева как борьбу, лишенную социального содержания и исторического смысла. При этом профессор Виттрам утверждает, что свобода, за которую боролись крестьяне и казаки, характеризуется якобы такими чертами, как «анархизм» (anarchische Zug) и «социальная бесперспективность» (soziale Trauer) [31].

Рассуждения буржуазных историков о том, что освободительная борьба русского народа была будто бы лишена социальной перспективы, представляют собой сознательное извращение истории. Как убедительно доказали в своих многочисленных трудах советские историки, крестьянские выступления XVII—XVIII вв. являлись результатом обострения классовых противоречий, были исторически обусловлены и расшатывали устои феодального общества, тем самым способствуя историческому прогрессу [32].

Вместе с тем известно, что крестьянские восстания могут привести и приводят к успеху, если они сочетаются с рабочим движением. «Только падение капитала,— писал К. Маркс,— может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации» [33].

Развивая марксизм, В. И. Ленин выдвинул и обосновал идею союза рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата как одной из предпосылок победы буржуазно-демократической революции и союза рабочего класса с беднейшим крестьянством как залога победы социалистической революции [34]. Эти идеи нашли свое воплощение в практике революционной борьбы народных масс нашей страны против царизма и империализма. Союз рабочего класса с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии обеспечил победу социалистической революции и освобождение крестьянских масс от всех форм эксплуатации и угнетения.

Далее, характерная для крестьянских волнений XVII—XVIII вв. стихийность ничего общего не имеет с «анархизмом», который приписывается этим выступлениям: вожди крестьянского движения, как и его участники, отнюдь не отрицали государственности.

Рассуждения идеологов западногерманского Ostforschung об «анархизме» и «бесперспективности» освободительной борьбы крестьянских масс потребовались для того, чтобы извратить историю борьбы народов России против царизма и империализма.

Еще более ярко фальсификаторские приемы историков Мюнхенского института Восточной Европы выступают при характеристике освободительного движения XIX в. в России. Прибегая к старым, разоблаченным в свое время В. И. Лениным приемам веховцев [35], они пытаются извратить револю-

---

[30] W. Schlesinger. Die Geschichtliche Stellung der mittelalterlichen Ostbewegung. «Historische Zeitschrift». München. 1957. Bd. 183, № 3. Более подробную критику см. В. Т. Пашуто. Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 63—65.

[31] R. Wittram. Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1954. Bd. II; Günter Stöckl Die Entstehung des Kosakentums. «Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts». Bd. III. München. 1953; «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955, Bd. III, S. 101.

[32] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951; Н. С. Чаев. К истории разинщины. «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 4; Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки», № 4, 1938.

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 184.

[34] См. В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 280—282; т. 8, стр. 68; т. 21, стр. 382—383.

[35] Веховцы — группа кадетских писателей, выражавших интересы русской либерально-монархической, империалистической буржуазии, опубликовавших в самый разгар столыпинской реакции (1909 г.) сборник ренегатских, реакционных статей («Вехи»). (См. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 106—114).

ционно-демократическое содержание этого движения, приписывая ему либеральный характер. В частности, они стремятся изобразить декабристов в качестве предшественников либерализма в России [36], что в корне противоречит истине.

В работах Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, Б. Е. Сыроечковского и других советских историков доказано, что движение декабристов имело ярко выраженный революционный характер [37]. Оно явилось началом открытой и сознательной борьбы с феодально-абсолютистским строем в России. Декабристы были дворянскими революционерами, которые не только выдвинули требование борьбы с крепостным правом, но и организовали первое открытое восстание против самодержавия. Оценивая выступление декабристов, В. И. Ленин писал: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» [38].

Мюнхенские историки пытаются выдать за «либеральные традиции» и отдельные колебания А. И. Герцена в сторону либерализма [39]. Между тем хорошо известно, что А. И. Герцен всегда горячо защищал революционный народ, неустанно критиковал крепостников-помещиков. В 1848 г. он бичевал крупную французскую буржуазию за ее кровавую расправу над участниками июльского восстания в Париже. «За такие минуты,— писал он,— ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. Горе тем, кто прощает такие минуты» [40]. Характеризуя отношение А. И. Герцена к национально-освободительному движению в Польше, В. И. Ленин писал: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» [41].

Столь же беспочвенны попытки мюнхенских историков представить А. И. Герцена сторонником свободы личности в либеральном духе и приверженцем христианского социализма [42]. Замечание самого Герцена о том, что «сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья» [43] (то есть насильственного свержения эксплуататорского строя.— *Авт.*), показывает, насколько были далеки его взгляды от тех, которые продолжают приписывать ему современные буржуазные идеологи.

Так же грубо извращают мюнхенские историки и разночинско-демократический период освободительного движения в России. Особенно злобным нападкам подвергается Н. Г. Чернышевский. В этом отношении больше других усердствует П. Шайберт [44]. В своих попытках принизить революционную роль Н. Г. Чернышевского П. Шайберт договорился до того, что Чернышевский якобы «пытался делать историю, сидя в шлафроке за письменным столом» [45]. И это сказано

---

[36] R. Wittram. Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte..., S. 381.

[37] Н. М. Дружинин. Программа северных декабристов. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. М. 1951; М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. I—II. М. 1955; «Очерки по истории движения декабристов». Сборник статей под редакцией Б. Е. Сыроечковского. М. 1954; К. А. Пажитнов. Экономические воззрения декабристов. М. 1945.

[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 234.

[39] R. Wittram. Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte..., S. 381.

[40] А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VI. М. 1955, стр. 43.

[41] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 13.

[42] R. Wittram. Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte..., S. 381.

Еще в начале XX в. Г. В. Плеханов, отметив непоследовательность и колебания Герцена в ряде случаев, показал несостоятельность такого взгляда. Подвергая критике либерального публициста, веховца Богучарского, у которого современные мюнхенские историки как бы позаимствовали свою аргументацию, Г. В. Плеханов писал: «Поскольку он (Герцен.— *Авт.*) оставался социалистом-утопистом, постольку он в самом деле способен был, подобно Богучарскому, отделять вопрос экономический от вопроса человеческой свободы. Но зато, поскольку он приближался к точке зрения научного социализма... постольку подобное разделение двух неразделимых вопросов становилось для него логически и психологически невозможным. Тогда он становился монистом между прочим и в социализме» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. IV. М. 1958, стр. 785).

[43] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Т. X. Птгр. 1919, стр. 117.

[44] См. P. Scheibert. Von Bakunin zu Lenin. Geschichte der russischen revolutionären Ideologien. 1840—1895. Bd. I, 1956; его же. Über Lenins Anfänge. «Historische Zeitschrift», 1956. Bd. 189, № 3.

[45] P. Scheibert. Der junge Černyševskij und sein Tagebuch. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1957, Bd. V, S. 190.

о человеке, отдавшем всю свою сознательную жизнь активной революционной борьбе, за которую он был сослан на царскую каторгу!

Все исследователи, знакомые с жизнью и деятельностью Чернышевского, подчеркивали прежде всего его пламенную и страстную борьбу с царским режимом. Ф. Энгельс писал, что Н. Г. Чернышевский — «великий мыслитель, которому Россия бесконечно обязана столь многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя»» [46]. Характеризуя роль Н. Г. Чернышевского в революционном движении России, В. И. Ленин подчеркивал: «...Он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [47]. Известно, что Чернышевский стяжал неувядаемую славу в борьбе с русскими либералами, которых он называл «болтунами, хвастунами и дурачьем», «ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими» [48]. Именно поэтому Н. Г. Чернышевский (как и А. И. Герцен) до сих пор подвергается клеветническим нападкам со стороны тех, кто ныне выступает в роли защитников русского либерализма.

Подмена революционного содержания либерализмом особенно ярко выступает при характеристике мюнхенскими историками пролетарского периода освободительного движения в России. Здесь довольно выпукло выступает их стремление представить «либеральную традицию» в качестве якобы единственно правомерной для исторического развития нашей страны, а революционное движение — чем-то преходящим, случайным и, следовательно, незакономерным. Излагая ход революции 1905—1907 гг., они выдвигают на передний план либерально-дворянскую оппозицию и одновременно с этим пытаются всячески преуменьшить руководящую роль рабочего класса и большевистской партии в этой революции.

В статье О. Анвейлера «Русская революция 1905 г.», приуроченной к ее 50-летию, упорно протаскивается мысль о том, что революционные события тех лет явились будто результатом проведенной осенью 1904 г. либеральной кампании [49]. На самом деле эта кампания являлась всего-навсего следствием глубокого страха буржуазии перед нараставшей народной революцией. Война с Японией обнажила гнилость царизма, ослабила его в экономическом и военном отношении. Она усилила ненависть широких народных масс к царизму. Рабочий класс России под руководством большевиков представлял собой внушительную революционную силу. В этих условиях самодержавие заколебалось: оно решило прибегнуть к «маневру», отделаться в политике грошовыми подачками и ни к чему не обязывающими обещаниями. Царизм предоставил мизерные уступки либералам. Он рассчитывал с их помощью расправиться с революционным пролетариатом. Да и сами либералы, дрожавшие перед революцией, возлагали свои надежды на «верховную власть», от которой ожидали уступок. Революция началась вопреки их воле и помимо их желания.

Извращая характер революционных требований большевиков, В. Кропат в сочинении «Ленин и Учредительное собрание» ничтоже сумняшеся назвал В. И. Ленина «буржуазным либералом» [50]. При этом он ссылается на признание большевиками необходимости созыва Учредительного собрания. Налицо явная фальсификация тактики большевиков в революции 1905—1907 годов. Победу буржуазно-демократической революции большевики связывали с победоносным вооруженным восстанием, в результате которого намечалось создание Временного революционного правительства. Лишь это правительство, по мнению большевиков, могло обеспечить созыв Учредительного собрания, которое действительно могло «учреждать». Без победоносного вооруженного восстания все рассуждения об Учредительном собрании оставались лишь беспочвенным мечтанием, так как власть сохранялась в руках самодержавия. «...Победоносное народное восстание,— писал В. И. Ленин,— и учреждение временного правительства

---

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 389.

[47] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 97.

[48] Там же.

[49] O. Anweiler. Die russische Revolution von 1905. Aus Anlaß ihres 50. Jahrestages. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955, Bd. III, S. 167.

[50] См. Wolf-Arno Kropat. Lenin und die Konstituirende Versammlung in Rußland. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1957, Bd. V, S. 489.

означает победу революции на деле, а «решение» организовать учредительное собрание означает победу революции лишь на словах»[51].

Псевдонаучные рассуждения мюнхенских историков о событиях 1905—1907 гг. потребовались им для того, чтобы представить первую русскую революцию как некий «крупный шанс» для возможного развития России по либеральному, а не революционному пути[52]. Характерно, что одновременно с этим в западногерманской реакционной историографии отрицается взаимосвязь событий 1905—1907 гг. с Великой Октябрьской социалистической революцией. Тот же Анвайлер, например, сетуя на «упущенные» либеральные возможности первой русской революции, заявляет, что будто бы революцию 1905—1907 гг. нельзя считать генеральной репетицией революции 1917 года[53].

Большой политический опыт, накопленный российским пролетариатом в ходе первой русской революции, был использован рабочим классом и большевистской партией в борьбе за свержение царизма в феврале 1917 г. и в последующем установлении диктатуры пролетариата. Об этом свидетельствует создание Советов, впервые рожденных революционным творчеством масс в 1905—1907 годах. Известно, что именно Советы послужили политической формой пролетарского государства. «Без «генеральной репетиции» 1905 года,— писал В. И. Ленин,— победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»[54].

Опыт первой русской революции имел также большое значение и для революционной борьбы пролетариата Западной Европы, Америки и Азии. Вот почему преуменьшение значения и извращение характера и смысла революционных событий 1905—1907 гг. являются одним из способов борьбы реакционной империалистической историографии не только с русскими, но и с международными революционными традициями.

Таким образом, в трудах мюнхенских представителей Ostforschung, посвященных истории дореволюционной России, отчетливо проявляются две основные тенденции: стремление «обосновать» лживый тезис о неспособности народов СССР к самостоятельному развитию и настойчивые попытки дискредитировать освободительную борьбу народных масс против эксплуатации и угнетения.

Реакционная сущность западногерманской историографии проявляется и в трудах по истории советского общества. В работах историков, группирующихся вокруг Мюнхенского института Восточной Европы, протаскивается идея о «случайности» новой общественно-экономической формации, рожденной Великим Октябрем. Это является альфой и омегой многочисленных псевдонаучных рассуждений реакционных историков о советском общественном и государственном строе.

Повторяя бытующие еще с 1917 г. в буржуазной историографии взгляды, мюнхенские историки продолжают отрицать экономическую и политическую обусловленность социалистической революции. В их изображении дореволюционная Россия являлась настолько отсталой страной, что в ней не имелось никаких предпосылок для обобществления средств производства[55]. Поэтому национализация промышленности и транспорта Советской властью рассматривается ими как искусственный процесс, никак будто бы не обусловленный экономически. С той же целью отрицаются политические предпосылки Октября. Великая народная революция, совершенная под руководством большевистской партии, предстает в изображении мюнхенских историков как некий заговор узкой группы лиц (coup d'État). Одновременно они утверждают, что якобы «русский пролетариат совершенно не обладал революционной энергией»[56].

Все эти аргументы позаимствованы мюнхенскими историками у русских меньшевиков и оппортунистических «теоретиков» II Интернационала. Они полностью опровергаются фактами истории нашей страны конца XIX — начала XX в. и конкретной революционной практикой в СССР. В царской России, вступившей на рубеже прошлого и текущего столетий в стадию империализма, имелись налицо все материальные предпосылки для социалистической революции. В основных отраслях российской промышленности в тот период господствующее положение занимали монополии. По ряду показателей развития производства

---

[51] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 18.
[52] R. Wittram. Указ. соч., S. 385.
[53] O. Anweiler. Указ. соч., стр. 161.
[54] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 11.
[55] «Sowjetbuch», S. 141.
[56] См. Th. von Laue. Die Revolution von außen als erste Phase der Russischen Revolution 1917. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1956, Bd. IV, S. 138.

царская Россия даже опередила наиболее развитые в индустриальном отношении капиталистические страны (имеется в виду степень концентрации производства и рабочего класса).

Что касается политических предпосылок социалистической революции, то они также были налицо. Главной движущей силой политического развития России был пролетариат. Под руководством В. И. Ленина он раньше всех других классов создал свою партию. Рабочий класс выступал как руководитель общенародной борьбы против самодержавия, против диктатуры буржуазии. Большинство трудящихся крестьян (беднота) решительно поддержали русский пролетариат, так как поняли, что они добьются земли, мира, хлеба, свободы только под его руководством.

Социалистическая революция была подлинно народной революцией. И трудно представить другую революцию, которая бы так хорошо политически созрела, как Октябрьская революция. Подлинную картину борьбы народных масс России за победу Октября дают советские и прогрессивные зарубежные историки, которые собрали громадный фактический материал, не оставляющий камня на камне от фальсификаторских утверждений западногерманских и других буржуазных историков.

Конкретной попыткой опровержения закономерностей социалистической революции является работа Т. Лауе «Революция извне как первая фаза русской революции 1917 года». Снимая вопрос о внутренних причинах, автор заявляет, будто «поводом и целью революции являлся западный пример», будто «Европа действовала в России в качестве определяющей революционной силы»[57]. В действительности развитие России происходило в соответствии не с «определяющим влиянием Западной Европы», а с объективными закономерностями, с потребностями развития производительных сил страны.

Мюнхенские историки стараются изобразить дело так, будто политика большевистской партии в период Октября противоречила марксистской теории[58]. В действительности ленинская теория являлась творческим развитием марксизма, его претворением в жизнь в условиях новой, империалистической стадии развития капитализма. Величайшая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он не только теоретически, но и практически доказал правильность марксистского учения и в условиях империализма.

Стараясь умалить значение Великой Октябрьской социалистической революции, сотрудники Мюнхенского института грубо извращают сущность первых социально-экономических мероприятий Советской власти. Они усматривают в обобществлении основных средств производства причины хозяйственной разрухи в первые годы существования молодого Советского государства[59], хотя эта разруха являлась результатом империалистической войны и антинародной политики буржуазного Временного правительства. Это явная попытка обелить империалистическую буржуазию, которая развязала первую мировую войну, а затем организовала вооруженную интервенцию и зажгла пламя гражданской войны против молодого государства рабочих и крестьян.

Пытаясь уничтожить завоевания Октября, империалисты причинили огромные разрушения народному хозяйству нашей страны. В результате германской интервенции хозяйство Украины, Белоруссии, Эстонии, Литвы и Латвии было почти полностью разрушено. Только с Украины немецкие оккупанты вывезли более 42 тыс. вагонов различных грузов[60]. Кроме того, ущерб, причиненный экономике молодой Советской республики интервенцией и блокадой стран Антанты, исчислялся в сумме около 40 млрд. руб. золотом[61]. Советскому народу пришлось затратить многие годы для того, чтобы залечить раны, нанесенные нашей стране империалистами. Восстановление народного хозяйства нашей страны было осуществлено в кратчайший исторический срок (например, для восстановления военных разрушений в капиталистической Франции потребовалось неизмеримо больше времени) именно потому, что были обобществлены основные средства производства, то есть был создан социалистический уклад в экономике страны.

Особенно рьяно реакционные историки защищают интервенцию германских милитаристов, осуществленную против Советской власти в Прибалтике. В частности, Ю. фон Хен, Б. Мейсснер, Г. Римша,

---

[57] Там же, стр. 139.
[58] «Sowjetbuch», S. 131.
[59] Там же, стр. 129.
[60] «Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов)». М. 1936, стр. 121—126.
[61] «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.». М. 1957, стр. 636.

Г. фон Раух и др. пытаются оправдать политику империалистической Германии, направленную на отторжение Прибалтики от Советской России[62]. В их освещении эта политика предстает как некая «освободительная» миссия Германии на Востоке. Ю. фон Хен заявляет, что восстановление буржуазных порядков в Прибалтике вообще нельзя якобы считать «результатом немецкой оккупации и англо-американской интервенции»[63].

Между тем хорошо известно, что социалистическая революция победила в Прибалтике сразу же после победы пролетарской революции в Петрограде. Однако ее завоевания в прибалтийских республиках были вскоре ликвидированы вследствие оккупации этой территории войсками империалистической Германии, а после ухода немецких войск власть буржуазии удержалась здесь в результате вмешательства англо-американских империалистов[64]. Только воспользовавшись трудным положением молодого государства рабочих и крестьян, вынужденного вести упорную борьбу с внутренними и внешними врагами, империалисты смогли подавить революцию в Прибалтике и отторгнуть ее от Советской России.

Реакционные мюнхенские историки, обслуживающие внешнеполитический курс боннского правительства, всячески стараются извратить смысл советской внешней политики, направленной на мирное сосуществование. В серии статей, опубликованных в различных печатных органах ФРГ, Ганс Кох выступил с фальсификацией этой политики. Вытаскивая старый фашистский лозунг о мнимой советской угрозе, Кох утверждает, что советские предложения о разоружении, дескать, лишь маневр, рассчитанный на то, чтобы усыпить бдительность западных политиков[65]. Эти слова — простой перепев истеричных заявлений сторонников продолжения «холодной войны». Советский Союз и страны народной демократии никому не угрожали и не угрожают; они неустанно борются за мир, за всеобщее и полное разоружение.

Н. С. Хрущев подчеркивает: «Наше стремление к миру и мирному сосуществованию обусловливается не конъюнктурными и не тактическими соображениями. Оно вытекает из самой природы социалистического общества, в котором нет таких классов или социальных групп, которые были бы заинтересованы в наживе с помощью войны или захвате и порабощении чужих территорий. Советский Союз и другие социалистические страны благодаря своей социалистической системе имеют неограниченный внутренний рынок, и поэтому у них нет основания вести экспансионистскую политику завоевания и подчинения других стран своему влиянию»[66].

Таким образом, заявления покойного Г. Коха и его ныне здравствующих последователей свидетельствуют о том, что исторической науке в рамках современного западногерманского Ostforschung отведена лишь жалкая роль поставщика псевдонаучных аргументов для защиты обанкротившейся политики «холодной войны».

Вступив в борьбу с марксизмом-ленинизмом, реакционные мюнхенские историки не ограничиваются областью идеологии, а открыто выступают за превращение Западной Германии в военный плацдарм для нападения на страны социалистического лагеря. Кох заявлял, например, что Западной Германии историей предопределена роль вооруженного оплота Запада против Востока. Одновременно он требовал, чтобы немецкая политика на Востоке не ограничивалась «обороной», а носила бы «наступательный характер» с целью «изменения существующего status-quo». Кох призывал использовать в борьбе против социалистических стран изменников и предателей родины, перемещенных лиц, различные эмигрантские и подрывные организации и т. д. и т. п.[67].

---

[62] J. von Hehn. Zur Geschichte der roten lettischen Schützenregimentes und der Person des ersten sowjetrussischen Oberbefehlshaber Vacietis; «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1958, Bd. VI, S. 497—505.

[63] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1956, Bd. IV, S. 360.

[64] Ю. Тайгро. Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и мир в 1918—1920 гг. Таллин. 1959; «История Эстонской ССР». Изд. II. Таллин. 1959, стр. 425—459; «Социалистическая Советская Республика Латвии». Материалы и документы. Рига. 1959, и др.

[65] H. Koch. Sowjetkunde als Aufgabe. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1957, Bd. V, S. 58.

[66] Н. С. Хрущев. О мирном сосуществовании. М. 1959, стр. 7.

[67] H. Koch. Die weltpolitische Lage unter besonderer Berücksichtigung des Ostproblem. «Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg». Bd 7. 1957, S. 254; см. также «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», S. 534.

Все эти призывы направлены к насильственному пересмотру границы по Одеру — Нейсе. Без особого труда можно установить, что подобные заявления связаны с официальной боннской политикой. 30 ноября 1959 г. канцлер Аденауэр в интервью корреспондентам французской газеты «Le Monde» заявил: ««Status-quo» для Германии неприемлемо» [68].

Известно, что в Западной Германии проводится политика, направленная на превращение ее в основной оплот НАТО. Наряду с атомным вооружением бундесвера боннские правящие круги всячески поощряют подрывную деятельность многочисленных эмигрантских групп и организаций, нашедших себе пристанище в Западной Германии. Они всеми средствами пытаются вызвать реваншистские настроения у перемещенных лиц с целью использовать их в подготовляющейся агрессии против СССР, Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики и других социалистических стран.

Вся деятельность Мюнхенского института Восточной Европы служит официальной политике боннского правительства, которая характеризуется антикоммунистической и антисоветской направленностью. В целях пропаганды и насаждения антисоветской идеологии реакционные мюнхенские историки занимаются сознательной фальсификацией исторического прошлого народов СССР. В своих многочисленных трудах эти историки настойчиво повторяют фашистский тезис о «неполноценности» народов России, их «неспособности» к самостоятельному историческому творчеству, без вмешательства извне.

Как во времена гитлеровской диктатуры, так и сейчас, в условиях реакционного аденауэровского режима, этот тезис служит подготовке новой войны против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Целям подготовки войны служат также «труды» мюнхенских историков, в которых искажается славная традиция освободительной борьбы трудящихся масс России против классового гнета своих и чужеземных эксплуататоров.

Пытаясь вызвать вражду к СССР и другим социалистическим странам, западногерманские историки особенно настойчиво фальсифицируют новейшую историю. В соответствии с официальным курсом боннского правительства, маскирующего свою агрессивную политику при помощи фальшивых ссылок на «угрозу с Востока», мюнхенские историки пытаются представить социалистические страны «противниками» мирного сосуществования. Подобного рода «труды» не имеют научного значения. Они лишь обслуживают пропагандистскую машину правительства Аденауэра. Деятельность Мюнхенского института Восточной Европы направлена на подрыв дела мира и сотрудничества между народами.

В. И. Салов,
М. Р. Тульчинский

[68] «Die Welt» (Hamburg), 1 декабря 1959 года.

Заметки о книгах

«Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. III. Berlin. 1959. 532 S.

«Ежегодник по истории СССР и европейских стран народной демократии». Т. 3.

Третий том «Ежегодника по истории СССР и европейских стран народной демократии», изданный Институтом истории при Йенском университете имени Ф. Шиллера, посвящен исследованию ряда важных проблем истории стран Восточной и Юго-Восточной Европы, преимущественно в новое и новейшее время, и истории взаимоотношений Германии с этими странами. В сборнике помещены работы ученых ГДР, СССР и других стран социалистического лагеря. Выход сборника в свет нельзя не признать полезным. Сейчас, как никогда, важны объединенные усилия исследователей из стран социалистического лагеря в борьбе с попытками буржуазной науки и пропаганды исказить историческую действительность, фальсифицировать историю.

«Ежегодник» содержит 18 статей, разли-

чающихся хронологически и тематически, но проникнутых единой целью — разоблачить измышления представителей так называемого «Ostforschung», этих идейных оруженосцев германского империализма и оголтелых пропагандистов кровавого лозунга «Drang nach Osten». Непосредственно данной теме посвящена большая, интересная по замыслу и важная по выводам статья проф. Б. Спиру — «Исследователи Востока — фальсификаторы Востока — налетчики на Восток»[1]. К ней примыкает работа К. Оттерсберга, освещающая героическую борьбу латышского народа за установление Советской власти в 1918—1919 годах. Автор разоблачает аннексионистскую политику германских империалистов в Прибалтике в 1914—1919 гг., раскрывает планы немецкой колонизации прибалтийских земель и германизации их населения. Как пишет К. Оттерсберг, прибалтийским землям германские империалисты готовили статут европейских колоний. Автор показывает огромную работу большевиков Латвии по сплочению масс на борьбу против германских баронов, капиталистов и духовенства, против русского самодержавия. Установление Советской власти на неоккупированной части Латвии в 1917 г., подчеркивается в статье, в огромной степени было обусловлено победой Октябрьской революции и провозглашением первых декретов Советской власти. На основе неопубликованных материалов автор раскрывает коварные планы германского правительства при переговорах в Брест-Литовске, а также планы Антанты использовать германских империалистов и латышскую буржуазию для подавления революционного движения в Прибалтике. Значительное место отведено борьбе латышского народа против германских интервентов и местных баронов в период после оккупации Латвии германскими империалистами в 1918 г.; подчеркнуто огромное значение помощи русских революционных войск латышскому народу в его борьбе с силами внутренней и международной контрреволюции. Быстрая победа социалистической революции в Латвии в конце 1918 — начале 1919 г. была не случайностью, а непосредственным результатом грандиозного переворота, охватившего всю Россию после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Борьба латышского народа за восстановление Советской власти в конце 1918 — начале 1919 г. явилась продолжением социалистической революции в Латвии, жестоко подавленной в 1918 г. германскими интервентами в союзе с латышской буржуазией.

Ценность и актуальность работы Оттерсберга состоит в том, что она направлена против фальсификаторских работ представителей «Ostforschung», стремящихся извратить историю прибалтийских народов.

Средневековой истории прибалтийских советских республик посвящены работы П. А. Стародубец о сопротивлении княжества Кокнезе агрессии немецких захватчиков в начале XIII в.[2] и проф. Эриха Доннерта «Генрих Латвийский и начало немецкого господства в Лифляндии»[3]. Обе статьи затрагивают малоизученные вопросы борьбы народов Прибалтики с экспансией католических рыцарских орденов так называемой «Священной Римской империи германской нации».

Ряд статей сборника освещает историю Польши в связи с германо-польскими отношениями в разные эпохи. Ф. Г. Гентцен («Политика в отношении Польши со стороны руководства социал-демократической партии Германии после 1945 г.») рассматривает вопрос о новой границе по Одеру — Нейсе. Основываясь на данных социал-демократической прессы и протоколах съездов СДПГ, автор разоблачает националистическую, реваншистскую политику лидеров СДПГ (К. Шумахера, К. Шмидта, Э. Олленхауэра) в послевоенное время, выдержанную в духе фашистской «теории» жизненного пространства и направленную на пересмотр границы по Одеру — Нейсе и отторжение западных польских земель. В статье подчеркивается, что массы рядовых западногерманских социал-демократов не одобряют подобной политики своих официальных лидеров.

Несомненно, интересен очерк Г. Лемке «Германия и польские легионы осенью 1914 г.», в котором освещаются планы захвата польских земель австро-германским блоком в начале первой мировой войны,

---

[1] Материалы этой статьи опубликованы в журнале «История СССР» (1960, № 1, стр. 237—249) под названием «Западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма».

[2] Материалы данной работы опубликованы в сборнике «Средние века» (1955, № 7, стр. 199—216) под названием «Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII в.».

[3] Статья Э. Доннерта опубликована в «Известиях» Академии наук Латвийской ССР. 1959. № 6 (143), стр. 21—30.

рассматривается антинародная деятельность руководителей Польской социалистической партии и прежде всего Пилсудского, которые вошли в преступный сговор с австро-венгерским генеральным штабом и германскими милитаристами; раскрываются планы использования центральными державами в империалистических целях подразделений польских войск, так называемых польских легионов, сформированных руководителями польских реакционных партий.

Важны материалы об экспансии германского монополистического капитала в Болгарию в 1932—1941 гг. и о подготовке германскими империалистами захвата Болгарии в содержательной статье К. Золя, показавшего, как внедрялись в болгарскую экономику крупнейшие германские монополии («ИГ Фарбениндустри», «АЭГ», «Герман Геринг», «Сименс и Гальске АГ», «Фридрих Крупп АГ», «Ферейнигте Штальверке» и др.), Дрезденский и Немецкий банки, как подчиняли они себе экономику страны. Автор выясняет экономические и военно-политические цели фашистской Германии в отношении Болгарии: завоевание болгарского рынка, превращение Болгарии в полуколонию и свою сырьевую базу, использование болгарской экономики для усиления германского военно-промышленного потенциала, а территории Болгарии — в качестве базы для войны против СССР и балканских стран. В статье разоблачается антинациональная политика правящих классов Болгарии, приведшая к политическому подчинению страны гитлеровской Германией, к потере национальной независимости, и вскрывается капитулянтская линия западных держав, поддерживавших экспансионизм фашистской Германии, а также Италии на Балканах.

Особый интерес представляет статья Г. Гроссера о первых шести главах труда «История Коммунистической партии Советского Союза».

Вышеназванные работы, несомненно, привлекают наибольшее внимание и достаточно полно характеризуют цель, которую ставил перед собой коллектив авторов сборника.

Отметим также компактные, ценные исследования П. Штульца о совместной борьбе берлинского населения и русского казачьего корпуса против наполеоновских войск в 1813 г., И. Жировского о попытках Пруссии вмешаться в политическую борьбу различных группировок господствующего класса Польши в 1715 г., Б. Видера по истории русско-германских связей в начале XI в., Р. Исмаиловой о рабочем движении в Средней Азии в 1905 г., И. Додонова о мировоззрении В. О. Ключевского.

Интересна подборка статей ряда авторов (Ф. Г. Гентцена, Э. Яуэрнига, Е. Херманн, М. Хегеманн и Э. Кальбе) об откликах в странах Восточной и Юго-Восточной Европы на Ноябрьскую революцию в Германии. Полезны содержащиеся в сборнике историографические и библиографические обзоры, среди которых на первом плане стоит библиография «Маркс и Россия». Нет сомнения в том, что «Ежегодник» и впредь будет уделять внимание наиболее актуальным проблемам исторической науки, крепить идейное и научное содружество ученых из стран социалистического лагеря.

Ю. М. Григорьян

M. DUVERGER. *La V-e République.* Paris. 1959. 323 p.

М. ДЮВЕРЖЕ. *Пятая республика.*

Третья республика во Франции бесславно закончила свое существование 22 июня 1940 г., когда маршал Петэн подписал позорное перемирие с Германией и отдал страну на разграбление гитлеровскому рейху. После окончания войны, в 1946 г., во Франции была создана Четвертая республика. Тогда новые силы выступили в первых рядах борцов за экономическое восстановление и демократизацию страны. Благодаря участию коммунистов в правительстве, их самоотверженной борьбе во Франции была выиграна битва за производство и страна спасена от экономической разрухи; демократическая конституция открыла возможности для развития страны по пути прогресса и мира. Однако противодействие реакции и, главное, предательская деятельность правых лидеров социалистов, которые, придя к власти в 1956 г., открыто порвали с силами демократии, привели в конце концов к крушению Четвертой республики. Правые силы во главе с военщиной спровоцировали 13 мая 1958 г. мятеж в Алжире, непосредственным результатом которого был приход к власти генерала де Голля. В сентябре 1958 г. во Франции была обнародована новая конституция и провозглашена Пятая республика.

По какому пути пойдет Франция? По пути дальнейшего наступления на завоевания трудящихся и формирования открытой

диктатуры магнатов промышленного и финансового капитала или же новая конституция обеспечит основные демократические свободы, за завоевание которых французский народ пролил кровь в минувшей войне? Каков будет внешнеполитический курс Франции? Эти вопросы волновали и волнуют в настоящее время каждого мыслящего француза.

Попытки ответить хотя бы на некоторые из них стали делаться вскоре после рождения Пятой республики. Начиная с 1959 г. до настоящего времени во Франции в довольно большом количестве появляются книги, брошюры, статьи, посвященные проблемам Пятой республики. Значительная часть буржуазных авторов [1], близкая к окружению президента Французской республики, стремится убедить читателя в том, что приход де Голля к власти является панацеей от всех бед, что только он один способен спасти Францию [2]; другие буржуазные авторы выступают с критикой антидемократического характера новой конституции, но сходятся все же на том, что изъяны будут сглажены благодаря личному авторитету генерала [3]. Однако среди этой массы тенденциозной литературы появились книги, авторы которых ставят своей задачей объективно разобраться в происшедших в стране переменах, произвести тщательный анализ новой конституции и, основываясь на действительных документах и фактах, дать непредвзятую оценку политической обстановке современной Франции. Одной из таких работ является книга Мориса Дюверже «Пятая республика», вышедшая в Париже в середине 1959 года.

Автор — известный французский юрист, профессор политической социологии Парижского факультета права и экономических наук, а также руководитель научно-исследовательских работ Национального института политических наук. Одновременно Дюверже — активный сотрудник газеты «Monde», в которую он пишет статьи на острые политические темы. Это либеральный буржуазный ученый и публицист. Его перу принадлежит большое количество работ, касающихся проблем современной Франции.

Рецензируемая книга посвящена анализу французской конституции 1958 г., характеристике современных буржуазных политических партий Франции и стоящих за их спиной так называемых групп давления. По определению автора, его труд является «первой попыткой полного анализа политических институтов нового режима и тех сил, которые его вдохновляют» (стр. 1).

Основная цель, которую ставит перед собой Дюверже,— доказать, что авторитарный режим Пятой республики, узаконенный конституцией, является откровенной угрозой республиканским принципам.

Прежде чем перейти к аргументации выдвинутого тезиса, Дюверже в предисловии к книге ставит вопрос о тех причинах, которые толкнули Францию на путь антиреспубликанского развития. Несомненный интерес представляет вывод, который делает автор в результате анализа конкретной обстановки, предшествовавшей приходу де Голля к власти. Он указывает на два решающих момента, определивших крушение Четвертой республики: это, во-первых, «падение авторитета правящих кругов в глазах народных масс» (стр. 3) и, во-вторых, рост национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран (что Дюверже называет «процессом деколонизации»), в первую очередь народа Алжира. Заслуживает внимания мнение Дюверже о том, что путь, который привел Францию к антиреспубликанскому мятежу 1958 г. в Алжире, был подготовлен всей предшествовавшей политикой правящих кругов, начиная с прихода к власти правых лидеров социалистов. Подчеркивая, что правые социалисты победили на выборах 1956 г. главным образом потому, что обязались решить алжирскую проблему путем проведения «либеральной политики», Дюверже доказывает, что именно путь капитуляции перед реакционными силами, избранный правительством Ги Молле (когда последний в феврале 1956 г. отступил перед яростью ультраколониалистов Алжира и отказался от своего намерения осуществлять какую бы то ни было политику либерализации), лишил правительство доверия избирателей. Между предательской политикой правых лидеров социалистов в 1956 г. и реакционным путчем весной 1958 г., указы-

[1] Мы не останавливаемся на характеристике коммунистической литературы, которая с самого начала заняла принципиальную позицию в оценке правительства де Голля и установившегося в стране в связи с его приходом к власти всего режима в целом. Этот вопрос требует специального освещения.

[2] См., например, L. Hamon. De Gaulle dans la République. Paris. 1958; M. Debré. Refaire une démocratie, un état, un pouvoir. Paris. 1958.

[3] См. Vianson-Ponsé. Risques et chances de la V-e République. Paris, 1959.

вает автор, имеется прямая связь: в результате этой трусливой политики «был пущен в действие механизм, который привел к 13 мая 1958 года. 6 февраля 1956 г. ультраколониалисты Алжира констатировали, что они могут заставить склониться перед собой Париж и Францию. Этого они не забывали» (стр. 4—5).

Для доказательства своего основного тезиса Дюверже подвергает детальному анализу новую французскую конституцию. Большой знаток права, он умело раскрывает подлинную сущность власти главы французского государства, правительства и парламента и показывает резкое уменьшение значения законодательного органа Французской республики — парламента, увеличение политической роли правительства и подчинение обоих почти неограниченной власти президента.

Дюверже сумел правильно определить классовую сущность Пятой республики. Это детище финансовой и промышленной буржуазии автор образно называет «республикой нотаблей»[4] и прямо указывает на ее антинародный характер: «Республика нотаблей боится народа» (стр. 19). Эту боязнь Дюверже наглядно иллюстрирует на материале президентских выборов, происходивших в декабре 1958 года. Произведя статистический подсчет, он с помощью цифр показывает неравенство, допущенное при голосовании, как между метрополией и колониями (когда от 30 млн. жителей заморских территорий Франции участвовало в выборах немногим более 5 тыс. избирателей, а от 45 млн. населения метрополии — более 76 тыс. избирателей), так и между городом и деревней (когда от 16 млн. сельского населения, живущего в коммунах с населением менее 2 тыс. человек, участвовало 39 тыс. избирателей, а от 27 млн. человек городского, живущего в коммунах с населением более 2 тыс. человек,— 33,5 тыс. избирателей). «Таким образом,— делает вывод Дюверже,— меньшинство являлось большинством, а большинство — меньшинством» (стр. 30).

Анализируя полномочия президента республики, автор доказывает, что исключительная власть, которой по конституции располагает глава французского государства, дает ему возможность оказывать давление и на правительство и на парламент, открывает перед ним путь к неограниченной личной власти. Дюверже обращает внимание на антидемократический смысл 11-й статьи конституции, которая предоставляет президенту право в известных случаях прибегать к референдуму. Отбрасывая квазидемократическую оболочку статьи, автор доказывает, что она является лишь средством в руках президента, позволяющим избегать ответственности как перед парламентом, так и перед правительством, и лишь увеличивает его всевластие (стр. 180). Резкую критику Дюверже вызывает 16-я статья конституции, согласно которой президент получает право при исключительных обстоятельствах брать на себя чрезвычайные полномочия. «Опасности, таящиеся в статье 16-й,— пишет Дюверже,— грозят стать смертельными для республики» (стр. 48).

Что касается полномочий французского правительства, то конституция 1958 г., указывает Дюверже, формально наделяет премьер-министра бо́льшей властью в сравнении с той, которой располагал глава правительства в Третьей и Четвертой республиках. По новой конституции, правительство не несет ответственности перед президентом, однако в действительности, подчеркивает Дюверже, это не так: правительство испытывает решающее давление со стороны главы государства. «Отсутствие политической ответственности правительства перед президентом республики имеет скорее теоретическое, чем практическое значение»,— указывает Дюверже (стр. 180).

Автору вполне удалось при характеристике современного парламента проследить путь низведения этого законодательного органа Французской республики до роли второстепенного государственного учреждения, лишь формально сохранившего свои функции, а фактически подчиненного президенту и правительству. Дюверже приводит красноречивые данные о выборах в парламент, состоявшихся в ноябре 1958 года. Один депутат-коммунист представлял тогда 388 тыс. избирателей, депутат-социалист — 79 тыс., депутат ЮНР[5]— 21 тысячу. В результате коммунисты получили в парламенте 10 мест, социалисты — 40, а ЮНР — 187 (стр. 268). Анализ избирательного механизма Пятой республики приводит Дюверже к выводу, что в настоящее время во Франции «у власти самый правый парламент, когда-либо существовавший с 1871 года» (стр. 268). При рассмотрении структуры и

[4] Нотаблями в дореволюционной Франции назывались именитые представители духовенства, дворянства, зажиточных горожан.

[5] «Союз в защиту новой республики» — реакционная правящая партия.

порядка работы парламента автор подчеркивает, что все в новой конституции направлено на уменьшение роли парламента. Особенно резко Дюверже выступает против сокращения законодательной деятельности парламента и присвоения законодательных функций президентом и отчасти премьер-министром, а также против уменьшения финансовой власти парламента. Присовокупляя ко всему этому право роспуска парламента президентом, автор прямо указывает на антидемократический смысл анализируемых статей. «По той полноте унижения, к которому низведен парламент 1958 года,— заключает Дюверже,— с ним не может сравниться парламент никакого другого режима» (стр. 190).

Несомненно, большое значение имеет глава книги, посвященная статуту, структуре и фактическому положению французского «Сообщества». В настоящее время, в период распада французской колониальной империи, этот вопрос приобретает особый интерес. Тщательный анализ, проделанный Дюверже, позволяет читателю ясно понять, что французский империализм по-прежнему стремится сохранить командные высоты в своих бывших колониальных владениях, несмотря на провозглашение независимости последних, и что организация «Сообщества» предоставляет для этого соответствующие возможности.

Во второй части книги — «Политические силы: партии и «группы давления» — автор вскрывает основные пружины в буржуазном механизме политической жизни современной Франции, останавливаясь на характеристике французских политических партий, их социальной сущности, программ и деятельности. Дюверже указывает на рост реакционных сил в современной Франции, что выражается как в увеличении числа правых партий послевоенной формации, так и в активизации их деятельности, направленной в целом против основ республиканского строя.

Несомненный интерес у советского читателя вызовет убедительная характеристика, которую буржуазный ученый дает современной социалистической партии Франции (СФИО). Дюверже прямо называет ее партией реформистской, подчеркивая при этом расхождение между словами и делами правых социалистов. «Главное противоречие социалистической партии все растет,— говорит Дюверже.— В теории она по-прежнему обращается к марксизму и называет себя революционной партией; на практике она стала реформистской и крайне умеренной» (стр. 250). Знаменательно указание Дюверже на то, что практическая деятельность правых социалистов в ряде вопросов совпадает с деятельностью реакции, как, например, в борьбе против «советского коммунизма», пропаганде «объединенной Европы», в политике крайнего национализма в отношении Алжира, в сотрудничестве с де Голлем под флагом «конструктивной оппозиции» и т. д.

Однако нельзя согласиться с оценкой, которую Дюверже дает Французской коммунистической партии. Автор не понял последовательную и принципиальную политику ФКП, направленную на очищение своих рядов от ревизионистских и других чуждых партии элементов. Это привело его к ошибочному выводу, будто бы ФКП переживает в настоящее время кризис. Нельзя согласиться и с безоговорочным утверждением автора об «изоляции» ФКП. Дюверже не смог разглядеть, что ответственность за раскол левых сил Франции лежит не на коммунистах, а на руководстве социалистической партии. Тем не менее ему удалось правильно охарактеризовать ФКП как самую массовую партию Франции. В отличие от других партий, пишет Дюверже, которые требуют от своих членов только политического единства, «ФКП требует всего человека. Быть коммунистом означает не только придерживаться определенных политических воззрений, но и определенного поведения в области религиозной, научной, моральной, семейной и т. д. Это вытекает из самого характера коммунистической доктрины: марксизм — всеобъемлющая система объяснения мира» (стр. 255). От внимания Дюверже не ускользает и факт «замечательной преданности рабочих — активистов ФКП» (стр. 257). В целом, однако, следует признать, что автор не смог раскрыть подлинного значения Французской коммунистической партии в жизни современной Франции.

Дюверже одним из первых среди современных буржуазных исследователей ставит важную проблему о подчинении буржуазных политических партий интересам крупного капитала. Автор кратко характеризует главнейшие организации — «группы давления», такие, как Французский патронат (объединение магнатов финансового и промышленного капитала), сельскохозяйственные корпорации, всеобщая конфедерация мелких и средних предприятий и т. д., через которые промышленные и финансовые круги осуществляют свою политику. Дю-

верже особенно подчеркивает влияние реакционного командования армии на политическую жизнь страны, которое, как он указывает, ставит Францию перед опасностью государственного военного переворота.

Книга М. Дюверже, таким образом, является прямым ответом на вопрос о путях дальнейшего развития Франции. Объективный анализ французской конституции, цифровые данные, богатый фактический материал — все это дало автору возможность убедительно показать, что в результате происков реакции в настоящее время Франция стоит перед реальной угрозой крушения республиканского строя.

Необходимо отметить вместе с тем, что при анализе причин установления авторитарного режима Пятой республики автор не выходит за рамки исследования политической борьбы. Его внимание не привлекают проблемы экономического положения Франции и вопросы классовой борьбы.

В целом книга, безусловно, заслуживает большого внимания. Работа Дюверже может быть полезна не только специалистам, занимающимся современной Францией, но и широкому кругу читателей.

А. Е. Рогинская

J. KOČÍ. *Naše národní obrozeni.* Praha. 1960, 252+LVI str.

И. КОЧИ. *Наше национальное возрождение.*

Общепризнано, что одной из наиболее ярких и значительных эпох в истории братских народов чехов и словаков по XIX в. включительно является время национального возрождения, которое характеризуется быстрым разложением феодального строя и зарождением в недрах феодальной формации новых, капиталистических отношений. На этот исторический период приходятся начальные этапы процесса формирования чешской и словацкой наций. После разгрома в 1620 г. чешских войск католическими полчищами у Белой Горы наступил период упадка, который справедливо был назван «темным временем» (Doba temna) чешской истории. По сравнению с ним эпоха национального возрождения явилась для страны временем резкого подъема.

Пожалуй, ни один период истории Чехии, за исключением гуситского революционного движения — Великой крестьянской войны XV в., не привлекал столь пристального внимания историков, литературоведов, искусствоведов, ученых самых различных областей знания. Несмотря на то, что литература, посвященная чешскому национальному возрождению, поистине необозрима, вплоть до последнего времени не были созданы обобщающие, синтетические труды, в которых под углом зрения единой и целостной концепции устанавливались бы и изучались главные тенденции и специфические особенности процесса чешского возрождения. Этот существенный пробел не был восполнен работами чешских буржуазных историков, не сумевших понять и правильно объяснить особенности развития данного процесса. Только победа марксистского направления в исторической науке социалистической Чехословакии создала благоприятные условия для подготовки первой подобной работы, сочетающей умелый синтез со строгим анализом. Историк И. Кочи, автор работы, посвященной основным проблемам чешского возрождения [1], и трудов по истории крестьянских движений XVIII—XIX вв. [2], ныне издал рассчитанную на широкие круги читателей новую книгу («Наше национальное возрождение»). В этой книге ставится задача дать обзор всей эпохи чешского возрождения с его сложной социальной проблематикой.

В книге И. Кочи читатель знакомится с основными направлениями в историографии данного вопроса. Изменения, происшедшие в Чехии в конце XVIII — первой половине XIX в. и затронувшие все стороны общественной и политической жизни страны, не могли не волновать свободолюбивых подданных Австрийской монархии. Ранняя буржуазная чешская историография, рассматривавшая каждую нацию как некую неизменную надысторическую категорию, выдвинула теорию, характеризовавшую пору национального возрождения как «воскресение» чешского народа. Более поздние буржуазные историки позитивистского толка предложили назвать социальный подъем, который начался в конце XVIII в., «национальным возрождением». Данный термин вытеснил прежнюю формулировку — «воскресение». Марксистская историография также приняла это определение, но наполнила его иным содержанием, связав поня-

[1] Josef Kočí. Národní obrozeni — nový nástup lidových sil. Praha. 1952.

[2] Josef Kočí. Boje venkovského lidu v období temna. Povstání nevolníků v 17 a 18 století. Praha. 1953; его же. Příspěvek k rolnické otázce v Čechách v r. 1848. Československý časopis historický. 1957, V, str. 59—85, 248—266.

тие возрождения с проблемами социально-экономического развития Чехословакии.

Все позднейшие буржуазные работы о чешском возрождении, как отмечает автор, характеризуются идеалистическими концепциями. В соответствии с тем, какой именно из идеологических факторов авторы концепций считали главным и определяющим, И. Кочи делит представителей этого направления на две группы. Одна из них стремилась доказать, что решающее влияние на развитие чешского возрождения оказали иноземные идейные течения, прежде всего западноевропейское Просвещение. Наиболее видным сторонником этого направления был чешский историк и литературовед-позитивист Ярослав Влчек (1860—1930 гг.), который наиболее полно обосновал свою концепцию в фундаментальной работе «История чешской литературы» [3]. Другая группа буржуазных ученых, не считавшая воздействие зарубежных идеологических течений определяющим фактором, отводила решающую роль в развитии местного возрождения чешским традициям контрреформационного движения, оценивая положительно белогорскую катастрофу и последовавший вслед за этим мрачный период феодально-католической реакции. Главным глашатаем этой реакционной концепции был корифей чешской буржуазной историографии эпохи империализма Иосиф Пекарж (1870—1937). Пекарж имел множество учеников, которые деятельно развивали и дополняли реакционные, антипатриотические теории своего учителя.

Против буржуазных теорий как либерального, так и особенно реакционнейшего толка уже перед второй мировой войной выступали прогрессивные марксистские историки. Наибольшие заслуги в борьбе с фальсификаторами исторического процесса принадлежат Зденеку Нееднлы, Юлиусу Фучику, Яну Шверме и Бедржиху Вацлавеку. З. Нееднлы своей обширной монографией о чешском композиторе Бедржихе Сметане [4] и рядом важных работ о выдающихся деятелях чешского возрождения [5] положил начало марксистскому исследованию в этой области. Послевоенная чехословацкая историография обратила на изучение проблем национального возрождения особое внимание. Чешские историки-марксисты разработали ряд вопросов, которые не рассматривались или грубо фальсифицировались буржуазными учеными. Так, было объяснено возникновение и развитие мануфактур [6], освещены проблемы промышленной революции в чешских землях [7]. В связи с этим особое внимание было обращено на изучение процесса становления пролетариата и на его классовые бои с капиталистами [8]. Изучалась также аграрная история Чехии. Философы-марксисты посвятили целый ряд трудов идейным течениям в чешском национальном движении [9]. Литературоведение, в свою очередь, также дало много работ, представляющих в новом свете литературное наследство эпохи чешского возрождения [10]. В ближайшее время выйдет второй том академического издания истории чешской литературы.

И. Кочи отмечает, что применение метода исторического материализма при анализе богатого материала источников позволило по-новому взглянуть на всю проблему чешского возрождения. Оказалось, что, несмотря на все разноречивые тенденции эпохи, социальной основой процесса возрождения было формирование чешской буржуазной нации, вызванное общими закономерностями исторического развития и глубокими изменениями в социально-экономическом строе чешских земель, наметившимися с конца XVIII века. Заслуга И. Кочи состоит в том, что он раскрыл специфику этого процесса. Чешская нация формировалась в условиях жестокого гнета со стороны габсбургской монархии. Лишенный самостоятельности, чешский народ никогда, однако, не мирился с потерей своей национальной и государственной независимости и активно боролся против национального угнетения. Автор подчеркивает, что национальная борьба осуществлялась преимущественно в

[3] Jaroslav Vlček. Dějiny české literatury. I—II. Posled. vyd., Praha. 1960.

[4] Zdeněk Nejedlý. Bedřich Smetana. Díl 1—VII, posled. vyd., Praha. 1950—1954.

[5] Его же. Božena Němcová. Praha. 1950; Z české kultury. Praha. 1951; O smyslu českých dějin. Praha. 1952; Tyl-Hálek-Jirásek. Praha, aj.

[6] Arnošt Klíma. Manufakturni období v Čechách. Praha. 1955; его же. Čechy v období temna. Praha. 1958.

[7] Jaroslav Purš. Průmyslová revoluce v českých zemích. Praha. 1960.

[8] См., например, Arnošt Klíma. Počátky ceského dělnického hnutí. Praha. 1948; Zd. Tobolka. Textiláci, první průkopníci dělnického hnutí v Čechách. Praha. 1950; J. Polišenský—V. Vomáčková—K. Novotný. Boj dělníků na stavbách našich prvních železnic. Praha. 1956.

[9] K. Kosík. Česká radikální demokracie. Praha. 1958.

[10] F. Vodička. Cesty a cíle obrozenské literatury. Praha. 1958.

форме столкновений между эксплуататорскими классами господствовавшей и угнетенной национальностей. В результате экономической отсталости Чехии ведущей силой чешского национального движения стала прежде всего мелкая городская буржуазия, которая совместно с сельской буржуазией направляла борьбу против австрийской крупной буржуазии и обслуживавшего ее государственного аппарата габсбургской империи. Национальная борьба распространилась на все сферы общественной жизни. В национальное движение были вовлечены самые широкие массы — пролетариат и крестьянство. Народный характер движения обусловливался еще и тем, что чешское дворянство уже не играло решающей роли в стране. Хотя монархические, квазипатриотические круги и пытались вначале придать движению более консервативное направление, однако эти попытки не увенчались успехом.

Участие трудящихся в антигабсбургской борьбе способствовало радикализации национального движения и усилению стремлений к реализации передовой буржуазно-демократической программы. Автор показывает, что силы, возглавлявшие это движение, нередко пытались сузить объем требований, придать им исключительно национальный оттенок с одновременным игнорированием наиболее острых социальных вопросов, выдвигавшихся эксплуатируемыми классами, снизить революционную активность народа. Явно контрреволюционное отношение некоторых лидеров движения к социальной борьбе противоречило общей прогрессивной направленности процесса возрождения страны.

Характерной особенностью данного движения было подчеркнутое внимание к вопросам развития родного языка и литературы, вызванное специфическими условиями, в которых формировалась чешская буржуазная нация. Известная деградация чешской литературы в XVIII в. и политика германизации, проводившаяся венским двором, настоятельно требовали возрождения чешских национальных традиций, без чего не мог завершиться процесс образования чешской нации. Другой заметной особенностью данного движения было внимание к «славянскому» вопросу, то есть вопросу об отношении «возрождавшихся» чехов к другим славянским народам, прежде всего словацкому, русскому и польскому. Этому вопросу посвящена последняя работа Я. Новотного[11]. Поэтому Кочи коснулся данной тематики весьма бегло. Вместе с тем автор, опираясь на последние достижения марксистской историографии, детально рассмотрел чешско-русские отношения. Он установил и охарактеризовал две политические линии в русофильском лагере периода возрождения, а также уделил большое внимание чешско-польским отношениям, особенно в связи с польским национально-освободительным движением 1830—1840 годов.

Ярчайшей страницей истории чешского возрождения, как отмечает автор, является политическая борьба народных масс, направляемая чешскими «будителями». Именно благодаря их усилиям в сравнительно короткий срок и в нелегких условиях возродился чешский язык, возникла новая чешская литература, укрепилось национальное самосознание, ожили героические революционно-патриотические традиции, в первую очередь связанные с гуситским наследием.

В адрес автора можно было бы высказать ряд пожеланий. Так, на наш взгляд, более выпукло следовало бы показать основные этапы социально-экономического развития страны; нелишне было бы подробнее остановиться на вопросах взаимоотношений деятелей чешского возрождения и представителей национально-патриотических группировок других братских народов. Неоправданным выглядит и отсутствие в книге библиографии.

В заключение мы хотели бы остановиться на языке и стиле работы И. Кочи. Наши ведущие ученые неоднократно подчеркивали необходимость создания подлинно популярных книг, рассчитанных на широкие массы читателей, а не на замкнутый круг специалистов[12]. Книга Кочи может явиться образцом в этом отношении. Она написана живым, образным языком и заслуживает высокой оценки. Автору удалось создать весьма полезную работу о важном периоде исторического прошлого народов Чехословацкой Социалистической Республики. Его книга является первым сводным, систематизированным марксистским трудом на данную тему.

Б. Т. Рубцов

---

[11] Jan Novotný. O bratrské družbe Čechu a Slováků za národního obrození. Praha, 1959; см. также рец. Н. Д. Ратнер. «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 158—160.

[12] См., например, статью акад. Е. Жукова «История и современность», «Коммунист», 1959, № 11, стр. 41—51.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Исторически преглед». София. 1960, № 5.

Ж. Натан. Решающие явления в развитии современного исторического процесса; Сл. Петрова. Провал попыток монархо-фашистов ликвидировать народно-освободительную армию повстанцев в августе 1944 года; В. Паскалева. Торговые связи Франции с болгарскими областями с начала XIX в. до освобождения Болгарии; Б. Григоров. Борьба Болгарской коммунистической партии против белого террора и за политическую амнистию (1925—1929 гг.); Д. Николов и В. Койчева. Новые сведения о деятельности Велы Благоевой в г. Стара Загора.

«Századok». Budapest. 1960, № 5.

Исследования: Э. Варга. Преобразование венгерского правосудия во время правления Йосифа II; М. Ш. Лендьел. Путь австрийского публициста к революции 1848 г. (часть 1-я); Ж. Трочаньи. Арест Миклоша Вешеленьи (часть 1-я); И. Ланг. Финансовая политика правительств Карольи и Беринкеи; И. Пинтер. Контрреволюция 1956 г. на селе (часть 1-я). Дискуссии: К. Вереш. Замечания к книге Имре Ревес «Миклош Шинаи и его время».

«Acta Historica». Budapest. 1960, № 1—2.

Статьи: М. Лацко. Рождение венгерской народной демократии; И. Барта. Иштван Сеченьи; Э. Линтан. Борьба Венгерской Красной Армии против империалистической интервенции в 1919 г. (часть 2-я). Документы: Г. Ембер. Der österreichische Staatsrat und die ungarische Verfassung 1761—1768.

«Nghiên cứu lich sử». Ханой. Октябрь 1960, № 18.

Некоторые научные проблемы изучения Августовской революции; Тием Те. Августовская революция как составная часть мировой революции; Данг Виет Тхань. Августовская революция и культурная революция; Мак Дыонг. Общинные отношения в районах национальных меньшинств Северного Вьетнама до и после Августовской революции; Чан Хьюи Льеу. Конфискация имперских знаков Бао-Дая; О существовании рабства во Вьетнаме.

«Nghiên cứu lich sử». Ноябрь 1960, № 19.

Чан Хьюи Льеу. 950 лет со дня основания Ханоя, Нгуен Донг Тьи. Изучая формы хозяйства, познать характер вьетнамского общества в период китайского господства; Тью Тхиен. Некоторые мелкие замечания о крестьянских восстаниях в период правления Нгуенов; Монгайт. Буржуазная археология в тупике; Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского революционного движения в литературных произведениях вьетнамских авторов (продолжение). Вокруг вопроса о существовании рабства во Вьетнаме (четыре дискуссионных статьи: Нгуен Лыонг Битя, Чыонг Хыу Кюиня, Дао Ты Кхая, Ле Чонг Кханя).

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1960, № 4.

Петер Флорин. Московская декларация от ноября 1957 г. подтверждена историей; Я. Цандерс. Антифашистская борьба сопротивления комитета народного фронта «Фрейес Дейчланд» (Свободная Германия) в Кельне в 1943—1944 гг.; Рольф Длубек. Фридрих Энгельс на конгрессе немецких демократических и рабочих объединений Швейцарии в Берне и как член центральной комиссии Два неизвестных письма Фридриха Энгельса; Клаус Маммах. Военная политика руководства СДПГ во времена Веймарской республики.

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 5.

Статьи: Я. Кладива. 15 лет народно-демократической Чехословакии; И. Кочи. Движение крепостных в некоторых северно-чешских поместьях летом 1775 г.; Р. Бржах. Локарно и чехословацкая дипломатия. Дискуссии: Р. Новый. Счета монетного двора в древнейшей книге города Праги (начало XIV в.).

«Historický časopis». Bratislava. 1960, № 1.

Резолюция III съезда чехословацких историков. Статьи: Людовит Голотик. Миссия исторической науки в нашем обществе; Ян Млынарик. Рабочее движение в Словакии в 1920 году (От парламентских выборов до декабрьской генеральной стачки); Ярослав Челко. Политические махинации католического клира в Словакии в 1945—1948 гг. (Попытки создания католической политической партии). Дискуссии: А. Шпиес. К проблематике перехода от феодализма к капитализму в Словакии в XVIII столетии; П. Раткош. К вопросу об эмфитевзе в Словакии; С. Цамбел. О так называемом нейтралитете кулаков в предфевральской Чехословакии (1945—1948). Обзоры: Любомлиер Липтак. Проблемы разработки истории Словакии 1918—1938 гг.

«Екса квахак». Пхеньян. 1960, № 3.

Чон Сок Там. Мирное объединение родины — назревшая задача. Статьи: Чан Мун Сон. Создание Общества возрождения родины и его роль в антияпонской национально-освободительной борьбе; О Киль По. Военное искусство крестьян-

ской армии в период народного восстания 1894—1895 гг.; Ли Нин Хун. Диалектика производительных сил и производственных отношений в нашей стране на современном этапе; Ким Чхоль Хи. Основные черты современной буржуазной философии в Южной Корее и ее реакционный характер (окончание). Дискуссии: О периодизации новой истории Кореи; Ким Сок Хен. Некоторые теоретические вопросы в изучении древней истории Кореи.

«Екса квахак». 1960, № 4.

Развитие исторической науки в Корее после освобождения. Статьи: Ли Гук Сун. Помощь великого советского народа в восстановлении и развитии Хыннамского химического комбината после освобождения; Ким Ху Сон. Роль сознательности трудящихся в социалистическом строительстве; Ким Хи Иль. Американский империализм — злейший враг корейского народа; Чон Ха Чхоль. Реакционность колонизаторской политики американского империализма и лисынмановской клики в области просвещения; Ли Чи Рин. О формировании государства в древней Корее; Ким Дон Хо. Воспитание в духе революционных традиций при преподавании корейской истории.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Рабочее движение в Словакии в 1918—1920 годах

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 3, str. 292—331.

Статья Я. Млынарика «Роль классовой борьбы в развитии рабочего движения в Словакии в 1918—1920 гг.» посвящена важному этапу борьбы чехословацких трудящихся. Революционный подъем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вызванный непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, охватил и угнетенные национальности Австро-Венгерской монархии, в том числе чехов и словаков.

Я. Млынарик освещает период с 1918 по апрель 1920 г., указывая, что только весной 1920 г., почти на год позднее, чем в чешских землях, в словацком рабочем движении начался переход рядовых членов социал-демократии на позиции марксистской левой.

Цель статьи, указывает автор,— исследовать этап рабочего движения, который подготовил появление в Словакии марксистской левой, вскрыть причины ее более позднего образования, чем в чешских землях и Венгрии, проанализировать специфические условия, в которых развивалось словацкое рабочее движение (гнет буржуазно-помещичьего государства, национальный гнет со стороны венгерских господствующих классов). На конкретном материале автор стремился показать значение классовой борьбы в процессе идеологического и политического созревания пролетариата.

Работа Я. Млынарика написана на основании изучения литературы, вышедшей в последние годы в народно-демократической Чехословакии, и прессы 1918—1920 гг. (автор использует орган чешской социал-демократии «Právo lidu» и местную словацкую рабочую печать). Но главную ценность среди источников, исследованных им, составляют архивные материалы (фонды Военного исторического архива, Словацкого центрального архива, Государственного архива и Центрального профсоюзного архива).

Рассматриваемый период Я. Млынарик делит на три этапа: от возникновения Чехословацкой республики (1918 г.) по конец марта 1919 г. (создание Венгерской советской республики); с марта 1919 г. по сентябрь 1919 г.; с сентября 1919 г. по апрель 1920 года. Как указывает он, каждый из этих этапов характеризуется дальнейшим ростом идеологической и боевой зрелости словацкого пролетариата.

«От буржуазного национализма к пролетарскому интернационализму,— пишет Я. Млынарик,— пролетариат должен был идти через жестокие классовые бои и тяжелые жизненные испытания. В этом основной, главный смысл развития рабочего движения в Словакии в 1918—1920 гг.» (стр. 300). На первом этапе в рабочем движении Словакии, отмечает автор, преобладали стихийные выступления словацкого пролетариата, рабочее движение росло вширь. Еще очень сильно чувствовалось в нем влияние буржуазного национализма. Господствующим классам Словакии уда-

лось, используя вековое национальное угнетение, разобщить словацкий и венгерский пролетариат, внушить словацким рабочим идею классового мира, якобы необходимого для национального освобождения. Национализм господствовал в социал-демократии и в профсоюзах.

На втором этапе, с образованием Венгерской и Словацкой советских республик, наметились тенденции интернационального единства словацкого и венгерского пролетариата, более тесного объединения с чешским рабочим движением. Автор придает очень большое значение конференции профсоюзов во Врутках (9 февраля 1919 г.), в которой участвовали словаки и венгры и на которой был поставлен вопрос об объединении с чешскими профсоюзами. Он указывает, что тогда впервые в общечехословацком масштабе рабочие стали действовать на основе пролетарского интернационализма. Такое же значение, по его мнению, имели конференции в Спишской Новой Вси (11 мая 1919 г.) и в Микулаще (18 мая 1919 г.). В резолюции, принятой на конференции в Спишской Новой Вси, указывалось: «...движение наше уже освободилось от шовинизма, а в профсоюзном движении мы стоим на принципах интернационализма». В это время, считает автор, в Словакии начала зарождаться марксистская левая.

Я. Млынарик полемизирует с Л. Голотиком, указывая, что последний несколько преувеличивает влияние Венгерской советской республики на словацкий пролетариат. На третьем этапе имели место уже массовые классовые выступления словацких трудящихся, которые автор прослеживает на основе привлечения обильных архивных документов. Резкое ухудшение материального положения, рост дороговизны, голод, усиление репрессий со стороны господствующих классов в отношении революционного движения (особенно после падения Словацкой советской республики) — все это приводило к росту классовой борьбы в Словакии. На собственном опыте он убедился в оппортунизме лидеров социал-демократии и профсоюзов, вступивших в соглашение с господствующими классами. Освобождаясь от буржуазного национализма, словацкий пролетариат начинал понимать свои классовые интересы, необходимость сплочения рабочих всех национальностей Словакии для борьбы с общим врагом. Тот факт, подчеркивает Я. Млынарик, что марксистская левая укрепилась в Словакии в конце весны — начале лета 1920 г., свидетельствует о победе революционных сил в стране. Но вместе с тем он отмечает и известное отставание словацкого рабочего движения по сравнению с чешским и венгерским.

Таким образом, подчеркивает в заключение автор, ожесточенные классовые бои второй половины 1920 г. словацкий рабочий класс встретил, обогащенный опытом предшествовавшей борьбы.

Н. Д. Ратнер

Антифашистская борьба в Румынии в 1941—1944 годах

«Studii. Revista de istorie». Bucureşti. 1960, № 3, p. 35—58.

В одном из своих последних номеров журнал «Studii» опубликовал статью Е. Чимпонериу, посвященную политически актуальному, но еще малоизученному вопросу — участию румынского пролетариата в антивоенном движении в годы второй мировой войны.

Широко используя материалы румынских архивов (архива Института истории партии, а также архивов заводов и предприятий), автор знакомит читателя с антивоенной борьбой трудящихся Румынии на примере выступлений передовых отрядов румынского пролетариата — металлургов и рабочих военных заводов. Металлургические и военные предприятия Румынии с числом рабочих около 12 тыс. чел. были расположены главным образом в Банате (Решица, Анина и др.) и объединялись румынским филиалом гитлеровского концерна «Герман Геринг Верке» — фирмой «У. Д. Р.» («Заводы и предприятия Решицы»).

Уже в первые месяцы после нападения гитлеровской Германии на СССР, указывает автор, рабочие Решицы, руководимые коммунистами, успешно провели ряд политических антифашистских выступлений. В сентябре 1941 г. полицейский комиссар Решицы вынужден был отметить в своих отчетах, что большинство рабочих «верит в победу России». Политические выступления рабочих-металлургов переплетались с упорной экономической борьбой, которая зимой 1941/42 г. принесла им ряд серьезных побед. Одним из главных завоеваний рабочих было повышение заработной платы на 48%. В марте 1942 г. рабочие Решицы организовали антигитлеровскую манифестацию на улицах города. Но основ-

ной формой их борьбы в первые годы войны был систематический саботаж на военных предприятиях. Рабочие машиностроительных заводов выводили из строя новые паровозы, подсыпая песок в буксы. Рабочие цехов, где изготовлялись и ремонтировались танки и пушки, также систематически осуществляли саботаж. К лету 1942 г. около половины военной продукции заводов выпускалось в непригодном виде. Важной формой политической борьбы была помощь советским военнопленным, которых гитлеровцы принуждали работать на предприятиях Решицы.

Победы Советской Армии под Москвой и Сталинградом углубили кризис фашистского режима Антонеску и вызвали новый подъем антивоенного движения в стране. Кроме систематического саботажа на заводах, рабочие — металлурги и машиностроители — стали применять в это время новые, более активные формы борьбы. В сентябре 1943 г. коммунисты и комсомольцы взорвали склад готовой военной продукции. В конце 1943 — начале 1944 г. в Банате были организованы первые партизанские формирования, получавшие активную помощь от рабочих решицких заводов. В марте — апреле 1944 г. коммунисты Решицы распространяли на заводах манифесты, требовавшие немедленного выхода Румынии из войны. В тот же период, готовясь к антифашистскому восстанию, рабочие, руководимые коммунистами, стали создавать вооруженные патриотические группы. Коммунисты Тимишоары вывезли с военных заводов в окрестные леса значительное количество оружия.

Весть о свержении 23 августа фашистского правительства Антонеску вызвала новый подъем движения во всей стране. В течение 20 дней, вплоть до прихода в Банат частей Советской Армии (13 сентября), рабочие Решицы, Анины, Тимишоары вели упорную вооруженную борьбу с гитлеровцами, пытавшимися вывезти в Германию оборудование предприятий и разрушить крупнейшие в Румынии военные заводы.

Статья Е. Чимпонериу раскрывает, таким образом, одну из ярчайших страниц богатой революционными событиями истории румынского пролетариата. Исследование этого вопроса, его детальное освещение на основе привлечения неизвестных ранее архивных материалов тем более важно, что в последние годы в западноевропейской и американской историографии появился ряд работ, замалчивающих либо прямо отрицающих наличие в канун народно-демократической революции в Румынии серьезного политического кризиса и антифашистского движения сопротивления.

А. А. Алексеева

Экспансия германского империализма в Китае в 1900 году.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Heft 4, S. 817—843.

В журнале помещена статья Фрица Клейна «О политике германского империализма в Китае в 1900 году». Значение разработки этой темы очень велико, так как участие в подавлении антиимпериалистического восстания в Китае было одним из первых актов «мировой политики», провозглашенной германским империализмом в конце XIX века.

Делая краткий обзор литературы вопроса, автор отмечает, что в настоящее время появилась возможность значительно дополнить известные до сего времени факты по этому вопросу благодаря тому, что правительство Китайской Народной Республики передало ГДР документы бывшего германского посольства в Пекине.

Автор говорит о резких противоречиях империалистических держав в Китае, которые особенно остро проявились после занятия интервентами Пекина. Затем он кратко останавливается на англо-германском соглашении 16 октября 1900 г., провозглашавшем, по сути дела, принцип «открытых дверей» и территориальной целостности Китая.

В рассматриваемый период резкие империалистические противоречия между Англией и Германией продолжали нарастать. Автор прежде всего отмечает, что «преимущества соглашения для Германии очевидны» (стр. 824). Германский империализм был недостаточно силен для осуществления территориальных захватов на Дальнем Востоке, а с помощью этого соглашения он получал возможность расширить экономическую экспансию в зону английского влияния в бассейне Янцзы.

Английская позиция была сложнее. Англия всеми мерами стремилась препятствовать усилению влияния России в Маньчжурии. Ее соглашение с Германией наносило удар союзу России с Германией, которого обе страны придерживались в даль-

невосточных делах после японо-китайской войны. Отметим, однако, что вскоре после подписания соглашения правительство Германии заявило, что не считает его относящимся к Маньчжурии, чем нанесло большой удар радужным надеждам Англии.

Главное внимание в статье уделяется переговорам представителей империалистических держав в Пекине по разработке целого комплекса требований, которые были предъявлены китайскому правительству в коллективной ноте от 22 декабря 1900 года. Еще на первом этапе военных действий правительства держав после долгой закулисной борьбы договорились о назначении немецкого фельдмаршала графа Вальдерзее главнокомандующим объединенными силами интервентов в Китае. Германская дипломатия видела свою задачу в том, чтобы оттянуть начало переговоров в Пекине до приезда Вальдерзее. В соответствии с полученными инструкциями германский представитель Мумм выдвинул с этой целью требование о немедленном наказании «главных виновников» восстания Ихэтуань в качестве предварительного условия для начала переговоров. 27 сентября Вальдерзее прибыл в Тяньцзин, где к этому времени был высажен немецкий экспедиционный корпус. Германская дипломатия сочла момент подходящим для начала переговоров.

По всем обсуждаемым вопросам Мумм занимал самую непримиримую позицию в соответствии с указаниями, содержавшимися в телеграмме Бюлова от 28 октября 1900 года. Например, когда русский представитель Гирс выдвинул предложение приостановить военные действия, Мумм решительно выступил за отсрочку обсуждения этого вопроса. Предложение России специально обсуждалось им с графом Вальдерзее. Главнокомандующий при этом цинично заявил, что если решение о приостановке военных действий и будет принято, он все равно не станет его выполнять. «Война была спасена» благодаря совместным усилиям и угрозам Мумма и Вальдерзее (стр. 835).

Германские империалисты распространяли измышления о том, будто германская дипломатия боролась за восстановление чести страны, «попранной» в связи с убийством посланника Кеттелера во время восстания. Германские представители упорно отстаивали требование смертной казни для «главных виновников» восстания, посылки в Берлин специальной «искупительной» миссии, установки памятника Кеттелеру и т. д. Но в действительности главная цель Германии заключалась в том, чтобы добиться максимальных экономических и политических преимуществ в Китае.

Мумм считал необходимым установить строгий контроль над финансами страны, что должно было, по его словам, обусловить «далеко идущее вмешательство во внутренние китайские дела» (стр. 828). Стараясь замаскировать свои подлинные цели, он прибегал к «помощи» своих союзников. Под давлением Мумма итальянский представитель добился принятия решений, которые облегчали доступ державам к китайским финансам. Мумм неоднократно требовал взимания огромной контрибуции с Китая. Германские империалисты рассчитывали с помощью полученных таким путем средств осуществлять усиленное строительство военно-морского флота.

Мумм сообщал в Берлин, что английский и австрийский представители добиваются от Китая гарантий увеличения торговых преимуществ иностранцев в стране. Выступление австрийского представителя по этому вопросу было, несомненно, инспирировано Муммом, так как австрийские торговые интересы в Китае были незначительны.

Германские империалисты упорно сопротивлялись предложению Франции запретить ввоз оружия в Китай, который осуществлялся в основном немецкими и английскими фирмами. Бюлов твердо решил защищать интересы Круппа.

Германские дипломаты стремились добиться максимального продления оккупации территорий Китая иностранными войсками, чтобы, как они выражались, заставить китайцев «почувствовать кулак» (стр. 834). Немецкая дипломатия только потому не приняла требования своих военных кругов о полной свободе передвижения немецких войск в Шаньдуне, что это вызвало бы ответные меры Англии в бассейне Янцзы. «Указанной здесь линии единства милитаризма и экономической экспансии следовали оба главных представителя германского империализма в Китае: Вальдерзее своими «карательными экспедициями» и Мумм на переговорах посланников» (стр. 834).

Действия германского империализма в Китае в 1900 г. ярко показали его агрессивный, грабительский, кровавый характер, безграничную наглость его претензий.

Б. М. Туполев

Откупная система в Османской империи в XV—XVII веках

«Исторически преглед».
София. 1960, № 1, стр. 40—74.

В исследованиях ряда современных болгарских ученых большое место уделяется проблемам турецкого феодализма в балканских районах Османской империи. Значительный интерес представляет статья В. Мутафчиевой «Откуп государственных доходов в Османской империи XV—XVII вв. и развитие товарно-денежных отношений», посвященная исследованию важного для понимания турецкого феодализма вопроса — о ростовщичестве в турецкой империи XV—XVII веков. В работе широко использованы неопубликованные архивные материалы.

Автор подробно характеризует турецкую откупную систему, распространявшуюся на налоги и другие доходы. В статье отмечается чрезвычайно интересное явление: сразу же после турецкого завоевания и установления откупной системы среди откупщиков, которыми вначале были преимущественно немусульмане, началась ожесточенная борьба. Каждый из претендентов на получение откупов старался предложить бо́льшие по сравнению со своими соперниками суммы в качестве кредита правительству в счет будущих налоговых поступлений или иного дохода. Это свидетельствует о том, что к моменту введения откупной системы у определенной части нетурецкого населения империи имелись крупные накопления. Автор делает вывод о том, что балканские народы стояли на более высокой ступени развития по сравнению с турками-завоевателями.

Автор критикует реакционную теорию турецкого историка Мустафы Акдага, который пытался обосновать историческую «необходимость» завоевания Балкан. Согласно его взглядам, экономически развитые города на побережье Эгейского моря могли нормально функционировать лишь при наличии связей с малоазиатскими рынками, которые потребляли их продукцию и обеспечивали их сырьем. На этой основе еще задолго до начала турецкой экспансии создалась «Эгейская экономическая общность». Однако, как полагает Акдаг, вследствие возникновения турецких феодальных княжеств в Малой Азии и непрекращавшихся феодальных междоусобиц на Балканах эта «общность» распалась. Поэтому, считает М. Акдаг, было необходимо османское завоевание, которое позволило бы воссоздать утраченную «экономическую общность».

В. Мутафчиева справедливо отмечает ненаучный, тенденциозный характер этой теории. Вся многовековая история Балкан в период турецкого владычества доказывает, что Османское государство являлось тормозом экономического прогресса Балканских стран, включая и Эгейское побережье с его городами.

В статье рассматриваются две стадии в развитии откупной системы. Первая — с момента установления турецкого владычества и до XVI века. В этот период в качестве кредиторов Османского государства выступали почти исключительно немусульмане. В последующий период, начиная с XVI в., роль откупщиков налогов и других доходов стали играть уже турецкие феодалы, накопившие к тому времени в результате жестокой эксплуатации крестьян значительные денежные средства. Однако и в этот период в откупе налогов принимали большое участие нетурецкие элементы, но в отличие от первого периода среди откупщиков нельзя уже было встретить немусульман. Дело в том, что откупщики — выходцы из нетурецкого населения — к этому времени перешли в мусульманство.

Отмечая широкое распространение ростовщичества в форме откупной системы, автор вскрывает причины этого явления. Ненадежность торговли и земельных операций как средства обогащения делала использование денежных капиталов для кредитования правительства в виде откупа налогов и других статей дохода наиболее выгодным и надежным предприятием. Автор ярко характеризует отрицательную роль ростовщического капитала в развитии экономики порабощенных стран.

Поставленные в настоящее время болгарскими историками проблемы турецкого феодализма представляют интерес не только для историков Турции или Балкан периода турецкого завоевания. Проблемы эти весьма важны для византинистов и славистов, изучающих дотурецкий период. Многие турецкие феодальные институты схожи с феодальными институтами Византии и средневековой Сербии и Болгарии, существовавшими до турецкого завоевания. Так, византийская и южнославянская форма условного землевладения — пронция — имеет ряд черт, сближающих ее с турецкой военно-ленной системой. Строгая централизация финансов, характерная для турецкого феодализма, отли-

чала также византийское финансовое устройство. Система налогов и повинностей в Византии и южнославянских землях во многом тоже напоминала турецкую. Это сходство византийского и южнославянского феодализма с турецким обнаруживает черты, вообще типичные для феодализма на Востоке. В то же время оно свидетельствует о влиянии византийских и южнославянских феодальных институтов на формирование турецкого феодализма.

Рассматриваемая работа В. Мутафчиевой вносит значительный вклад в изучение данных вопросов.

К. В. Хвостова

Ленин в Англии и об Англии

«Marxism Today».
London. May 1960, pp. 149—156.

Трудящиеся всего мира проявляют огромный интерес к изучению жизни и деятельности В. И. Ленина. Спрос на его произведения и литературу о нем постоянно растет. К 90-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича в Англии вышли две книги — Н. К. Крупской «Воспоминания о Ленине» и «В. И. Ленин об Англии»[1]. Статья члена Центрального Комитета Английской компартии Джеймса Клугманна «Ленин об Англии» дает краткий обзор этих книг и содержит анализ отдельных работ В. И. Ленина в свете современных задач английского рабочего движения.

Статья начинается с красочного рассказа о пребывании В. И. Ленина в Лондоне между 1902—1908 годами. Владимир Ильич впервые приехал в Англию, чтобы наладить печатание «Искры» в типографии социал-демократической федерации. Он внимательно знакомился с английской столицей, с английским рабочим движением, изучал быт и настроение рабочих, посещал их собрания и митинги. Следующие визиты Ленина в Лондон были связаны с подготовкой и работой II и III съездов РСДРП. В 1908 г. В. И. Ленин снова приехал в Англию для занятий в библиотеке Британского музея. «Из тех, кто работал там,— пишет Д. Клугманн,— не было таких, кто забыл бы Ленина. Я вспоминаю, когда в начале 30-х годов, ...впервые приступив к работе в библиотеке, я показал портрет Ленина старому сторожу..., он сказал: «Такой приятный джентльмен. Что с ним стало? Он уже давно не появлялся здесь».

Владимир Ильич постоянно следил за развитием Англии и английского рабочего движения в особенности. Сборник «В. И. Ленин об Англии» содержит богатый материал, относящийся к различным аспектам политической борьбы, рабочего движения в Англии, развития ее экономики, английской государственной системы, империализма, национально-освободительного движения в Британской империи, истории тред-юнионов и рабочих организаций, образования Компартии.

Учитывая ленинские высказывания об Англии, Джеймс Клугманн подробно останавливается на причинах идеологического отставания английского рабочего класса во второй половине XIX в.— проблеме, которая представляет существенную важность для понимания современного рабочего движения в Великобритании; он анализирует сущность и социальные корни оппортунизма. Социалистические идеи и социалистические организации вновь возродились в Англии, когда она потеряла свое монопольное положение на всемирном рынке. Однако социальная база для оппортунизма и подкупа рабочего класса не исчезла, она только сузилась. Потерю своего монопольного положения Англия, можно сказать, «компенсировала» за счет сверхприбылей от экспорта капитала и эксплуатации колониальных народов. Империализм принес с собой постоянную борьбу двух тенденций в социалистическом рабочем движении. В Англии она выражалась в борьбе марксизма с реформизмом. Анализ природы империализма и его воздействия на рабочее движение, заключает Джеймс Клугманн, дан в высшей степени полно в работах В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Империализм и раскол социализма».

В отдельных разделах статьи автор выясняет значение работ В. И. Ленина «Что делать?» и «Государство и революция» для современного английского рабочего движения.

На примерах из истории величайших экономических битв он показывает, какой вред приносили английскому рабочему движению «теории» о том, что политическая борьба вырастает непосредственно из тред-юнионистской борьбы. Выводы «Что делать?» и

[1] N. K. Krupskaya. Reminiscences of Lenin. Lawrence and Wishart. 1960; V. I. Lenin. On Britain. Lawrence and Wishart. 1960.

сегодня поучительны для английского рабочего класса, ибо «экономизм» все еще очень силен в рядах рабочих, в том числе входящих в Коммунистическую партию.

«Отсутствие ясного понимания природы государства,— пишет Джеймс Клугманн,— возможно, было и остается... ахиллесовой пятой британского рабочего движения». Английские реформисты, начиная с фабианцев и кончая Гейтскеллом, снова и снова повторяют миф о нейтральности государства. Для многих английских рабочих социализм есть что-то чисто экономическое и государственный контроль над средствами производства — почти синоним социализма («концепция» реформистов правого крыла лейбористской партии, которая выдает рост государственно-монополистического капитализма в Англии за рост социализма). Выводы В. И. Ленина о характере и эволюции государства, об усилении капиталистической государственной машины в эпоху империализма, о росте государственно-монополистического капитализма, его замечания о характере британской государственной машины в высшей степени актуальны сейчас, когда реформисты правого крыла настойчиво твердят, будто рабочие могут установить контроль над страной без политической власти, без диктатуры пролетариата.

На богатом фактическом материале автор показывает, как внимательно В. И. Ленин следил за развитием двух тенденций внутри британского рабочего движения, уделяя много времени анализу оппортунистических и реформистских течений, а также критике форм левого сектантства в революционных рядах рабочих.

Автор рассматривает выступления и работы В. И. Ленина о британском рабочем движении в годы первой мировой войны и в период образования Компартии, показывает, что В. И. Ленин особенно подчеркивал важность установления тесной связи партии с массами.

Г. И. Лоцманова

О причинах краха итальянского фашизма

«Rinascita».
Roma. 1960, № 7—8, p. 529—536.

«С итальянским народом не посоветовались; с итальянской армией не посоветовались. Ни с кем не посоветовались... Один человек, только один человек решил бросить Италию в водоворот войны». С такими словами обратился У. Черчилль в декабре 1940 г. по радио к итальянцам.

Разоблачению этого тезиса, который сегодня в Италии и вне ее отстаивается целым направлением буржуазной историографии, выяснению подлинных причин вступления Италии во вторую мировую войну посвящена статья Р. Батталья «Ошибки и преступления одной военной авантюры (Двадцать лет назад фашизм привел Италию к войне)».

Важным пунктом в цепи событий, приведших Италию к войне, явился «Стальной пакт», подписанный в Берлине в мае 1939 г. министрами иностранных дел Германии и Италии Риббентропом и Чиано. Этот пакт отражал полное идеологическое подчинение Италии нацистской Германии. Последствием заключения пакта явилось активное вмешательство Германии в итальянскую экономику.

Внешнеполитическая линия Италии характеризовалась в тот период крайней нерешительностью. Италия переживала серьезные экономические трудности. Усиление Германии привело к вытеснению Италии даже с тех мировых рынков, где ранее ее позиции были прочными. В Италии нарастал экономический кризис, выход из которого итальянские монополии стали искать в союзе с фашистской Германией. Принятие ультиматума Гитлера в марте 1940 г., обусловившего экономическую помощь Италии (предоставление 1,5 млн. т угля) ее участием в войне, явилось последним шагом итальянского фашизма к вступлению во вторую мировую войну.

18 марта Муссолини объявил Гитлеру о готовности начать военные действия. В июне Италия вступила в войну.

Автор выясняет причины парадокса, состоящего в том, что «режим войны» оказался абсолютно неподготовленным к войне. Среди них: истощение фашистского военного потенциала в абиссинской и испанской войнах; соперничество монополистических группировок; борьба между государственными и частными военными предприятиями за получение лучших заказов; сопротивление модернизации оборудования, пусть даже в ущерб качеству продукции; потребность в импорте валюты и сырья, заставившая Италию экспортировать необходимое ей для ведения войны оружие (в период «невмешательства» Италия была одним из крупных экспортеров военных материалов, причем большое количество их шло во Францию,

Англию и другие враждебные ей страны) и т. п.

Италия вступила в войну, не имея определенной программы. Даже в случае победы она превратилась бы в средиземноморский придаток «Великого рейха» с Муссолини в качестве гаулейтера. Батталья отмечает субъективные особенности личности Муссолини, ускорившие крах Италии. Ход военных действий обнаружил его абсолютную военную безграмотность.

В захватнической войне против СССР итальянские войска были разгромлены.

Преступление фашизма состояло в том, что Италия была ввергнута в грабительскую империалистическую войну. Вторая мировая война явилась для итальянской армии и народа трагическим испытанием, во время которого созрела мощная оппозиция фашизму. В этот период произошло соединение стихийно развивавшейся антифашистской борьбы народа с политически оформленным антифашистским движением авангардных демократических групп итальянской нации. В результате этого родилось народное освободительное движение — вооруженное сопротивление.

М. И. Ковальская

Тайные переговоры Бенеша с гитлеровцами

«Journal of Central-European Affairs». Vol. XIX, № 4, January 1960, p. 366—374.

Издаваемый Колорадским университетом (г. Боулдер, США) «Journal of Central-European Affairs» опубликовал статью Г. Вейнберга «Секретные переговоры Гитлера с Бенешем в 1936—1937 гг.». Г. Вейнберг известен как автор ряда работ об агрессивной внешней политике фашистской Германии накануне и в первый период второй мировой войны, в частности статей, направленных против фальсификаторской версии о якобы «превентивном» характере нападения гитлеровцев на Советский Союз (см. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 208).

Рассматриваемая работа написана на материалах архива Альбрехта Гаусгофера (сына родоначальника фашистской геополитики), казненного за участие в заговоре 20 июля 1944 года. Материалы этого архивного фонда, как и многих других, имеющие большую ценность для изучения истории Германии, после разгрома германского фашизма были вывезены американскими оккупационными властями и в настоящее время находятся в США.

А. Гаусгофер принадлежал к близкому окружению Риббентропа еще до назначения последнего германским министром иностранных дел. В 1936 г. он предлагал вступить в секретные переговоры с Чехословакией с тем, чтобы подорвать там влияние Франции и СССР, с которыми Чехословакия заключила договоры о взаимопомощи, или по крайней мере самим фактом подобных переговоров дискредитировать в их глазах Чехословакию. После того, как это предложение было санкционировано гитлеровской дипломатией, Гаусгофер встретился с чехословацким послом Мастны, охотно откликнувшимся на зондаж и заверившим Гаусгофера, что со стороны Бенеша он встретит также благожелательный прием.

В ноябре 1936 г. Гаусгофер отправился в Прагу, где беседовал с Бенешем, а также с министром иностранных дел Чехословакии Крофты. Затем он вернулся в Берлин для доклада своему шефу, а в декабре 1936 г. по поручению Гитлера вновь посетил Прагу, чтобы продолжить переговоры с Бенешем.

Отчеты и записи, цитируемые в статье, показывают, что Бенеш выразил полную готовность в случае достижения какого-либо соглашения с Германией пересмотреть политику Чехословакии, основой которой были договоры о взаимопомощи с Францией и СССР. Гаусгофер подчеркивал в своих донесениях, что Бенеш был готов также предоставить Германии свободу действий в отношении Югославии и Румынии — союзников Чехословакии по Малой Антанте.

Важное место занял в переговорах вопрос о деятельности немецкой демократической эмиграции в Чехословакии. Известно, что немецкие антифашисты подвергались беспрестанным преследованиям со стороны чехословацких властей (вплоть до высылки в фашистскую Германию). Но гитлеровцам этого казалось недостаточно, и они добивались полного пресечения деятельности эмигрантов-демократов. Как видно из документов, используемых Г. Вейнбергом, Бенеш и Крофты выразили согласие удовлетворить это требование Гитлера.

Возвратившись в Берлин и проанализировав содержание своих бесед с Бенешем, Гаусгофер составил проект германо-чехословацкого договора об арбитраже; в

проекте предусматривалось, в частности, сотрудничество обоих государств в борьбе против Коммунистического Интернационала, а также в других вопросах, входящих в компетенцию полиции, в том числе подавление той и другой стороной «подрывной» деятельности политических эмигрантов и т. п. Этому направлению «сотрудничества» в общем соответствовало и содержание проекта, подготовленного Бенешем.

Тем не менее соглашение, в достижении которого президент Чехословакии проявил столь большую заинтересованность, не было заключено. Причиной, как отмечает Вейнберг, были происходившие в начале 1937 г. изменения в стратегических замыслах гитлеровцев, которые уже начинали подготовку к прямым актам агрессии; соглашение с Чехословакией типа германо-польского договора 1934 г. более не представлялось им желательным.

Г. Вейнберг придает определенное значение тому, что «бюро Риббентропа» проводило переговоры с Бенешем за спиной германского министерства иностранных дел, но с ведома Гиммлера, которому были адресованы некоторые меморандумы Гаусгофера. Однако было бы неправильно рассматривать этот факт как свидетельство «недоверия» гитлеровской клики к Нейрату и другим дипломатам фашистской Германии. Последние служили Гитлеру верой и правдой. Избранный в данном случае путь для зондажа мог быть продиктован стремлением максимально ограничить число лиц, осведомленных о переговорах. Кроме того, нельзя не учитывать хаотичности административной структуры гитлеровской Германии, когда одни и те же функции нередко выполнялись различными учреждениями, действовавшими независимо друг от друга и к тому же осуществлявшими порою взаимную слежку.

Л. И. Георгиев

Пересмотр «традиционной схемы» английской колониальной политики в Африке

«History Today».
London. August 1960.

В августовском номере журнала «History Today» помещена статья Э. Стокса «Великобритания и Африка: миф об империализме». Ей придан редакционный подзаголовок: «Традиционная версия о борьбе за колонии в Африке в XIX столетии здесь оспаривается и критически переоценивается». Работа Э. Стокса является откликом на опубликованную в 1953 г. в «Economic History Review» (№ 1) двумя кэмбриджскими историками, Дж. Гэллэхером и Р. Робинсоном, статью «Империализм свободной торговли». Гэллэхер, Робинсон и Стокс не согласны с некоторыми установившимися в исторической литературе (не только в марксистской, но и в буржуазной) точками зрения. Одним из таких «ошибочных» взглядов является, по мнению этих историков, «традиционная схема» английской политики в Африке в XIX в. как классический пример борьбы «великих» держав за колонии. Эта «схема» впервые была предложена английским буржуазным историком Дж. А. Гобсоном в его книге «Империализм» (Лондон. 1902).

Как указывал В. И. Ленин, Гобсон, «стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма», вместе с тем «дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма»[1]. В. И. Ленин отмечал, что «в эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860-х годах, руководящие буржуазные политики ее были против колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом»[2]. Однако в связи с перерастанием капитализма в его высшую, монополистическую фазу английская буржуазия после 1870 г. отказалась от этих идей. «Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880-х годов,— писал В. И. Ленин,— со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики»[3].

Э. Стокс не согласен с этим определением в принципе, хотя оно, как он сам признает, и было принято с некоторыми оговорками большинством буржуазных историков. Стокс считает единственно правильной точку зрения кэмбриджских историков. Согласно их концепции, колониальная политика Англии на протяжении всего XIX в. оставалась по своим целям неизменной. Менялись только методы. Иными словами, Стокс пытается доказать, что во второй половине XIX в. Англия не осуществляла политики политического и экономического порабощения Африки, а стремилась дать своим африканским колониям

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 183.
[2] Там же, стр. 243.
[3] Там же.

независимость. Следуя обычной линии английской колониальной историографии, Стокс утверждает, что только экономическое господство Англии в Африке, Индии и других колониях могло дать этим странам «современную систему законов и управления».

На протяжении всей статьи Стокс ведет полемику с В. И. Лениным. Делает это он не прямо, а критикуя книгу Гобсона, из которой В. И. Ленин подбирал примеры борьбы империалистических держав за колонии, в частности за Африку. «Чем внимательнее мы будем изучать английскую политику,— пишет Стокс,— тем труднее нам будет поддерживать тезис Гобсона об экономическом империализме». Оказывается, английский империализм совсем не угнетал, а, наоборот, развивал отсталые районы, связывал их с мировым экономическим рынком. Это развитие, по Стоксу, падает именно на вторую половину XIX века. Поэтому ему кажется «парадоксальным», что Гладстон отступил от этого принципа, послав в 1882 г. карательную экспедицию в Египет для усмирения «бунтовщиков». Но и здесь Стокс находит «оправдание»: эта английская интервенция имела благотворные последствия для... самого Египта, ибо защитила страну от захвата другими империалистическими державами Европы. Поэтому один из столпов британского империализма, Солсбери, выступает у Стокса поборником «борьбы с рабством». Перечень «аргументов» автора можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы представить концепцию Стокса. Она отнюдь не нова.

В наше время завершается распад колониальной системы империализма. Освободившиеся от колониализма страны Азии и Африки становятся важным фактором в международных отношениях. Это понимают буржуазные историки. Известный французский буржуазный историк и социолог Морис Крузе отмечает, «какой из двух типов цивилизации (автор имеет в виду социализм или капитализм.— *В. С.*) сможет полнее удовлетворить материальные и духовные нужды слаборазвитых стран, эффективнее бороться против голода и нищеты — вот что в конечном итоге решит, на чью сторону станут слаборазвитые страны, а следовательно, на сторону какого лагеря склонятся весы истории» [4].

Стремясь доказать цивилизаторскую миссию колониальных держав, некоторые буржуазные историки Англии выступили в поход против «традиционных схем» истории британского империализма. Новым в этом походе является критика не только работ марксистов-историков, но и трудов английских буржуазных историков о колониальной политике Англии XIX — начала XX века.

В. Г. Сироткин

Методы английской торговли в Индии в XVII веке

«Indian Studies Past and Present». Calcutta. 1960. Vol. I, № 2, p. 380—384.

В последние годы заметно усилилось внимание индологов к проблеме экономического и политического развития Индии в XVI—XVIII вв., то есть накануне и непосредственно в период порабощения страны европейскими колонизаторами. В этой связи представляет интерес статья участника XXV Международного конгресса востоковедов английского ученого Джона Ирвина, посвященная социально-экономической характеристике первых шагов торговой деятельности английских купцов в Индии в XVII в., «Социальные отношения в хлопчатобумажной торговле в XVII веке». Эта небольшая статья представляет интерес прежде всего потому, что она написана на основе изучения автором богатых архивных материалов о деятельности английской Ост-Индской компании, хранящихся в India Office (Commonwealth Relations Office) в Лондоне. Эти материалы наряду с документами европейских купцов и путешественников по Индии, а также произведениями индийских авторов XVI—XVIII вв. представляют важнейший источник, который позволяет исследовать социально-экономические отношения в Индии в период появления там первых европейских купцов.

Автор не ставит перед собой задачи дать полную характеристику хлопчатобумажного производства и торговли тканями в Индии. Основное внимание он обращает на методы торговли английской Ост-Индской компании хлопчатобумажными тканями в Индии в XVII веке.

Отмечая крупные изменения в направлении английской торговли тканями в XVII в., Д. Ирвин делает вывод, что в первой четверти XVII в. главная масса вывозившихся англичанами индийских тканей шла на

[4] M. Crouzet. Histoire générale des civilisations. L'époque contemporaine. Paris. 1957, p. 732.

рынки Малайского архипелага в обмен на пряности, в 30—60-х годах — на рынки Африки, Турции и Леванта, а в последней четверти века — уже на европейские рынки.

Автор правильно указывает, что англичане почти сразу стремились организовать в Индии так называемую «систему факторий». Он выделяет три основных района английских торговых факторий в XVII в.: Западную Индию (куда входили Гуджарат, Синд, Раджпутана), Юго-Восточную Индию (Коромандельское побережье) и Северо-Восточную Индию (Бенгалия, Бихар и Орисса). Автор отмечает, что торговля с самого начала велась во всех этих районах при помощи местных купцов-посредников — индусов и мусульман. Часть из них работала, получая плату от компании, другие были независимыми, самостоятельными местными торговцами.

К сожалению, Д. Ирвин не подчеркивает важность факта, нашедшего отражение в многочисленных торговых документах того времени и отмеченного еще в работах английского историка-экономиста В. Морленда, что система посредничества в Индии была развита еще до появления там английских и голландских купцов (в начале XVII в.), которые уже застали ее высокоразвитой и использовали для получения необходимых им товаров. Это важно подчеркнуть для того, чтобы не создавалось неверного представления, будто лишь с появлением европейских торговых компаний в начале XVII в. в Индии развилась система посреднической торговли. Источники свидетельствуют о том, что до прихода европейцев местные посредники обслуживали индийских и других азиатских купцов, которые торговали индийскими тканями на рынках стран Азии и Африки.

Автор приводит интересные архивные материалы, которые освещают борьбу английских купцов с местными посредниками за прибыли от торговли тканями. Стремление английских купцов полностью подчинить себе местных купцов-посредников и получить максимальную прибыль от торговли встречало сопротивление со стороны индийцев. Сила посредников, как пишет Д. Ирвин, состояла еще в том, что в условиях острой конкуренции голландских, английских и местных купцов спрос на ткани в XVII в. далеко превышал предложение.

Автор пытается выяснить отличия в системах английской торговли тканями в Западной, Южной и Восточной Индии. В связи с тем, отмечает он, что на Коромандельском побережье основная масса ткачей, работавших на рынок, жила в деревнях, а не возле городов, как в Западной Индии, это требовало больше посредников, более широкой сети мелких факторий и т. д.

Д. Ирвин пишет о том, что ткач имел в собственности станок и мог свободно переходить из одного района в другой. Автор справедливо отмечает, что ткачи, как и другие ремесленники на Коромандельском побережье в XVII в., страдали от непосильного гнета местных феодальных властей.

К сожалению, Д. Ирвин лишь вскользь касается одного из важнейших вопросов — экономической организации ремесленного производства, без анализа которого невозможно составить ясного представления о торговле тканями. Он правильно подчеркивает тот существенный факт, что «большинство ткачей были настолько бедны, что не могли покупать сырье и зависели от авансов посредников. Таким путем иностранные торговцы могли осуществлять контроль над производством» (стр. 382—383). Однако автор не анализирует с политэкономической точки зрения эту форму подчинения торговым капиталом мелкого ремесла, что совершенно необходимо для выяснения «социально-экономических отношений».

Д. Ирвин вообще не прослеживает сколько-нибудь подробно систему авансов. До сих пор ни в советских, ни в зарубежных исторических работах не приводилось примеров авансирования в Индии в XVII в. непосредственных производителей — ткачей и набойщиков — сырьем со стороны торговцев-посредников. По источникам эта высокоразвитая форма торгового капитала в мелком ремесле не прослеживалась, хотя, как показывают они, авансирование деньгами получило в XVII в. в Индии широкое распространение. Однако Д. Ирвин пишет в своей статье: «Иногда авансы делались материалами: пряжей и зерном ткачам или тканями и красителями набойщикам; но более часто это были авансы деньгами» (стр. 383). К сожалению, этот важнейший вывод автор не подтвердил ни одной ссылкой на документы архивов.

Далее Ирвин отмечает, ссылаясь на архивные источники, важный факт имущественного неравенства среди местных торговцев тканями. Лица, заготовлявшие высококачественные ткани, в отличие от торговцев, специализировавшихся на заготовке

тканей низкого сорта, не нуждались в денежных авансах со стороны англичан, ибо имели собственные капиталы. Автор объясняет это, в частности, тем, что заготовкой высококачественных тканей занимались наиболее состоятельные из местных купцов, а также тем, что производство тканей низкого сорта было разбросано по многим мелким деревням и требовало использования большого количества людей для организации доставки этих тканей и контроля над их производством.

Таковы основные вопросы, на которых останавливается в своей статье Д. Ирвин. Несмотря на указанные недостатки, эта статья помогает изучению социально-экономического строя Индии накануне ее колониального порабощения.

А. И. Чичеров

Еще одна негодная попытка отрицания исторических закономерностей

«Pacific Historical Review». Berkeley and Los Angelos. May 1960.

В майском номере американского журнала «Pacific Historical Review» опубликован доклад Бойда Шэфера «История — не искусство, не наука,— просто история. Значение и применение истории». С этим докладом Б. Шэфер, являющийся исполнительным секретарем Американской исторической ассоциации и редактором ее главного органа «American Historical Review», выступил перед съездом отделения этой ассоциации на Тихоокеанском побережье США. Журнал, в котором опубликовано его выступление, является органом этого отделения.

Еще со времен Буркхардта и Кроче, говорит автор, идет спор, является история наукой или одним из искусств. По мнению Шэфера, спор этот бесполезен. Для него этот спор служит лишь поводом для изложения собственных взглядов на значение истории. Цель его выступления — доказать, что история не является наукой и не относится непосредственно к сфере искусства, что она имеет свои собственные методы и цели, свое собственное значение и применение.

Шэфер не останавливается долго на вопросе о соотношении между историей и искусством. Отметив, что история и литературное искусство имеют ряд общих черт, он указывает на существенное различие в их методах, функциях и задачах и приходит к выводу, что аналогия между ними возможна лишь в ограниченных пределах.

Главные усилия автора статьи направлены на доказательство того, что история не является наукой. Каковы же аргументы Шэфера? Основной его довод заключается в том, что изучение прошлого не приводит историков к установлению «точных и определенных законов». Причина этого состоит в том, что историк всегда зависит от «своего класса, национальности, общины, религии», от «философских схем», «экономической и политической идеологии своего времени» и поэтому-де не может быть объективным. Историк никогда не может воссоздать полностью картину прошлого, те или иные факты всегда ускользают от него. У него нет точных инструментов для определения мотивов и причин, нет способов проверить обобщения. Эти обобщения не могут служить основой для научного продвижения, а раз так, то «история не может рассказать нам, что́ будет жить и что́ обречено на гибель» (стр. 163).

Рассуждения Шэфера о том, является ли история наукой, имеют весьма реальную политическую подоплеку: в конечном счете они направлены на обоснование незыблемости капиталистического строя. Законы исторического развития свидетельствуют о неизбежной гибели капитализма. Тем хуже для этих законов, как бы говорит Шэфер и объявляет их несуществующими.

Публикуя доклад Шэфера, журнал отмечает его выступление как знаменательное событие. Впервые исполнительный секретарь Американской исторической ассоциации выступил с докладом на съезде Тихоокеанского отделения. Да еще с докладом по методологическим вопросам, носившим, можно сказать, установочный характер. Следует отметить, однако, что установки эти не отличаются ни новизной, ни оригинальностью. Многие и многие буржуазные ученые еще задолго до Шэфера пытались поставить под сомнение наличие закономерностей в историческом развитии и способность историков познать их. От этого объективные законы истории не перестают существовать. Ключ к пониманию этих законов дает марксистско-ленинская наука. Б. Шэфер, занимая в вопросах теоретических основ истории позицию, прямо противоположную марксистской, спешит присоединить свой голос к хору критиков марксизма. Материалистическую точку зрения

Маркса он объявляет слишком «упрощенной» и «наивной», приписывая марксистам игнорирование всех других факторов, кроме экономических. Шэферу не приходит в голову, насколько бессмысленно приписывать игнорирование идейных факторов марксистам — приверженцам идеи, преобразившей за несколько десятилетий огромную часть мира.

Провозгласив, что история не является наукой, Шэфер переходит к вопросу о том, какое же значение и применение имеет история. «История, как часто говорят, является для общества тем же, чем память для человека»,— пишет Шэфер (стр. 165). Что же привлекает его в этой точке зрения, отождествляющей историю с памятью? Мы находим ответ в следующих рассуждениях, которые вполне согласуются с тезисом о том, что история не является наукой. «Подобно памяти, история может быть смутной, слабо осознанной, а наши познания в ней — просто хаосом ошибочных впечатлений. В конечном счете история может быть совершенно бессмысленной» (там же). Но, говорит далее Шэфер, как ни один человек не может мыслить и действовать без памяти, так общество не может существовать без истории.

Не зная истории, отмечает далее автор, человек не может понять настоящего и представить себе будущее. Изучение истории расширяет опыт человека, помогает ему разобраться в практических, повседневных проблемах. Оно имеет также большую этическую ценность и т. д. и т. п.

Но позвольте, скажет читатель, как же все эти положительные моменты согласуются с высказанными ранее Шэфером утверждениями о том, что изучение истории не приводит к выяснению объективной истины, не позволяет сделать правильные обобщения, определить закономерности развития, не дает основы для научного предвидения и вообще не является наукой? Как же в таком случае изучение истории может содействовать пониманию настоящего и предвидению будущего? Отдельные справедливые замечания о значении истории, высказанные Шэфером, находятся в противоречии с теоретической основой его статьи. Это противоречие заложено уже в самой постановке вопроса Шэфером, в самом названии его выступления. Нельзя дать правильный ответ на вопрос о значении истории, основываясь на идеалистической позиции отрицания за историей роли науки, способной познать объективные закономерности развития человеческого общества.

В. П. Золотухин

Уверенная поступь революционной Кубы

«Cuadernos Americanos».
Vol. CX, Mexico, Mayo — Junio de 1960, № 3, p. 42—52.

Рауль Роа Коури в статье «Год кубинской революции» подводит некоторые итоги социально-экономических преобразований на Кубе после свержения в канун 1959 г. диктатуры Батисты. «Страна вступила в решающий этап своей истории. Куба впервые стала независимым, суверенным государством» (стр. 44).

Автор отмечает, что установление в 1952 г. кровавого режима Батисты привело к власти наиболее продажные, разложившиеся группировки, осуществлявшие антинациональную внутреннюю и внешнюю политику. Хозяйственная структура страны характеризовалась гипертрофированной ролью сахарной промышленности, где с конца XIX в. господствовал американский капитал. Судьба Кубы целиком зависела от спроса и цен на сахар. Не менее 80% внешнеторгового оборота Кубы приходилось на США, что усугубляло последствия уродливой монокультурной специализации хозяйства страны. Безраздельное господство латифундий и крупных иностранных плантаций отражало отсталый, полуколониальный характер экономики Кубы. Несмотря на значительные ресурсы плодородных земель, благоприятнейшие почвенно-климатические условия, Куба ввозила не только многие промышленные товары и нефть, но и значительное количество продовольствия из США.

Патриотическое «движение 26 июля», возглавленное Фиделем Кастро, нашло отклик в самых широких народных массах, особенно среди крестьян, составивших до 80% бойцов повстанческой армии (стр. 43). В борьбе с диктатурой Батисты отдали свою жизнь 20 тыс. кубинских патриотов.

В разгар национально-освободительной борьбы против диктатуры руководство крупнейших буржуазных партий Кубы всячески стремилось ослабить революционную активность масс.

Р. Роа Коури показывает, что и само «движение 26 июля» было неоднородным.

Некоторые его участники предали дело кубинской революции (Мануэль Уррутия — первый президент республики после бегства Батисты, командующий авиацией Педро Луис Диас Ланс и ряд других). Эти деятели выступали лишь за замену должностных лиц, скомпрометировавших себя в глазах общественного мнения в период диктатуры, за небольшие эволюционные изменения. Разоблачение уже в первые месяцы 1959 г. подобных «революционеров одного дня» (по образному определению Ф. Кастро) ускорило консолидацию сил, полных решимости бороться за осуществление глубоких социально-экономических преобразований.

Освобожденной Кубе с первых дней пришлось столкнуться с серьезными экономическими трудностями. Автор характеризует экономическое положение страны в первой половине 1959 г. как критическое. Все отрасли хозяйства находились в тяжелом состоянии. К тому же произошло падение цен на мировом рынке сахара. Резко сократились и доходы от иностранного туризма, являвшегося важным источником накопления валюты.

В таких условиях 17 мая 1959 г. был принят закон об аграрной реформе на Кубе, направленный на уничтожение латифундистского землевладения и передачу земли тем, кто ее обрабатывает. По новому аграрному законодательству максимальные размеры хозяйств не могут превышать 402 га. В отдельных случаях плантации сахарного тростника и риса, а также скотоводческие хозяйства могут иметь и большую площадь, но не превышающую 1 340 га. Более крупные владения подлежат разделу между малоземельными и безземельными крестьянами, а также между сельскохозяйственными рабочими.

Возмещение за передаваемые крестьянам земли должно происходить в течение 20 лет. Размеры компенсации устанавливаются на основании данных налоговых обложений до 1959 г., а в некоторых случаях по оценкам местных органов.

Каждая крестьянская семья имеет право на получение надела в размере 26,4 га («жизненный минимум») неорошаемой земли.

В стране создан Национальный институт аграрной реформы (ИНРА), призванный осуществить аграрные преобразования и содействовать развитию экономики. Институт играет исключительно важную роль в жизни Кубы. Организованы «зоны аграрного развития», в которых местные организации ИНРА осуществляют большую работу по внедрению новых культур, повышению агротехнического уровня, освоению новых земель.

Характерной чертой современных преобразований на Кубе являются создание и быстрое развитие кооперативов. В строительстве школ, дорог и сельских поселений, в хозяйственном освоении новых территорий активно участвуют революционные вооруженные силы.

Ликвидация латифундий и меры, направленные на создание более разнообразной структуры сельского хозяйства, позволили резко увеличить производство продовольствия. Улучшение условий жизни трудящихся (увеличение зарплаты, снижение квартирной платы и т. д.), ломка полуфеодальных пережитков в деревне способствовали развитию внутреннего рынка для национальной промышленности.

Значительно возросла роль государства в экономической жизни. Государственные капиталовложения в хозяйство Кубы на 1960 г. определены в размере 600 млн. долларов, что значительно превышает общественные инвестиции за любой из предыдущих годов (стр. 49).

По словам автора, с начала XX в. из-за подчинения экономической и политической жизни Кубы диктату США страна находилась в стороне от событий, происходивших в мире. Ныне Куба вышла на мировую арену. Куба активно выступает в ООН и в Организации американских государств в защиту принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела государств, за развитие дружественных отношений со всеми странами. Куба поддерживает борьбу народов слаборазвитых стран Латинской Америки, Азии и Африки против колониализма, за достижение политической и экономической независимости.

Статья показывает, каких успехов в короткие сроки может добиться народ, осуществляющий революционные преобразования.

С рядом утверждений автора нельзя согласиться. Р. Роа Коури пытается доказать, что все великие государства стремятся к гегемонии и что-де поэтому слаборазвитые страны должны объединить усилия для решения своих национальных задач. Но история показывает, что у наро-

дов и государств, борющихся за свободу и независимость, не было и нет более верных и бескорыстных друзей, чем СССР, все страны социалистического лагеря.

В «Гаванской декларации», принятой единодушно 2 сентября 1960 г. более чем миллионом участников Генеральной национальной ассамблеи народа Кубы, говорится: «...помощь, искренне предложенная Кубе Советским Союзом в случае нападения на нее империалистических вооруженных сил, никогда не может рассматриваться как акт вмешательства, а лишь как яркое проявление солидарности. Эта помощь, предложенная Кубе в период неизбежного нападения американского Пентагона, делает честь правительству Советского Союза, который ее предложил, и в то же время покрывает позором правительство Соединенных Штатов за его трусливые и преступные, агрессивные действия против Кубы» [1].

Я. Г. Машбиц

Кубинская революция и поиски американским журналом «рецепта» против революций

«Current History».
1960, March, p. 129—169.

Печать США уделяет в последнее время чрезвычайно большое внимание положению в Латинской Америке и особенно на Кубе. Мартовский номер издаваемого в Филадельфии ежемесячного журнала «Current History» целиком посвящен проблемам латиноамериканского революционного движения на современном этапе. В номере опубликован ряд статей, объединенных общим заголовком «Революция в Латинской Америке».

Наибольший интерес представляет статья известного американского буржуазного журналиста, редактора журнала «Newsweek» по проблемам Западного полушария Гарри Б. Марклэнда «Куба. Развитие революции». В этой статье автор рассматривает кубинскую революцию как явление, характерное для нынешнего этапа революционного движения в Латинской Америке. Марклэнд указывает, что кубинская революция, возможно, знаменует начало целого цикла революций нового типа в латиноамериканских странах.

В прошлом, по его словам, смена власти происходила в этих странах обычно в результате военного переворота и сопровождалась установлением диктатуры, которая через некоторое время, лишившись военной опоры, уступала место другому аналогичному режиму. Причину этого автор видит главным образом в том, что политикой в Латинской Америке занимались военщина и высшие классы общества; большинство же населения фактически не принимало участия в политической жизни. При таких условиях революции в прошлом носили в общем «чисто политический» характер. Теперь же «политическая революция, видимо, уступает место социальной».

Первой социальной революцией в Латинской Америке Марклэнд считает мексиканскую революцию 1910 года. Но она не оказала, по его словам, непосредственного влияния на положение в других странах. Первым прототипом современной революции в Латинской Америке был, считает автор, захват власти Пероном в Аргентине (1945 г.). Для достижения своих целей Перон использовал народные массы, которые осознали свою силу и стали играть видную роль в жизни страны. Свержение народом диктатуры Рохаса Пинильи в Колумбии и диктатуры Переса Хименеса в Венесуэле свидетельствовало о том, что правящее меньшинство не могло уже больше вести свою политическую игру, совершенно не считаясь с массами. Но в Колумбии и Венесуэле восторжествовала, с точки зрения Марклэнда, политическая демократия, а не идея социальной реформы. Боливийская революция 1952 г. обладала, по его мнению, многими признаками подлинной социальной революции, но она не была доведена до конца и ее перспективы все еще неопределенны.

Первой после 1910 г. социальной революцией, считает автор, явилась кубинская революция во главе с Фиделем Кастро, целью которого является преобразование социального строя Кубы. Автор вынужден признать, что вопрос о проведении на Кубе социальных преобразований назрел, так как полная зависимость страны от монокультуры сахара придала ее экономике уродливый характер и поставила в тяжелое положение крестьянство. Но, соглашаясь с необходимостью проведения на Кубе аграрной реформы, развития промышленности и многоотраслевого сельского хозяйства, он пишет, что эти задачи должны быть осуществлены в течение

[1] «Правда», 8 сентября 1960 года.

длительного срока, и обвиняет Ф. Кастро в «нетерпеливости». Марклэнд оправдывает сопротивление врагов кубинского народа прогрессивным преобразованиям, проводимым революционным правительством Кубы, тем, что эти преобразования не являются якобы «ни разумными, ни постепенными». Он выражает свое возмущение национализацией собственности латифундистов и иностранных компаний, созданием кооперативных хозяйств, самостоятельной позицией Кубы по отношению к США. Следует, однако, отметить, что автор не поддерживает усиленно распространяемого официальной американской пропагандой тезиса о якобы «коммунистическом» характере кубинского правительства. Заявляя, что вряд ли коммунисты придут к власти на Кубе, он цинично замечает, что если бы это произошло, то США «немедленно раздавили бы их, как они это сделали в Гватемале».

Отмечая наличие на Кубе сильных антиамериканских настроений, автор вынужден признать, что они объясняются вескими историческими причинами: американской оккупацией Кубы в 1899—1902 гг., так называемой «поправкой Платта» 1901 г., узаконивавшей вмешательство США во внутренние дела Кубы, активной поддержкой кровавой диктатуры Батисты Соединенными Штатами и т. д.

В заключение статьи автор указывает, что можно не сомневаться в том, что за кубинской революцией последуют другие революции аналогичного характера в Латинской Америке. Они будут, по его мнению, отличаться рядом особенностей. Во-первых, это будут не столько политические, сколько социальные революции, связанные со стремлением пробудившихся масс к лучшей жизни. Во-вторых, это будут «националистические революции такого же типа, как происходящие в Африке и Азии». В-третьих, они будут иметь антиамериканскую окраску. В-четвертых, в этих революциях активную роль будут играть коммунисты.

«Какую же позицию займут США по отношению к этим революциям нового типа?» — спрашивает Марклэнд. Отвечая на этот вопрос, он заявляет, что если вашингтонское правительство хочет «сохранить мир и единство в Западном полушарии», оно должно найти способ поощрения социальных реформ при помощи финансовых и других средств, а также наладить сосуществование с «периодически вспыхивающим национализмом» в Латинской Америке. Таким путем можно, по его словам, нейтрализовать влияние коммунистов и успешно избежать «опрометчивых импровизаций какого-нибудь Кастро». В этом автор усматривает одну из главных задач, стоящих перед государственными деятелями США в ближайшее десятилетие.

М. С. Альперович

Апология буржуазного «государства благоденствия»

«Historisk tidsskrift».
Oslo. 1960, № 1, s. 321—337.

Проблемы развития Норвегии в годы первой мировой войны до сих пор не получили достаточно полного освещения в работах норвежских историков. Опубликованная в журнале статья Томаса К. Вюллера «Расширение власти государства в Норвегии во время первой мировой войны» касается, как справедливо отмечает автор, круга центральных исторических и политических проблем Норвегии. Однако попытка решить эти проблемы с позиции сторонника теории «государства благоденствия», весьма распространенной в буржуазно-реформистской литературе, увела Т. Вюллера в сторону от объективного и добросовестного анализа исторических событий. Суть его рассуждений сводится к тому, чтобы доказать необходимость и полезность «регулирующей» деятельности капиталистического государства в современной Норвегии, найти его «исторические корни».

Автор рассматривает расширение власти государства как подчинение сфере его влияния новых сторон общественной жизни. В первую очередь он обращает внимание на деятельность государства в области экономики, рабочего и социального законодательства. При этом он берет «реальное содержание государственной власти без учета применявшихся форм». Этот, мягко выражаясь, ненаучный прием избавляет Т. Вюллера от необходимости всестороннего анализа условий появления каждого закона и его значения для общества.

Автор считает, что во время войны отношение государства к экономике в корне изменилось. В условиях торговой войны и

блокады государство вынуждено было взять на себя регулирование внешней торговли, которая имеет большое значение для народного хозяйства Норвегии. Ввиду тесной связи системы внешней торговли со всей экономикой страны государству пришлось распространить на нее свою планово-регулирующую власть, которая, как подчеркивается в статье, не ликвидировала «свободной конкуренции» и «свободы экономики». В августе 1914 г. был запрещен вывоз некоторых дефицитных товаров, на ряд товаров были установлены максимальные цены, было запрещено использование зерна и картофеля для производства пива и вина. Эти ограничения в дальнейшем дополнялись и расширялись.

В течение 1917 г. были изданы два закона, предоставившие королю право вводить государственную монополию на импорт, запрещать производство определенных товаров, конфисковывать товарные склады, суда, движимое и недвижимое имущество и т. д. В стране возник государственный капитализм: государство стало владельцем предприятий и судов. Т. Вюллер ни слова не говорит о том, в чьих интересах проводились нововведения, расширявшие влияние государства на экономическую жизнь страны. Лишь в конце статьи он глухо упоминает о том, что мероприятия правительства не только не мешали, но даже помогали промышленной и торговой буржуазии зарабатывать «большие деньги». Можно добавить, что, например, доходы судовладельцев возросли во время войны в 10 раз. В то же время буржуазия пыталась обмануть трудящихся, идя на некоторые куцые уступки в области социального законодательства, значение которых, разумеется, чрезвычайно преувеличено в статье.

Политика правящей партии привела к ослаблению ее влияния на рабочий класс. В статье указывается, что «рабочее движение стало отходить от партии венстре». Однако автор скрывает острую борьбу, которую вел за свои права рабочий класс. Реформистское руководство Норвежской рабочей партии заключило классовый мир с буржуазией и помогало ей наживаться на войне, стараясь в то же время не упускать случая для демагогических обличений алчности буржуазии с трибуны стортинга. Жаркие дискуссии разгорались в стортинге при решении вопроса о максимальных ценах, которые оказались просто разорительными для трудящихся, при обсуждении мероприятий в области жилищной политики и многих других.

В статье указывается, что в результате законодательной деятельности резко увеличился государственный аппарат, число различных комитетов, управлений и комиссий достигло 92. Необходимо добавить, что в их состав входили в основном крупные промышленники, помещики, буржуазные политические деятели.

Т. Вюллер много внимания уделил рассмотрению так называемых «отраслевых» внешнеторговых соглашений, которые заключались не государством, а отдельными группами капиталистов, например союзом судовладельцев. Подчинение государства монополиям автор считает наиболее интересной чертой норвежской экономики военных лет. Впрочем, здесь даже Т. Вюллер ставит под сомнение всевластие государства, заявляя, что не знает, кто имел больше власти: государство или группы капиталистов. Однако он добавляет, что расширение государственной власти над «экономическими организациями» зачастую носило чисто формальный характер.

Перейдя к рассмотрению деятельности буржуазного норвежского государства в области рабочего законодательства, автор восхваляет принятый в 1915 г. стортингом закон о решении трудовых конфликтов, который чрезвычайно ограничил право рабочих на забастовки. Издевательски звучит замечание Т. Вюллера о том, что ограничение прав рабочих организаций означает вместе с тем, что государство признало эти организации. В статье отмечается, что в ответ на принятый в 1916 г. закон о принудительном арбитраже рабочие провели массовые забастовки, но добиться отмены закона им удалось только в начале 20-х годов.

Среди мероприятий, проведенных в области социального обеспечения, в статье рассматриваются: жилищное законодательство, регулирование продажи спиртных напитков, законы о положении внебрачных детей, регулирование труда детей и подростков. Мероприятия по страхованию и пенсионному обслуживанию осуществлял созданный в 1907 г. специальный комитет. В 1914 г. был образован комитет по вопросам занятости.

Бесполезно искать в статье упоминаний о влиянии Великой Октябрьской социали-

стической революции на развитие революционного движения в Норвегии. Тогда, в результате нового мощного подъема рабочего движения, трудящимся удалось вырвать у буржуазии более крупные уступки. Так, в 1919 г. был введен 8-часовой рабочий день, борьбу за который начали норвежские Советы в 1918 году.

Т. Вюллер считает, что хотя мероприятия военного времени в исходном пункте были связаны с национальным кризисом, они оказали большое влияние на политику государства и многие из них имели большое значение и в послевоенные годы. После войны, пишет автор, многие промышленники пошли на сотрудничество с государством. Они убедились, что государство во время кризиса представляет для них опору, а после первой мировой войны кризис в той или иной форме существует постоянно. Последнее замечание Т. Вюллера помимо его воли хорошо объясняет читателю, каким целям служит вымышленное «государство благоденствия».

Г. Н. Пирогов

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Авдиев В. И. Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет. М. 1958. 103 стр. Рец. Klima J. — «Archiv orient». Praha. 1960. № 2, ss. 338—339.

Астахов В. Н. Курс лекций по русской историографии. Ч. 1. Харьков. 1959. 285 стр. Рец. J. Mk. — «Československý časopis hist.». Praha. 1960. roč. 8, č. 2. s. 234.

«Вторая мировая война 1939—1945». М. 1958. 930 стр. Рец. J. C.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, roč. 8, č. 2, s. 253.

Греков Б. Д. Киевская Русь. Пер. на англ. яз.: Moscow. F.L.P.H. (Foreign languages publ. house). 1959. 685 p. Рец. 1) Sawyer E.— «Anglo-soviet journ.». London. 1960, vol. 21, № 2, pp. 39—40; 2) Schneidman J. L.—«Amer. hist. review». New York. 1960, vol. 65, № 4, pp. 976—977.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. Пер. на нем. яз.: Berlin. Akad.-Verl. 1958. 539 S. Рец. Lütge F.— «Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft». Berlin. 1960, Hf. 2, SS. 87—88.

«Ежегодник Музея истории религии и атеизма». Сб. 2. М. 1958. 396 стр., илл. Рец.— «Freethinker». London. 1960, Aug. 26, vol. 80, № 35, pp. 279—280.

Зубок Л. И. Очерки истории США. 1877—1918. М. 1956. 590 стр. Рец. Byrnes R. F.— «Amer. hist. review». New York. 1960, vol. 65, № 4. pp. 929—930.

«Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». Сб. ст. под ред. С. А. Токарева и В. Н. Чернецова. М. 1959. 265 стр. Рец. Márkus M. Tanulmányok a korai vallásos hiedelmek kérdéséiröl. «Magyar filozófiai szemle». Budapest. 1960, № 1, 135—139. old.

Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. 402 стр. Рец. Alsina J.— «Minos». Salamanca. 1960, vol. 6 (1958), № 2, pp. 180—183.

«Новейшая история стран Западной Европы и Америки». Т. 1. (1918—1939). М. 1959. 808 стр. Рец. Ruge W.— «Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1960. № 5, SS. 1194—1198.

Орлова А. С. Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта. М. 1958. 100 стр. Рец. M. H.— «Africa». London. 1960, vol. 30, № 3, pp. 282—283.

«Очерки истории СССР». Период феодализма. Ч. 1. IX—XIII вв. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1957. 1076 S. Рец. Rubin B.— «Hist. Zeitschr.». München. 1960, Bd. 190, Hf. 2, SS. 406—412.

«Петербург — Ленинград». Историко-географический атлас. Ч. 1. М. 1957. XIV, 54 стр. Рец. Pok O.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960. roč. 8, č 2, s. 277.

Потехин И. И. Гана сегодня. М. 1959. 158 стр. Рец.— «Africa». London. 1960, vol. 30, № 3, pp. 281—282.

Разин Е. А. История военного искусства. Т. 1. Пер. на венгер. яз.: Budapest. Zrínyi kiadó. 1959. 595. old. Рец. Dér L.— «Hadtörténelmi közlemények». Budapest 1960, № 1, 235—244. old.

Субботин В. А. Колониальная политика Франции в Западной Африке (1880—1900). М. 1959. 102 стр. Рец. K. D.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, roč. 8, č. 2, s. 256.

Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революций. Ч. 1—2. Пер. на итал. яз.: Roma. Ed. riuniti. 1960. 2 vol. Рец. Un alta traduzione di Tarlé. «Rassegna sovietica». Roma. 1960, № 4, p. 110.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М. 1957. 317 стр. Рец. Johansen P.—«Hansische Geschichtsblätter». Köln. 1959, Jg. 77, SS. 217—218.

---

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение сентября 1960 года.

Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX и начала XX в. М.-Л. 1957. 163 стр. Рец. Hegyi J.— «Acta etnographica». Budapest. 1959, t. 8, № 3—4, 369—370. old.

«Труды Новгородской археологической экспедиции». Т. 2. М. 1959. 364 стр. Рец. 1) — «Archeologické rozhledy». Praha. 1960, № 1, ss. 122—123. 2) Widera B.— «Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Jg. 8, № 5, SS. 1207—1215.

Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М. 1958. 395 стр. Рец. K. D.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, roč. 8, č. 2, s. 248.

Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М. 1958. 416 стр. Рец. Śliwowska W.— «Przegląd hist.». Warszawa. 1959, t. 50, zesz. 4, ss. 884—888.

Шумовский Т. А. Три неизвестные (стихотворные) лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.-Л. 1957. 195 стр. Рец. Veselý P.— «Archiv orient.». Praha. 1960, № 1, ss. 164—165.

Яблочков Л. Д. Коренное население Британской Центральной Африки. М. 1958. 162 стр. Рец. M. H.— «Africa». London. 1960, vol. 30, № 3, pp. 282—283.

Хроника научной жизни

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АРХИВИСТОВ В СТОКГОЛЬМЕ

17—20 августа 1960 г. в Стокгольме состоялся IV Международный конгресс архивистов [1]. На конгресс прибыли представители архивных учреждений 37 стран [2], проявивших большой интерес к проблемам развития архивного дела. Впервые в работе Международного совета архивов (МСА) приняли участие архивисты Болгарской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики и Китайской Народной Республики.

К конгрессу были дополнительно приурочены заседания двух созданных еще ранее по инициативе исполнительного комитета МСА комиссий: по сфрагистике и подготовке справочника о документальных материалах по истории стран Латинской Америки. Результатом деятельности комиссии по сфрагистике явились предложенные всем членам МСА рекомендации по улучшению хранения печатей, обмену муляжами печатей между странами, созданию единого международного каталога публикаций по сфрагистике и повсеместной организации выставок печатей.

Комиссия по подготовке справочника о документальных материалах по истории стран Латинской Америки заслушала сообщения представителей национальных комитетов, проводящих в своих странах работу по сбору материалов для путеводителя. Наибольшее внимание привлекли сообщения представителей Португалии, Испании, Италии и Голландии, так как архивы этих стран богаты соответствующими материалами.

На Генеральной ассамблее, предшествовавшей официальному открытию конгресса, члены исполкома МСА выступили с отчетами по организационным вопросам, связанным с деятельностью Международного совета архивов. Французский архивист Р. Ботье рассказал, в частности, о деятельности журнала «Archivum». С целью расширения связей журнала с архивами различных стран редакция обратилась к архивистам с просьбой выделить у себя на

[1] До этого имели место три Международных конгресса архивистов: в 1950 г. — в Париже, в 1953 г.— в Гааге, в 1956 г.— во Флоренции.

[2] Австрии, Бельгии, Болгарской Народной Республики, Бразилии, Великобритании, Венгерской Народной Республики, Ватикана, Венесуэлы, Германской Демократической Республики, Голландии, Греции, Дании, Израиля, Индии, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Китайской Народной Республики, Люксембурга, Мальгашской Республики, Мексики, Нигерии, Норвегии, Объединенной Арабской Республики, Польской Народной Республики, Перу, Португалии, Румынской Народной Республики, СССР, США, Турции, Федеративной Республики Германии, Финляндии, Франции, Чехословацкой Социалистической Республики, Федеративной Народной Республики Югославии.

родине специальных корреспондентов «Archivum».

На Генеральной ассамблее обсуждался вопрос об изменении статьи 15-й Устава МСА о количестве членов Исполкома МСА. По новому положению состав Исполкома увеличивается на два члена. В настоящее время туда входят два представителя от стран социалистического лагеря — начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. А. Белов и директор государственных архивов Польской Народной Республики Г. Альтман[3]. На том же заседании ассамблеи в члены МСА были приняты архивисты КНР.

После торжественного открытия конгресса состоялись три рабочих заседания. Участники конгресса имели возможность заранее ознакомиться с текстами докладов.

В докладе Э. Сабба «Государственные архивы и их организация» отмечалось, что организация архивного дела сводится к двум основным типам: централизованному и децентрализованному. Централизация архивного дела, по его мнению, существует в ряде стран, где имеются органы, специально ведающие архивным делом (Австралия, Бельгия, ГДР, Дания, Швеция, Финляндия, Франция, Греция, Венгрия, Нидерланды, Польша и др.). Все районные или департаментские архивы подчиняются центру. Главная дирекция (главный архивист) осуществляет общее административное и финансовое руководство всей системой архивов и координирует научную деятельность в центральных и местных архивах.

Децентрализованная система архивного дела характерна для федеральных государств (США, Швейцария и др.). Там архивные учреждения совершенно независимы друг от друга. Документация правительственных учреждений обычно сдается на хранение в центральное хранилище. Функции его директора сводятся к административному и научному руководству деятельностью лишь своего архива.

Докладчик рассмотрел вопросы о кадрах архивистов и архивном законодательстве и микрофильмировании документов.

Несколько лет тому назад во многих странах был поднят вопрос о создании страхового фонда микрофильмов как мере по обеспечению сохранности документов. Работа в этом направлении уже проводится в ряде стран. Использование микрофильмов позволяет изъять из употребления наиболее ценные документы, пополнить архивные фонды материалами, хранящимися в частных коллекциях и иностранных архивах.

Доклад Э. Сабба вызвал живой интерес. Выступавшие в прениях ознакомили собравшихся с положением государственных архивов в их странах.

В докладе И. Паприца (ФРГ) «Новая техника, новое оборудование и опыт, приобретенный в области реставрации и обеспечения сохранности документов» было обращено внимание на методы реставрации документов, говорилось о микрофильмировании, а также о различных видах аппаратуры, применяемой при данных работах.

Доклад Р. Бамера (США) был посвящен вопросам оборудования современных архивохранилищ и проблемам обеспечения сохранности документальных материалов и микрофильмов.

Доклад Г. А. Белова ознакомил участников конгресса с теми успехами, которые достигнуты архивными учреждениями социалистических стран в деле реставрации, консервации и фотокопирования архивных материалов. Почти во всех странах социалистического лагеря при архивных учреждениях созданы микрофотолаборатории, оснащенные современной техникой. Ведется работа над разрешением новых методов реставрации документов. Советские архивисты уделяют много внимания методам обеспечения сохранности документальных материалов. В СССР осуществляется строительство новых архивохранилищ, оборудованных с учетом достижений современной техники. Все шире входит в практику фотографирование как средство размножения документальных материалов, обеспечения их сохранности, а также восстановления слабых текстов. Г. А. Белов подчеркнул, что разрешению многих вопросов архивного дела мог бы способствовать хорошо налаженный обмен информацией между архивными учреждениями различных стран. Важную роль в этом должен играть печатный орган МСА журнал «Archivum». Выступавшие на заседании единодушно поддержали представителя Советского Союза.

---

[3] В новый состав Исполкома МСА вошли также И. Андерсен (Швеция), У. Грубер (США), Э. Сабб (Бельгия), Г. Винтер (ФРГ), Д. Эвенс (Великобритания), К. Ламб (Канада), Л. Сандри (Италия), Э. М. Фернандо (Испания) и А. Шамсон (Франция).

Директор государственных архивов ПНР Г. Альтман заявил, что у архивистов появились сейчас широкие возможности наладить самый широкий обмен информацией на базе микрофильмирования. Генеральный директор архивов Франции А. Шамсон обратил внимание собравшихся на то, что архивисты большинства стран мира затрачивают колоссальные усилия на разработку методов и способов реставрации и консервации старых документов. Однако не следует забывать о сохранении документации действующих учреждений. Он внес предложение просить МСА направить правительствам всех стран обращение, призывающее уделять самое пристальное внимание вопросам сохранения современной документации.

Проблемы оснащения современной техникой архивных учреждений, как это было видно из прений, волнуют архивистов всех стран. Встает вопрос о применении техники во всех областях архивной деятельности.

Третье заседание конгресса архивистов было посвящено обсуждению доклада Маркана (Франция) «Архивы и современные экономические и социальные исследования». Докладчик подчеркнул, что лишь в некоторых странах социалистического лагеря существуют архивы, в обязанность которых входит обеспечение сохранности материалов экономического характера, поступающих от различных организаций страны, а также контроль за сохранностью этих документов на самих предприятиях. В капиталистических же странах документы большинства частных предприятий не поступают на хранение в государственные архивы. Поэтому там основная масса экономических документов находится вне поля зрения архивистов и постоянно подвергается опасности быть потерянной.

В ряде стран (например, в ФРГ, Швейцарии, Дании, США) созданы так называемые центры по сбору экономической документации. Они собирают как документальные материалы различных предприятий, так и печатную документацию данного профиля (брошюры, журналы, газетные вырезки). Но ни эти центры, ни университетские библиотеки не могут обеспечить сохранность всей массы материалов. В настоящее время многие владельцы крупных предприятий, как указывает Маркан, поняли значение архивов и начали создавать их у себя на вполне научной основе. Однако деятельность этих частных архивов, даже самых образцовых, осуществляется без контроля со стороны государственных учреждений. В некоторых капиталистических странах существуют коммерческие организации, занимающиеся вопросами обеспечения сохранности архивных материалов экономических предприятий. Однако их деятельность не преследует научно-исследовательских целей.

Вследствие непрерывного роста количества документальных материалов по экономике возникает вопрос о методах их отбора для постоянного хранения с последующей систематизацией и составлением описей. Однородность подобных документов позволяет производить отбор по математическому методу, который привлекает своей простотой и целесообразностью. Однако этот метод имеет ряд недостатков. Например, при отборе на основе процентного отношения нельзя учесть всего многообразия документов, и поэтому случай играет здесь доминирующую роль. Более эффективным является селективный отбор, который может быть произведен лишь квалифицированным персоналом.

Владельцы многих частных предприятий в капиталистических странах, отметил докладчик, не желая раскрывать свои коммерческие тайны, ставят на пути историков всевозможные препятствия и не допускают в свои архивы исследователей.

Докладчик затронул и проблемы использования современной техники в архивном деле. В первую очередь, по его мнению, должны быть решены задачи использования механографической и электронной аппаратуры. Механографические машины уже нашли широкое применение на предприятиях, что дает возможность в кратчайшие сроки получать нужную информацию, кодированную на перфорированных карточках. Электронные машины открывают большие перспективы в области механического поиска информации, но их использование сопряжено с применением квалифицированной силы и дорогостоящего оборудования, что является пока препятствием на пути оснащения архивов и исторических институтов подобной техникой.

Выступивший в прениях Г. Альтман с возмущением отметил, что Маркан допустил политические выпады в тех частях доклада, где речь шла о проведении экономических и социальных исследований в архи-

вах стран социалистического лагеря. Он обратил внимание на то, что Маркан называет профсоюзные организации в странах социалистического лагеря «почти государственными учреждениями». Это — явное искажение действительности. Недопустимым является и то, что Маркан, говоря о государствах социалистического лагеря, употребил выражение «по ту сторону железного занавеса». Подобные нетерпимые факты, сказал Г. Альтман, не могут способствовать сближению архивистов всех стран.

Представитель Советского Союза Г. А. Белов решительно поддержал Г. Альтмана в вопросе о недружелюбных замечаниях в адрес социалистических стран. Затем Г. А. Белов рассказал об условиях проведения экономических и социальных исследований в СССР. Он отметил, что основным фактором, облегчающим проведение этих исследований, является поступление документальных материалов всех предприятий и учреждений, профсоюзных и других общественных организаций на хранение в государственные архивы. Такая концентрация материалов дает возможность исследователям использовать их наиболее плодотворно.

Работе конгресса подвел итоги председательствовавший на третьем рабочем заседании А. Шамсон.

В заключение хочется отметить, что участникам конгресса была предоставлена возможность ознакомиться с организацией архивного дела в Швеции и осмотреть выставку документов Шведского государственного архива.

И. Н. Минаева

Хроникальные заметки

◆ В связи с 43-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции в Музее В. И. Ленина в Варшаве подготовлена новая экспозиция, охватывающая все издания сочинений великого вождя мирового пролетариата. Коллекцию открывает одна из первых статей В. И. Ленина, «О штрафах», увидевшая свет в 1896 году. Первая часть экспозиции включает все работы В. И. Ленина, изданные до 1924 года. Вторая часть этой интересной выставки состоит из изданий, вышедших в 1924—1941 годах. Среди них нелегальные польские издания ленинских работ, а также сочинения В. И. Ленина, выпущенные на польском языке в БССР, УССР, во Франции и Германии. Третья часть выставки охватывает издания ленинских произведений на западноевропейских языках. Многие экспонаты для выставки получены из библиотек Советского Союза и других стран.

◆ В Щецине (ПНР) состоялась конференция, посвященная Западному Поморью, организованная Польским этнографическим обществом. В конференции приняли участие зарубежные ученые. Конференция подытожила научные достижения в области изучения проблем этого района, который после второй мировой войны был возвращен Польше. История Западного Поморья извращалась реакционной немецкой историографией, на «труды» которой опираются современные западногерманские реваншисты.

С особым интересом был прослушан доклад проф. Яна Чекановского, который на основе результатов послевоенных археологических, лингвистических и антропологических исследований выдвинул гипотезу, что до создания государства великопольских Пястов все западные славянские земли находились в зависимости от поморских лехицких славян, которые позднее покорились Пястам.

◆ Осенью сего года Варшавский университет организовал курсы для зарубежных славистов, ставшие уже традиционными. В Варшаву приехали 70 ученых из 19 стран, в том числе 25—из Советского Союза, 8—из Франции, 8 — из ГДР. Лекции читали выдающиеся польские слависты: историки, филологи, лингвисты, литературные критики.

◆ В августе сего года в Синайе (курорт в долине Праховы, РНР) были проведены курсы румынского языка и литературы, истории и искусства румынского народа, организованные Бухарестским университетом имени К. И. Пархона для зарубежных ученых. На курсы съехались гости из 16 стран. Они ознакомились с важнейшими достижениями румынских ученых в области исследования истории, языка и литературы Румынии.

◆ В октябре 1960 г. СССР посетил французский ученый, профессор Сорбонны, специалист по русской истории Роже Порталь. Автор труда по развитию промышленности Урала в XVIII в., Порталь готовит сейчас работу о формировании класса русской буржуазии во второй половине XIX века. В Институте истории АН СССР гость выступил с докладом о современном состоянии исторической науки и системы высшего исторического образования во Франции.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

РАСШИРИТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ БАЗУ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО НОВОЙ ИСТОРИИ

Для решения задач, стоящих перед советской исторической наукой, принципиальное значение имеет расширение документальной базы исторических исследований. Опубликованные в последние годы работы по истории КПСС и СССР радуют обилием привлеченного авторами архивного материала, впервые вводимого в научный оборот. Специалисты же по истории зарубежных стран явно отстают в этом отношении. Отрадное исключение составляют историки-международники, которые, как правило, широко используют документы Архива внешней политики России и других архивов. При исследовании внутренней истории зарубежных стран мы крайне медленно расширяем круг источников, нередко проходя мимо ценных материалов, хранящихся в советских архивах.

Эти источники, разумеется, ни в какой мере не могут заменить материалов, которыми располагают архивы изучаемой страны. Тем не менее настойчивые розыски новых материалов в наших архивах могли бы обогатить работы по всеобщей истории дополнительными фактическими данными и основательно аргументированными обобщениями. Более того, в советских архивах имеется немало таких документов, которые во многом корректируют зарубежные публикации, а также, возможно, и фонды иностранных архивов. Дипломаты России, работники консульской службы, агенты министерства финансов и министерства торговли и промышленности, военные и морские агенты, корреспонденты русских газет и журналов, наконец, просто лица, проживавшие за границей, были тесно связаны с государственными и партийными деятелями соответствующих стран, промышленными и финансовыми кругами, редакциями газет, деятелями культуры и т. д. Благодаря этому они располагали сведениями, далеко выходящими за пределы газетной информации. Официальные донесения представителей России за границей, сосредоточенные в АВПР, ЦГИАЛ, ЦГВИА, ЦГАВМФ, содержат ценные материалы, которые необходимо широко использовать при изучении внутренней истории зарубежных стран.

Например, для исследования истории Англии в конце XIX — начале XX в. немалое значение имеют донесения русских послов в Лондоне, особенно А. К. Бенкендорфа. Его донесения составляют своеобразную летопись политической истории Англии, причем наряду с фактами, заимствованными из прессы и поэтому лишенными самостоятельной ценности, Бенкендорф сообщает также сведения, полученные им во время бесед с министрами, королем, ответственными чиновниками МИД, видными журналистами и представителями лондонского высшего света. Борьба буржуазных политических партий и группировок, трения в кабинетах, закулисные маневры государственных деятелей, ход избирательных кампаний — все это в большей или меньшей степени освещается в донесениях Бенкендорфа и помогает проникнуть в те тайники английской политической жизни, которые почти невозможно изучить на основании печатных источников.

По экономической истории Англии очень важные материалы сосредоточены в консульских донесениях, где имеются подробные данные об английской торговле, промышленности, конкурентной борьбе с Германией и США. Иногда здесь встречаются и описания стачек, хотя они редко выходят за пределы газетной информации. Не менее ценные материалы по экономике Англии и в особенности по состоянию финансов и бюджетным вопросам можно найти в донесениях агентов министерства финансов и министерства торговли и промышленности. Дворянский историк С. С. Татищев, занимавший пост представителя этих министерств в Лондоне в 90-х и в начале 900-х го-

дов, а также сменивший его М. В. Рутковский были тесно связаны с кругами лондонского Сити и осведомлены из первых рук о многих сторонах финансовой жизни Англии. Более подробно освещают они и вопросы рабочего движения. Недооценка этих фондов, хорошо известных историкам, тормозит работу по разысканию других материалов, разбросанных по различным фондам названных архивов. Между тем материалы по истории Англии можно найти и в фонде Совета министров (ЦГИАЛ) и в некоторых личных фондах, хранящихся в ЦГИАМ (личный фонд А. К. Бенкендорфа, письма С. С. Татищева в личном фонде С. Ю. Витте), и во многих других архивах и фондах.

О наличии широких возможностей дальнейшего разыскания и привлечения новых источников можно судить, например, по обилию неопубликованных писем и статей корреспондентов газет и журналов, издававшихся в России. Эти лица постоянно проживали в Лондоне и имели весьма основательные источники информации. Корреспондент «Нового времени» Г. С. Веселитский, известные либерально-буржуазные публицисты Дионео и Рапопорт в своих частных письмах сообщали немало сведений, которые по тем или иным соображениям (чаще всего цензурного характера) не попадали на страницы представляемых ими органов. Их переписка хранится в архиве Пушкинского Дома и в других собраниях.

Аналогичные и иные материалы, несомненно, имеются в архивах и по истории других стран и периодов. К сожалению, недостаточное внимание к документам по истории зарубежных стран, хранящимся в наших архивах, привело к крайней распыленности этих источников и отсутствию сколько-нибудь удовлетворительного их описания. Историкам-исследователям и архивным работникам необходимо проделать большую работу по выявлению и описанию этих документов. Думается, что эту задачу можно решить только в том случае, если работа будет вестись широким фронтом и координироваться каким-либо авторитетным органом — специальной комиссией при Главном архивном управлении или при Институте истории АН СССР или межвузовской комиссией историков.

К этой работе необходимо привлечь прежде всего научную молодежь, которая могла бы, выполняя это задание, одновременно приобрести навыки работы с архивными материалами. Было бы целесообразно, с нашей точки зрения, рекомендовать специальные темы по источниковедению аспирантам и студентам-дипломантам. Наряду с описанием документов такие работы могли бы содержать и анализ этих источников, результаты их сопоставления с ранее опубликованными документами и т. д. Быть может, эта предварительная работа создаст предпосылки для издания впоследствии специальных документальных сборников, которые могли бы оказаться весьма полезными для историков.

Но главное заключается в том, что привлечение внимания нашей научной общественности к разысканию нужных материалов в советских архивах и использованию их в работах по новой истории приведет к дальнейшему повышению уровня исследовательской деятельности советских историков.

Л. Е. Кертман

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

The Eleventh International Congress of Historical Sciences in Stockholm

The article is devoted to the results of the Eleventh International Congress of Historical Sciences, held in Stockholm on August 21-28, 1960.

The world congresses of historians, which are convened every five years, enable the researchers in every country to get a closer view of the situation in historical science, to strengthen already existing and establish new scientific contacts between historians of different nations. The article makes a detailed analysis of the work done at the Congress by all its panels and some of the committees. The Congress reflects the indisputable fact that historical science has become the scene of an acute ideological struggle. The heated discussions in all the panels and committees of the Congress graphically illustrated the existence of two diametrically opposite conceptions of the historical process.

On the one hand, Marxist historians from the socialist and capitalist countries adhere to the theory and methods of Marxism-Leninism—a really scientific theory which enables every scientist to give a correct explanation of the historical process. On the other, there were many bourgeois scientists at the Congress who, speaking in the most general form, shared the idealist view of history.

The differences between representatives of these two trends were manifested with particular clarity when the problems of the periodization of world history and the philosophical principles of historical science came up for discussion in the methodological panel.

Relying on the achievements of Marxist-Leninist historiography, Marxist historians convincingly proved the possibility of a scientific study of historical past and of cognizing the objective laws of history. On all the major problems of historical science discussed at the Congress—periodization of world history, the philosophical principles of historical science, the role of slavery in ancient times, the national problem in Europe, the history of the Social-Democratic parties, etc.—the representatives of Marxist-Leninist historiography were on the offensive.

Bourgeois scientists at the Congress denied the possibility of objective cognition of the laws of historical development and the need for scientific periodization of world history. However, they were unable to put forward any new positive ideas on these problems; all their arguments were based on the same outworn or slightly refurbished idealist conceptions.

The article points out that pessimism and negation of the possibility of scientific cognition of history were characteristic of the statements made at the Congress by reactionary bourgeois scientists.

At the same time the Congress showed the growing influence exerted by Marxism-Leninism on bourgeois historians. A clear manifestation of this is the fact that bourgeois scientists are compelled to resort to Marxist-Leninist terminology and admit the successes of Marxist-Leninist historiography. It is noted in the article that these processes are indicative of the deep-going changes that are taking place in the present-day world as a result of the growing influence and strength of the forces of democracy and socialism.

The article further points out that many of the Congress reports and communications, as well as numerous statements made in the general debate, contain extensive research material and serve as a stimulus for the continued development of concrete historical knowledge. The Congress proceedings helped to bring out certain deficiencies in scientific activity and outline the basic trend of research work for the coming years. In this respect the Congress represents an important step in the development of historical science.

In conclusion the article says that the International Congress of Historical Sciences in Stockholm demonstrated the growing successes of Communist ideology and was another confirmation of the significant progress made by Marxist-Leninist historical science in the Soviet Union and beyond its borders.

I. S. KON. Bourgeois Philosophy of History in a Blind Alley

The article points out that in recent years bourgeois scientists have been displaying more and more interest in the theoretical problems of historical science. This was clearly reflected in the work of the Eleventh International Congress of Historical Sciences, whose methodological panel submitted several theoretical reports, notably a report by the Bonn

sociologist E. Rothacker on the influence exerted by the philosophy of history on contemporary historical sciences.

The author writes that this interest in the problems of philosophy and methodology of history is not fortuitous. The great social developments of our times undermined the primitive descriptive objectivism which was very widespread in the bourgeois historiography of the period of the "peaceful" development of capitalism. In the present situation of the tense ideological struggle the role of historiography, both as a means of explaining the past and influencing the present, is sharply increasing. Contemporary developments can be understood only if regarded from the viewpoint of history; at the same time, to understand the past one must have a good knowledge of the present. An ever-increasing number of bourgeois historians who are no longer satisfied with the narrow bounds of traditional "academic" historiography are striving to make generalizations based on the study of historical facts. The problems of history, both in its ontological and, in particular, gnosiological aspect, occupy a central place in the works of philosophers belonging to most diverse trends. The widening range of problems and more complicated methods of historical research compel bourgeois scientists to turn their attention to a number of complex problems—the criteria of historical truth, logical structure of historical interpretation, the correlation between history and other social sciences, etc.—which cannot be solved without philosophy. The contemptuous attitude to philosophical problems, on which many distinguished 19th-century historians prided themselves and which was always opposed by Marxists, is now regarded as erroneous by bourgeois historiography itself.

However, this revision of bourgeois historians' outdated theoretical concepts, the author points out, is often made from reactionary positions. The Western bourgeois historians' theoretical thinking is even more under the influence of reactionary political ideas and outworn philosophical idealism than their practical research work. The reactionary authors resort to diverse methods in their struggle against the materialist interpretation of history and in their efforts to undermine scientific knowledge as such. They advocate agnosticism and lack of faith in the possibilities of history as a science. In his brief review of the philosophical conceptions expounded by many prominent bourgeois historians of the West, I. S. Kon shows that they are infected with relativism, the extreme form of which—American presentism—totally negates the possibility of objective historical knowledge and regards historical science as a mere projection into the past of present-day aspirations and illusions. The author notes that another section of bourgeois scientists, following in the footsteps of H. Rickert, limit the aims of historical science to a description of "major" and "unique" events. Denying the existence of objective laws in the historical process, they are unable to find a reliable criterion for the selection and systematization of facts, and in the final analysis are compelled to abandon genuine scientific principles. Moreover, some of them openly appeal to intuitionism, declaring that "history is inseparable from the historian" (H. T. Marrou). This playing down of the role of scientific historiography opens a wide road to irrationalism and mysticism. The author of the article writes that the view regarding history as an "act of faith" is now propagated not only by Catholic (J. Maritain, A. Dempf) and Protestant (R. Niebuhr) philosophers but also by some prominent professional historians (for instance, H. Butterfield). It is quite obvious, remarks I. S. Kon, that far from explaining the theoretical problems of historical science, such concepts only tend to confuse them still more.

The article further says that in his report at the Stockholm Congress E. Rothacker evaded a critical analysis of existing systems of the philosophy of history, confining himstlf to the proof that the connection between history and philosophy is unavoidable because historical science, as the speaker put it, always has definite philosophical prerequisites. But the influence of the philosophy of history on historical science, emphasizes I. S. Kon, depends on the nature of the philosophic conception itself. This is clearly illustrated by the example of the philosophy of history of E. Rothacker himself, to the criticism of whose views I. S. Kon's article is largely devoted.

Continuing the traditions of German neo-idealistic historism, writes I. S. Kon, Rothacker sharply contrasts the humanities to the natural sciences in his works. Denying the objective laws governing the historical process, he reduces it to the history of man's consciousness and "self-consciousness" and, following in the wake of Dilthey, proclaims "comprehension" based on "co-experience" the chief method of historical cognition. As a result of this both the historical process and historical cognition become irrational in principle.

The author shows that Rothacker discards the allegedly obsolete concept of social progress and together with Christian existentialist K. Löwith tries to identify the Marxist teaching of communism with Christian eschatology. However, by ignoring as it does the generally known fact that communism has now become a guide to action for hundreds of millions of people, and glossing over the fundamental difference between Marxist and religious philosophies, this gross falsification only serves to expose the reactionary political physiognomy of Rothacker himself, who was known in the recent past as an active ideologist of German fascism.

I. S. Kon shows how negation of the laws and progress of social development leads Rothacker, in spite of his numerous reservations, to the relativist view of history. Rothacker believes that the raising of definite problems and one's attitude to them are deter-

mined solely by the historian's world outlook, while philosophical views themselves, in his opinion, are not and cannot be scientific since they are an expression of an irrational "vital sense." They rest, as it were, on "dogmatic prerequisites," in which people believe blindly without looking for logical proof. Thus, stresses I. S. Kon, according to Rothacker historical cognition as a whole and in particulars is something irrational. Eventually Rothacker came to share G. Ritter's opinion that the historian "gives shape to shapeless matter." One is entitled to ask, writes I. S. Kon, in what way is this point of view better than the presentist one, to which both Ritter and Rothacker raise objections?

The article stresses that the impasse into which E. Rothacker landed by advocating closer links between history and philosophy and simultaneously defending the philosophical positions which negate history as a science, is typical of the whole idealist philosophy of history which, far from solving the contradictions and difficulties of historical cognition, only tends to aggravate them. I. S. Kon further shows that in the past few years the more thoughtful Western historians, including even those far removed from Marxism, have come out more and more frequently against this kind of philosophy. This refers, first and foremost, to presentism. Whereas in the 1940's its influence in American bourgeois historiography was predominating, today the number of U.S. scientists who criticize it is far greater than the number of its defenders. The philosophico-historical irrationalism, of which E. Rothacker is one of the exponents, is likewise compelled to take up a defensive position. U.S. philosopher E. Nagel and many other bourgeois authors resolutely and quite justifiably reject the attempts to represent historical cognition as something mysterious and intuitive. H. T. Marrou's irrationalist conception was subjected to a detailed critical analysis by the late Georges Lefebvre. Highly significant, too, was the cold reception given to Rothacker's report at the Stockholm Congress.

I. S. Kon writes about the steadily growing disappointment among Western bourgeois philosophers at the senseless factography to which they are doomed by neo-Kantian ideography. History cannot develop without the closest connection with other social sciences and without broad theoretical generalizations—this opinion is shared by F. Braudel, the French historian who heads the "Annals" school, American historian K. Bock and West-German historian O. Anderle. The distinguished American historian L. Gottschalk made a special report on the problem of historical generalization at the Stockholm Congress.

But even in their opposition to the most odious features of the idealist philosophy of history, emphasizes I. S. Kon, bourgeois historians reveal inconsistency and eclecticism. While advocating the need for repetition and typicalness in recording historical events, O. Anderle at the same time has no courage to admit the existence of objective laws in history. The Historiographical Committee of the Association of American Historians, which published a special report entitled "The Social Sciences in Historical Research," convincingly proves that historians cannot get along without theoretical generalizations, but at the same time asserts that any theoretical conceptions are "instrumental" and "devoid of empirical content." Hostility to Marxism (though completely ignorant of it) coupled with a perverted notion of historical materialism, the author of the article stresses, prevents the Western historians from arriving at a correct scientific theory.

A genuinely scientific method of historical cognition is provided by Marxism-Leninism. Exposing the reactionary conceptions, Marxist scientists help honest-minded bourgeois historians of the capitalist world to get rid of the wrong idealist philosophy. At the same time the arrangement of discussions on philosophical problems helps to elucidate controversial theoretical problems, the elaboration of which is essential to the further development of historical science.

M. N. CHERNOMORSKY. **Memoirs as Sources on the History of Soviet Society**

Memoirs hold a prominent place among the sources on the history of Soviet society. They often enable the historian to gain additional information on one or another question and re-establish the unknown details of various facts and events. The author writes that some of the historians make a fairly wide use of reminiscences in their research into the history of the Great October Socialist Revolution, Civil War and socialist construction in the U.S.S.R. (E. B. Genkina, G. N. Golikov, B. N. Kameshkov, N. F. Kuzmin, L. M. Spirin, N. I. Suprunenko, et al.). On the whole, however, memoirs are still insufficiently used in scientific research. Individual researchers, while admitting the cognitive value of reminiscences, do not utilize them because they are afraid of being influenced by the authors' subjective views and ideas.

As is noted by the author, much significance was attached to reminiscences by V. I. Lenin. A number of his notes on memoirs, his approach to personal reminiscences can serve as a model both for memoir writers and for those who use memoirs as historical sources. Principled attitude, Party approach, striving for accuracy in recording historical facts and at the same time a certain degree of caution in reproducing past events as a result of possible distortions due to the imperfection of man's memory—such are the characteristic features of V. I. Lenin's attitude to memoirs. Guided by V. I. Lenin's notes on memoir literature, the author of the article makes an attempt to draw certain conclusions on the methods to be employed for its critical analysis.

The critical analysis of reminiscences is chiefly aimed at establishing the completeness and authenticity of the information contained in them as well as the new elements extending our knowledge of certain events. The solution of these problems can be achieved by employing a number of methods for the critical analysis of reminiscences. The article examines those of them which are inadequately elaborated in the literature on the study of sources.

A critical analysis of reminiscences requires a detailed examination of all the facts connected with the author's personality—biographical data, the degree of his knowledge, his mental outlook, ideological and political development and ideological views held in the period of memoir-writing, objects and aims of reminiscences, possible influences, etc.

Another important question discussed in the article is that of the additional sources used by one or another author in writing his memoirs. The writers of memoirs often use documents to restore in their memory those facts that were unknown to them personally, augment their own interpretation of events or publish new documents. A careful analysis of the additional sources used by the author makes it possible to judge what authentic facts were kept in his memory and what new elements extending our knowledge of historical events were introduced in comparison with other sources.

The author comprehensively examines the question of distortions, inaccuracies and mistakes sometimes occurring in reminiscences. Distortions and inaccuracies may result from the imperfection of memory, from the attempts of individual authors to turn their reminiscences into works of fiction belonging to the so-called "memoir-fiction literature" (using the right to fiction, of course), as well as from the intrusion of third persons in the process of preparing reminiscences for the press, especially in posthumous revised editions. One of the most important methods of establishing the authenticity of the information contained in memoirs is comparative analysis with other sources. The author of the article demonstrates the method of comparative analysis on concrete examples.

In conclusion the author puts forward a number of suggestions, the implementation of which, in his opinion, must contribute to the collection, publication and utilization of memoir literature. The author stresses the need for appropriate measures to augment the memoir fund by reminiscences of active participants in socialist and communist construction and extend the scope of research work on the memoirs relating to the Soviet period. The article convincingly shows that it is urgently necessary to eliminate shortcomings in the publication and re-edition of memoir literature. Extensive publication of reminiscences coupled with substantial improvement in their literary qualities and elimination of individual defects in this field, the author writes in conclusion, must contribute to the development of historical science, to the education of Soviet people in the spirit of the lofty communist ideals and selfless devotion to their socialist country.

R. T. SHLOPAK. **Cultural and Technical Progress of the Byelorussian Working Class During the Second and Third Five-Year Plans (1933-1941)**

The article emphasizes the great theoretical and practical significance of elaborating the history of the creation of national working-class cadres in the U.S.S.R., particularly in the Byelorussian S.S.R. The new socialist working class of Soviet Byelorussia—an economically and culturally backward outlying area of tsarist Russia in the past—grew and developed in the period of the prewar five-year plans. The creation in Byelorussia and in other Union Republics of the national cadres of people's intelligentsia, engineering and technical personnel and the working class and the advancement of their cultural and technical level confirm the correctness of the Soviet Union's national policy of stimulating the growth of the multi-national Soviet working class.

The article notes that consistent implementation of the Leninist program of socialist industrialization and cultural revolution by the Communist Party and Soviet government in the prewar period helped to eliminate the economic and cultural lag of the national republics and regions and raise their development to the level reached by the country as a whole. The political, economic and cultural progress made by the Byelorussian S.S.R. graphically illustrates the indisputable advantages of the socialist system. An important indicator of this is the rise attained in the cultural and technical level of the Republic's working class.

The author shows that the Republic's industrialization, the building and reconstruction of a large number of factories and mills during the early five-year plans resulted in a big influx into industry of new workers, particularly from the countryside. The Communist Party and the Soviet state exerted every effort to organize industrial training on a mass scale, bring this mass of people closer to industrial labour and to the new socialist culture and sharply raise their living standards. In a comparatively short historical period practically all sections of the working class were drawn into technical training. Guided by the Communist Party and assisted by the entire Soviet people, primarily by the Russian working class, the Byelorussian working class completely eliminated illiteracy in its ranks already on the eve of the Great Patriotic War. During the second five-year-plan period alone more than 25,000 Byelorussian workers learned to read and write, and some 70,000 finished elementary schools. Many industrial workers acquired secondary and higher edu-

cation, raising their knowledge to the level of the engineering and technical personnel. Particular attention was devoted to the problem of raising the cultural and technical level of the Byelorussian working class, which found expression in the mass training of skilled workers, extending their technical knowledge, mastering new technology and raising the workers' qualification. The article examines the forms and methods employed in the technical training of workers. Between 1933 and 1941 nearly 30,000 Byelorussian workers finished secondary and seven-year workers' schools or acquired secondary education at workers' faculties organized in all higher schools.

In the steady rise of their cultural and technical level Soviet workers saw tangible fruits of the cultural revolution and socialist transformations. Surmounting formidable difficulties, they manifested their supreme devotion to the country by displaying unparalleled labour heroism in socialist construction.

The continuous rise in the cultural and technical level of the Soviet working class and all working people and the growth of their socialist consciousness helped to ensure uninterrupted and accelerated development of the socialist economy. The most significant results of the cultural and technical growth of the working class found their expression in the labour enthusiasm of the masses and rapid spread of the socialist emulation movement, the emergence of a new movement of production innovators, a steep rise in labour productivity and higher living standards. All this clearly testified to the advantages of the socialist system over the capitalist system.

The advancement of the Byelorussian working class to the level attained by the working class of the country's major industrial centres, the author writes in conclusion, was a vivid manifestation of the triumph of the Leninist national policy in the U.S.S.R.

M. ILYIN. From the History of Moscow's Architecture in Andrei Rublyov's Period

The author of the article makes an attempt to revise the dates of construction of the churches associated with the creative art of Andrei Rublyov, the great painter of ancient Rus. The terse lines of the sources retained only brief information on the painter's work for Prince Yuri Dmitrievich who owned Zvenigorod, a small town in the vicinity of Moscow, and donated money to carry on construction work in the Monastery of the Troitsa (Trinity) near Moscow. Rublyov ornamented the temples erected at the Prince's expense with exquisite mural paintings, frescoes and icons. However, the chronicles contain no indication of the time of their construction. Probably this should be attributed to the fact that in the mid-15th century the name of Prince Yuri already became odious as a result of the sanguinary family feud started by him in his bid for the throne of the principality of Moscow.

The researchers used to associate the construction of both temples in Zvenigorod with Prince Yuri's campaign against the Volga Bulgars at the close of the 14th century. Besides greatly extending the period of construction of the Zvenigorod and Troitsa Monastery temples and making inexplicable such an early appearance in Zvenigorod of a number of icons painted by Rublyov, this kind of chronological recording seemed unjustified in view of Prince Yuri's political position at that time. Up to 1417 he was considered an heir-presumptive of the Grand Prince of Muscovy and, consequently, had no particular interest in displaying much activity in an insignificant suburban town. In 1417, the son born to Grand Prince Vasily I of Moscow in 1415 was proclaimed his heir-apparent. This compelled Prince Yuri to leave Moscow and begin preparations for the struggle against his nephew Vasily I for the title of Grand Prince. To ensure victory in this struggle it was necessary for the contestant to win the population over to his side by demonstrating his abilities as a skilful, zealous master, military leader and ruler capable of assuming leadership of a single centralized Russian State that was in the process of formation. Construction of stone temples and fortifications in those days was usually regarded by the Russian people as a highly commendable form of organizational activity. It can be assumed that Prince Yuri launched on his building activity after 1417 and continued it till 1425, when he left Zvenigorod in connection with his feudal war. During these years two white-stone churches were built in Zvenigorod and one in the Troitsa Monastery. Since these temples closely resemble one another in architectural style and originality of details it can be assumed that they were put up by one and the same building artel headed by an experienced architect.

An analysis of existing records enabled the author to revise the shaky arguments in support of the old dates of construction of the above-mentioned temples and suggest a more logical chronological sequence of their construction. The cathedral temple in Zvenigorod could not be built, as was hitherto believed, in 1400 or thereabouts, after the successful campaign against the Volga Bulgars, since that campaign was organized by the Grand Prince of Muscovy. The fact that Prince Yuri stood at the head of the troops as the heir was an ordinary thing in medieval practice. Moreover, Prince Yuri lived in Moscow at that time and regarded Zvenigorod and the adjacent lands merely as a source of income. The situation changed in 1417, when Prince Yuri was deprived of the right to succeed to Muscovy's throne. It was precisely at that time, apparently, that he moved to Zvenigorod, built a white-stone temple there and invited Andrei Rublyov to adorn it with his magnificent icons and mural paintings.

The author draws the conclusion that the period 1417-1422 must be regarded as the probable date of the cathedral's construction inasmuch as the building of a white-stone cathedral in the Troitsa Monastery was launched in 1422. The cathedral in the Savva-Storozhevsky Monastery near Zvenigorod was erected, presumably, between 1420 and 1425. There are no grounds to believe that it could appear in connection with the afore-mentioned Volga campaign. In the initial period this monastery had a wooden temple—a characteristic feature of the Russian monasteries in those days. The proposed dates are based on the striking proximity of the architectural forms of the Savva-Storozhevsky Monastery cathedral to those of the Troitsa Monastery cathedral. They were obviously built by one artel which, naturally, could not work simultaneously on two construction sites separated, moreover, by a long distance. Taking into account the period of construction of the Troitsa Monastery cathedral, the author writes in conclusion, it should be assumed that the monastery temple in Zvenigorod was erected in 1423-1425. The proposed dates more accurately define the time of the appearance of Andrei Rublyov's famous Zvenigorod icons and fragments of his mural paintings.

A. A. YAZKOVA. **From the History of the Rumanian People's Struggle Against the Onslaught of Reaction and Fascism in 1935-1937**

The article highlights one of the most important stages in the anti-fascist and anti-imperialist struggle waged by the Rumanian working people on the eve of the establishment of monarchist-fascist dictatorship in their country. Drawing on diverse sources (materials kept in Soviet and Rumanian archives, published documents, newspaper and magazine articles relating to that period), the author re-creates a vivid picture of the Rumanian working people's struggle against the onslaught of fascism, showing that the growth of fascist tendencies in the country's political life in the thirties was a reflection of the profound social and economic contradictions in Rumania.

The reactionary and fascist offensive, accompanied by a deterioration of the workers' economic position, considerably intensified the struggle waged by the Rumanian working class. Some of the major working-class actions after the battles of February 1933 were the metalworkers' strikes in Bucharest, the miners' strikes in Anina, the textile workers' strike in Buhusu (1935), etc. The workers were supported by the toiling peasants. All this created objective conditions for the establishment of a Popular Anti-Fascist Front in Rumania.

The Rumanian Communist Party, working underground for 20 years and subjected to severe political repressions, repeatedly appealed to the country's democratic forces in the middle of the thirties to establish a Popular Front. In individual areas the Communist Party succeeded in rallying the Left-wing parties and organizations, whose joint action helped them to gain a victory in the partial parliamentary elections held in the spring of 1936.

Systematic opposition by the reactionary leadership of the National Peasant Party, which possessed a mass base, and by the Right-wing leaders of the Social-Democratic Party prevented the establishment of the Popular Front on a nation-wide scale and, in the final analysis, facilitated the advent of fascism to power. But despite all the weaknesses of the anti-fascist movement, the struggle of the Rumanian Communist Party for the establishment of the Popular Front played an important part in consolidating the democratic forces, which subsequently organized a determined struggle for Rumania's withdrawal from World War II and for the victory of the people's democratic revolution.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1960 ГОДУ *

ПЕРЕДОВЫЕ И РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

К XXV Международному конгрессу востоковедов . . . . . № 7
Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» и историческая наука . . . . . № 6
Советская историческая наука на новом этапе развития . . . . № 8
XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме . . № 12
О профиле и структуре журнала «Вопросы истории» . . . . . № 8

СТАТЬИ

История СССР

Алахвердов Г. Г.— Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1919 годах . . . . . № 7
Алексеева Г. Д.— В. И. Ленин и создание центров советской исторической науки (1918—1923 гг.) . . . . . № 4
Алпатов М. А.— Из истории русской медиевистики . . . . . № 9
Анфимов А. М.— В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века . . № 4
Арутюнян Ш. Р. (Ереван) — Армянская советская историография за сорок лет . . . . . № 7
Арциховский А. В., член-корреспондент АН СССР — Новгород Великий в XI—XV веках . № 9
Белов Г. А. — Использование Государственного архивного фонда СССР в интересах исторической науки . . . . . № 10
Бестужев И. В.— Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906—1910 годах . . . № 6
Блаватский В. Д.— Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья . . . . . № 10
Буганов В. И.— Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками . . . . . № 7
Будников В. П. (Харьков) — В. И. Ленин и газета «Правда» в 1917 году . . . . . № 4
Волобуев П. В.— Об общих закономерностях и национально-исторических условиях победы социалистической революции в России . . . . . № 11
Гершберг С. Р.— Возникновение в СССР движения бригад и ударников коммунистического труда . . . . . № 3
Данилов В. П.— К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР . . . . . № 8
Ерман Л. К.— Советы рабочих депутатов и демократическая интеллигенция в первой русской революции . . . . . № 1
Иванов Л. М.— Состояние и задачи изучения истории пролетариата России . . . . . № 3
Иванов Н. Я. (Ленинград) — Из истории борьбы против «второй корниловщины» . . . . . № 11
Иконников С. Н.— Ленинский план реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление в 1923—1925 годах . . . . . № 2
Ильин М. А. — Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева . . . . . № 12
Калинычев Ф. И.— Новые материалы о большевистской фракции IV Государственной думы . № 2
Кашкаев Б. О. (Махачкала) — Борьба за власть Советов в Дагестане (март 1917 — март 1920 г.) . . . . . № 1
Ким М. П.— О закономерностях культурной революции . . . . № 5
Кинкулькин А. Т.— Совершенствовать историческое образование в школе . . . . . № 2
Кирьянов Ю. И.— Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России . . . . . № 10
Ковальченко И. Д.— В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России . . № 4
Королюк В. Д., Хренов И. А.— Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959 гг.) . . . . . № 6

* Названия всех материалов, помещенных в №№ 1—7 журнала, даны в соответствии с новой структурой журнала, введенной с № 8.

Костомаров Г. Д.— В. И. Ленин и Московская организация КПСС . . . . . № 3
Костомаров Г. Д.— Деятельность В. И. Ленина в Московской организации КПСС (март 1918 г.— январь 1924 г.) . . . № 4
Кретов Ф. Д.— К истории разработки В. И. Лениным учения о возможности победы социализма в одной стране . . . . . № 4
Крупянская В. Ю.— К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса . . . № 11
Куманев Г. А.— Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны . . . . № 6
Лаверычев В. Я.— Процесс монополизации хлопчатобумажной промышленности России (1900—1914 гг.) . . . . . № 2
Лельчук В. С.— Из истории создания промышленности синтетических материалов в СССР . № 1
Лукьянов Б. В.— Рабочий вопрос в русской дворянской и буржуазной политико-экономической литературе последней четверти XIX века . . . . . № 5
Маркелов М. Н., председатель совнархоза (Иркутск) — Из истории деятельности Иркутского совнархоза . . . . . № 2
Матюгин А. А.— Некоторые вопросы изучения истории советского рабочего класса . . . . № 6
Панкратова М. Я.— О разработке идейного наследия В. И. Ленина . . . . . № 1
Познанский В. С. (Алма-Ата) — О развитии массового рабочего изобретательства и рационализаторства в СССР . . . . . № 3
Руслякова В. Г. (Южно-Сахалинск) — Разработка истории Октябрьской революции после XX съезда КПСС . . . . . № 5
Рыбаков Б. А., академик — Спорные вопросы образования Киевской Руси . . . . . № 9
Сахаров А. М.— В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России . . . № 4
Севрюгина Н. Г.— Из истории разработки В. И. Лениным стратегии и тактики международного коммунистического движения в период III конгресса Коминтерна . . . . . № 4
Скачков П. Е. (Ленинград) — Значение рукописного наследия русских китаеведов . . . . . № 1
Скляр И. М. (Фрунзе) — О начальном этапе первой крестьянской войны в России . . . . № 6
Соболев П. Н.— В. И. Ленин о союзе рабочего класса и крестьянства в Великой Октябрьской социалистической революции . № 4
Тельпуховский В. Б.— Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны . . . № 6
Тихомиров М. Н., академик — Великий Новгород в истории мировой культуры . . . . . № 1
Тихомиров М. Н., академик — Начало русской историографии. № 5
Фрейлихер Д. Я. (Харьков) — Трудящиеся Украины в борьбе с Врангелем . . . . . № 7
Хавин А. Ф.— Из истории промышленного строительства на Востоке СССР . . . . . № 5
Хорошкевич А. Л.— Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии . . . . № 2
Черноморский М. Н.— Мемуары как источники по истории советского общества . . . . . № 12
Шалашилин И. Е.— К вопросу о причинах отставания районов орошаемого земледелия Средней Азии к середине XIX века . . № 9
Шлопак Р. Т. (Минск) — Подъем культурно-технического уровня рабочего класса БССР в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.) . . . . . № 12
Шунков В. И.— Основные проблемы изучения истории Сибири. № 9
Юсупов Ш. (Алма-Ата) — Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости. № 3

Всеобщая история

Адам Магда (Венгрия) — Из истории венгерско-чехословацких отношений накануне второй мировой войны . . . . . № 9
Ангелов Д. (Болгария) — О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии . . . . . № 2
Барг М. А.— О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV веках . . . . . № 8
Бахта В. М.— К вопросу о структуре первобытного производства . . . . . № 7
Белов Е. А.— Крестьянское восстание в Китае под руководством Бай Лана (1912—1914 гг.). № 2
Веселы Индржих (Чехословакия) — Роль рабочего класса в истории Чехословакии . . . . № 2
Гафуров Б. Г., член-корреспондент АН СССР — Международный форум ориенталистов. (К итогам XXV Международного конгресса востоковедов) . . . № 11
Гендрих Иржи, член Политбюро ЦК КПЧ — Строительство социализма в Чехословакии — победа идей ленинизма . . . № 4
Гольдберг Д. И. (Ленинград) — Рабочее и социалистическое движение в Японии в 1897—1906 годах . . . . . № 6
Группа по изучению истории профсоюзного движения при Всеки-

тайской федерации профсоюзов (КНР) — Положение и борьба рабочего класса Китая в районах гоминдановского господства (1937—1945 гг.) . . . . . № 2
Данишевский Тадеуш (Польша) — В. И. Ленин и развитие коммунистического движения в Польше . . . . . № 7
Ерусалимский А. С.— Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX веков . . . . . № 9
Жуков Е. М., академик — О периодизации всемирной истории. № 8
Зак Л. М.— Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б) в 1918—1919 годах . № 2
Иоффе А. Е., Мокин С. В.— Некоторые вопросы французской историографии Октябрьской революции . . . . . № 1
Кадар Янош, Первый секретарь ЦК ВСРП — Осуществление ленинских идей в Венгрии . . . № 4
Караев Г. Н. (Ленинград), Королюк В. Д.— К 550-летию Грюнвальдской битвы . . . . № 7
Княжинский В. Б.— О фальсификации истории идеологами европейской «интеграции» . . № 5
Княжинский В. Б.— Проблема мирного сосуществования и буржуазная фальсификация европейской истории . . . . . № 10
Коваль Б. И.— Рабочее движение в Бразилии в конце XIX — начале XX века . . . . . № 11
Кокорин М. А., Стручков А. А. — О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 годах. № 3
Колчин Б. А., Монгайт А. Л.— Применение естественнонаучных методов в археологии . . . . № 3
Кон И. С. (Ленинград) — Буржуазная философия истории в тупике . . . . . № 12
Кремер И. С.— Великая Октябрьская социалистическая революция и антивоенное движение рабочего класса Баварии (конец 1917 — начало 1918 г.) . . . . № 11
Кудашев Л. Н.— Политические маневры правящих кругов Японии в конце второй мировой войны . . . . . № 9
Кудашев Л. Н. — Установление дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 году . . . . . № 1
Кульбакин В. Д.— О роли фашистской партии в подготовке германским империализмом второй мировой войны (1929—1932 гг.) . . . . . № 3
Кунина А. Е.— Американская буржуазная историография о политике США в отношении Советской России в 1917—1920 годах. № 10
Ланда Р. Г.— Подъем национально-освободительной борьбы в Северной Африке после второй мировой войны . . . . . № 5
Мальков В. Л., Языков Е. Ф.— Внутренняя политика правящих кругов США в 1929—1933 гг. . № 5
Мартынов А. А.— Ленин и Китай . . . . . № 4
Марушкин Б. И.— Позиция правящих кругов США и Англии в отношении фашистской агрессии против СССР . . . . . № 7
Мацек Йозеф (Чехословакия) — Чехословацкая историческая наука в период завершения строительства социализма . . . . № 3
Мейман М. Н., Сказкин С. Д., академик — К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства . . . . . № 1
Мельников Д. Е.— Всемирно-исторические итоги победы свободолюбивых народов над германским империализмом во второй мировой войне . . . № 5
Поллит Гарри, Председатель Исполкома Компартии Великобритании — В. И. Ленин и английское рабочее движение . . № 4
Поршнев Б. Ф.— Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху тридцатилетней войны . . . . . № 10
Струве В. В., академик (Ленинград) — Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша . . . . № 2
Торез Морис, Генеральный секретарь Французской коммунистической партии — Ленин и Франция . . . . . № 6
Филоненко-Алексеев Н. Ф.— Некоторые общие и специфические черты вторичного закрепощения в Чехии . . . . . № 3
Ходош И. А.— Из истории проникновения американских монополий в Либерию (1924—1933 гг.). № 8
Цэнд Л., Второй секретарь ЦК МНРП — Социалистическое строительство в Монгольской Народной Республике . . . . № 1
Шушарин В. П.— О сущности и формах современного норманизма . . . . . № 8
Язькова А. А. — Борьба румынского народа против наступления реакции и фашизма в 1935—1937 годах . . . . . № 12

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

Акулов М. Р. (Красноярск), Крушанов А. И. (Владивосток), Шостакович С. В. (Иркутск) — Научные конференции по истории Сибири и Дальнего Востока . . . . . № 12

Ассатурова М. И.— Пополнение Отделения исторических наук . № 8
Борисов Ю. С.— Научная сессия по историографии социалистического и коммунистического строительства . . . . . № 8
Дризул А. (Рига), Савченко В. (Рига) — Научная сессия, посвященная 20-летию восстановления Советской власти в Прибалтике. № 11
Матвеев А. А., Симонова М. С.— Научная сессия по аграрному вопросу в России (в период империализма) . . . . № 10
Шурбованый Г. П. — Общее собрание Отделения исторических наук АН СССР . . . . . № 12
Рындзюнский П. Г.— Творческий отчет академика Н. М. Дружинина . . . . . № 9
Совещание академиков и членов-корреспондентов АН СССР в редакции журнала «Вопросы истории» . . . . . № 8

Обзоры и рецензии

Бейлис А. С. (Львов), Бродский Р. М. (Львов), Гербильский Г. Ю. (Львов), Инкин В. Ф. (Львов), Калинина З. П. (Львов), Киселева М. А. (Львов), Лозинский А. А. (Львов), Осечинский В. К. (Львов), Похилевич Д. Л. (Львов) — «Всемирная история». Т. V . . . . № 5
Богдан Д. П. (Румыния) — «У истоков русского книгопечатания. К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова. 1583—1958» . . . . . № 5
Бороздин И. Н. (Воронеж), Гапонов П. М. (Воронеж), Москаленко А. Е. (Воронеж) — «История южных и западных славян» . . . . . № 1
Габуния В. К.— В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.» . № 4
Губер А. А. — «Новейшая история Индии» . . . . . № 10
Железнов Н. М.— Новое издание биографии В. И. Ленина . . . № 9
Иллерицкий В. Е.— Новое издание «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева . № 10
Кабанов П. И., Казаченко А. И., Рябцев И. Г.— По страницам журнала «История СССР» . . . . . № 7
Каверин Г. И.— Б. Я. Михайлов. Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955. (Из истории американского рабочего движения) . . . . . № 7
Карасев А. В., Шинкарев И. И.— По страницам «Военно-исторического журнала» . . . № 8
Кирилин И. А.— Научный труд о происхождении и начале второй мировой войны . . . . . № 11
Клокман Ю. Р.— Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке . . . . . № 1
Кобрин В. Б.— И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века . . . . . № 1
Ковалев С. И. (Ленинград) — Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи . № 3
Коваленко Д. А., Сукач С. Л.— О II томе «Истории Белорусской ССР» . . . . . № 6
Корольков В. А., Заборов М. А., Иляхин М. И.— «История международного рабочего и национально-освободительного движения». Ч. 1-я. 60—80-е годы XVIII в.— 1917 г. . . . . № 11
Красильников А. Н.— Неутомимая борьба за мир без оружия — мир без войн . . . . № 9
Крупина Т. Д.— «Материалы по истории СССР». Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России . № 10
Кукушкин Ю. С.— «Этих дней не смолкнет слава». Воспоминания участников гражданской войны. № 7
Лавров Л. П.— Борьба молодой Советской республики за мир и мирное сосуществование . . . № 11
Мавродин В. В. (Ленинград) — «Повести о Куликовской битве». № 8
Майоров С. М.— Историческая миссия . . . . . № 1
Малышев К. И., Шестаков С. В.— Ю. Алексеров. Интервенция и гражданская война в Средней Азии . . . . . № 6
Могилевский С. А. (Ленинград) — «Хрестоматия по новейшей истории». Т. I. 1917—1939. Документы и материалы . . . № 12
Молок А. И., Дунаевский В. А.— Новый вклад советских историков в изучение истории Франции . . . . . № 6
Найда С. Ф., Чикин Н. М.— Избранные произведения Я. М. Свердлова . . . . . № 11
Найденов М. Е.— А. Ф. Чмыга. Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.) . . . . . № 2
Никитин С. А.— П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847) . . . . № 2
Оцетя Андрей, действительный член Академии РНР — «Всемирная история». Т. III . . . . № 1
Попов Ф. В.— П. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918 года) № 2
Родов Б. В.— И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин, Л. Д. Гришелева, Г. И. Подпалова, В. А. Попов, П. П. Топеха, Х. Т. Эйдус. Очерки новой истории Японии (1640—1917) . . . . . № 3

Северный А. С.— «История гражданской войны в СССР». Т. IV № 12
Суровцева Н. Н.— Новые ленинские документы . . . . . № 4
Турсунбаев А. Б. (Алма-Ата) — В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР . . . . . № 1
Улащик Н. Н.— Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. . . . . № 3
Шунков В. И.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей . . . . . № 5
Яковлев Н. Н.— А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки . . . . . № 3

Заметки о книгах

Абрамсон М. Л.— З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI веке . . . . . № 7
Анфимов А. М.— Н. А. Егиазарова. Аграрный кризис конца XIX века в России . . . . . № 10
Арутюнов Г. А.— Г. Жвания. Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции . . . № 6
Барг М. А.— В. М. Лавровский. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв . . . . . № 7
Башарин Г. П. (Якутск) — П. И. Кабанов. Амурский вопрос . . № 7
Борисов Л. П.— Н. Владимирский. Костромская область. Историко-экономический очерк. № 7
Васильев А. Ф.— П. П. Андреев. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.—1945 г.); А. А. Земсков, В. И. Нечипуренко. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (июль 1941—1945 гг.); Н. Шатагин. Партия в период Великой Отечественной войны . . . . № 12
Галкин А. А.— «Ноябрьская революция в Германии». Сборник статей и материалов . . . . № 11
Галкин И. С.— И. Г. Сенкевич. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. № 7
Гальперин А. Л. — Ким Бусик. Самкук Саги. (Исторические записи трех государств) . . . . № 11
Ганковский Ю. В.— Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.) . . . . . № 7
Делюсин Л. П.— А. Г. Мазаев. Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам . . № 11
Дмитренко В. П., Зеленин И. Е.— «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР». Сборник статей . . . № 5
Дмитриев С. С.— «Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.». Сборник документов . № 11
Ежов В. А. (Ленинград), Иванов И. А. (Ленинград) — «Бастионы революции». Выпуск первый. Сборник материалов из истории ленинградских заводов в 1917 г. . . . . № 11
Ефимов А. В., член-корреспондент АН СССР — Р. Ф. Иванов. Борьба негров за землю и свободу на юге США (1865—1877 гг.) . № 1
Зеленин И. Е. — М. А. Вылцан. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.) № 8
Зимин А. А.— Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись . . № 9
Иванов В. И. — И. М. Майский. Воспоминания советского посла в Англии . . . . . № 12
Калюжный В. И. (Свердловск), Финкельштейн Н. А. (Свердловск) — В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке . . . . . № 11
Кан Е. М.— Т. М. Исламов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX века . . . . . № 10
Конрад Н. И., академик — И. М. Майский. Монголия накануне революции . . . . . № 5
Кузнецов И. И. (Иркутск) — «Герои и подвиги». Советские листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. . . . . № 5
Куманев В. А.— Ф. Ф. Королев. Советская школа в период социалистической индустриализации . . . . . № 11
Курицын В. М.— С. Н. Иконников. Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг. . . . . № 10
Литаврин Г. Г.— А. П. Каждан. Деревня и город в Византии в IX—X вв. (Очерки по истории византийского феодализма) . . № 9
Мамулова Л. Г.— В. В. Гармиза. Подготовка земской реформы 1864 г. . . . . № 6
Мацуленко В. А.— Д. И. Ковалевский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 . . . . . № 12
Михрин П. Н. (Ленинград) — А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады (1941—1943 гг.) . . № 12
Моисеев П. П.— А. Д. Новичев. Крестьянство Турции в новейшее время . . . . . № 6
Новгородов А. И.— А. А. Избекова. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Т. 1 . . . . № 9
Рощевский П. И. (Тюмень) — «Великая Октябрьская социали-

стическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Указатель литературы, изданной в 1957—1958 гг. в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 2
Рубцова Е. В.— М. Альперович, Б. Руденко. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США . . . . . № 1
Секистов В. А.— Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткий очерк . . . . № 12
Сказкин С. Д.— Л. И. Нарочницкая. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху» . . . . № 12
Слезкин Л. Ю.— Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро . . . № 7
Сороко О. С.— Ф. И. Шабшина. Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.) . . . . . № 9
Тагиров Р. Ш. (Казань) — «Экономическая платформа Русской секции I Интернационала». Сборник материалов . . . . . № 7
Троицкий С. М.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г.» . . . . . № 10
Тропп И. Е. (Свердловск) — М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. . . . . № 8
Трухановский В. Г.— В. Г. Поляков. Англия и мюнхенский сговор (март — сентябрь 1938 г.) № 11
Устюгов Н. В.— С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30—70-е годы) . . . № 11
Устюгов Н. В.— «Труды Отдела древнерусской литературы». Т. XIV . . . . . № 6
Федосов И. А.— С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века . . . . . № 6
Цыганков В. П.— А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой. 1941—1942 . . . . . № 12
Шейнман М. М.— В. И. Волгин. Ватикан — центр реакции и мракобесия . . . . . № 8

Новые книги ** . . . . . №№ 10—12
Статьи в советских исторических журналах . . . . . №№ 8—12

Хроника научной жизни

Ахунзянов Т. И.— Ученый совет обсуждает вопрос о воспитании молодежи в бригадах коммунистического труда . . . . . № 10
Бараков К. Н.— 15-летие освобождения Венгрии . . . . . № 8
Бем Ю. О.— Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода . . . . . № 1
Беркевич А. Б. (Ленинград), Дадыкин Р. П., Овсянкин В. А. (Ленинград) — Научная сессия по истории советского рабочего класса . . . . . № 9
Бриккер Б. Я. (Днепропетровск) — О работе историков Днепропетровска . . . . . № 11
Воробьева Е. Д.— Советская научная общественность отмечает 15-летие народной Чехословакии № 7
Гаврилов Л. М., Дмитренко С. Л., Стрижков Ю. К.— Научная сессия о зарубежной литературе по истории Октябрьской революции . . . . . № 6
Гапонов П. М. (Воронеж), Москаленко А. Е. (Воронеж) — Межвузовская историографическая конференция . . № 7
Девятов В. И., Смирнов А. Е.— В Музее революции СССР . . . . . № 6
Дербов Л. А. (Саратов) — Научная конференция по истории Нижнего Поволжья . . . . № 7
Долдобанова Н. А.— В археографической комиссии . . . . № 3
Дубровина И. В., Семенюк Г. Ф.— Работа кафедры истории СССР Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской по изучению истории Московской области . . . . . № 11
Злобин В. И., Хейфец М. И.— Ленинская научная сессия на историческом факультете Московского университета . . . № 8
Иванов Н. Я. (Ленинград), Фрайман А. Л. (Ленинград) — Научные сессии в Ленинграде, посвященные 90-летию со дня рождения В. И. Ленина № 8
Исмагилова Р. Н. — Обсуждение плана научно-исследовательской работы Института Африки АН СССР . . . . . № 10
Иткин М. Л. — О перспективном плане библиографических работ по истории . . . . . № 11
Каменская Н. В. (Минск) — О некоторых вопросах развития исторической науки в Белоруссии . . . . . № 11
Капцугович И. С. (Пермь) — О работе историко-филологического факультета Пермского государственного университета имени А. М. Горького . . . . . № 7
Колесниченко Д. А., Твардовская В. А.— Научная конференция о революционном народничестве . . . . . № 2
Колыбин Б. И.— К 150-летию войны за независимость в Латинской Америке . . . . . № 8
Конкурс на учебники истории . . № 4

** С № 1 по № 9 перечень новых книг, вышедших в СССР, печатался на обложке журнала.

Конюхов Г. А. — Книги о Ленине . . . . . № 4
Конюхов Г. А. — О семилетнем плане изданий Соцэкгиза по истории . . . . . № 6
Королева А. В., Сидорова Т. Н. — В Государственном историческом музее . . . . . № 6
Кравченко И. С. (Минск) — Некоторые итоги работы и задачи Института истории АН БССР . . . . . № 7
Крушанов А. И. (Владивосток) — О работе ученых Дальнего Востока в 1959—1965 гг. по истории своего края . . . . № 7
Кузнецов М. И. — О Советской исторической энциклопедии . № 9
Курашова Н. А., Лившиц С. А. — Научная сессия, посвященная изучению истории пролетариата в СССР . . . . № 7
Лебович М. Ф. (Львов) — О работе львовских историков после XX съезда КПСС . . . . . № 9
Малахова И. А. — О работе научной экспедиции по изучению современного сектантства . . . № 2
Мерперт Н. Я. — Семидесятипятилетие доктора исторических наук А. Я. Брюсова . . . . № 11
Морозов Б. М. — Научные учреждения изучают практику коммунистического строительства. (С заседания кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС) № 9
Научные сессии, посвященные 90-летию со дня рождения В. И. Ленина . . . . . № 7
Некоторые итоги работы Института истории Академии наук СССР за 1959 год . . . . . № 5
О работе исторических факультетов государственных университетов № 1
Орехов А. М. — К 550-летию Грюнвальдской битвы . . . . № 10
Осипян Г. С. — О работе Издательства АН СССР по выпуску исторической литературы . . № 6
Пенчковская С. М. — 60-летие доктора исторических наук В. И. Шункова . . . . . № 8
Поляков В. Г. — Советско-английская конференция историков . . . . . № 12
Раджабов З. Ш. (Сталинабад) — Состояние и некоторые основные задачи советской исторической науки в Таджикской ССР . . . . . № 7
Рахимов А. С. (Алма-Ата), Соловьев А. В. (Алма-Ата) — Всесоюзная межвузовская конференция по проблеме «Борьба КПСС за создание мощной зерновой базы в восточных районах страны» . . . . . № 6
Сессия по изучению аграрного вопроса в России накануне Великого Октября . . . . . № 4
Синицин А. М. — Обсуждение проектов программ по истории для средней школы в Институте истории АН СССР . . . . № 6
Тимофеев К. А. — О преподавании гражданской истории в школах СССР . . . . . № 1
Тютюкин С. В. — Второй межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы . . . . . № 5
Шевяков А. А. — О задачах общественных наук в свете постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. (Собрание актива работников институтов общественных наук АН СССР) . . № 5
Юлдашбаев Б. Х. (Уфа) — О работе историков Башкирского филиала АН СССР . . . . . № 7

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

Борисов Ю. С., Васюков В. С. — Некоторые проблемы коллективизации сельского хозяйства в оценке Шарля Бувье . . . . . № 10
Виноградов К. Б. (Ленинград) — У. С. Черчилль. История народов, говорящих по-английски . . . . . № 10
Лебедев И. А. — Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи . . . . . № 2
Лопухов Б. Р. — Великая Октябрьская социалистическая революция в произведениях Антонио Грамши . . . . . № 11
Ротштейн А. (Англия) — Русская революция через призму журнала «Life» . . . . . № 5
Салов В. И., Тульчинский М. Р. — Мюнхенский институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики . . . . . № 12
Трухановский В. Г. — А. Иден. Мемуары. Полный круг . . . № 9
Федоров В. А. — Николай В. Рязановский. Николай I и «официальная народность» в России (1825 — 1855) . . . . . № 8
Хаинсон Ю. И. — Переписка В. Адлера с А. Бебелем и К. Каутским . . . . . № 10
Хан М., Сороко О. С. — «История Кореи». Том II . . . . . № 2

Заметки о книгах

Горошкова Г. Н. — Стефан Дернберг. Рождение новой Германии. 1945 — 1949. Антифашистско-демократические преобразования и возникновение ГДР . . . . . № 6

Григорьян Ю. М. — «Ежегодник по истории СССР и европейских стран народной демократии». Т. 3 . . . . . № 12
Кан Е. М. — «Венгерская историческая библиография 1825 — 1867 гг.» . . . . . № 9
Лаврецкий И. Р. — Помпейо Маркес. Куда ведут события 23 января? . . . . . № 9
Лебедев Е. А. — «Суэцкий канал (факты и документы)». Сборник статей . . . . . № 8
Лисовский Ю. П. — Розарио Ромео. Рисорджименто и капитализм . . . . . № 6
Майданик К. Л. — Р. Г. Колодны. Борьба за Мадрид . . № 8
Переломов Л. С. — Го Мо-жо. Бронзовый век . . . . . № 11
Петров Ф. П. — Ярослав Шедивы и Квета Коржалкова. 15 созидательных лет. Внешняя политика ЧСР в 1945 — 1960 годах № 10
Ратнер Н. Д. — Я. Новотный. О братской дружбе чехов и словаков в период национального возрождения . . . . . № 7
Рогинская А. Е. — М. Дюверже. Пятая республика . . . . . № 12
Рубцов Б. Т. — И. Кочи. Наше национальное возрождение . . № 12
Семиряга М. И. (Харьков) — «За свободу Чехословакии». Из истории чехословацкой воинской части в СССР в период второй мировой войны. Том первый . № 6
Сироткин В. Г. — Робер Арон. История освобождения Франции (июнь 1944 — май 1945) . . . № 8
Травин С. И. — Ергос И. Зоидис. Традиционная дружба. Греция — Россия . . . . . № 10
Яцунский В. К. — Новые работы по исторической географии Польши . . . . . № 2
Яцунский В. К. — Новые работы по исторической картографии Чехословакии . . . . . № 11

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии . . . №№ 8 — 12
Заметки о статьях . . . . №№ 8 — 12
Рецензии на книги советских авторов . . . . . №№ 8 — 12

Хроника научной жизни

Арнольд Станислав, действительный член Польской Академии наук (Польша) — История и современность . . . . . № 9
Данишевский Т. (Польша) — О работе Института истории партии при ЦК ПОРП . . . . № 1
Дернберг С. (ГДР) — Научная конференция комиссии историков СССР и ГДР в Берлине . . . № 3
Долежал И. (Чехословакия), Отагалова Л. (Чехословакия) — Научная конференция, посвященная пятнадцатилетию освобождения Чехословакии . № 9
Коржалка Иржи (Чехословакия) — История на службе реваншизма . . . . . № 6
К предстоящему XI Международному конгрессу исторических наук . . . . . № 3
Лаврецкий И. Р. — Венесуэльские историки обсуждают задачи своей работы . . . . . № 7
Мацек Йозеф, академик (Чехословакия) — Новый журнал чехословацких историков . . . . . № 6
Мельникова И. Н. (Киев), Шленова Н. А. — Съезд чехословацких историков . . . . . № 3
Минаева И. Н. — IV Международный конгресс архивистов в Стокгольме . . . . . № 12
Минь Чань (ДРВ) — Книги по истории Вьетнама, изданные в ДРВ . . . . . № 6
Нарочницкий А. Л. — Встречи советских и датских историков. № 3
Нарочницкий А. Л. — Советско-французская выставка документов о давних дружественных связях между СССР и Францией . . . . . № 7
Памлени Э. (Венгрия) — О планах издания литературы по истории Венгрии в 1960 году . . № 1
Памлени Эрвин (Венгрия) — Развитие исторической науки в Венгрии в 1957—1958 годах . . № 3
Памяти Федерико Шабо . . . . № 9
Пашуто В. Т. — Научная сессия в Варшаве, посвященная тысячелетию Польского государства № 10
Пушкаш А. И. — Общее собрание Венгерской Академии наук и научная сессия венгерских историков . . . . . № 8
Пэк Нам Ун, Президент Академии наук КНДР, академик — Некоторые вопросы развития исторической науки в КНДР . . № 5
Советско-английская конференция историков в Москве . . . . № 6
Созин И. В. — Научная сессия, посвященная 15-летию Польской Народной Республики . . . . № 3
Эйнике Людвиг, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (ГДР) — Деятельность Института марксизма-ленинизма при Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии . . . № 10

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Блохин Н. Н. — Мои пожелания журналу «Вопросы истории» . № 8
Вилинбахов В. Б. (Ленинград), Мурьянов М. Ф. (Ленин-

град) —Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием № 8
Гимпельсон Е. Г.— Некоторые новые данные о составе III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов . . . . . № 9
Гуськов В. П., Озерский И. З.— Некоторые замечания к учебникам по истории для средней школы . . . . . № 10
Кертман Л. Е. (Пермь) — Расширить документальную базу исследований по новой истории № 12
Марковский М. (Львов) — О форме исторических исследований . . . . . № 9
Орехова Л. М.— Несколько советов читателя . . . . . № 8
Савельев Ю. Е.— Журнал должен перестроить свою работу . № 8
Стецкевич С. М. (Ленинград) — Об учебниках истории для студентов заочного и вечернего обучения . . . . . № 10
Шустерман С. С.— О судьбе рабочего-революционера Я. С. Потапова . . . . . № 11

От редколлегии . . . . . № 2

Некрологи

Константин Васильевич Сивков . . № 1
Борис Николаевич Заходер . . . № 2
Адольф Григорьевич Рашин . . . № 5
Сергей Борисович Кан . . . . . № 5
Игорь Эммануилович Грабарь . . № 6
Александр Львович Гальперин . . . № 11
Сергей Иванович Волков . . . . № 11

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Кон Игорь Семенович, доктор философских наук, доцент Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, специалист по проблемам методологии истории.

Черноморский Моисей Наумович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного историко-архивного института, специалист по источниковедению истории советского общества.

Шлопак Ростислав Тимофеевич, кандидат исторических наук, инструктор отдела науки, вузов и школ ЦК КП Белоруссии, работает в области истории Белоруссии советского периода.

Ильин Михаил Андреевич, доктор искусствоведческих наук, профессор МГУ, специалист по истории древнерусской архитектуры.

Языкова Алла Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории АН СССР, занимается исследованием истории Румынии новейшего времени.

內 容

論 文

在斯德哥尔摩举行的第十一屆国际历史科学大会
資产阶級的历史哲学走入死胡同……伊·謝·科恩（列宁格勒）
回忆录作为苏联社会史問題的史料……莫·納·契尔諾莫尔斯基
在第二个和第三个五年計划期間（1933—1941）白俄罗斯苏維埃社会主义共和国工人阶級的文化—技术水平的高涨……罗·齐·什洛巴克（明斯克）
摘自卢布列夫时期的莫斯科建筑史……米·安·伊里英
罗馬尼亚人民在1935—1937时期反对反动势力和法西斯主义进攻的斗爭……阿·阿·雅兹科娃

历史科学在苏联

在苏联科学院历史科学部和学术委員会里
苏联科学院历史科学部的全体工作人員会議……格·巴·苏尔波瓦內
研究西伯利亚和远东的历史的科学会議……米·罗·阿庫洛夫（克拉斯諾雅尔斯克），安·伊·克魯沙諾夫（海参崴），謝·弗·肖斯塔可維奇（伊尔庫茨克）

短評和書評

新書消息
苏联历史杂志上的論文

科学生活

苏英历史学家会議……弗·格·波里亚科夫

历史科学在海外
短評和書評
国外杂志巡礼
科学生活

在斯德哥尔摩举行的第四屆国际档案学家代表大会……伊·尼·米納耶娃

書信和短評

CONTENTS

Articles: The Eleventh International Congress of Historical Sciences in Stockholm; **I. S. Kon** (Leningrad). Bourgeois Philosophy of History in a Blind Alley; **M. N. Chernomorsky.** Memoirs as Sources on the History of Soviet Society; **R. T. Shlopak** (Minsk). Cultural and Technical Progress of the Byelorussian Working Class During the Second and Third Five-Year Plans (1933-1941); **M. A. Ilyin.** From the History of Moscow's Architecture in Andrei Rublyov's Period; **A. A. Yazkova.** The Rumanian People's Struggle Against the Onslaught of Reaction and Fascism in 1935-1937. Historical Science in the U. S. S. R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: G. P. Shurbovany.** General Meeting of the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences; **M. R. Akulov** (Krasnoyarsk), **A. I. Krushanov** (Vladivostok) and **S. V. Shostakovich** (Irkutsk). Scientific Conferences on the History of Siberia and the Far East. **Surveys and Reviews.** New Books. Articles in Soviet Historical Journals **Chronicle of Scientific Life: B. G. Polyakov.** A Conference of Soviet-British Historians. Historical Science Abroad: **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: I. N. Minayeva.** The Fourth International Archivists' Congress in Stockholm. Letters and Notes.

SOMMAIRE

Articles: Le XI-e Congrès International des Sciences Historiques à Stockholm; **I. S. Kon** (Léningrad). La philosophie bourgeoise de l'histoire dans une impasse; **M. N. Tchernomorsky.** Mémoires en tant qu'une source de données pour l'histoire de la société soviétique; **R. T. Chlopak** (Minsk). Progrès du niveau de culture technique de la classe ouvrière de la République Socialiste Soviétique de Biélorussie dans les années des 2-e et 3-e quinquennats (1923 — 1941); **M. A. Iliïn.** De l'histoire de l'architecture de Moscou de la période d'Andrey Roublev; **A. A. Jazkova.** La lutte du peuple roumain contre l'offensive de la réaction et du fascisme en 1935 — 1937. Science historique en URSS. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'URSS et aux Conseils scientifiques: G. P. Chourbovany.** La conférence commune du Département des sciences historiques auprès de l'Académie des sciences de l'URSS; **M. R. Akoulov** (Krasnoïarsk), **A. I. Krouchanov** (Vladivostok), **S. V. Chostakovitch** (Irkoutsk). Conférences scientifiques consacrées à l'histoire de la Sibérie et de l'Extrême Orient. **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: V. G. Poliakov.** Conférence anglo-soviétique des historiens. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique. I. N. Minaeva.** Le IV-e Congrès International des archivistes à Stockholm. Lettres et notes.

INHALT

Beiträge: Der XI. Internationale Kongreß der Geschichtswissenschaften in Stockholm; **I. S. Kon** (Leningrad). Die bürgerliche Geschichte in einer Sackgasse; **M. N. Tschernomorski.** Memoiren als Quellen für die Geschichte der Sowjetgesellschaft; **R. T. Schlopak** (Minsk). Der Aufschwung des kulturellen und technischen Niveaus der Arbeiterklasse der Belorussischen Sozialistischen Sowjetrepublik während des 2. und 3. Fünfjahrplanes (1933—1941); **M. A. Iljin.** Aus der Geschichte der Moskauer Architektur zur Zeit Andrej Rubljows, **A. A. Jaskowa.** Der Kampf des rumänischen Volkes gegen die Offensive von Reaktion und Faschismus (1935—1937). Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften und in den wissenschaftlichen Räten: G. P. Schurbowany.** Vollversammlung der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR; **M. R. Akulow** (Krasnojarsk), **A. I. Kruschanow** (Wladiwostok), **S. W. Schostakowitsch** (Irkutsk). Wissenschaftliche Tagungen über die Geschichte Sibiriens und des Fernen Ostens. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: W. G. Poljakow.** Die sowjetisch-englische Historikerkonferenz. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik. I. N. Minajewa.** Der IV. Internationale Archivistenkongreß in Stockholm. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 06498. Подписано к печати 16/XII 1960 г. Тираж 22 700.
Изд. № 2213. Заказ № 2960. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.— 19,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

В начале 1961 г. в Издательстве социально-экономической литературы выйдет в свет

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

«ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР»

Ч. I (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)

Учебник подготовлен коллективом профессоров и доцентов Московского государственного историко-архивного института под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева.

В учебнике раскрываются идейное содержание, классовая сущность и политический смысл различных направлений в исторической науке нашей страны.

Объем книги — 30 п. л., цена — 8 рублей.

Просим сдать заказ в местные магазины книготорга и потребкооперации.

СОЦЭКГИЗ СОЮЗКНИГА

Цена 7 руб. (С 1/I 1961 г. цена 70 коп.)

ОРГАНЫ ГОССТРАХА

ЗАКЛЮЧАЮТ ДОГОВОРЫ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ СРОКИ И СТРАХОВЫЕ СУММЫ

На смешанное страхование жизни принимаются лица в возрасте от 16 до 60 лет на срок 5, 10, 15 или 20 лет, а **на страхование от несчастных случаев** — в возрасте от 16 до 70 лет на сроки от 1 года до 5 лет.

По договорам личного страхования Госстрах выплачивает страховую сумму застрахованному или его семье.

ОРГАНЫ ГОССТРАХА

ЗАКЛЮЧАЮТ ТАКЖЕ ДОГОВОРЫ ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГРАЖДАНАМ

СТРОЕНИЙ, ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА И СРЕДСТВ ТРАНСПОРТА

Страховое возмещение выплачивается по страхованию строений и домашнего имущества в случае гибели или повреждения от пожаров и других стихийных бедствий, а по страхованию средств транспорта — также и от аварий.

Страхование выгодно и вполне доступно трудящимся. Оно служит целям укрепления их материального благосостояния.

Для получения более подробных справок и заключения договоров необходимо обратиться в инспекцию или к агенту Госстраха.

Инспекции Госстраха имеются в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать на дом.

Граждане! Заключайте и своевременно возобновляйте договоры добровольного личного страхования и принадлежащего вам имущества.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ РСФСР